

ГК625  
Т 971



**1918 год  
на родине  
ЛЕНИНА**



Настоящий сборник составлен активными участниками симбирских событий: Б. Афанасьевым, С. Измайловым, Г. Каучуковским, Д. Перкиным, Б. Чистовым и др.

Ликвидация муравьевского восстания, борьба с чехо-словаками, рождение героической Красной армии в Поволжье раскрываются перед нами в воспоминаниях участников этих событий.

Весь сборник дает богатый материал самоотверженной борьбы пролетариата за завоевания Великой пролетарской революции в Симбирске (ныне Ульяновск).

Сборник сопровождается предисловием И. Варейкиса—руководителя симбирской организации большевиков в 1918 году.

Организацию, обработку материалов и общую редакцию вел Б. Чистов.

1918 год на родине Ленина.

Куйбышевское издательство, г. Куйбышев, 1936 г.

Редактор М. Погосян. Техред Б. Благодатный. Корректор Е. Николаева. Фронтиспис, обложка, шмуцтитутлы, заставки и концовки А. Волкова.

Сдана в набор 8 июля 1935 г. Подписана к печати 3 июля 1936 г. Тираж 8200 экз. Формат 62×94<sub>16</sub>. Ил. л. 21,5 и 7 вклеек. Уч.-а. л. 23,5. Зн. в бум. л. 92 500. Цена 3 р. 80 к. Бумажный переплет 50 коп., коленкорный 1 руб.

Инд. VI—II—86. Крайглаз № 2460. Уполномоч. крайлита Г—493.

Тип. им. Мяги треста «Полиграфкнига», г. Куйбышев. Заказ № 1724.







ИСПАРТ КУЙБЫШЕВСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

ГК625

Т971

1918 ГОД  
НА РОДИНЕ  
ЛЕНИНА

1 экз.



КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
1936



1986  
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ  
2008

ГК 625  
Т 971 Р



с.р.  
12/11

726 876

447  
36

## **СОДЕРЖАНИЕ**

И. Варейкис. Предисловие . . . . .	5
------------------------------------	---

### **Общая часть**

В. Куйбышев. Первая революционная армия . . . . .	11
М. Тухачевский. О товарище Куйбышеве . . . . .	15
Б. Чистов. Парторганизация в дни гражданской войны . . . . .	20
Д. Перкин. Коммунистический отряд на фронте . . . . .	116
Ф. Валхар и Л. Форст. Организация военнопленных в Симбирске .	135
Борисов. Товарищи В. Пеньевский и П. Гладышев . . . . .	152

### **Авантюра Муравьева**

И. Варейкис. Убийство Муравьева . . . . .	163
Г. Каучуковский. Авантюра Муравьева и симбирские большевики	170
А. Л. Швер. Муравьевская авантюра . . . . .	185
А. Зверев. Московские пулеметчики и ликвидация муравьевщины .	195

### **Падение Симбирска**

В. Певзнер. Под Ставрополем и Мелекесом . . . . .	203
Н. Гимельштейн. С бронепоездом «Свобода или смерть» . . . . .	209
Я. Звирбуль. Падение Симбирска . . . . .	222
Б. Афанасьев. Под властью белых . . . . .	235

### **Возвращение Симбирска**

*** В. В. Куйбышев и алатырская группа войск . . . . .	247
В. Кадышев. В дни отступления . . . . .	252
Н. Скрипин. Партизаны алатырских лесов . . . . .	264
П. Устинов. Железный полк в боях за Симбирск . . . . .	275
*** На подступах к Симбирску . . . . .	290
С. Измайлов. Десанты под Симбирском . . . . .	301

### **Приложения**

Хроника событий по Симбирской губернии . . . . .	315
Документы . . . . .	322





## **ПРЕДИСЛОВИЕ**

---

# 1918

год является одним из наиболее героических годов Великой пролетарской революции, а в историческом отношении он замечателен еще тем, что это был первый год существования государства пролетарской диктатуры и действительного завоевания на ее сторону миллионов масс беднейшего, а впоследствии и среднего крестьянства. Надо всячески приветствовать попытку товарищей, участников гражданской войны, активных работников партийной организации Симбирска, дать в виде сборника воспоминаний и статей картину борьбы за советскую власть, за укрепление советов в городе и деревне, картину героической борьбы рабочего класса против белогвардейцев всех мастей: учредилловцев, чехо-словаков, дутовцев и Колчака.

По ходу исторического развития Поволжье оказалось ареной упорной массовой гражданской войны, откуда российская контрреволюция, поддерживаемая империалистами-интервентами, пы-



талась нанести смертельный удар государству пролетарской диктатуры.

После падения Самары Симбирск стал опорным пунктом организации наших сил для борьбы с контрреволюцией.

В 1918 году в Симбирске, ныне Ульяновске, в городе, в котором родился великий гений пролетариата, вождь, организатор пролетарской революции и нашего пролетарского государства, В. И. Ленин,—в этом городе произошло одно из важнейших событий, имевшее не только местное значение, но при других обстоятельствах и ином ходе развития угрожавшее всей революции.

Здесь произошло подлое, изменническое восстание против власти советов главнокомандующего войсками, действующими против чехо-словаков,— Муравьева, поднявшего 10 июля 1918 года, при поддержке левых эсеров, знамя контрреволюции. Однако, к счастью революции, благодаря бдительности симбирских большевиков и преданности рабочих, находившихся в муравьевских частях, авантюра эта была быстро ликвидирована и сам «герой» этого восстания — Муравьев, пытавшийся изобразить из себя нового Наполеона, в ту же ночь был убит.

История полностью оправдала политику и революционные действия большевиков, сурово осудила и покарала всех тех, кто пытался тормозить ход пролетарской революции. Советская республика победила.

В сборнике восстанию Муравьева уделено много внимания, хотя должен заметить, что это событие, имевшее громадное значение в нашей борьбе с контрреволюцией, к сожалению, еще не нашло должного освещения и оценки. Этот сборник, составленный по материалам, которые были опубликованы тотчас же после убийства предателя, и по материалам и документам, имевшимся в распоряжении составителей сборника, является первым шагом в изучении событий гражданской войны на родине Ильича. Надо выразить пожелание, чтобы в ближайшее время еще более глубоко и обстоятельно была дана картина и анализ значения восстания Муравьева и борьбы с ним большевиков в Симбирске.

Борьба за советскую власть, за ленинскую большевистскую политику нашей партии, за союз рабочего класса и крестьянства послужила суровой и прекрасной школой, которая закалила большевиков Симбирска как и большевиков всего Поволжья, подготовив их к выполнению той большой всемирно-исторической задачи, которую наша партия и страна, руководимые Лениным и Сталиным, разрешили, разгромив на Восточном фронте Колчака.

В этот период на Восточном фронте раньше, чем на других фронтах начала складываться боевая регулярная Красная армия. К числу выдающихся организаторов этой армии, которые вырастали при непосредственном руководстве Ленина и Сталина, при совместной работе Фрунзе и Ворошилова, при-



надлежит наиболее талантливый, преданный, показавший себя на Восточном фронте во всей полноте своих способностей, т. Тухачевский, — первый командарм 1-й армии, принимавший тогда непосредственное активное участие в нашей работе в Симбирске, с которым в тот период мне приходилось не раз обсуждать и решать многие вопросы как партийно-советской работы, так и организации военных сил и обороны.

В своем предисловии я не могу не упомянуть о той исключительной роли, которую играл в Поволжье (особенно в Самаре) наш соратник тогда по партийной работе в борьбе с контрреволюцией — Валериан Владимирович Куйбышев, председатель самарского губкома и комиссар 1-й армии, так безвременно, в цвете творческих сил умерший в 1935 году. Его заслуги как революционера, организатора и руководителя большевиков так велики и значительны, что об этом, конечно, должны быть написаны специальные книги.

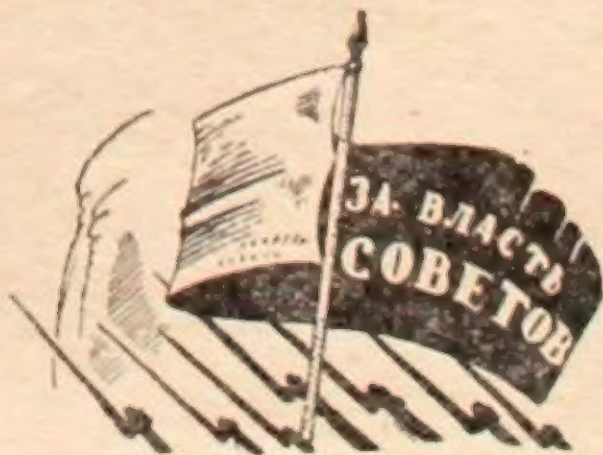
Теперь на родине Ленина, в Ульяновске, городе, для которого переименование из Симбирска является величайшей честью, мы имеем огромные победы нашего социалистического строительства. Здесь ныне, как и во всем Советском Союзе, под руководством великой партии Ленина, под руководством гениального ученика и продолжателя дела Ленина — Сталина — обеспечены победы социализма, осуществлены основы его учения о пролетарской революции. Разгромлено кулачество. Мелкое собственническое крестьянское окружение Симбирска, доставлявшее столько трудностей и порождавшее неоднократные колебания середняка, отошло в прошлое, как и весь строй земледелия крестьян — мелких собственников.

Победа колхозного строя в деревне коренным образом изменила лицо старой симбирской деревни, и теперь в Ульяновске, как и во всех районах Советского Союза, колхозное крестьянство переживает новую историческую эпоху великого расцвета, развития культуры и материального роста.

Тем радостнее нам, большевикам, подводить исторические итоги первых тяжелых лет существования советской республики, работы нашей партии в те годы, видя, что все революционные усилия и жертвы, которые были принесены героическим рабочим классом и всеми трудящимися нашей страны, оправдали себя целиком и полностью.

23 февраля 1935 года. Воронеж.

И. Варейкис.







## **ОБЩАЯ ЧАСТЬ**





**В. КУЙБЫШЕВ**

Б. политический комиссар 1-й армии

## **ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ<sup>1</sup>**

---

**В** славной борьбе с чехо-учредилловскими войсками осенью 1918 года первой армии принадлежала бесспорно одна из первых ролей.

Это она подорвала силу контрреволюционных полчищ в Симбирске и Сызрани, она закончила разгром учредилки в Бугуруслане, Бузулуке, Стерлитамаке и на путях к Верхне-Уральску. Эти блестящие страницы в истории первой армии, походившие на триумфальное шествие, имеют свое происхождение. Не сразу с момента своего зарождения первая армия стала способной к битвам и победам.

Я помню первую армию в июне — июле 1918 года. В то время

---

<sup>1</sup> Печатается с некоторыми сокращениями.



она представляла собою очень неопределенную величину с разбросанным фронтом, с путанными взаимоотношениями между командованием отдельных частей. Отряды первой армии находились и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, причем на каждом из этих направлений были «группы», «фронты», «сводные отряды», неизвестно кому подчиненные. Нужно однако сказать к чести командного состава (или по крайней мере его части) и значительной части отрядов, что у них наблюдалась большая тяга к централизованности. Много усилий прилагал в этом направлении и М. И. Тухачевский, который на фоне партизанщины был уже по существу представителем нового периода в истории армии. Быть может поэтому в первой армии, менее чем где бы то ни было, сказались отрицательные стороны партизанства. Стремление отрядов к централизованности сказывалось в оригинальной форме; они в трудные минуты требовали непосредственного командования собою лицами высшего командного состава. Так например, командующий симбирской группой Пугачевский принужден был кидаться от одного отряда к другому и мало уделять внимания общему командованию группой. То же происходило и в других группах и фронтах. Во всяком случае и первая армия пережила неизбежный младенческий период развития всех красных армий, период, богатый отдельными проявлениями отваги, удали, а подчас и героизма, но, с другой стороны, богатый и случаями беспричинной паники стоверстных отступлений в одни сутки и т. д. Этот период в итоге давал отрицательную величину и неизбежно должен был закончиться поражением. Падение Симбирска было последним этапом этого первого периода. Начался второй период, период строительства регулярной армии. Работа была мучительна и тяжела, ибо строить приходилось в обстановке продолжавшегося наступления противника, имея налицо ничтожные, слабые силы. Значительная часть сил была разбита, а сенгилеевская группа была окружена в районе Сенгилея и считалась тоже погибшей. Дело доходило до того, что одно время между штабом армии, помещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь броневой поезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник инзенской дивизии со своим штабом. Эта кучка героев была остовом, вокруг которого была создана воистину доблестная инзенская дивизия под командованием самородка-полководца т. Лациса.

Кстати сказать, очень часто при оценке первой армии значи



тельно преуменьшается роль в ее успехах и победах этой дисциплинированной, хорошо организованной, без фраз смелой дивизии.

На направлении от Инзы к Симбирску у нас был в то время лишь отряд приблизительно в 1000 штыков. Более сильная численно группа была на пути Пенза — Сызрань. Вот все, что имелось в распоряжении первой армии, если не считать еще незначительных отрядов, оперировавших в вольском направлении, мало связанных с армией и передававшихся в ведение то первой, то четвертой армий. В этой обстановке началась усиленная строительная работа, создавшая в конце концов и организационные материальные условия для боеспособной армии. Нехватало лишь живой силы.

Первая армия, кажется, раньше других вступила на путь мобилизации определенных возрастов тех губерний, в которых она оперировала. Опыт мобилизации распространился и на офицерство, и в этом отношении первая армия была пионером во всей республике. Но все эти меры по увеличению живой силы могли дать результат не сразу: нужно было мобилизованных обучить и сколотить. В конце июля произошло событие, сразу устроившее количественный и качественный состав армии. Командующего армией вызвал к себе начальник отряда, оперировавшего на путях к Симбирску, приблизительно в районе станции «Майна», по какому-то важному делу. Мы выехали с т. Тухачевским к начальнику отряда, где он нам доложил сведения его разведки, с точностью устанавливающие обход его группы втрое сильнейшим отрядом противника. Разведка была поставлена хорошо в смысле полноты освещения и величины освещенного пространства.

Точные и неоднократно проверенные сведения говорили о том, что такого-то числа противник был в Солдатской Ташле, затем в Степном Матюшине и т. д. и, наконец, зашел уже во фланг нашей незначительной группы. Противник, по добытым сведениям, был очень многочислен и хорошо снабжен артиллерией. Начальник отряда возбудил перед нами вопрос о необходимости отхода с тем, чтобы прикрыть узловой пункт, ст. Инзу, которая иначе оказывалась совершенно незащищенной. Наш отряд был отведен и занял ближе к Инзе обе линии железной дороги. И вот в то время, когда мы были заняты размещением отряда на новой линии сосредоточения, меня и Тухачевского вызывают вдруг к прямому проводу со станции «Майна», со станции, которую мы



оставили и на которой не было ни одного красноармейца. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что с нами говорит сенгилеевская группа, которую мы считали окруженной и погибшей. Радость наша перешла в ликование, когда из разговора обнаружилось, что 3-тысячный отряд сквозь ряды противника прорвался, сохранив всю артиллерию и имущество.

На следующий день мы выехали к нему навстречу и закрепили возвращение в армию. Таким образом... мы обрели значительное увеличение наших сил. Бывший долгое время в окружении, прорвавшийся через ряды противника отряд пришел к нам закаленным, спаянным, дисциплинированным и составил основное ядро Симбирской Железной дивизии, покрывшей себя впоследствии громкой славой.

Возвращение сенгилеевско-ставропольского отряда было началом третьего периода, периода претворения в жизнь предварительной организационной работы, периода боевых успехов.

К своему годовичному юбилею первая армия сохранила общие черты периода боевых успехов и в настоящий момент является одним из наиболее славных отрядов великой рати рабочих и крестьян, творящих мировую социальную революцию.

*(Из сборника «Годовщина первой революционной армии». Издание ПУРа, 1920 год.)*







**М. ТУХАЧЕВСКИЙ**

## **О ТОВАРИЩЕ КУЙБЫШЕВЕ**

---

**С**троительство красных армий Восточного и Туркестанского фронтов, разгромивших в 1918—1919 годах последовательно контрреволюционные полчища самарской учредилки, атамана Дутова, сибирского правителя Колчака и силы империалистических интервентов, неразрывно связано с деятельностью парторганизаций территории военных действий и прежде всего с именем верного соратника Ленина и Сталина — Валериана Владимировича Куйбышева, возглавлявшего тогда самарскую организацию большевиков.

Валериан Владимирович понимал и любил военное дело и уже с Февральской буржуазно-демократической революции начал активно готовить вооруженные силы пролетариата.

С мая 1917 года т. Куйбышев, председатель самарского совета рабочих и солдатских депутатов, подготавливает организацию Красной гвардии.



В августе подготовка продолжается, а к осени формирование Красной гвардии в Самаре идет полным ходом. Валериан Владимирович лично составил устав Красной гвардии.

В начале ноября т. Куйбышев организует ревком, председателем которого он и избирается, привлекает на сторону советской власти местный гарнизон, обеспечивает власть советов частями Красной гвардии и заявляет, что «всякие выступления помимо и без ведома ревкома будут считаться преступлением против революции».

После восстания чехо-словаков в Пензе и Челябинске в мае 1918 года для самарского пролетариата создалось угрожающее положение. По получении сведений о занятии Сызрани т. Куйбышев, бывший тогда председателем самарского губревкома, издал следующий приказ, который между прочим он не успел даже поставить на обсуждение ревкома: «В виду опасности, угрожающей революции со стороны контрреволюционных отрядов, занявших г. Сызрань, Самара объявляется на осадном положении».

Для борьбы с чехами был создан боевой революционный штаб в составе т. Куйбышева, помощника главкома урало-оренбургского фронта Гузанова и коменданта Самары Кадомцева.

Чехословацкие войска, более многочисленные и организованные, начали с утра 7 июня наступление на Самару и выбили из нее красные части к утру следующего дня. Одним из последних т. Куйбышев оставил Самару и вместе с войсками отступил к Симбирску.

В начале июля Валериан Владимирович был назначен политическим комиссаром 1-й армии, которой в то время командовал я. С этого момента началась наша дружная совместная работа. Армия заканчивала последние мероприятия по подготовке наступления на Самару.

Положение на Восточном фронте в это время было напряженное. В Москве подняли восстание левые эсеры, в Симбирске — главком Восточного фронта Муравьев, что крайне дезорганизовало подготовлявшееся наступление 1-й армии.

Восстание Муравьева было быстро подавлено благодаря чрезвычайной энергии, проявленной симбирской партийной организацией, руководимой т. Варейкисом.

Пользуясь дезорганизацией, внесенной восстанием Муравьева, белогвардейцы выбили наши части из Симбирска и заняли город. Началась горячая работа по укреплению армии и новой подготовке наступления.

Тов. Куйбышев принял самое энергичное участие в деле приведения армии в порядок, и надо сказать, что 1-я армия стала действительно первой армией в смысле ее организационной четкости, дисциплины и обученности.

Прежде всего надо было обеспечить отход частей симбирской группы из-под Сызгалея. Одно время казалось, что она пол-





В. В. Куйбышев  
(снимок 1920 года)



ностью окружена белыми. Но ей удалось прорваться и т. Куйбышев первым встречает ее на вновь организуемом фронте.

Проводя организационную работу по укреплению боеспособности 1-й армии, пришлось осуществить несколько мобилизаций в Симбирской и Пензенской губерниях. Впервые были мобилизованы офицеры царской армии. Последовательно призывались под красные знамена рабочие и крестьяне. Создавался обоз, мобилизовались лошади.

Было создано несколько центров по формированию. В Пензе и Сердобске формировались боевые и запасные, пехотные и артиллерийские части. На станции Воейково и в Кирсанове формировались кавалерийские части.

Из Москвы в армию прибывали коммунисты и целая группа членов ВЦИК.

Развивался и сколачивался на практической работе аппарат армейского управления. Особенно высокую оценку со стороны Валериана Владимировича встречала работа, ныне покойных, тт. И. Н. Захарова и Устичева.

726 826  
Был создан аппарат снабжения и инспекция снабжения армии. В Сасове была образована крупная база снабжения.

Организовались управления и средства военных сообщений, начальника инженеров и связи армии.

Во всей этой работе Валериан Владимирович своей энергией и громадным авторитетом сумел объединить усилия всех губернских партийных, профессиональных и советских организаций на территории действий 1-й армии.

На боевом фронте точно так же кипела горячая организационная работа. Разрозненные отряды сводились в полки, бригады и дивизии. Были созданы Пензенская (ныне 20-я), Инзенская (ныне 15-я) и Симбирская (ныне 24-я) стрелковые дивизии и отдельная вольская группа.

Валериан Владимирович обладал обаянием организатора-большевика. Энергичный, строгий и вместе с тем приветливый и заботливый он умел сплотить дружный, работоспособный коллектив.

В годовщину создания 1-й армии т. Куйбышев в статье, присланной им в армейскую газету «Набат революции», следующими словами характеризует организационное строительство 1-й армии:

«В славной борьбе с чехо-учредиловскими войсками осенью 1918 года 1-й армии принадлежала бесспорно одна из первых ролей. Это она подорвала силу контрреволюционных полчищ в Симбирске и Сызрани, она закончила разгром учредиловки в Бугуруслане, Бузулуке и на путях к Верхнеуральску. Эти блестящие страницы в истории 1-й армии, походившие на триумфальное шествие, имеют свое происхождение. Не сразу с момента своего зарождения 1-я армия стала способной к битвам и победам».



И далее:

«Первый период — с разбросанными фронтами и с путанными взаимоотношениями, но с большой тягой к централизованности. Этот неизбежный, младенческий период развития всех красных армий был богат отдельными проявлениями удали, отваги, а подчас и героизма, но с другой стороны, он был богат и случаями беспричинной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д.

В итоге — неизбежные поражения и падение Симбирска. Второй период — период строительства регулярной армии в малоблагоприятной обстановке, в результате которого созданы как организационные, так и материальные условия для боеспособной армии.

Третий период — период боевых успехов, период претворения в жизнь предварительной организационной работы. Инзенская и Пензенская дивизии стали представлять из себя могучую силу, прочную опору рабоче-крестьянской власти в борьбе с империализмом».

Успехи в организационном строительстве сказались в больших стратегических победах 1-й армии.

10—12 сентября была проведена большая концентрическая наступательная операция на Симбирск. Белогвардейцы были разбиты. Взятие Симбирска — родного города Ленина — было первым ответом бойцов 1-й Красной армии на попытку классового врага убить вождя пролетариата.

Вслед за симбирской была проведена сызранская операция. Пензенская и Инзенская дивизии наступали с запада, а Симбирская дивизия нанесла жестокий, внезапный удар с севера на юг. Сызрань была взята и началась новая операция на Самару.

Наступление велось вдоль железной дороги Сызрань—Самара и часть сил была переброшена в виде десанта на пароходах по Волге. С юга в это время на Самару наступала 4-я армия под командованием т. Хвесина, с которым т. Куйбышев поддерживал оживленную связь. Самара была взята, и т. Куйбышев был назначен политическим комиссаром 4-й армии.

Весной 1919 года Валериану Владимировичу вновь приходится играть крупнейшую роль в нанесении удара армиям Колчака. Как член реввоенсовета южной группы т. Куйбышев принимает активное участие в восстановлении боеспособности разбитых до этого частей 5-й армии и в организации подготовляемого Михаилом Васильевичем Фрунзе знаменитого контрудара.

В июле—октябре 1919 года Валериан Владимирович был членом реввоенсовета 11-й армии, где ему пришлось работать совместно с Сергеем Мироновичем Кировым. Приведу характеристику боевой работы т. Куйбышева, данную в своих воспоминаниях бывшим командармом 11-й т. Бутягиным.

В 1919 году окруженную белыми войсками Астрахань ежедневно «навещают» самолеты противника.



В те дни командование 11-й армии располагало незначительными воздушными силами, в состав которых входили самолеты «Сопвич». Мы называли их «гробы». Это были двухместные машины, скорость которых едва достигала 150—160 километров в час. Самолеты были очень изношены и производить на них какие-либо операции могли только очень смелые и бесстрашные люди.

Однажды, когда неприятельские самолеты, пользуясь своей быстротой и лучшим вооружением, начали особенно часто нападать на нас, т. Куйбышев, бывший тогда членом реввоенсовета 11-й армии, решил подняться в воздух на «Сопвиче». Долго пришлось уговаривать Валериана Владимировича отказаться от этой мысли, ибо он, не располагая познаниями в пулеметной стрельбе, мог очень скоро попасть под ожесточенный обстрел противника. Однако т. Куйбышев настоял на своем.

Неприятельские самолеты, не видя отпора, с каждым днем становились все более дерзкими. Их наглость дошла до того, что они бреющим полетом пронеслись над штабом армии и сбросили бомбу, правда, причинив сравнительно небольшой ущерб.

Тов. Куйбышев решил лично наказать наглецов.

В воздух поднялись 3 наших самолета, на одном из которых летчиком-наблюдателем был т. Куйбышев. Несмотря на то, что наши самолеты были менее быстроходны и имели худшее вооружение, чем у противника, они все же смело на него обрушились. После ряда маневров мы сбили два самолета, а остальные, не приняв боя, поспешно улетели. В этом бою особенно отличился самолет, на борту которого был т. Куйбышев.

По приказанию т. Куйбышева наши самолеты начали снижаться и опустились возле неприятельских самолетов в тот момент, когда противник пытался сжечь свои машины. Несмотря на то, что врагов было четверо против наших четверых, они все же без сопротивления сдались в плен.

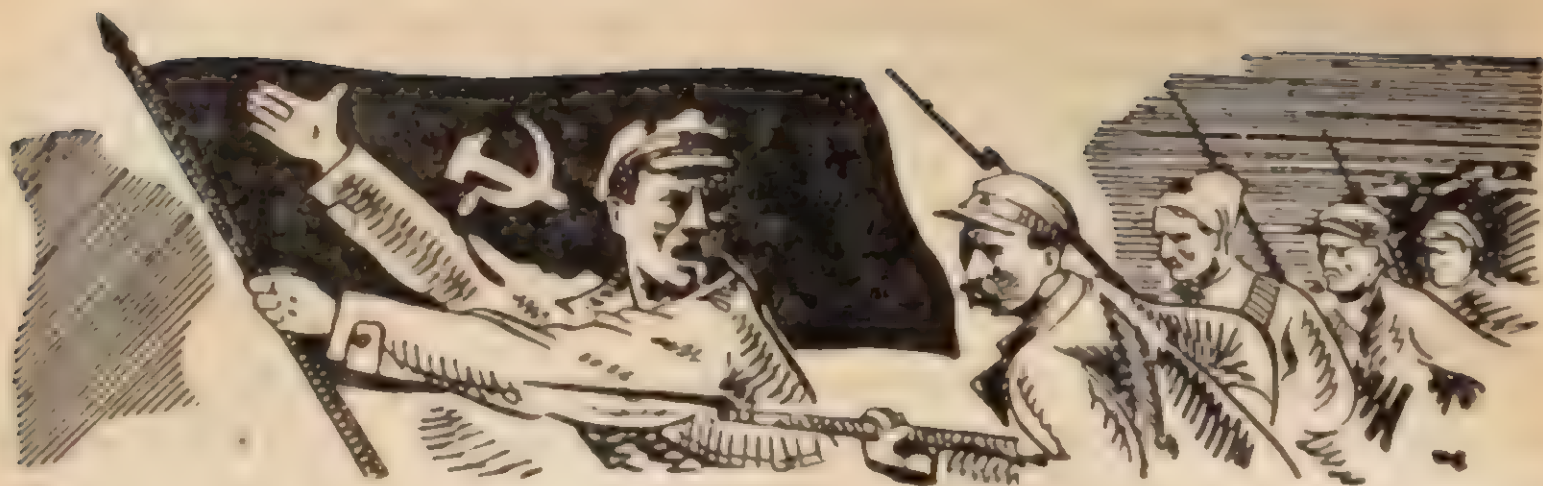
В дальнейшем Валериан Владимирович был членом реввоенсовета Туркестанского фронта, где была окончательно подавлена контрреволюция и происки интервенции.

Вся работа Валериана Владимировича в мирное время, когда он являлся верным и крепким соратником товарища Сталина, неразрывно была связана с укреплением мощи Красной армии. И как председатель ВСНХ, и как председатель Госплана, и как заместитель председателя Совета Народных Комиссаров Союза—Валериан Владимирович всегда крепил кадры и техническую мощь Красной армии и флота.

В годовщину смерти т. Куйбышева Красная армия скорбит об утрате своего друга и горда памятью о днях героической работы Валериана Владимировича в ее рядах на фронтах гражданской войны.

24 января 1936 года. Москва.





**Б. ЧИСТОВ**

## **ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ В ДНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

---

### **I. Политическая обстановка в Симбирской губернии весной 1918 года**

**В** географическом размежевании между революцией и контр-революцией, развернувшейся в стране после Октябрьской пролетарской революции, Среднее Поволжье оказалось весной 1918 года в зоне собирания сил контрреволюции.

Это вытекало из особенностей экономического и политического развития края и большого стратегического значения Поволжья в назревавшей гражданской войне.

Поволжье — земледельческий край с немногими более или менее крупными пунктами концентрации промышленного пролетариата (Самара). Юг Заволжья, по определению В. И. Ленина, являлся «наиболее типичным районом земледельческого капитализма», фермерства. На северо-западе, особенно в Правобережье, сохранились большие остатки крепостничества. В годы столыпинщины и империалистической войны далеко продвинулось вперед



классовое расслоение в поволжской деревне. Выросшие слои кулаков, богатых крестьян были здесь многочисленны и экономически сильны. В их лице на Волге была та «социально-классовая опора», которую после Великой пролетарской революции искали интервенты и отечественная контрреволюция для осуществления планов отрыва «хлебобородных окраин» от пролетарского центра страны.

Среди кулачества и части среднего крестьянства в поволжской деревне благоприятную почву имела партия социалистов-революционеров, представлявшая собой агентуру буржуазии в борьбе против пролетариата за руководство крестьянством.

Борьба большевиков в 1917 году за отрыв трудящегося крестьянства от эсеров встретила на Волге упорное сопротивление со стороны последних.

В Самарской губернии, где глубже прошло классовое расслоение в деревне, а в губернском центре работала крепкая большевистская организация во главе с В. В. Куйбышевым, этот процесс завоевания крестьянства проходил быстрее. Но в ряде других поволжских губерний (Пензенская, Симбирская) правым эсерам, использовавшим политическую неопытность масс, удавалось довольно долго сдерживать отход революционирующегося крестьянства от соглашательской политики, направленной против революционного решения земельного вопроса. В Симбирской, например, губернии даже в сентябре 1917 года, когда по деревням высоко вздымалось пламя крестьянского восстания против помещиков и властей Керенского, правым эсерам еще удалось провести под своим руководством IV губернский крестьянский съезд,<sup>1</sup> но потушить начавшееся восстание они уже не смогли.

При выборах в Учредительное собрание Поволжско-черноземный район оказался на третьем месте (после Украины и Сибири) по числу голосов, поданных за эсеров.

«И вот именно в тех районах, — указывал Ленин, — где процент большевистских голосов в ноябре 1917 г. был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контр-революционных движений, восстаний, организации сил контр-революции»<sup>2</sup>. Существовала закономерная связь предшествующей политической истории отдельных областей с последующим географическим размещением районов революции и контрреволюции.

Там, где меньше было влияние промышленного пролетариата, где сильно было кулачество, там с особенной яркостью и не раз в ходе пролетарской революции и гражданской войны проявлялись колебания мелкобуржуазных слоев населения.

В Поволжье большевики однако получили 16 процентов

<sup>1</sup> Архив ульяновского истпарта. Протоколы IV симбирского губернского крестьянского съезда.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXIV, стр. 643.



голосов в Учредительное собрание, тогда как в Сибири только 10 процентов.

Для сибирского крестьянства, не знавшего крепостного права и жившего более вольготной жизнью, понадобились и более длительные испытания, прежде чем оно убедилось, что эсеры лишь расчищают путь Колчаку, и бесповоротно пошло с большевиками. На Волге же сильнее было влияние пролетарских центров, обширнее были деревенские резервы пролетариата в лице многочисленной бедноты; здесь среди крестьянства сильнее были традиции революционной борьбы за землю против крепостников.

Поэтому успехи контрреволюции здесь были более кратковременны, чем в Сибири.

Но вопрос решался борьбой, степенью организованности пролетариата и деревенской бедноты.

После разгона Учредительного собрания большая группа членов его — правых эсеров — перебросилась в Поволжье — в Самару, готовясь отсюда дать решительный бой советской власти.

Ожесточенное сопротивление демократической, эсеро-меньшевистской контрреволюции в первые месяцы после Великой пролетарской революции было сметено «триумфальным шествием» пролетарской революции.

В Самаре власть советов установилась почти в те же дни, что и в центре. Однако в некоторых уездах думы и земства еще долго цеплялись за власть. В частности затяжной характер приняла борьба в Симбирской губернии, где немногочисленный пролетариат был распылен, а большевистская организация была ослаблена в годы реакции. Но и здесь, опираясь на массы прибывших фронтовиков, большевики в январе — феврале 1918 года укрепились в советах и покончили с сопротивлением эсеро-кадетских дум и земств, хотя в ряде уездов борьба с ними затянулась.

К весне 1918 года закончился первый этап борьбы и оба классовых лагеря собирали свои силы для дальнейших боев.

Советы, используя «передышку», полученную пролетарской страной благодаря гениальному руководству В. И. Ленина, укрепляли свою власть.

Контрреволюция готовилась развернуть на Волге один из плацдармов для свержения пролетарской власти. Из оренбургских степей грозил атаман Дутов, в городах концентрировалось офицерство, через Поволжье интервенты готовились бросить на советскую власть легионы обманутых чехо-словаков. Правые эсеры перебрасывали свои силы из других районов и готовили боевые дружины на местах. Левые эсеры и максималисты всячески подрывали советы изнутри.

Главной опорой контрреволюции в деревне выступало кулачество.

Великая пролетарская революция, конфискуя помещичьи



земли и уничтожая вообще частную собственность на землю, наносила тяжелый удар кулакам. Но экономически и политически кулачество еще не было разбито. В то же время оно спешило использовать в своих выгодах ликвидацию помещичьего землевладения.



Крестьянские выступления в 1917 году в Симбирской, типично «столыпинской», губернии с особенно большим дворянским землевладением проходили чрезвычайно бурно, главным образом в виде неорганизованных разгромов поместий. Главной силой, громившей помещика, была деревенская беднота под водительством солдат и матросов, прошедших школу революционной борьбы на фронте. Середняки, особенно фронтовики, невзирая на уговоры эсеров, активно участвовали в ликвидации помещичьего хозяйства, выступая «нашим временным помощником, поскольку аграрный вопрос и вопрос о мире могли быть решены лишь пролетариатом».<sup>1</sup>

Аграрное движение в ряде случаев направлялось и против сельской буржуазии, приводя к кровавым столкновениям (В. Тимерсянская волость).

В симбирской малоземельной деревне, придавленной двойной — помещичьей и кулацкой — эксплуатацией, было много материала для широкого классового движения бедноты. К 1917 году здесь было почти 14 процентов беспосевных и около 40 процентов хозяйств без рабочего скота.<sup>2</sup> А вместе с однолошадными низшие группы деревни превышали 50 процентов хозяйств.

Но выступления деревенского полупролетариата в 1917 году были еще разрознены и в основном направлены против так называемых «столыпинских помещиков» — хуторян и отрубников (Сыреченская, Воецкая волости, село Русская Кондрать и др.), меньше задевая кулака-общинника. Классовые противоречия в самом крестьянстве еще не вылились в решающие классовые бои с кулачеством. Малочисленные же большевики Симбирска, ведя затянувшуюся борьбу с эсеровско-кадетским «комитетом народной власти», не могли выделить достаточных сил для деревни.

В результате беднота не всегда выступала сплоченно при дележе помещичьего хозяйства и давала кулаку по рукам.

Кулачество было заинтересовано в устранении помещичьего хозяйства. Но вместе с тем размах крестьянского революционного движения против помещичьей собственности заставлял его опасаться за свою собственность. Кулаки запугивали бедноту карами за разгромы, но первыми являлись к дележу поместий, занятых восставшими бедняками и середняками. Широким

<sup>1</sup> История гражданской войны, т. I. Цитируется по статье И. Минца в журнале «Большевик» № 21 за 1935 г.

<sup>2</sup> Бюллетень ЦСУ № 84, 1924 г., стр. 28.



участием в этих разделах кулачеству удалось захватить значительную часть помещичьего инвентаря, скота и хлеба.

Дальнейший процесс ликвидации поместий, развернувшийся после первых неорганизованных захватов, протекал в ожесточенной нарастающей борьбе молодой советской власти с кулачеством.

Губернские и уездные советы, создавая свою власть в деревне, стремились придать ликвидации поместий более организованный характер. Они призывали батрачество и бедноту к охране государственного имущества, проводили учет разделенного инвентаря, подготавливали использование его через прокатные пункты в интересах бедноты, побуждая таким образом бедноту к предстоящей решительной борьбе с кулачеством, без которой невозможно было углубление социалистической революции в деревне и укрепление пролетарской диктатуры.

Кулачество же, наоборот, устранение помещика хотело сделать исходным пунктом для свободного развития своих капиталистических хозяйств. И оно все активнее обнаруживало свою глубокую вражду к пролетарской власти, отменившей частную собственность на землю.

В феврале 1918 года, когда беднота и середняки, удовлетворенные переходом к ним помещичьих земель, прекращали разгромы имений, кулаки, наоборот, теперь, когда советская власть победила, выступали зачинщиками анархических разгромов и самочинных захватов, направляя их против советов. Провокаторы-эсеры пытались даже переключить эти выступления на разгром промышленных предприятий, чтобы отвлечь этим деревенскую бедноту от нарастающих классовых противоречий.

В Карсунском уезде из 30 винных складов и заводов уцелел только один — Реньевский. Ряд сельских обществ, увлекаемых кулачеством, выносил решения о ликвидации фабкомов и о «социализации фабрик», т. е. о разделе и фактически уничтожении их. Рабочие текстильных фабрик, разбросанных по деревням, дали отпор, но кое-где грабежи складов сукна все же произошли.

В Чертановской волости, Сенгилеевского уезда, разделу и распродаже подверглось находившееся здесь военное имущество и обмундирование б. 165-го полка.<sup>1</sup> По всей губернии распространились хищения леса, в которые кулачество стремилось вовлечь широкие слои крестьянства.

В то же время кулачество с помощью уцелевших местами земств, а также советов, оказавшихся в руках кулаков, и особенно с помощью эсеровских земельных комитетов продолжало всеми способами сосредоточивать в своих руках бывшие помещичьи средства производства. Особенно широко для этого использовались распространившиеся по губернии распродажи помещичьего имущества «с торгов».

<sup>1</sup> Центральный архив Октябрьской революции, в дальнейшем ЦАОГ. Ф. 393, дело № 216.



В Сенгилеевском уезде распродаже подверглись почти все частновладельческие имения. «Инвентарь и хлеб был продан кулакам, тогда как по закону Совета народных комиссаров весь живой и мертвый инвентарь и хлеб должен быть распределен между беднейшими семьями населения».<sup>1</sup>

Мотивировки таких распродаж ясно говорят об их кулацкой классовой сути: «всех беднейших наделить инвентарем не представляется возможным» (постановление кротовского волостного собрания); «раздать (хлеб) бедным не представляется возможным, ибо теперь в виду неурожая и богатые стали бедными».<sup>2</sup>

К весне 1918 года кулачеству удалось сосредоточить в своих руках значительную часть инвентаря, семенных и хлебных запасов бывших помещичьих имений, а также других материальных ценностей.

Имея к тому же большие запасы хлеба от прошлых лет, кулаки оказались главными держателями хлеба.

Пользуясь упадком производительных сил сельского хозяйства и неурожаем 1917 года, кулачество рассчитывало угрозой голода сорвать хлебную монополию, поставить на колени пролетарский город, добиться фактической свободы торговли.

Если даже в годы средних урожаев около  $\frac{2}{3}$  крестьянских хозяйств губернии должны были прикупать хлеб на рынке, то в условиях неурожая нужда в хлебе среди бедняцких и малоимощных слоев была гораздо острее обычной.

По абсолютным запасам хлеба Симбирская губерния в 1918 году была отнесена к 4-й группе нуждаемости в хлебе. Это невысокая степень нужды, но так как хлеб был главным образом в руках кулаков и спекулянтов, то продовольственные затруднения были обострены до чрезвычайности.

В Симбирской губернии борьба с голодом в начале 1918 года шла преимущественно за счет закупок хлеба в Сибири по нарядам центра и в очень малой степени за счет изъятия местного кулацкого хлеба. Кулачество стремилось срывать централизованные заготовки, толкая бедноту на мешочничество, выступая за самостоятельные закупки хлеба отдельными селами и волостями, «субсидируя» мешочников и даже целые экспедиции отдельных сел по закупке хлеба, закабалая бедняков, превращая их в своих агентов.

Всячески обостряя голод, кулачество в то же время стремилось под флагом борьбы с голодом еще больше развернуть спекуляцию и повести за собой массы крестьянства на борьбу против хлебной монополии.

Опираясь на свои экономические позиции, кулачество стреми-

<sup>1</sup>. Доклад председателя уездного земельного комитета на VI уездном съезде советов.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 215, лист 289, постановление кувакинского волостного собрания.



лось сохранить и усилить свое политическое влияние в деревне и прежде всего в создающихся советах.

Многие кулацкие земства берут в свои руки дело организации «советской власти» и переименовываются в «советы».

«Марта 6 дчя, гласные паранавского волостного земского собрания Алатырского уезда... постановили волостную земскую управу упразднить и вместо коей организовать волостной исполнительный комитет, в состав коего из среды себя единогласно избрать членами...»<sup>1</sup>

В Воецкой волости, Сенгилеевского уезда, вплоть до марта регулярно заседало совместное «общее собрание гласных и членов совета крестьянских депутатов волостной земской управы».<sup>2</sup> Под влиянием кулачества оказывались и другие организации, в первую очередь земельный комитет. Под сильным кулацким влиянием находился начальствующий состав волостной милиции, созданной еще при Керенском и почти без изменений перешедшей на службу советам. Бедняцкие советы, не имевшие аппарата принуждения, зачастую не могли осуществлять принятые ими решения.

Используя свою экономическую силу и влияние на советы и их органы, кулак пытался «обойти» начатое к весне осуществление уравнительного распределения земли. Сосредоточив в своих руках продовольствие, семена и инвентарь, он стремился подчинить бедноту своему влиянию и расчистить себе дорогу для захвата земли.

На этот хищный класс деревенской буржуазии, сохранившей еще влияние в деревне, и возлагали свои надежды интервенты и внутренняя контрреволюция. Буржуазия решила дать «...последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе».<sup>3</sup>

Приближение весеннего сева, обострение голода, отсутствие семян заставляли многих несознательных бедняков идти по старой проторенной дорожке на поклон к кулаку-благодетелю с просьбой об испольной запашке, посеве и т. п. Но по мере ликвидации помещичьего хозяйства, в связи с вовлечением в передел «купчей» кулацкой земли, а особенно в связи с вопросом о хлебе, нарастала классовая размежевка крестьянства с особой силой росли ряды передовой, активной бедноты. Хлеб был главным вопросом обостряющейся классовой борьбы. Бедняки все более убеждались, что уравнительное распределение земли еще не решает задачи освобождения от кулацкой кабалы. Они видели, что кроме земли нужны еще хлеб и семена, что лучшая лошадь и плуг дадут кулаку возможность лучше обработать пашню, меньше работать и вновь сохранить свое влияние

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 215, лист 428.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 66.

<sup>3</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 26.



в деревне.росло сознание необходимости организации бедноты для решительной борьбы с кулаком и спекулянтом, для хозяйственного его разоружения, для борьбы за хлеб.

Пролетарская революция в деревне поднималась к следующему важнейшему этапу борьбы с деревенской буржуазией.

«Посадить кулака на паек для пресечения спекуляции, чтобы он ни за какие деньги не мог купить больше нормы». «Лишь тогда улучшится дело с хлебом, когда он будет по всем селам отбираться у кулаков в общественный амбар для распределения по нуждающимся гражданам». «Зачем ехать за хлебом в Сибирь за тысячи верст, когда он есть на месте и им спекулируют, им кормят лошадей и гонят самогонку»,—так говорили депутаты-бедняки на весенних съездах советов Сенгилеевского и Симбирского уездов.

Осуществляя эти требования бедноты, уездные съезды советов выносят решения о проверке запасов хлеба, семян, картофеля и реквизиции их у спекулянтов. Пролетарский учет и контроль становятся делом широких масс деревенской бедноты. В ряде волостей и сел, где в советах было бедняцкое влияние, организуется ссыпка реквизированного хлеба в общественные амбары и распределение его среди неимущих. Реквизированный хлеб чаще всего распределялся тут же на местах и о нем редко извещались государственные продорганы. Однако это уже был шаг к поддержке городского пролетариата в борьбе за хлеб.

Классовая сознательность бедноты поднимается до понимания общегосударственных интересов. Беднота Воецкой волости организует охрану госимущества—бывших помещичьих усадеб, создает прокатные пункты и сельскохозяйственные коммуны. В Сюдюковской волости волсовет собрал в свое ведение расхищенный инвентарь в целях организованного использования его беднотой.<sup>1</sup>

В ряде мест возникают бедняцкие сельскохозяйственные коммуны (Тушна, Ключищи и др.). Активную роль в создании их играют солдатские секции бедняков-фронтовиков.

Развитие классовой борьбы в стране подводило вплотную к особой организации бедноты, которая и была гениально указана Владимиром Ильичем в форме комитетов бедноты.

Обострение классовых противоречий ставило в порядок дня вопрос об оружии. В ряде волостей бедняцкие советы проводили или стремились провести постановления об отобрании оружия у зажиточных слоев (Паранавская, Тагаевская, Сюдюковская, Промзинская волости). По требованию бедняцкой части делегатов сенгилеевского уездного съезда советов было принято решение о создании вооруженных красногвардейских отрядов при каждом «надежном совете».<sup>2</sup>

Вооружалось и кулачество. В селе Нагаткино, например, правыми эсерами был создан кулацкий «Легион свободы». В Сен-

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 19.



гилеевском уезде правые эсеры и кулаки использовали в этих целях предпринятую здесь левыми эсерами организацию дружин так называемых «серых кречетов».

Середняк в этот период был нейтрализован проходящей реализацией закона о социализации земли. Он готовился к первому севу на свободной земле, готовился к освоению ее. Середняк был за «справедливое» осуществление уравнительного передела земли и в этом отношении поддерживал советскую власть и бедноту. Но в то же время середняк проявлял колебания в вопросе о хлебе.

Середняки, особенно не имевшие излишков хлеба, сочувствовали бедняцкому нажиму на богатеев, проверке хлеба, реквизициям, денежным обложениям и т. п. Но как частные собственники, увидевшие перспективы личного обогащения, они сами были не прочь принять участие в спекуляции, особенно верхние слои середняков, имевшие также значительные запасы хлеба. В советах, где шла борьба между кулачеством и беднотой, середняки зачастую поддерживали кулацкие требования децентрализованной закупки хлеба и голосовали за «займы у богатых граждан» для этой цели.

Для этого периода характерны колебания середняков в советах — от «просьб у кулака о займах» к «реквизициям» и наоборот.

9 марта 1918 года сундюковский волсовет принял решение ограничиться сбором средств у населения для закупки хлеба в урожайных губерниях. Бедняцкое предложение о «реквизиции у богачей» собрало всего 5 голосов против 17. А 18 апреля того же года беднота уже ведет волсовет за собой: «немедленно организовать сельские советы из бедного класса, немедленно сделать тщательную реквизицию хлеба и семян».<sup>1</sup>

В Нагаткинской волости 11 марта 1918 года кулаки — члены совета — предложили волсовету «кредит без процентов», за что «съезд выразил им благодарность».<sup>2</sup>

А 1 мая того же года 27 голосами против 15 принимается предложение «избрать реквизиционную комиссию, которая могла бы обеспечить беднейший класс продовольствием».<sup>3</sup>

В промзинском волсовете, наоборот, 27 февраля 1918 года принимается решение «все продукты, находящиеся у спекулянтов, еслитаковые ими продаются по повышенной цене, отбирать и сдавать в кооператив бесплатно». 4 марта принимается более мягкое решение: «созвать состоятельный класс волости, а также само население и предложить собрать капитал не менее как в 300 000 рублей, потребный для закупки хлеба в спешном порядке, с применением в случае необходимости принудительных мер к состоятельному классу». А 5 марта промзинский волсовет

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 176.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 189.

<sup>3</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 200.



фактически капитулирует перед кулачеством: «обратиться ко всем имущим лицам с просьбой помочь хлебной комиссии собрать денег, сколько можно».<sup>1</sup>

По вопросам уразнительного раздела земли отдельные советы также нередко занимали «примиренческие» и прямо кулацкие позиции. Так, в Тагаевской волости на заседании волисполкома 15 апреля 1918 года принимается решение: «раздел земли под яровой посев произвести по прежним границам, с пополнением недостатка из земель б. помещиков и удельных». Земли кулачества и многоземельных обществ остаются неприкосновенными. И лишь 29 апреля 1918 года под влиянием прибывшего в волость представителя губисполкома т. Корчагина решение о размежевании земли было пересмотрено и направлено против кулачества: «Выяснить излишки, подлежащие для образования фонда. Привлекать к ответственности лиц, скрывающих излишки. Отобратить излишне захваченную землю вместе с посевом. При недостатке земли произвести наделение из частновладельческих земель».<sup>2</sup>

Весна 1918 года ознаменовалась резким обострением классовой борьбы в поволжской деревне. Кулачество шло на поддержку буржуазно-помещичьей контрреволюции, а беднота поднималась на поддержку пролетарской революции.

В среднем крестьянстве после того, как оно выступало «временным помощником» пролетариата в дни Великой пролетарской революции, вновь усилились колебания в связи с борьбой за хлебную монополию. Кулачество, привлекая к себе середняков — обладателей хлеба, подкупая отдельные слои бедноты и обвиняя в голоде советскую власть, рассчитывало подавить классовый подъем бедноты и двинуть против советской власти все силы крестьянства.

Перед пролетариатом стояла трудная задача — победить голод, предотвратить уход середняка к контрреволюции и при помощи классового подъема бедноты на борьбу с кулачеством создать условия для перехода к прочному союзу с середняком.

Успешное решение этой задачи зависело от укрепления позиций партии большевиков и советов, такого укрепления, которое позволило бы им выступить организаторами и руководителями борьбы с кулаком.



Симбирск в прошлом — это город дворянства, купечества, чиновничества, кустарей и городской бедноты. Из 70 тысяч населения Симбирска на долю пролетариата приходилось не более 5 тысяч. Общее число рабочих по губернии в 1918 году равнялось 21 тысячам. Это были преимущественно рабочие, тесно связанные с крестьянским хозяйством. В парторганизации было не более

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 215, листы 351, 354, 360.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, листы 74—81.



40 человек, а вооруженная сила симбирского совета в конце марта, после демобилизации стоявших в городе частей, ограничивалась красногвардейским отрядом т. Самарина численностью в 100 человек. К формированию Красной армии только еще приступали.

Крупный металлообрабатывающий завод, рабочими которого была установлена власть советов, расположен был на другом берегу Волги. Там же находилась и большая часть большевистски настроенных рабочих Волго-Бугульминской дороги. Находящаяся в городе группа рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги еще находилась под влиянием меньшевиков и эсеров. Рабочие остальных городских предприятий были немногочисленны, а текстильные фабрики были разбросаны по сельским местностям.

В Симбирске, как и в других поволжских городах, шло соби-  
рание сил контрреволюции. В Симбирск стекались помещики, бежавшие из разгромленных поместий. Здесь было несколько тысяч черного и белого духовенства. К апрелю сюда же собралось свыше 2 тысяч офицеров. В городе находилось также свыше 200 кадетов и 600 учеников старших возрастов средних учебных заведений, которые в большинстве были настроены антисоветски, хотя и в их среде началось расслоение.

Эти кадры контрреволюции маскировались под трудящихся. Офицерство регистрировалось на биржах труда. Домовладельцы, лавочники и другие эксплуататорские элементы образовали «профессиональный союз». Саботажнически настроенные служащие и чиновники завладели союзом торгово-промышленных служащих. Возник даже «профсоюз фабрикантов», просуществовавший до июля 1918 года.

Эти организации оказывали злобное сопротивление мероприятиям совета: взысканию контрибуций, учреждению рабочего контроля, мерам облегчения безработицы и др.

Обстановка для молодой советской власти в Симбирской губернии была особенно сложна. Крушение господства буржуазии и помещиков развязало мелкобуржуазную стихию. По городам и базарным селам шла бешеная спекуляция хлебом, расхищенным имуществом. Продовольственные запасы советов для снабжения рабочих были ничтожны. Саботаж контрреволюционных служащих еще не был преодолен.

Решение большевиками центральной задачи момента: организации управления производством, подъема дисциплины и производительности труда, задачи борьбы с мелкобуржуазной расхлябанностью и рвачеством — встречало острое сопротивление капиталистов и их агентуры — эсеров и меньшевиков.

Если в центре уже шла речь о переходе к рабочему управлению производством, то в Симбирске до апреля 1918 года большинство работавших предприятий оставалось в руках предпринимателей, и последние продолжали получать барыши.



На попытку советов осуществить более действенный рабочий контроль и на требования рабочих увеличить зарплату предприниматели ответили дезорганизацией производства, что вызвало обострение безработицы.

Текстильные фабрики оставались без сырья и топлива, продовольственные магазины — без продуктов. Фабриканты обманом вынимали деньги из сейфов и скрывали их. Сengiлеевский цементный завод был искусственно доведен до убыточности и остановлен. В Сызранском уезде подрядчики отказались принимать продукцию 4 асфальтовых заводов, управление которыми рабочие взяли в свои руки. Заводы остановились.

Эсеры и меньшевики — Алмазов, Чебоксаров, Краснов и др. — каждый факт приостановки производства или перебоя в снабжении использовали для агитации против рабочего контроля, сея среди рабочих неверие в их способность управлять производством.

На каждом собрании рабочих большевики разоблачали контрреволюционную суть эсеров-меньшевистских требований «отказа от рабочего контроля» и «возврата предприятий хозяевам».

В трудных условиях горстка большевиков, руководствуясь директивами вождя партии Ленина, строила аппарат новой пролетарской государственности неопытными еще руками рабочих и революционных крестьян.

Все более выделялись из среды пролетариата Симбирска активные сознательные элементы, беззаветно поддерживающие советскую власть. Необходимо было воспитывать их, учить политической борьбе. И в этот период обнаружилось отставание организационных форм и методов работы большевистской организации и несоответствие их решению новых задач привлечения масс и актива рабочих к делу управления строящимся государственным и хозяйственным аппаратом. С переходом к строительству аппарата власти собственно партийная работа ослабла. В феврале все члены организации большевиков были вовлечены в строящийся аппарат советской власти. Вся руководящая партийная группа: гг. М. Гимов, Маторин, С. Измайлов, А. Измайлов, Иванов и др. — заняли посты народных комиссаров симбирского совнаркома. Партийные решения принимала фракция губисполкома. Ячеек по Симбирску не было, а были лишь разрозненные члены партии, разбросанные по учреждениям, профсоюзам и предприятиям. Постоянной работы среди этих одиночек не было. Но авторитет советской власти и партии большевиков, революционный подъем трудящихся возмещали недостаток партийной массовой работы. Отставала от новых задач и работа большевиков в профсоюзах. Большевики вели за собой крупнейшие союзы: металлистов, текстильщиков, железнодорожников Волго-Бугульминской дороги. Значительные успехи были достигнуты среди текстильщиков, несмотря на то, что в правлении союза были и левые эсеры. Опираясь на револю-



ционное настроение широких масс рабочих и возросший актив, уполномоченным правления союза текстильщиков — большевикам — удалось в апреле очистить фабкомы от агентуры фабрикантов, меньшевиков и эсеров, и по-деловому поставить вопрос о рабочем контроле, а затем и об управлении производством.

Весной 1918 года в городе и по губернии непрерывно возникали новые профсоюзы. По одному Симбирску насчитывалось уже около 40 союзов и в ряде союзов, особенно непроизводственных, были сильны настроения цеховщины и аполитичности, на которые пытались опереться меньшевики, эсеры и с.-д. интернационалисты. Последние, захватив еще осенью 1917 года симбирский центральный совет профсоюзов, оказывали теперь упорное сопротивление всем попыткам комиссара труда т. Иванова влиять на решения профсовета.

Развертывание партийной работы и укрепление партийного влияния в профсоюзах стало условием успеха дальнейшего советского строительства и борьбы с враждебными партиями. Это было общим для многих большевистских организаций того периода, и директивные письма ЦК, с которым устанавливалась регулярная связь, настойчиво требовали развертывания организационной и массовой работы парторганизаций. В марте в Симбирске избирается комитет партии в составе тт. Гимова, Г. Каучуковского, А. Швера, Измайлова и др. Создается возглавляемый Каучуковским партийный аппарат. Секретариат выдавал партийные билеты, организационно-агитационный отдел подбирал кадры организаторов ячеек.<sup>1</sup>

Регулярно проводились партийные собрания.

Парторганизация к этому моменту заметно выросла, в частности за счет демобилизованных из армии солдат-большевиков.

В течение апреля было созвано два совещания организаторов ячеек, посвященные вопросу создания низовых партийных организаций.

На этих совещаниях выяснилось, что политическая активность рабочих усиливается. Большинству организаторов удалось создать партийные ячейки.

Особенно успешно развернулась работа на Волго-Бугульминской железной дороге. Организатору т. Степанову удалось соз-

---

<sup>1</sup> Такими партийными организаторами были т. Степанов — среди железнодорожников Волго-Бугульминской железной дороги; т. Курочкин — среди железнодорожников Московско-Казанской железной дороги; т. Соснин — среди столяров, портных, мясаров; тт. Тумский и Панин — среди текстильщиков; тт. Маракаев и Сотосов — среди работников почты; тт. Жуков, Кадышев, Патрикеев, Васильев, Афанасьев — среди торгово-промышленных служащих; тт. Мизюров, Порозов — среди пищевиков; тт. Войнов, Мигин — среди строителей; тт. Сухов, Самарин, Новиков — среди металлистов Заволжья; тт. Попов, Олейник — среди красноармейцев; т. Самойлов — среди кожевников; тт. Перкин, Курушин, Болотин — среди учащейся молодежи; тт. Гафуров, Савандеев, Абдрахманов — среди нацменьшинств.





Командарм 1-й  
М. Н. Тухачевский



Иосиф Варейкис, председа-  
тель Симбирского комитета  
РКП(б) и руководитель  
штаба обороны Симбирска  
в 1918 году



М. Гимов, председатель  
симбирского губисполкома  
в 1918 году



дать ячейки на всех важнейших станциях дороги вокруг Симбирска: В. Часовня (15 чел.), Н. Часовня (25 чел.), Киндяковка (10 чел.) и по линии — в Бугульме, Нурлате, Чишме.

Наибольшие трудности встретились на Московско-Казанской железной дороге. Меншевики всячески тормозили работу большевистского организатора, рабочего Курочкина.

В мае в Симбирск был эвакуирован крупный металлический завод из Петрограда, слившийся с Симбирским заводским заводом. Прибыл многочисленный большевистский коллектив, представители которого были введены в симбирский комитет партии. Прибытие петроградских рабочих явилось мощным подкреплением для симбирской парторганизации. Но и прибывшие рабочие были неоднородны. Наряду с потомственными сознательными пролетариями в составе рабочих было много так называемых «окопников» — лавочников, чиновников и др. «окапывавшихся» в свое время от войны на заводах. Эти «рабочие» служили оплотом прибывшей с заводом группе правых эсеров во главе с Косинским. В них местные эсеры нашли себе опору и подкрепление.

Из уездных городов Сызрань имела многочисленную, еще в 1917 году сложившуюся группу большевиков. В Карсуне группа большевиков насчитывала не больше 25 человек. В других уездных городах шло только собирание сил из лиц, считавших себя большевиками, но формально в партию еще не вошедших.

Симбирский городской комитет партии стал играть роль губернского комитета, куда уездные товарищи обращались за указаниями, партбилетами и литературой. В мае по всем уездным городам возникли уездные комитеты партии.<sup>1</sup>

Развертывание партийно-массовой работы дало свои положительные результаты. В начале апреля на 1-й губернской рабочей конференции большевики нанесли поражение меньшевистскому руководству совета профсоюзов, хотя интернационалисты остались еще в составе профсовета. Не удалась вылазка меньшевика Алмазова на съезде текстильщиков (в мае).

Большевикам Перкину и Курушину удалось использовать расслоение среди учащейся молодежи Симбирска и создать организацию «социалистической молодежи». Большое значение имело окончательное политическое оформление симбирской организации революционных военнопленных под девизом «III Интернационала», осуществленное под непосредственным руководством большевиков. Большинство товарищей из руководящей группы интернационалистов вошло в партию большевиков.

К маю парторганизация выросла до 200 человек и сумела

<sup>1</sup> Руководителями уездных большевистских организаций были: в Сызрани: тт. Воздвиженский, Емельянов, Неудачин, Горюхов, Елистратов; несколько позже прибыли тт. Рыбочкин, Горчаев; в Карсуне: тт. З. Маслов, К. Бутырев, Репинский, В. Еремин; в Алатыре: тт. Нестеров, Вязлаев; в Буинске: тт. Назаров, Космовский, Жигаров; в Сенгилее: тт. С. Сабани, б. прапорщик Роман, Неклюдов, Афанасьев; в Ардатове: тт. Козин, Киселев.



сплотить вокруг себя широкие слои рабочих и городской бедноты. Первомайская демонстрация рабочих, городской бедноты и частей Красной гвардии проходила целиком под руководством и лозунгами большевиков.

На станции Киндяковка, Московско-Казанской железной дороги, меньшевики пытались сорвать демонстрацию, выступив против вооруженного характера, какой хотели придать ей рабочие Волго-Бугульминской железной дороги. Эта вылазка была бита. Объединенная демонстрация состоялась, причем волго-бугульминцы демонстрировали с оружием в руках.

Первое мая было смотром первых итогов массовой политической работы парторганизации и показателем ее политического роста. Шло собирание революционных сил рабочих, росла уверенность их в своих способностях управлять государством и хозяйством. Это выражалось в росте самостоятельности рабочих, в борьбе профсоюзов с безработицей, в организации производства и работ, в осуществлении рабочего управления.

В Сызрани рабочие, собрав путем отчислений свыше 400 тысяч рублей, развернули через совет производство пищевых продуктов и приступили к строительству 28 домов для рабочих и бедноты. Рабочие брали в свои руки мельницы и мукомольни и налаживали производство. Открывались столовые и чайные, возникали разного рода промысловые артели: рыболовные, по разработке леса и др.

В Симбирске губисполком отпустил 50 тысяч рублей на ремонт казарм, уисполком ассигновал 40 тысяч рублей на организацию различных работ. Готовились к ремонту шоссежных дорог, намечались постройки элеваторов и новых железнодорожных линий.

Рост безработицы в мае несколько замедлился.

Текстильщики, а вслед за ними печатники и другие профсоюзы приступили к осуществлению рабочего управления.

Росли навыки передовых рабочих в управлении хозяйством. Губисполком намечал создание губернского совета народного хозяйства.

...С оживлением партийной работы укрепились позиции большевиков в борьбе с левыми эсерами.

Фракции левых эсеров были в губисполкоме и во всех уездных совдепах. С обострением классовой борьбы в деревне работа левых эсеров в местных советах начинает носить все более враждебный большевикам характер.

Довольно откровенно тактику левых эсеров излагает их местный лидер—К. Иванов:

«Мы ушли из центрального правительства, чтобы не нести ответственности за позор Брестского мира, но мы не уклонились от революции и... свою творческую работу направили на места, в местные советы, чтобы там подготовить трудовой народ к борьбе с империалистами, чтобы организовать снизу



власть и не давать потухнуть огню революции, который стал с момента заключения Брестского мира заметно выдыхаться».<sup>1</sup>

Работу на местах они подчиняли задаче срыва Брестского мира, борьбе против линии Совнаркома. Поэтому и в местной работе левые эсеры боролись против тех мер, которые, по их мнению, вели к «угасанию огня революции». Из их лагеря стали раздаваться голоса против политического «раскола деревни» и т. п.

Гольман — лидер эсеров-максималистов — начал устраивать рефераты в городском театре на темы о путях международной революции и безотрадных перспективах русской революции в случае, если не будет разорван Брестский мир.

Организационное укрепление большевиков в массах дало себя знать, и успеха в своей агитационной работе левые эсеры не имели.

Симбирские большевики, занимавшие в вопросе о Брестском мире позиции ЦК, одержали победу над левыми эсерами на уездных съездах советов.

Вот резолюция симбирского уездного съезда советов:

«VI. Симбирский уездный съезд крестьянских и рабочих депутатов одобряет заключенный с центральными державами мир, видит в этом мире временный перерыв борьбы с империалистами для возможности организации на социалистических началах сил новой России».<sup>1</sup>

Сенгилеевский уездный съезд советов также постановил:

«О мире: Долой войну! Мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Но в силу вступивших в обезоруженную Россию варварских немецких империалистических полчищ белой гвардии, диктующих нам принятие тяжелых условий мира под угрозой вооруженного напора, делая трезвый учет обстоятельствам момента, мы признаем, что как ни тяжелы условия мира, — ради спасения революции нет выхода, как подписание предъявленного нам немцами мирного договора».<sup>2</sup>

Однако в рядах большевиков имели место «лево-коммунистические» настроения, питаемые мелкобуржуазным окружением, притоком в организацию молодых, неискушенных членов партии и наличием выходцев из других партий. «Лево-коммунистические» настроения, широко распространившиеся в январе — феврале, затем быстро рассеялись в основной массе членов организации. Но отдельные местные «лево-коммунистические» лидеры отстаивали свои взгляды долго. Член губисполкома Кокрянцев, вернувшись с Чрезвычайного всероссийского съезда советов, продолжал выступать против Брестского мира. Уже в апреле на общем собрании коммунистов вернувшийся из Москвы Маторин определял «левый коммунизм» как особое течение, более

<sup>1</sup> Протокол общего собрания левых эсеров от 27 IV («Известия симбирского совлепа» № 85, 1913 г.).

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 111.

<sup>3</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216.



революционное. «В центре намечается два течения, — говорил он, — одно соглашательское и другое революционное».<sup>1</sup>

«Лево-коммунистические» настроения были среди иностранных товарищей из военнопленных, только что влившихся в партию.

Левые эсеры не раз пытались найти смычку с выразителями «лево-коммунистических» настроений. Гольман, например, усиленно обхаживал организацию иностранных рабочих, пытаясь использовать их антибрестские настроения в своих целях. Однако интернационалисты под руководством т. Пильчака дали отпор этим попыткам.

Огромное значение для подъема идейной жизни и укрепления политических позиций большевиков имел приезд в Симбирск в мае И. М. Варейкиса.

Варейкис был кооптирован в состав комитета партии в качестве председателя комитета. В его лице симбирская организация нашла руководителя, быстро получившего заслуженное признание и любовь.

Варейкис повел страстную и непримиримую борьбу со всеми политическими противниками и идейными шатаниями среди самих большевиков.

Тов. Варейкис сделал чрезвычайно много для ознакомления организации с ленинскими принципами большевистской тактики в пролетарской революции, для проведения ленинско-сталинской линии в практической работе местной организации большевиков. Первым его делом было превращение «Известий» симбирского совдепа в большевистский орган, когда не удалась попытка издания своей особой большевистской газеты. Варейкис взял линию на фактическое превращение «Известий» в орган большевиков. Это и было достигнуто. Варейкис поместил в газете ряд статей по вопросам тактики партии в области международной политики. Все эти статьи были заострены против антибрестской пропаганды левых эсеров и «левых коммунистов».

Борьба с левыми эсерами и с оппортунистами в собственных рядах стала более настойчивой и четкой.

\* \*  
■

Итак, к маю симбирская организация достигла значительных успехов в укреплении своего влияния на рабочих и трудящихся города. Одновременно она стала усиливать свою работу и в деревне.

Одной из первых форм помощи деревенской бедноте со стороны партии были особые отряды городских рабочих, направленных в деревню для укрепления советской власти и борьбы с кулачеством. Сызранским советом был создан «летучий отряд по защите революции» под командой т. Фролова. Этот отряд,

<sup>1</sup> Дело симбирского горкома РКП(б) № 1, стр. 247.



передвинутый впоследствии в Сенгилеевский уезд, подавлял с оружием в руках антисоветские выступления, производил обложение богачей и реквизировал хлеб у кулаков для бедноты.<sup>1</sup>

С конца апреля симбирский комитет партии приступил к рассылке агитаторов-организаторов по деревням. Но достаточных сил для этого он выделить не сумел. И в течение всей весны на заседаниях комитета и общих собраниях постоянно отмечалась недостаточность работы среди деревенской бедноты. 25 апреля т. Иванов, говоря о необходимости перелома в этом деле, указывал, что после захвата власти «ответственные товарищи сразу были завалены государственной и административной работой и парторганизация ослабила руководство крестьянством.<sup>2</sup>

Тов. Швер 1 июня попрежнему отмечает «нашу бездеятельность среди деревенской бедноты».<sup>3</sup>

Среди некоторой части городских коммунистов распространялась «деревнебоязнь» — нежелание ехать в деревню, где шла обостренная классовая борьба. Высказывались взгляды, что работа среди крестьянства вообще не может иметь успеха и в частности, что от «созыва крестьян на губернский съезд советов мы, заранее можно сказать, получим только ущерб».<sup>4</sup>

Недооценку революционных способностей трудящегося крестьянства обнаружили некоторые члены комитета большевиков. (В. Н. Фрейман и др.). Работа развертывалась в борьбе большинства комитета с этим троцкистским по сути неверием в возможность создания революционных резервов в деревне.

Посланные комитетом на места организаторы опровергали делом эти антиленинские установки, выявляя революционные слои бедноты и создавая партийные ячейки.

Так возникли партийные организации на местах: барышская — организатор З. Маслов, жадовская — организатор В. Сильнов, тушинская и др.

Однако недостаток партийных сил не позволял развернуть эту работу достаточно широко, а непартийные позиции отдельных членов организации тормозили ее.

Для многих деревенских ячеек этого периода характерно, что они целиком, как например тушинская, вливались в создающиеся сельхозкоммуны и часто являлись их инициаторами. Эти коммунисты-бедняки были убеждены, что великое звание членов коммунистической партии обязывает их перейти на коммунистический коллективный труд. Личным примером они показывали широким слоям бедноты и середняков, на каком пути лежит единственно правильное решение крестьянского вопроса. Но увлечение устройством коммунистического быта вело иногда к забвению политических задач момента, задач классового спло-

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216.

<sup>2</sup> Дело симбирского горкома РКП(б) № 1, стр. 247.

<sup>3</sup> Дело симбирского горкома РКП(б) № 1, стр. 234.

<sup>4</sup> Выступление Романова, дело симбирского горкома РКП(б) № 1, стр. 328.



чения широких масс бедноты для борьбы с кулачеством и для завоевания сочувствия в этой борьбе со стороны середняцких масс.

Важнейшим рычагом в проведении политики партии в деревне был строящийся государственный аппарат советской власти. Но низовые советы часто находились под кулацким влиянием, а наверху у руководства иногда оказывались люди с антипартийными взглядами на вопросы работы в деревне.

В этом отношении чрезвычайно характерны две фигуры, с которыми боролся симбирский комитет партии. Это — чрезвычайный комиссар Солонко и Ксандров, известный как правый оппортунист в дни установления власти советов в Симбирске, когда он вопреки запрету большевистской фракции вошел в состав эсеровского «комитета народной власти». Добившись председательства в симбирском уисполкоме, он поплелся в хвосте местнических крестьянских настроений, не проводил в жизнь намеченных губисполкомом мероприятий, ослабляя тем пролетарское руководство деревней.

Чрезвычайный комиссар Солонко, наоборот, отличался «левацкими» увлечениями. Борьбу за централизацию, против «самочинств» местных советов он превращал в борьбу против всякого рода проявлений самостоятельности рабочих и деревенской бедноты. В то же время под флагом «централизации» Солонко сам сплошь и рядом игнорировал губисполком и совершал поистине самочинные действия.

С приездом т. Варейкиса оба этих деятеля были отстранены от работы.

Экономическая отсталость губернии, малочисленность пролетариата создавали особо-трудные условия для советского строительства в Симбирской губернии. Весной 1918 года большевики не смогли в должной мере организовать начавшийся классовый подъем деревенской бедноты. Советы, руководимые большевиками, организовали рабочих на борьбу с безработицей, на осуществление рабочего управления производством.

Имели успех советы и в коренном вопросе момента — в борьбе с голодом: по городам и селам были созданы значительные денежные и товарообменные фонды и двинуты в урожайные губернии для приобретения хлеба; завоз хлеба в губернию увеличивался.

В ответ на эти успехи советской власти правые и левые эсеры усиливали свою дезорганизаторскую контрреволюционную деятельность.

Самарский и пензенский центры правых эсеров, имевшие еще влияние в ряде сел (Березники, Беклемишево) Симбирской губернии, взяли курс на подготовку вооруженных выступлений против советской власти.

С целью срыва работы советов по установлению контроля



над местным кулацким хлебом и срыва организованных закупок хлеба правые эсеры и кулаки пытались вызвать в ряде волостей Карсунского уезда движение за посылку «уполномоченных» в губернию с требованием свободы торговли хлебом.

Но за исключением отдельных случаев эта провокация правых эсеров была разоблачена деревенскими коммунистами и беднотой.

Левые эсеры все более приближались к правым. Они выступали против хлебной монополии, против централизованных закупок хлеба и превращались все более в защитников кулацких интересов.

Кулаки и правые эсеры в этот период охотно объявляли себя «левыми» для того, чтобы легче проникнуть в советы, присосаться к хлебозакупкам и использовать левоэсеровскую партийность для прикрытия своего кулацкого нутра.

Чрезвычайно интересно в этом отношении столкновение рабочей и «крестьянской» секций сызранского совета.

«Крестьянской» секцией руководили правые и левые эсеры. Этих «противников» сближала борьба за «общекрестьянские», т. е. кулацкие интересы. В конце апреля «крестьянская» секция перешла в открытое наступление против рабочей секции. Утверждая, что на рынке происходит одностороннее повышение цен на промтовары к невыгоде крестьянства, секция выдвинула требования отмены рабочего контроля и осуществления взамен его «крестьянского контроля» над промышленностью, а также над профсоюзами с тем, чтобы те не производили расценок труда без участия «крестьянской» секции. Рабочая секция в ответ произвела аресты и распустила «крестьянскую» секцию.<sup>1</sup> Этот факт вскрыл слабую сторону сызранской организации большевиков, которая, недооценивая работу в деревне, не сумела обеспечить свое руководство в крестьянской секции. С другой стороны, это событие еще раз показало, что в своей борьбе против большевиков левые эсеры зашли так далеко, что их уже нельзя отличить от правых эсеров.

Серьезное столкновение большевиков с левыми эсерами произошло на сенгилеевском уездном съезде советов. Потерпев поражение на вопросе о Бресте, левые эсеры дали бой большевикам по вопросу о выборах в исполком, развернув широкую пропаганду необходимости «равенства» и «пропорциональности» рабочих и крестьян при выборах в советы.

Делегат Аксенов выступил вообще против избрания рабочих в исполком под предлогом, что «рабочая секция в Сенгилее ничего не делала и в дальнейшем не нужна» и что она «имеет право на место лишь в губисполкоме, а не в уездном «крестьянском совете».

---

<sup>1</sup> По докладу т. Гимова на собрании симбирской организации большевиков 3 мая 1918 года. Материалы ульяновского истпарта.



Рабочая секция съезда во главе с большевиками вынуждена была демонстративно покинуть съезд для того, чтобы добиться проведения своих депутатов в исполком.<sup>1</sup>

Левые эсеры быстро шли к разрыву с большевиками и советской властью.

## II. Контрреволюция переходит к действию

Приближались наиболее голодные и трудные месяцы—май и июнь.

По всей стране классовый враг ставил в порядок дня вооруженное восстание против власти советов. Буржуазия хорошо сознавала, что «...если крестьяне, впервые, после многих веков этой осенью получают плоды собственных трудов в виде жатвы и обеспечат трудящийся класс города, то рухнут все надежды буржуазии на реставрацию и укрепитя Советская власть».<sup>2</sup>

Голод, перебои в снабжении, споры между общинами из-за земельных неурядиц, отчаяние людей, уставших от империалистической войны, бешенство базарной стихии и религиозные предрассудки — все было использовано буржуазией для организации бунтов и контрреволюционных восстаний против советов.

Кулачество пустило в ход свой излюбленный прием террора в отношении отдельных работников советской власти, натравливая на них спровоцированные массы.

Некоторые большевики-агитаторы, выезжавшие в деревню, подверглись нападениям. Выступавшему на митинге в селе Ключищи большевику Соснину не давали говорить и, окружив, пытались учинить расправу над ним.

Большевика Панина разъяренная толпа пыталась выбросить из вагона, когда он стал разоблачать кулацких шептунов. Командир красногвардейского отряда Крестин в селе Каменка был загнан толпой в реку Свиягу. В селе Тереньга подвергся оскорблениям и избиениям большевик—член волисполкома. Всеми этими нападениями кулачество стремилось накалить атмосферу, чтобы увлечь затем крестьян на более решительные действия.

В ряде сел кулачеству удалось вызвать разгром хлебных маршрутов. Особенно широкий характер разгром продовольственных маршрутов принял в Карсунском уезде.

Классовый враг поднимал голову и переходил к действию. По всему Поволжью вспыхивали кулацкие восстания.

Кулацкие восстания произошли в крупных базарных селах: Шиловке, Тагае, Березниках, Поповке, Усть-Урене, в Цильнинской волости, в Шумовке, в уездных городах Алатыре, Сенгилее и др.

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 29.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 69.



При ликвидации одного из таких выступлений в селе Шумовка группа симбирских красногвардейцев (т. Порозов и др.) с помощью рабочих Ишеевской суконной фабрики захватила белогвардейских организаторов, юнкеров С. Синицына и Шоде. Оказалось, что юнкера проводили здесь вербовку в белогвардейские отряды.

Этот факт говорил о наличии в Симбирске подпольной белогвардейской организации, ставящей себе задачей организовать объединенное восстание городских белогвардейцев и кулаков.

К более активным действиям перешли и другие контрреволюционные силы. В конце апреля по улицам Симбирска были разбросаны провокационные листовки, призывавшие «верующих» встать на защиту церквей, подвергающихся якобы осквернению со стороны большевиков. Спровоцированные и фанатически настроенные толпы мещанства и антисоветской интеллигенции с хоругвями и иконами, с духовенством во главе двинулись по улицам города.

Подобная же демонстрация «верующих женщин» была устроена попами в Сенгилее.

На ликвидацию враждебных советам выступлений направлялся обычно один батальон, в составе которого был красногвардейский рабочий отряд (т. Самарина), испытанный еще в дни захвата власти.

Небольшие красногвардейские партийные отряды имели и уездные исполкомы.

Правда, к концу апреля в распоряжении симбирского губвоенкомата был уже целый полк (1-й Советский) в три батальона, в составе 995 штыков, но политическое лицо значительной части «добровольцев», поступивших в Красную армию, было весьма сомнительное.

В результате деятельности правых эсеров и различных темных элементов среди красноармейцев усилились антисоветские настроения, особенно в связи с посылкой отрядов на подавление кулацких восстаний.

В начале апреля в Сенгилее в связи с задержкой жалования спровоцированные красноармейцы ворвались в уездный совет и арестовали многих его членов. 10 апреля тревожные события произошли в Симбирске. Используя недовольство поведением чрезвычайного комиссара Солонко, допустившего ряд перегибов, пробравшиеся в Красную армию контрреволюционные элементы организовали нападение на совет. Они выбрали момент, когда Солонко лично производил аресты среди спекулирующих на базаре, и напали на него. Солонко стал отстреливаться. Раненый в плечо он успел все же уехать и добраться до совета. Провокаторы Шатров и Никифоров передали в свою 2-ю роту, что Солонко расстреливает красноармейцев на базаре. Спровоцированные красноармейцы на митинге потребовали выдачи Солонко, а затем пьяная толпа, вооруженная винтов-



ками во главе с Шатровым и Никифоровым ворвалась в совет.<sup>1</sup>

Совет и комитет партии оказались под угрозой разгрома. Солонко был схвачен и уведен. Однако большинство членов исполкома и парткома оказалось вне здания и немедленно приступило к собиранию надежных сил.

Этим же вечером на экстренном собрании ротных и батальонных комитетов удалось добиться решения об освобождении Солонко и немедленном аресте провокаторов правых эсеров Шатрова и Никифорова. Однако 2-я рота отказалась выдать зачинщиков. Через день удалось освободить Солонко и лишь через неделю арестовали Шатрова, Никифоров успел скрыться.

Движение контрреволюционных элементов в Поволжье и Симбирской губернии, события 10 апреля в Симбирске диктовали необходимость решительного укрепления позиции большевиков в Красной армии.

Созданная 21 апреля губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией под руководством тт. Грикмана и Левина-Бельского занялась выявлением контрреволюционных элементов, проникших в ряды Красной армии. Произвели аресты. Однако ликвидировать полностью действующую в городе и в воинских частях контрреволюционную организацию не удалось.

В то же время губисполком организовал чистку формирующихся батальонов от ненадежных подозрительных элементов.

Интернационалисты-военнопленные довели свой красногвардейский отряд до 100 человек. Пеньевский (большевик) создал образцовую пулеметную команду. К 15 мая в Симбирск прибыл 1-й Революционный полк латышских стрелков в составе 500 бойцов. В строительстве Красной армии и укреплении военных позиций совета наступил некоторый перелом. Но он не был закреплен. Военное руководство оставалось еще в руках беспартийных и левых эсеров, что ослабило достигнутые большевиками результаты.

\* \* \*

VI губернский съезд советов, работавший с 12 по 22 мая 1918 года, особо отчетливо отразил соотношение классовых сил в губернии перед началом гражданской войны. Картина фракционной борьбы на съезде была во многом типична для всего края. Готовясь к гражданской войне, контрреволюция пыталась на этом съезде если не вырвать власть из рук большевиков, то дезорганизовать ее.

Этот съезд показал также, как сложилось то соотношение сил между большевиками и левыми эсерами, которое не позволило симбирскому губисполкому организовать сразу же достаточно мощный военный отпор контрреволюционным чехо-словакам.

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 214, лист 285. Доклад т. Грикмана.



Созыв съезда происходил в обстановке обостряющегося голода и подъема кулацко-правоэсеровской активности. Большевикам же не удалось бросить достаточных сил в деревню и даже на предприятия для подготовки съезда. Выборы делегатов в большинстве случаев проходили стихийно и нередко под кулацким верховодством. Большевиков избирали очень мало, не более 20 человек на 200 с лишним делегатов съезда. В ряде мест проходили правые эсеры и меньшевики.

10 мая происходило совместное заседание комитетов и активных работников, большевиков, левых эсеров и максималистов по вопросу о совместных выступлениях против правых социалистов.<sup>1</sup>

Правые эсеры и меньшевики тоже готовились к съезду. Они решили дать серьезный бой. В числе делегатов оказались известные лидеры их: член Учредительного собрания В. Алмазов, Косинский, Краснов и др. Выступая под маской «партии беспартийных», они сумели вначале объединить вокруг себя большую часть беспартийных делегатов (свыше 100 человек).

Но большевики, явившись на заседание фракции «беспартийных», сумели разоблачить правоэсеровскую тактику обмана.

Съезд был открыт, большевики и левые эсеры провели свой президиум.

Средняцкое большинство съезда поддерживало большевиков в вопросе о мире с Германией, деловито участвовало в секционной работе по разделу земли, «приветствовало» мероприятия в области финансов, просвещения, здравоохранения и т. п., благожелательно относилось к вопросу о строительстве Красной армии. Большинство съезда неприязненно относилось к демагогии правых, стремившихся борьбой из-за регламента и т. п. сорвать деловой ход съезда или затянуть его до бесконечности.

Совершенно иная картина сложилась, когда дело дошло до продовольственного вопроса. Кулаки и правые социалисты развернули бешеную демагогию, выдвигая свободную торговлю как «лучшую меру борьбы с голодом». Средняцкое большинство делегатов потянулось за торгашеским лозунгом. Получилось так, что середняки приветствовали советскую власть за уравнительный раздел земли, но в вопросе о хлебе повернулись в сторону кулацких требований.

Большевики упорно сдерживали напор мелкобуржуазной стихии. Но кулачество и правые эсеры предприняли «обходный маневр». Через «беспартийного» делегата они внесли резолюцию, смысл которой заключался в том, что хлебная монополия пусть остается на словах, а на практике необходимо предоставить волостям право самостоятельных заготовок в урожайных губерниях. Эту кулацкую резолюцию, направленную на дезорганиза-

<sup>1</sup> Дело симбирского горкома РКП(б) № 1, стр. 257.



цию всей продовольственной работы, они преподнесли в «советской» форме, в виде «просьбы» к губпродкому. Вместе с тем в этой резолюции, конечно, не было и намека на выявление местного, т. е. находящегося у кулаков хлеба.

Резолюция была принята большинством 144 голосов против большевиков при 44 воздержавшихся, среди которых была и добрая часть левых эсеров.

Такое постановление съезда могло стать знаменем, собирающим все силы мелкобуржуазной стихии на борьбу против хлебной монополии, а тем самым и против советов.

Фракция большевиков немедленно известила об этом решении центр, чтобы при помощи его переубедить съезд.

Вместе с тем фракция большевиков добилась от своих «союзников» — левых эсеров — совместного выступления перед съездом в целях пересмотра принятого решения.

Но ни разъяснения центра, ни протесты фракции большевиков не дали результатов. Остался единственный выход — обеспечить выборы советского исполкома с тем, чтобы на практике исправить кулацкое решение съезда.

Неудача советского блока по продовольственному вопросу в значительной мере определялась тем, что левоэсеровская часть его была подвержена сильным политическим шатаниям и разногласиям. Поэтому и сам блок большевиков и левых эсеров не раз был под угрозой.

Кулацкая по существу резолюция съезда о децентрализации закупок не только не противоречила общей линии левых эсеров, но совпадала с борьбой, которую эта партия вела против хлебной монополии. Правда, часть их фракции, учитывая общую обстановку на съезде, под давлением большевиков поддерживала хлебную монополию и использование кулацких запасов хлеба. Однако левые эсеры выступали «против централизации, за децентрализованные заготовки хлеба», мотивируя это различными «местническими» соображениями.

Уже после того, как решение съезда о децентрализации закупок было отменено, ардатовский уездный съезд, руководимый левыми эсерами, пытался протестовать перед центром против нарушения постановления губернского съезда, т. е. взял под защиту кулацкую резолюцию.

Еще большим испытаниям подверглось соглашение большевиков и левых эсеров при обсуждении вопроса о международном положении и Брестском мире.

В этом вопросе левые эсеры, не считаясь с опасностью разрыва с большевиками, выступили с настойчивой пропагандой своей тактики.

Вслед за большевиком А. Швером с содокладом по этому вопросу выступил максималист М. Гольман. Критикуя политику Совнаркома, левые эсеры звали к срыву этой политики. Создалось положение, когда «союзники» по блоку выступали против боль-



шевиков и щеголя «революционной фразой», говорили по существу то же, что и правые социалисты.

Левые эсеры все более и более изолировали себя от трудящихся масс. «Нам страшен не германец, на которого здесь указывали, а надвигающаяся буржуазия», — отвечал «левым» один делегат, беспартийный рабочий.

Докладчик, большевик, в заключительном слове разоблачил не только контрреволюционность правых социалистов, но и авантюризм и беспочвенность своих «друзей» по блоку.

VI съезд как нельзя ярко вскрыл растущее расхождение большевиков и левых эсеров. Он показал, что, несмотря на временное соглашение с большевиками, левые эсеры идут к окончательному разрыву с советской властью — к переходу в лагерь контрреволюции. Всю остроту положения на съезде они использовали в своих фракционных целях. Обстановка вынудила большевиков пойти на значительные уступки левым эсерам при распределении отделов губисполкома. Им предоставлено было руководство в комиссариатах земледелия, продовольствия, путей сообщения и губвоенкомате.

Правда, большевики сохранили большинство в исполкоме. Председателем губисполкома остался большевик — рабочий металлист М. Гимов. Большевики укрепили также свои позиции в президиуме путем кооптации И. Варейкиса товарищем председателя. Сохранив эти позиции общего руководства в своих руках, большевики могли контролировать деятельность левых эсеров. Однако руководство 4 важнейшими комиссариатами было сильно затруднено.

В виду разгоравшейся гражданской войны особенно серьезные последствия имел переход к левым эсерам губвоенкомата.

Уже съезд советов проходил при общей тревожной обстановке в крае. Президиум съезда то и дело получал волнующие телеграммы. 17 мая произошло восстание анархо-максималистов в Самаре, произошли первые столкновения с чехо-словаками в Челябинске. Самара просила помощи против Дутова, вторгшегося в пределы Самарской губернии.

Почувяв начало гражданской войны, правые эсеры развернули на съезде бешеную демагогию по вопросам строительства Красной армии. Особенно они ухватились за пункт инструкции о беспрекословном выполнении приказов, доказывая, что в таком случае красноармейцев «заставят направлять оружие против рабочих и крестьян» (Косинский). С трибуны съезда правые эсеры стремились поколебать дисциплину строящейся Красной армии и сеять в ней недоверие к власти советов.

Конец съезда ознаменовался проводами симбирского сводного красноармейского отряда в 400 человек на борьбу против Дутова. Проводы вылились в большую демонстрацию революционных сил. В проводах участвовало большинство съезда, трудящиеся города и части гарнизона.



В двадцатых числах мая стали поступать тревожные сведения о подозрительном поведении чехо-словаков в Пензе. Контрреволюция, выражавшаяся до сих пор в разрозненных кулацких выступлениях, приобретала готовую военную силу, ядро, вокруг которого могли объединиться все силы реакции.

Уже через несколько дней после окончания VI губернского съезда советов симбирские большевики поняли, что на очередь дня во весь рост встает военный вопрос и что они совершили большую ошибку, отдав руководство губвоенкоматом левым эсерам.

Для укрепления своих позиций в губвоенкомате большевики посылают туда т. Звирбуля в качестве военного руководителя, т. Олейника в качестве начальника агитационного отдела военного комиссариата. Большевики развертывают борьбу с левыми эсерами за руководство в военных органах.

### III. Борьба с самарской учредилкой

27 мая из Пензы телеграфировали, что отношения с чехо-словацким командованием резко обострились и что нужно подкрепление на случай вооруженного столкновения с чешскими легионами. Симбирский губисполком в тот же день сформировал сводный красноармейский отряд в 400 человек и отправил его в Пензу. С отрядом выехал член симбирского губисполкома т. Мигин (большевик).

28 мая телеграф сообщил о вооруженном выступлении чехо-словаков в Пензе.

Предвидя, что выступление чехо-словаков перекинется в Сызрань, поднимет контрреволюционные силы губернии и вызовет гражданскую войну, симбирский губисполком создал чрезвычайный военно-революционный штаб, к которому перешла вся полнота власти по обороне Симбирской губернии.

В состав штаба вошли: 3 большевика — В. Пеньевский (начальник штаба), И. Варейкис, Измайлов; 2 левых эсера — К. Иванов и Гладышев и 2 эсера максималиста — М. Гольман и Долников.

Город был объявлен на военном положении. Сводный красноармейский отряд отправился на помощь Сызрани под командованием большевика т. Олейника.

В ответ на телеграмму В. Куйбышева о помощи Самаре симбирский чрезвычайный военно-революционный штаб решил послать лучшее, что осталось в гарнизоне — отряд в 200 человек во главе с тт. Пеньевским и Гладышевым. Вслед за этим отрядом были отправлены: карсунский отряд — 180 человек, интернациональный отряд — 102 человека и пулеметная команда в 95 человек.

Большинство бойцов симбирского отряда погибло, защищая подступы к Самаре. Товарищи Пеньевский и Гладышев были взяты чехами в плен и заключены в тюрьму.

Самара, несмотря на геройское сопротивление самарских



коммунистов, 8 июня была занята чехо-словаками, а Симбирск оказался под непосредственной угрозой.

Симбирский губисполком вновь сформировал отряд в 150—200 бойцов и отправил его в район Новодевичье — Сенгилей, где отступившие от Самары дружины коммунистов и левых эсеров, уфимский, нижегородский и другие красногвардейские отряды образовали фронт.

11 июня приказом главнокомандующего Восточным фронтом образовался штаб симбирской группы войск во главе с симбирским губвоенкомом К. Ивановым. Эта группа войск объединила части, действующие на сенгилеевском, ставропольском и бугульминском направлениях. Одновременно была создана инзенская группа войск.

Симбирск ходом событий приобрел исключительное стратегическое и политическое значение. Опираясь на партийные, советские и профсоюзные организации Самары и Симбирска, должна была развернуться 1-я армия и нанести решающий удар белогвардейцам.

Симбирская, пензенская, самарская и саратовская организации большевиков оказались выдвинутыми буквально на передовую линию огня. Эти организации несли ответственность перед всей партией за судьбу Восточного фронта, преградившего пути белогвардейским бандам, рвущимся к сердцу страны.

9 июня самарский ревком во главе с т. В. В. Куйбышевым прибыл в Симбирск и вместе с симбирским губисполкомом в тесном большевистском содружестве приступил к организации борьбы с самарской учредилкой.

Задача самарского и симбирского совдепов заключалась в том, чтобы, объединив свои усилия, найти на местах нужные силы, прежде чем пролетарский центр сможет бросить сюда достаточно мощную помощь для подавления контрреволюции. В. В. Куйбышев и И. М. Варейкис проводят ряд совещаний, намечая пути совместной деятельности двух совдепов. Выпускается совместное воззвание самарского и симбирского совдепов к рабочим и крестьянам Поволжья с призывом на борьбу с самарской учредилкой. По инициативе В. В. Куйбышева самарский ревком выделяет группу работников в помощь симбирской чрезвычайной комиссии. В. В. Куйбышев непосредственно участвует в укреплении сенгилеевского участка фронта.

В то же время симбирский комитет большевиков приступил к перестройке всей партийной работы и партийных рядов в интересах обороны.

1 июня на общем собрании коммунистов по предложению Носифа Варейкиса принято было решение об организации «боевого отряда» при симбирском комитете партии. Избрана была специальная партийная военная комиссия (в составе тт. Звирбуля, Олейниза, Нейланда, Швера и Чистова) для организации военного



обучения членов партии и создания партийного красногвардейского отряда.

К концу июня комитет партии получил в свое распоряжение надежный «боевой отряд» в 70 человек. Но для защиты города этого было мало. Гарнизон Симбирска был ослаблен непрерывной посылкой отрядов на помощь городам, оказавшимся под ударами чехо-словаков. Необходимы были новые формирования.

С этой целью еще в первых числах июня чрезвычайный военно-революционный штаб разослал партийных организаторов по всем крупным фабрикам и заводам губернии.

Правые эсеры, имевшие влияние на некоторых предприятиях, стремились всячески сорвать военно-вербовочную работу коммунистов, спекулируя на усталости от войны.

На бурном собрании металлистов правый эсер Косинский выступил с лозунгом «нейтралитета» в происходящей борьбе советов с самарской учредилкой. «Нам неизвестно, чем вызвано движение чехо-словаков и против кого оно направлено», — говорил Косинский.

Однако большинство собрания дало отпор эсерам, и металлисты создали свой красноармейский отряд в 90 человек, преимущественно из петроградских рабочих.

В депо станции Инза Московско-Казанской железной дороги правым эсерам удалось на время увлечь за собой часть рабочих, которые постановили соблюдать «нейтралитет» и продолжать работать, если чехо-словаки займут станцию. Однако прибывшим из Рузаевки и Симбирска коммунистам удалось разоблачить предательский характер лозунга «нейтралитета в классовой войне», и рабочие поклялись всеми силами участвовать в борьбе с белогвардейцами.

Большую инициативу проявил коллектив коммунистов Волго-Бугульминской железной дороги.

Под руководством комиссара дороги т. Степанова было создано «бюро боевых дружин Волго-Бугульминской железной дороги», которое обратилось к рабочим дороги с призывом «встать на защиту революции, на защиту своей дороги. Возьмите в свои руки охрану всей дороги, создавайте боевые дружины, увеличивайте продуктивность вашей работы до максимума, поддерживайте разрушающийся транспорт, докажите же свою силу и творчество на деле и вы спасете этим революцию».<sup>1</sup>

Волго-бугульминские рабочие Симбирского узла одни из первых прислали в распоряжение симбирского комитета партии свой красногвардейский отряд в 20 человек.

Боевая дружина железнодорожников в 50 человек была создана в Бугульме. Наконец, под руководством т. Степанова железнодорожники создали головной бронепоезд, который в конце июня выступил на борьбу с чехо-словаками.

<sup>1</sup> Дело симбирского горкома Р.П.(б) № 1, стр. 49.



С воодушевлением откликнулись на призыв чрезвычайного военно-революционного штаба рабочие текстильных фабрик. Первыми прислали в Симбирск свой отряд рабочие фабрики б. Шатрова (50 человек) и фабрики б. Акчурина (34 человека). Рабочие отряды металлистов, железнодорожников, текстильщиков, прибывшие в Симбирск, были соединены вместе с партийными в один рабоче-коммунистический отряд в 250 бойцов.

Одновременно с этим т. Звирбуль провел работу среди латышей-беженцев, проживавших в Симбирске. Созданная ими рота латышей в 100 человек влилась в 1-й Революционный полк латышских стрелков, выросший таким образом до 500 человек. Успешную вербовку среди военнопленных продолжал комитет иностранных рабочих. Отряд интернационалистов к концу июня вырос до 250 человек.

Коренная политическая задача момента заключалась в том, чтобы от «передышки» повернуть широкие трудящиеся массы к борьбе с оружием в руках. Надо было развить в них сознание, что судьбы революции решаются оружием, поднять их готовность к военной борьбе. Необходимо было создать технически вооруженную, обученную армию, скованную революционной коммунистической и военной дисциплиной.

Без этого нельзя было бы победить сильного в военно-техническом отношении противника. Надо было в первую очередь «...бороться с одним из самых труднопреодолеваемых противников: нужно бороться с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне...»<sup>1</sup>

Эта общая для страны усталость выражалась особенно сильно в Поволжье, на что указывал Владимир Ильич: «...среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, ... наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти в военные действия...»<sup>2</sup>

Во вновь создаваемые красногвардейские отряды шли преимущественно партийцы и наиболее сознательные слои рабочих и деревенской бедноты. Сами они в большинстве своем с воодушевлением и готовностью брались за винтовку, но не могли еще увлечь за собой достаточно широкие массы.

Борьба партии за пролетарскую дисциплину труда, развернутая в месяцы «передышки», продолжалась теперь внутри красноармейских и красногвардейских отрядов. Борьба шла за пролетарскую революционную дисциплину против недисциплинированности, рвачества, нежелания идти на фронт и тому подобных явлений мелкобуржуазного развала, нередко граничащих с изменой революции.

Мелкобуржуазные настроения особенно были сильны в гарнизонном 1-м Симбирском полку, где скрытно работали

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 161.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 164.



правоэсеровские демагоги. На одном из заседаний полкового совета был зачитан демагогический «наказ» от 5-й роты. Этот наказ требовал «свободы слова всем выступающим ораторам от частей», жалования за полтора месяца вперед, раздачи сукна, «прекращения реквизиций хлеба у мешочников», а в заключение заявлял, что выход «только в удовлетворении требований народа, как политических, так и экономических».<sup>1</sup>

Полковой совет дал отпор этим правоэсеровским пронкам, однако составителей наказа выявить не удалось.

Для этого периода борьбы характерна неустойчивость в рядах красноармейцев—быстрый переход от революционно-наступательного порыва к панике. Так, даже в одной из лучших, в сенгилевской группе войск, часть отрядов, оказавшись однажды в затруднительном положении в бою под Новодевичьим, поддалась панике. Выйдя из повиновения комсоставу, отряды погрузились в беспорядке на пароходы, бросились к Симбирску и под влиянием анархистствующих, разложившихся элементов хотели прорваться дальше с оружием в руках. Только вид бронепоезда на железнодорожном мосту и цепей, рассыпавшихся по берегу, да разъяснения представителей самарского ревкома и симбирского губисполкома отрезвили паникеров и заставили их вернуться на фронт.

Подобный же случай имел место на бугульминско-уфимском направлении, когда команда бронепоезда Гулинского, уставшая от непрерывных боев и деморализованная постоянными угрозами обходов, отказалась вернуться в Бугульму и стала уходить на Симбирск, а вслед за нею двинулся и красноармейский отряд Ермолаева, поставив под угрозу левый фланг 1-й армии. Положение было восстановлено лишь с прибытием бронепоезда Полупанова и симбирского рабоче-коммунистического отряда.

Существование в Симбирске особого рабоче-коммунистического отряда было необходимо в обстановке партизанского периода борьбы с его неустойчивостью и колебаниями на фронте.

Симбирским коммунистическим отрядом была проделана большая боевая работа. Охраняя революционный порядок в тылу, он был надежнейшей силой, которая выполняла ответственные поручения губчека, несла охрану города, производила аресты и т. п.

В начале июня на станции В. Часовня волго-бугульминскими дружинниками была ликвидирована попытка чехословацкого эшелона проскользнуть на восток в запломбированных вагонах.

В середине июня на этой же станции был разоружен казанский отряд моряков, отказавшихся идти на фронт и разгромивших штаб Красной гвардии Волго-Бугульминской железной дороги.

---

<sup>1</sup> «Известия» симбирского совета от 29 июня 1918 г.



В конце июня симбирские коммунисты ликвидировали нападение городских белогвардейцев на пороховые погреба. Под охраной коммунистов были эвакуированы банковские фонды в Нижний Новгород. Наконец, рабоче-коммунистический отряд приостановил отступление на сенгилеевском и бугульминском направлениях.

С начала июля большая часть этого отряда уже была на фронте.



С первых же шагов левые эсеры стали саботировать задачу перехода к регулярной Красной армии, любыми предложениями отстаивая партизанщину, которая наиболее отвечала их мелко-буржуазным взглядам и целям борьбы за срыв Брестского мира. Они стремились оттянуть мобилизацию, которая являлась первым шагом к построению регулярной Красной армии.

Приказ правительства за подписью Ленина и Свердлова о мобилизации в трех прифронтовых уездах (Симбирском, Сенгилеевском и Сызранском) был опубликован 14 июня. Но до конца июня левоэсеровский губвоенкомат ничего не предпринял для его осуществления.

Лишь после решительных протестов фракции большевиков была создана, наконец, мобилизационная комиссия — по два представителя от большевиков и эсеров.<sup>1</sup>

28 июня началась фактическая мобилизация, и лишь 30 июня губисполком утвердил дальнейший конкретный план мобилизации, предложив закончить ее не позднее 4 июля.<sup>2</sup>

Однако наиболее благоприятный момент для мобилизации, перед уборкой урожая, был упущен.

Между большевиками и эсерами развернулась борьба за руководство военными органами.

9 июня фракция большевиков добилась большинства в чрезвычайном военно-революционном штабе, но левые эсеры сделали ловкий контршаг.

В некоторых высших военных органах давало себя знать насаждаемое тогда наркомвоенмором Троцким пренебрежительное отношение к инициативе местных большевистских и рабочих организаций в строительстве Красной армии.

Окружив себя реакционным генералитетом, Троцкий намеревался строить советские вооруженные силы руками военных специалистов без мобилизации бдительности и самостоятельности большевистских организаций и советов.

Это использовали симбирские военные работники-эсеры. Левый эсер Клим Иванов, бывший офицер и губвоенком, оказался и командующим симбирской группой войск.

<sup>1</sup> Протокол губисполкома от 23 июня 1918 г., № 4.

<sup>2</sup> Протокол губисполкома № 67.



Вместе с тем высшая военная инспекция, распустив симбирский чрезвычайный военно-революционный штаб, выполнивший свою роль, ничего не сделала для использования членов его, большевиков, в штабе симбирской группы войск, предложив им как «гражданским» работникам вернуться к исполнению своих «прямых обязанностей».

Назначение главкомом Восточного фронта левого эсера Муравьева еще больше укрепило военные позиции левых эсеров, взявших уже курс на прямое восстание против советской власти. Бывший полковник Муравьев четко усвоил линию Троцкого — игнорировать местные большевистские организации и советы. Прибыв в конце июня в Симбирск, он отказался от встречи с большевиками, представителями самарского и симбирского совдепов, не принял рапорт чрезвычайного коменданта города т. Звирбуля и не допустил его на военное совещание в штабе симбирской группы войск. Зато Муравьев был близок с левыми эсерами и вместе с К. Ивановым отправился в инспекционную поездку на бугульминский фронт.

Так, троцкистское игнорирование местных парторганизаций, политическая слепота военной инспекции, поддержка левых эсеров главкомом Муравьевым создали чрезвычайно трудную обстановку для военной работы большевиков в Симбирске.

Но симбирский комитет большевиков вовсе не считал себя освобожденным от ответственности за судьбы фронта и работы по укреплению Красной армии. Он использовал все возможности для контроля за левозэсеровским командованием и для исправления допускаемых им «ошибок». Для поддержки революционного порядка в городе и для создания в известной мере противовеса эсеровскому штабу была организована большевистская чрезвычайная комендатура. Через губисполком фракция большевиков в ряде вопросов оказывала давление на губвоенкома — левого эсера Иванова и добилась в частности введения в штаб группы войск большевика С. Измайлова в качестве начальника связи, что Измайлов в широкой мере использовал для осведомления комитета большевиков.

На общих партийных собраниях в этот период постоянно заслушивались оперативные сводки и доклады отдельных товарищей, возвращавшихся с фронта. Одновременно комитет большевиков укреплял свою массовую военную силу — рабоче-коммунистический отряд.

Позиции большевиков значительно упрочились с переходом председателя самарского ревкома т. В. В. Куйбышева на работу комиссаром 1-й Революционной армии и с приездом на фронт т. Тухачевского, назначенного командующим этой армией. С этого момента начинается новая полоса в строительстве 1-й Революционной армии.

Товарищи Куйбышев и Тухачевский установили теснейшую связь с т. Варейкисом и повели совместную борьбу за устране-



ние левозэсеровского руководства из штаба симбирской группы войск и других военных органов.

Совместными усилиями им удалось принудить левых эсеров к реорганизации губвоенкомата и введению туда ряда коммунистов. Но левые эсеры всячески пытались сохранить за собой решающие посты. Когда вторым военным комиссаром был назначен В. Фрейман, они выдвинули заместителем военкома максималиста М. Гольмана. Большевики Певзнер и Олейник назначаются в агитотдел, а управление делами губвоенкомата поручается левому эсеру Ефимову. Командиром 2-го Симбирского полка назначается член губисполкома, большевик П. Смирнов, а командиром 1-го Симбирского полка — левый эсер Ягодин, причем указывается, что все существующие в городе партийные дружины включаются в состав 1-го батальона 1-го полка. Это была попытка подчинить коммунистический отряд левому эсеру, чтобы в случае надобности облегчить удаление этого отряда куда-либо подальше из города.<sup>1</sup>

Все же ряд позиций большевиками был завоеван, что и позволило более интенсивно развернуть мобилизацию в Красную армию.

Вместо бездушной дисциплины, которую, следуя духу указаний Троцкого, пытался насаждать на фронте Муравьев, реввоенсовет 1-й армии со всей определенностью поставил задачу создания новой революционной дисциплины.

«Наши теперешние враги, — говорил в своем воззвании реввоенсовет, — наемники контрреволюционеров, чехо-словаки, представляют хорошо дисциплинированные, вооруженные и испытанные в боях части. Поэтому до тех пор, пока мы слабо организованы, мало дисциплинированы, мы не в силах подавить и ликвидировать мятеж и контрреволюционное движение. Монархической дисциплине контрреволюционеров и чехо-словаков мы должны противопоставить железную революционную самодисциплину».<sup>2</sup>

Тов. Куйбышев лично прибыл в Симбирск и из группы партработников, выделенных самарским ревкомом и симбирским комитетом большевиков (Полетаев, Лавров, В. Афанасьев, Евреинов, М. Муратов, Б. Чистов), создал политаппарат при штабе симбирской группы войск.

Далее реввоенсовет 1-й армии и симбирский губисполком решили привлечь к строительству Красной армии некоторые слои офицерства. Против этого выступили «левацкие» элементы симбирской организации, видевшие в офицерстве только контрреволюционную силу и не понимавшие, что, только используя лучшую, не враждебную нам часть офицерства, пролетариат сможет овладеть военными знаниями.

На общем партсобрании 8 июня «леваки» потребовали «вы-

<sup>1</sup> «Известия» симбирского совета от 4 июля 1918 г.

<sup>2</sup> Архив ульяновского истпарта.



слать офицерство по уездам, волостям, где они будут находиться под контролем местных совдепов и крестьян».<sup>1</sup> Такая мера могла бы только оттолкнуть от советов честные слои офицерства и дать военных инструкторов кулацкой контрреволюции.

Комитет дал отпор этим паникерским настроениям, а 2 июля за подписью тт. Тухачевского и Варейкиса был опубликован приказ о привлечении офицерства в Красную армию.

«Для создания боеспособной армии, — говорилось в приказе, — необходимы опытные руководители, а потому приказываем всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно встать под красные знамена вверенной мне армии».<sup>2</sup>

Симбирский комитет знал, что среди офицерства имеются активные белогвардейские слои. По отношению к этим элементам приняты были необходимые меры. 20 июня симбирская чека под руководством т. Левина-Бельского разгромила подпольную белогвардейскую организацию «союза спасения родины», созданную агентами Савинкова и учредилнца В. Лебедева. Эта организация при помощи местных членов кадетской и правоэсеровской партий еще весной вела вербовку в свои ряды через офицерскую, юнкерскую, кадетскую, студенческую и гимназическую секции.

Большая часть активных руководителей этой организации была захвачена и арестована. Этот удар заставил притаиться белогвардейскую часть офицерства.

Опыт широкого привлечения, отбора и использования офицерства, осуществленный по инициативе В. В. Куйбышева и т. Тухачевского, был первым опытом на всем фронте и имел громадное практическое и принципиальное значение. Командарм 1-й армии т. Тухачевский и комиссар т. Куйбышев лично принимали в кадетском корпусе офицеров и отбирали надежных, знающих специалистов. Из них они и создали в частности преданный аппарат штаба 1-й революционной армии, сделавший очень многое для разгрома чехо-учредилнцев и колчаковцев.

Левые эсеры, которые в этот период уже готовились к восстанию против советской власти, сочли излишним такой тщательный отбор военных специалистов. Они привлекли в штаб симбирской группы большую группу непроверенных офицеров. Впоследствии в момент решающих военных действий под Симбирском большая часть этих специалистов оказалась предателями.

\* \* \*

Захват белогвардейцами Самары и Уфы отрезал пролетарский центр страны от сибирского и приуральского хлеба. Голод

---

<sup>1</sup> Дело симбирского горкома РКП(б) № 1, стр. 323.

<sup>2</sup> «Известия» симбирского губисполкома от 4 июля 1918 года.



в промышленных губерниях обострялся. Обострялась хозяйственно-политическая обстановка и в Поволжье, которое было ближайшим тылом красного фронта.

Обострялся голод и в деревне. В Алатырском и Ардатовском уездах положение ухудшалось значительным недосевом. В то же время в симбирскую деревню двигались мешочники из других губерний. Мешочничество достигало небывалых размеров.

Мешочники двигались в поисках хлеба в Заволжье, вниз по Волге и обратно, невзирая на фронты гражданской войны, разрушали транспорт, мешали воинским переброскам, наполняли города обозленными людьми, легко поддающимися всяким провокациям.

И как раз в июне — июле, в труднейшие месяцы перед новым урожаем, особенно возрос спекулятивный вывоз хлеба из губернии.

Это вновь подтверждало, что у кулаков припрятаны большие запасы хлеба.

Партия на новое обострение голода ответила походом рабочих продотрядов против кулаков и укрывателей хлеба.

11 июня был принят декрет об организации комитетов деревенской бедноты.

Гражданская война обостряла борьбу за хлеб.

Буржуазия и кулачество, с нетерпением ждавшие прихода чехо-словаков, понимали, что настал решительный момент: либо теперь — либо никогда.

Либо они орудием голода свергнут советскую власть, либо она через продотряды вырвет хлеб у них и, организовав деревенскую бедноту и подняв крестьянство, разобьет армии белогвардейцев.

Прикидываясь «голодающими», обвиняя во всех бедах советскую власть, кулаки проповедывали по деревням, что единственное спасение от голода — это мешочничество. Этим они пытались отвлекать внимание бедноты от местных кулацких запасов хлеба, а массу мешочников толкали на выступления против советской власти.

Борьба на фронтах гражданской войны осложнялась продовольственной войной в тылу против кулаков. Эта борьба для симбирской парторганизации была тем более трудна, что в гражданскую войну она вошла, не успев в должной мере развернуть свою работу в деревне. И сейчас свои малочисленные силы она должна была делить между работой в Красной армии и работой в деревне.

Организация новых красногвардейских отрядов производилась не только на предприятиях, но и в деревне. Губисполком обратился с специальным воззванием к трудящемуся крестьянству губернии, зовя к добровольному вступлению в ряды Красной армии.



«Товарищи! Нам грозит опасность. Необходимо встать всем на защиту земли, на защиту революции...

Каждый крестьянин Симбирской губернии, которому дорога земля, которому дорога революция, должен немедленно взяться за оружие.

Каждый уездный, волостной и сельский совет должен немедленно приступить к записи, немедленно организовать отряды и направлять их для защиты революции.

Товарищи! Медлить нельзя ни минуты! Все к оружию! Бросим на время все работы, но не дадим помещикам и капиталистам заковать себя в цепи!»<sup>1</sup>

В тех волостях и селах, где были коммунистические ячейки и беднота уже сплотилась, она проявляла высокое классовое понимание обстановки и немедленно создавала красногвардейские отряды деревенской бедноты.

«Известия симбирского совета сообщали: «5 июня в Симбирск прибыл первый — в 32 человека — деревенский красногвардейский отряд из села Ташла, Симбирского уезда». Этот отряд послужил основой для создающейся симбирской уездной роты.

«Всем коммунарам быть в полной боевой готовности и по первому вызову вступить в открытый бой с предателями народа, оставив в коммуне одних жен и детей, и биться до последней капли крови за советскую власть», — решили коммунары села Тушина 15 июня.

16 июня общее собрание крестьян села Старые Бурундуки в числе 250 человек постановило «немедленно составить отряд и послать его в распоряжение симбирского губисполкома».<sup>2</sup>

21 июня собрание воецкого волсовета с представителями от обществ, обсудив вопрос «о записке добровольцев для защиты революции от угрожающей со стороны буржуазии и ее приспешников опасности, постановило организовать армию из добровольцев; добровольцев в числе 22 человек, изъявивших желание вступить в ряды армии, немедленно отправить в Сенгилей, положив суточных на каждого добровольца по 10 рублей из волостных сумм на трое суток. Семьи обеспечить продовольствием, выслав его с мельницы бесплатно. В случае нашествия врагов волостной совет обязан немедленно извещать об этом все население волости, а также извещать население соседних волостей».<sup>3</sup>

Активность деревенской бедноты не ограничивается вооружением и созданием красногвардейских отрядов. Очень часто вслед за постановлениями о посылке добровольцев в армию следуют решения «немедленно приступить к реквизиции хлеба у богатых крестьян» (село Воецкое). Беднота заботится о повышении и производительности труда в коммунах и создает новые сельскохозяйственные коммуны. Через советы принимаются меры к обеспече-

<sup>1</sup> Архив ульяновского испарта.

<sup>2</sup> «Известия симбирского совета от 6 июня 1918 года.

<sup>3</sup> ЦАОР. ф. 393, дело № 216, лист 72.



нию семей ушедших в Красную армию добровольцев. Материальные затраты по отправке добровольцев возлагаются зачастую на местных кулаков и купцов, у которых отбираются лошади и т. п.

Не было села, где бы среди бедноты и маломощного середнячества не накопилось острой ненависти к богачам-спекулянтам. Но во многих селах советы были захвачены кулаками, а беднота оставалась еще необъединенной и разрозненной. Зачастую отчаяние и страх перед голодом отдавали бедняков в подчинение кулакам.

Гражданская война ускорила классовое расслоение деревни, но вместе с тем в условиях Симбирской губернии ход военных действий отодвинул работу по созданию комитетов деревенской бедноты.

Симбирский комитет большевиков в 20-х числах июня принял решение об организации комбедов, но реализация этого решения затянулась. Часть территории уже была захвачена чехами, с приходом которых беднота подвергалась всем ужасам белого террора.

В то же время левые эсеры, возглавляя губпродком и губвоенкомат, срывали дело организации бедноты. Призывая население к борьбе с хлебной спекуляцией (обращение губпродкома от 16 июня) и к мобилизации лошадей (обращение командующего симбирской группой войск левого эсера К. Иванова 16 июня), они умалчивали об организации бедноты для активного участия в этих мероприятиях, подходя к бедноте только как к нуждающемуся в помощи слою, но не как к классовой опоре пролетариата и советской власти в деревне.

Декларируя свою решимость бороться с белогвардейцами, левые эсеры на деле тормозили и ослабляли строительство Красной армии.

Замедление мобилизации, скрытое сопротивление организации деревенской бедноты, защита партизанщины — все это выросло в серьезную угрозу делу обороны губернии.

Добровольческое красногвардейское движение, хотя оно распространилось и на деревню, не могло дать нужное количество бойцов. Лишь реорганизация в конце июня губвоенкомата и введение в него коммунистов позволили приступить к мобилизации.

28 июня губисполком опубликовал воззвание о призыве пяти годов и о привлечении нетрудового населения к трудовой повинности.

Этот призыв встретил в деревне сильное сопротивление кулачества, попов, б. земцев и правых эсеров. Играя на усталости от войны, на голоде, на страхе перед чехо-словаками, на стремлении середняка освоить землю, они стремились сорвать призыв в Красную армию.

В этот период усилились колебания среди среднего крестьянства. Борьба за землю, казалось, была уже позади. Зем-



ля была разделена. Все мысли крестьянства были сосредоточены на подготовке и уборке хорошего урожая. Менялись настроения. 11 часть середняков прислушивалась к кулацкой агитации против хлебной монополии, против новой войны, против мобилизации.

Распространялись слухи о самарской учредилке с «вольной торговлей». Рождался холодок и выжидательное отношение к советской власти.

«Ленин был совершенно прав, говоря, что после победы буржуазной революции часть середняков уйдет в контр-революцию. Оно так и случилось в период, например, «Уфимского правительства», когда часть середняков в Поволжье ушла в контр-революцию, к кулакам, а большая часть середняков колебалась между революцией и контр-революцией. Да иначе и не могло быть. Средняк на то и середняк, чтобы он выжидал и колебался: чья возьмет, кто его знает, уж лучше выждать».<sup>1</sup>

Чем больше кулак сосредоточил в своих руках хлеба, инвентаря и лучшей земли, чем менее была сплочена беднота, тем сильнее были колебания середняка и сопротивление мобилизации.

Лучшие бедняцкие советы энергичной работой обеспечили явку призываемых в город. Сюндюковский волсовет разослал всех членов совета для разъяснения населению необходимости вооруженной защиты земли и свободы.<sup>2</sup>

Тагаевский волсовет содействовал успеху призыва решительными мерами в области продовольственного обеспечения семей и общественной обработки полей призванных. Причем к этой работе решено было в порядке «трудовой повинности» привлечь зажиточных граждан, имеющих излишки живого инвентаря».<sup>3</sup>

Но в значительном числе волостей кулачеству удалось сильно тормозить и даже срывать мобилизацию в Красную армию. Особенно плохо проходила мобилизация лошадей. Ртищевско-каменский волсовет решением от 22 июня отказался производить учет и мобилизацию лошадей под предлогом, что «армейские лошади были даны самому беднейшему населению и они в настоящее время им необходимы для обработки полей. У лиц, имеющих более 3 лошадей, также лошадей не мобилизовать, так как в здешней волости много безлошадных и им обрабатывать поля не на чем, а люди, имеющие лошадей, им в этом помогают».<sup>4</sup>

Кувакинский волсовет 25 июня, несмотря на убеждения представителя алатырского уисполкома т. Десятникова, решил «отказаться от проведения в жизнь хлебной монополии и от мобилизации лошадей, так как лошадей у жителей осталось очень мало, одна лошадь на 2—3 двора и таковые крайне нужны для полевых работ». А 1 июля этот же волсовет на приказ создать

<sup>1</sup> Сталин, «Об оппозиции», стр. 411.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 187.

<sup>3</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216.

<sup>4</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 218, 220



волвоенкомат предписывает сельсоветам «обсудить на местах вопросы»: «подчиняется ли население советской власти и нужен ли нам волостной воинский комиссариат».<sup>1</sup>

Хуже всего проходила мобилизация в Сызранском и Сенгилеевском уездах, где особенно сильно было кулачество и где особенно реальна была угроза нашествия белогвардейцев. «Волостные сходы начали присылать просьбы о приостановке мобилизации до уборки урожая (до августа). Из мобилизованных по Сенгилеевскому уезду составилаь всего одна рота».<sup>2</sup>

В Новодевиченской волости мобилизация проходила «неудачно в виду боязни населения репрессий со стороны чехо-словаков в случае их прихода».<sup>3</sup>

С такими же затруднениями протекала мобилизация и в Самарской губернии. «В Ставропольском уезде мобилизация проходит слабо», — сообщал в своем рапорте командующий ставропольским участком т. Пугачевский.

В частях Красной армии в этот период большевики начали все глубже охватывать своим влиянием фронтовые части и теснить левоэсеровскую партизанщину, но приходящие пополнения необстрелянной, необученной молодежи приносили с собой в армию все колебания, переживаемые в то время крестьянством и отсталой частью рабочих.

Тем не менее командование 1-й армии, развернув вместе с парторганизациями большую созидательную работу по строительству фронта, уже собирало силы и готовилось перейти в наступление на Самару.

## IV. Измена главкома Муравьева

В начале июля 1918 года Красная армия готовилась перейти в наступление на Самару, чтобы нанести удар учредилловской контрреволюции в самом ее центре и таким образом открыть дорогу к сибирскому хлебу. Объединенная внутренняя и внешняя контрреволюция в свою очередь готовилась к решающему удару по советской России.

Осуществление грандиозного плана контрреволюционных восстаний внутри страны должно было облегчить наступление чехо-словаков из Самары и англо-французов с севера.

В этот период контрреволюция получает подкрепление и помощь со стороны партии левых эсеров. Левые эсеры поднимают восстание в Москве. Свои посты в советах левые эсеры используют для предательских ударов по власти советов, об-

<sup>1</sup> ЦАОР, дело № 215, лист 296, 300.

<sup>2</sup> Доклад увоенкома на IV уездном съезде советов. ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 37.

<sup>3</sup> «Знамя революции», орган казанского совета, № 147 за 1918 год.



лекшей их своим доверием. Измена как метод борьбы, использование советских постов для контрреволюционных целей широко распространяются в этот период, особенно на фронте. Измена идет с двух сторон: изменяют и предают белогвардейцы, проникшие на командные должности Красной армии; изменяют и левые эсеры, разделяющие точку зрения своего центрального комитета о необходимости вооруженной борьбы с большевиками в целях срыва Брестского мира с Германией.

В начале июля на сенгилеевском фронте сбежал к белым офицер Мельников, командовавший этим участком. Под Бугульмой перебежал к белым командир симбирского коммунистического отряда — офицер Воронов, оказавшийся правым эсером. Вследствие предательства Харченко и Махина 5 июля пала Уфа.

Измена гнездилась даже в реввоенсовете Восточного фронта. Предателем оказался главнокомандующий армиями против чехословаков, б. полковник Муравьев — левый эсер.

Муравьев был одним из многочисленных «выдвиженцев» Троцкого, отличавшегося способностью выдвигать на ответственные командные посты политически подозрительных и бездарных военспецов.

При назначении Муравьева произошел знаменательный разговор между Троцким и Кобозевым, членом реввоенсовета Восточного фронта. На предупреждение Кобозева, что «Муравьев изменит», Троцкий уверял: «Нам он не изменит».<sup>1</sup>

Окруженный большевиками — членами реввоенсовета, — Муравьев на первых порах вынужден был пров дить некоторую положительную работу по организации армии, но через всю его деятельность прорывалась характерная система командования. Главком стремился из штаба фронта через голову командиров управлять каждой группой войск, а нередко и отдельными отрядами. Этой манерой Муравьев не только не содействовал изживанию левозэсеровской партизанщины и кустарщины в управлении фронтом, но, наоборот, культивировал их.

Многие военработники — коммунисты — считали это проявлением военной бездарности главкома. Особенно большое сомнение возбудил план наступления на Самару, который Муравьев навязал командованию 1-й армии.

По этому плану 1-я армия полукольцом в 300 верст (Кузнецк — Сенгилей — Бугульма) должна была окружить белую Самару. Причем вся армия дробилась на 7 малочисленных колонн, из которых 6 должны были демонстрировать, а 7-я колонна, всего в 800 штыков, должна была наносить главный удар в направлении Мелекес — Мусорка — Ставрополь — Самара. План был несостоятелен. Наступающие колонны должны были идти по разным направлениям (пензенское, инзенское, теренгульское,

---

<sup>1</sup> Архив Ценгр. дома Красной армии, стенограмма № 1 землячества 1-й Революционной армии от 30 марта 1933 года. Выступление Кобозева.



сенгилеевское, ставропольское, сергиевское, бугульминское), без достаточной связи между собой. Ударная группа была явно недостаточна, чтобы разбить противника, готовящегося к встречному наступлению. Противник обладал преимуществом действий по внутренним операционным линиям полукруга фронта и мог разбивать наступающих по частям. Наконец, главный удар (Мусорка) намечался через песчаную лесостепь Заволжья, не имевшую ни железных, ни хороших грунтовых дорог.

Командарм 1-й т. Тухачевский, внес в этот план существенные поправки, фактически отбросив его и создав новый план. В качестве п.ти для главного удара он избрал Волгу, решив потянуть для этого к Симбирску большую часть 1-й армии, создать на Волге флотилию для быстрой переброски ударного кулака под Усолье — Ставрополь, затем под Самару, а наступление пехоты по обоим берегам подкрепить кавалерией и бронемашинами.

Своей системой командования Муравьев преследовал определенные, сознательно поставленные предательские цели. Распылением сил, связыванием инициативы командармов Муравьев достигал двух целей: во-первых, он мешал нанесению координированных ударов по чехо-словакам, в которых он видел своих скорых союзников. Вместе с тем эта тактика позволяла ему маскировать свою предательскую роль и отдавать грозные приказы о наступлении. Во-вторых, своей системой командования Муравьев сохранял под своим личным управлением верные ему левозэсеровские дружины, которые он мог легко сконцентрировать в нужном пункте фронта или тыла, дабы опереться на них в своем мятеже.

Содействуя осуществлению плана Тухачевского, симбирский губисполком, развернул на Волге большую работу по подготовке флотилии. Подготавливались 4 парохода и несколько барж. Вербовались команды матросов. Вся подготовка к наступлению должна была закончиться к 13—15 июля, после чего Тухачевский рассчитывал взять Самару в несколько дней. Но Муравьев, минуя командарма 1-й, бросил в наступление отдельные группы прежде, чем к Симбирску были стянуты необходимые силы.

Благодаря инициативе т. Тухачевского и местных организаций большевиков, благодаря сознательности рабочих и коммунистических дружин, брошенных на передовые линии, начавшиеся операции принесли сначала ряд успехов. Но наступавшие вскоре же наталкивались на серьезные трудности.

Демонстративная операция инзенской группы, проведенная под личным наблюдением т. Тухачевского, увенчалась блестящим успехом, — была взята Сызрань. Но в разгар боев т. Тухачевский, срочно вызванный Муравьевым, должен был выехать в Симбирск. Между тем белогвардейцы, получив подкрепление, перешли в наступление, охватив Сызрань с флангов. Красные войска должны были вновь оставить Сызрань.



На противоположном фланге наступающей симбирской группы — на бугульминском участке — бронепоезд Полупанова и симбирский рабоче-коммунистический отряд, продвинувшись до станции Ютаза, попали также в очень затруднительное положение. Они оказались далеко выдвинутыми вперед, тогда как в тылу линия Волго-Бугульминской железной дороги осталась неприкрытой и подверглась налетам чехо-словаков, наступавших от Бугуруслана и Сергиевска. Дальнейшее наступление красных войск на Уфу было затруднено и опасно.

Неблагоприятная обстановка сложилась и на ставропольском направлении, главным с точки зрения плана Муравьева. Наступление на Ставрополь началось по настойчивым требованиям левого эсера Клима Иванова, вопреки единодушному мнению командования группы (Пугачевский, Павловский, Певзнер), что данная операция еще не подготовлена.

Небольшой отряд Пугачевского, не будучи прикрыт с флангов, продвинулся до Васильевки (15 верст от Ставрополя), откуда после трехчасового боя должен был отступить в Узюково. По настойчивому приказу Иванова наступление было возобновлено. Но противник начал обстрел наших позиций из дальноточных орудий, а главные его силы, зайдя нам в тыл, произвели бешеную атаку, сопровождаемую удачными попаданиями неприятельской артиллерии. Только благодаря личной храбрости командира нижегородского отряда т. Павловского удалось отразить атаку неприятеля, который, зарвавшись, попал под жестокий пулеметный огонь, уничтоживший большую часть его кавалерии. Противник был разбит, но и наш отряд вынужден был отступить к Мусорке.<sup>1</sup>

Лучшие части Красной армии, брошенные в наступление, показали, что они уже научились побеждать белогвардейцев. Но достигнутые успехи не могли быть развиты из-за отсутствия должного сосредоточения сил, хорошей разведки, связи и т. п. Наступление приостановилось.

В это самое время в Симбирск прибыл курский бронедивизион в составе 8 бронемашин, под командованием левого эсера Беретти. Командарм Тухачевский отдает приказ о направлении бронедивизиона для подкрепления наступления на Усолье и Ставрополь. Но Беретти категорически отказался выполнить приказ, предъявив распоряжение Муравьева, что бронедивизион находится в личном распоряжении главкома и должен, оставаясь в Симбирске, ожидать его дальнейших указаний. Бронемашины остаются на станции Симбирск погруженными на платформы. Командарм не мог распорядиться воинской частью, прибывшей в распоряжение его армии.

Это было новым фактом вмешательства главкома фронта в командование отдельными отрядами фронта.

---

<sup>1</sup> Центральный архив Красной армии — в дальнейшем сокращенно ЦАКА, дело № 61—786, лист 82.



Тов. Тухачевский направил резкий протест Муравьеву.  
«Главкому Муравьеву.

1918 года 10 июля место отправления — г. Симбирск. Еду на Пензу — Сызрань. Сызрань оставлена. Хотел еще вчера начать наступление всеми силами, но броневому дивизиону было Вами запрещено двигаться, а поэтому наше наступление на Усолье и Ставрополь велось лишь жидкими пехотными частями. Совершенно невозможно так стеснять мою самостоятельность, как это делаете Вы. Мне лучше видно на месте, как надо дело делать. Давайте мне задачи, и они будут исполнены, но не давайте рецептов — это невыполнимо. Неужели всемирная военная история еще недостаточно это доказала? Не сочтите этого заявления недисциплинированностью. Поверьте, что я ценю Ваш пыл и не менее Вашего предан общему делу. Ведь армия, согласно устава тактики и стратегии, получает только задачи и директивы самого общего характера. Даже приказание армиям избегают давать. Вы же командуете за меня и даже за моих начальников дивизий. Может быть это было вызвано нераспорядительностью прежних начальников, но мне кажется, что до сих пор я не мог бы вызвать в этом отношении Вашего недовольства.

Я ничуть не считаю положение опасным, но опять придется подготавливать. Я думаю, что нам необходимо свидеться. При первой возможности возвращусь...

Немедленно перейду в наступление на Сызрань.

Командарм 1-й Тухачевский».<sup>1</sup>

\* \* \*

Муравьевская авантюра находилась в теснейшей связи с левоэсеровским мятежом в Москве 5—7 июля 1918 года и являлась заранее подготовленным звеном этого мятежа.

Левые эсеры, поднявшие восстание против советской власти, видели в Муравьеве исполнителя своих планов, а в его армии — свою массовую военную опору, которой им не хватало в Москве. Успеху восстания Муравьева на Волге они придавали громадное значение.

Тов. Дзержинский в докладе Совнаркому о левоэсеровском восстании, рассказывая о своем аресте, отмечал, что члены ЦК партии левых эсеров в его присутствии неоднократно указывали, что с Волги левых эсеров поддержит Муравьев со своими войсками.

«Когда отняли у нас оружие, — писал т. Дзержинский, — Черепанов и Саблин с триумфом сказали: вы стоите перед совершившимся фактом — Брест-Литовский договор сорван,

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, дело № 311, лист 31—33.



война с Германией неизбежна. Мы власти не хотим, пусть будет и здесь, как на Украине: мы уйдем в подполье. Вы можете оставаться у власти, но вы должны бросить лакействовать у Мирбаха. Пусть Германия займет Россию до Волги. Муравьев идет к нам в Москву». Попов распространялся о том, что полки в Москве за ними, что и фронт Муравьева за них». <sup>1</sup>

Эти заявления членов ЦК левых эсеров со всей определенностью свидетельствуют о прямой связи обоих выступлений: левых эсеров в Москве и Муравьева на Волге. Муравьев должен был создать военную и территориальную базу для борьбы с большевиками.

Но это не вся истина о муравьевской аванюре. Левые эсеры, поднявшие московское восстание на средства французского империализма <sup>2</sup>, несомненно понимали, что в случае успеха их ждет в перспективе соглашение с другими антисоветскими силами. Левый эсер Попов на митинге перед вовлеченными в восстание матросами заявил, что «теперь не придется воевать с чехо-словаками». <sup>3</sup>

Задача объединения с антисоветскими войсками падала на Муравьева — главнокомандующего армиями, — сражающимися против чехо-словаков. Попыткой заключить мир с самарской учредилкой и объединить левоэсеровские и белогвардейские силы для общей борьбы с большевиками и начал, как известно, свое восстание б. полковник Муравьев.

В одной из первых своих телеграмм из Симбирска Муравьев приказывал всем чехословацким командирам от Самары до Владивостока повернуть эшелоны на запад, перейти в наступление к Волге и развернуть фронт по линии Екатеринбург—Пермь—Симбирск—Самара—Саратов—Царицын.

Если обратиться к собственным высказываниям Муравьева, то в них звучали определенные бонапартистские нотки. В выступлениях перед красноармейцами Муравьев неизменно называл себя «русским Гарибальди», ведущим народ на революционную войну с германским империализмом.

Партизанщина, культивируемая левыми эсерами, недостаточность большевистского влияния на фронте, независимость отдельных отрядов и преклонение перед авторитетом выдвинувшихся «предводителей» давали не мало материала для авантюристических стремлений. Муравьев был членом партии левых эсеров и готовил восстание в Поволжье с ведома ЦК левых эсеров, но он был не против того, чтобы стать вождем этого движения и использовать левоэсеровское восстание в своих личных авантюристских целях.

<sup>1</sup> «Правда» от 8 июля 1918 года. Экстренный выпуск. Доклад т. Дзержинского Совнаркому «О левоэсеровском мятеже».

<sup>2</sup> Процесс Бориса Савинкова, стр. 12—13.

<sup>3</sup> «Правда» 8 июля 1918 года, доклад т. Дзержинского.



Захватив Симбирск, Муравьев выдвинул на собрании левых эсеров лозунг «образования Советской поволжской республики», к которой стали бы присоединяться другие губернии, в зависимости от исхода борьбы левых эсеров с большевиками. Уже сам лозунг «Поволжской республики» выдает белогвардейскую сущность этого предприятия. Борьба с советской властью под прикрытием местной автономии была излюбленным методом контрреволюции. Новое, что вносил в него Муравьев, — это словечко «советская», присоединяемое в демагогических целях.

Партийная связь с левыми эсерами, бонапартистские замашки, искание опоры среди белогвардейски настроенного офицерства — эти черты характеризуют всю деятельность Муравьева, когда он, используя свое положение главкома, готовил восстание против советской власти.

В штабе Восточного фронта Муравьев нашел себе опору в лице группы политработников левых эсеров, прибывших из Москвы и занявших ответственные посты в аппарате штаба. Вместе с тем Муравьев искал связей с местными левозэсеровскими организациями в Казани и Симбирске.

На одном из заседаний казанского губисполкома, в котором большинство принадлежало к левым эсерам, Муравьев демонстративно заявил: «Моя армия будет с вами». Этим Муравьев давал понять, что он намерен руководить армией в духе левозэсеровской политики и тактики.<sup>1</sup> Вся демагогическая борьба левых эсеров против комбедов, хлебной монополии и Брестского мира завершалась подготовкой военного восстания против советской власти. Левозэсеровские организации и работники должны были играть роль своего рода «политотделов» готовящегося выступления.

В Казани Муравьев вел закулисные переговоры с левыми эсерами — Ефремовым, Пономаревым и Дмитриевым, относящимися наиболее враждебно к большевикам.

Постоянный контроль политических комиссаров реввоенсовета — тт. Благодирова и Кобозева — мешал более тесным связям Муравьева с казанскими левыми эсерами. Однако общность их политических позиций несомненна. Об этом говорит тот факт, что по получении информации из Москвы, в день муравьевского восстания, губком левых эсеров, а через два дня и казанский губисполком полностью одобрили линию центрального комитета и московского комитета левых эсеров, т. е. тактику вооруженной борьбы с большевиками.<sup>2</sup>

В Симбирске Муравьев опирался на командующего симбирской группой войск К. Иванова и его заместителя по губвоенкомату Недашковского.

При обсуждении московских событий в симбирском губиспол-

<sup>1</sup> Сборник «Борьба за Казань». Воспоминания Попова, изд. татистпарта, стр. 81.

<sup>2</sup> Сборник «Борьба за Казань», стр. 73, 80, 126.



коме эти сторонники обострения борьбы с большевиками всячески старались протащить резолюцию с одобрением убийства Мирбаха но под решительным напором большевиков максималисты колебнулись и на губисполкоме прошла резолюция большевиков. Но у себя на фракции в резолюции, осуждавшей московские события как метод борьбы, К. Иванову удастся провести ряд оговорок, что левые эсеры и максималисты, не мирясь с Брестским миром, будут продолжать в местных советах подготовку масс к «всенародному восстанию против германского империализма». Этими оговорками «крайние» подготавливали свою организацию к близкому факту восстания под предводительством Муравьева. Левые эсеры старались использовать для подготовки восстания занимаемые ими руководящие посты в военных организациях. Но принципиально правильная линия симбирского комитета большевиков не раз срывала подготовительную работу эсеров к восстанию.

Совершая в конце июня инспекционную поездку по бугульминскому фронту, Муравьев и командующий войсками симбирской группы К. Иванов приказали отряду черноморских матросов—анархистов—отправиться в Симбирск для отдыха, а также для охраны революционного порядка в тылу, так как симбирский совет, как говорилось матросам, подпал якобы под буржуазное влияние. Одновременно симбирским властям было дано распоряжение — приготовить надежнейшие части и разоружить матросов, как не подчинившихся боевому приказу. Этой провокацией Муравьев преследовал цель столкнуть матросов и симбирские красногвардейские части, рассчитывая, что в схватке будут уничтожены силы симбирского комитета большевиков. Но смелость и находчивость коммунистов разбили замыслы Муравьева. Матросы были разоружены без кровопролития.

Левозэсеровское командование не раз делало попытки удалить из города коммунистический красногвардейский отряд и ввести взамен его самарскую левозэсеровскую дружину с сенгилеевского фронта. Но каждый раз эти попытки наталкивались на решительный протест Иосифа Варейкиса. Чувствовалось что-то неладное в этой подмене коммунистического отряда левозэсеровским.

В начале июля, воспользовавшись паническим отступлением бронепоезда Гулинского из Бугульмы, К. Иванов отдал приказ об отправке на бугульминский фронт коммунистического отряда, ссылаясь на отсутствие других крепких частей, которые бы можно было быстро перебросить на угрожаемый участок.

Чтобы не допустить прорыва фронта, комитет большевиков согласился на отправку большей части своего отряда, но в то же время не дал согласия на ввод в город левозэсеровской дружины. Тем не менее командующий войсками К. Иванов 8 июля приказал командиру сенгилеевского участка Гаю выслать самарскую левозэсеровскую дружину в Симбирск в его личное



распоряжение<sup>1</sup>. 9 июля Гай, близкий тогда к партии левых эсеров, отправил дружину в распоряжение Иванова.<sup>2</sup>

Муравьев понимал, что для свертывания целого фронта и объединения его со вчерашним противником в целях совместного наступления на большевиков нужны большие и при этом преданные ему силы. Белогвардейское командование стало бы считаться с Муравьевым лишь в том случае, если бы за ним стояла достаточно сильная армия. Для такой операции было явно недостаточно партизанских левозсеровских (самарская дружина) и эсеров-анархистских (казанский отряд Трофимовского), а также возглавляемых командирами — левыми эсерами (броне-дивизион Беретти) — частей.

Поэтому Муравьев сосредоточивал в Симбирске и Казани и другие части. Его внимание особенно привлекали наиболее уставшие от войны. Таков был шкурнически настроенный отряд черноморских матросов — анархистов, — направленных Муравьевым в Симбирск. К этой же категории принадлежал измотанный в неудачных боях и снятый с фронта уфимский отряд Хлебникова, прибывший в Казань к моменту восстания Муравьева. Этот многочисленный отряд, составленный из отсталой, крестьянской массы татар, башкир, чуваш, китайцев, плохо понимавших по-русски, был особенно ценен Муравьеву, так как мог быть широко использован раньше, чем красноармейцы отряда поймут, на какое дело их направляют.

Такие отряды Муравьев снимал с фронта под предлогом направления в тыл на отдых, рассчитывая этим завоевать их симпатии, а затем увлечь за собой. Среди частей, снятых с уфимско-камского фронта, была также московская пулеметная команда, прибывшая в Симбирск на отдых по личному приказу главкома за два дня до восстания. Но в москвичах, исключая единицы, Муравьев просчитался. Они ни на минуту не поддержали Муравьева и с самого начала авантюры безоговорочно отдали себя в распоряжение симбирского комитета большевиков. В подборе всех этих отрядов чрезвычайно ярко сказывается бонапартистское стремление Муравьева опираться на лично ему преданные части. В частности он очень рассчитывал на свою личную дружбу со многими командирами партизанских отрядов, на свою личную известность среди них.

В одной из первых мятежных телеграмм из Симбирска Муравьев обращался к своим друзьям и сподвижникам «походов и битв на Украине», зовя их «под свои знамена для последней борьбы с авангардом мирового империализма — германцами».<sup>3</sup>

Рассчитывал Муравьев увлечь и некоторых коммунистов. Так например, в одной из телеграмм он призывал «друга

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 300—132, лист 141.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 300—133, лист 79.

<sup>3</sup> ЦАКА, дело № 300—133, лист 157.



Полупанова — командира бронепоезда — идти с ним на борьбу с германцами.

Муравьев цеплялся буквально за каждую возможность увеличения преданных ему военных сил. Еще находясь в Казани, он послал телеграмму во Владикавказ военному комиссару Ассиеву.

«Дорогой друг, — телеграфировал Муравьев, — приезжайте спешно в Казань. Ведите с собой больше горцев. Ваш друг Муравьев».

Эта телеграмма от Саратова пошла почтой и была задержана в Астрахани, откуда губком партии направил ее в Москву.<sup>1</sup>

Муравьев одновременно старался создать себе опору и в офицерских кругах. Штаб Муравьева представлял собой сочетание левоэсеровских и подозрительных офицерских элементов. Он создал себе многочисленную свиту в виде целой плеяды «дежурных генералов», адъютантов и т. п. В качестве личной охраны он имел постоянно при себе отряды сербов и кавказцев.

Привлечение офицерства к строительству Красной армии Муравьев использовал для зангryвания с ним на старых традициях царской армии. На собрании офицеров 7 июля в Казани в здании б. дворянского собрания при появлении Муравьева была подана команда:

«Встать! Смирно, господа офицеры!»

На собрании веял дух старой армии, а Муравьев в своей речи дал довольно прозрачно понять, что его задача — восстановить прежнюю армию, причем он обещал «восстановить все права офицерства».

В Казани среди офицерства создалась даже целая группа приверженцев Муравьева под руководством капитана Колесникова. Характерно, что эта группа позже, при взятии Казани чехо-словаками, была наиболее активным ядром белогвардейского восстания, а затем составляла особую боевую единицу «народной армии» в качестве «Казанского офицерского батальона».<sup>2</sup>

Готовясь к восстанию, Муравьев объединял вокруг себя все враждебные большевикам силы — от левых эсеров и анархистов до генералов.

\* \*

Накануне симбирского мятежа Муравьев пытался с помощью отряда левого эсера Трофимовского захватить в свои руки Казань и штаб Восточного фронта. Эта затея была своевременно раскрыта. Члены реввоенсовета тт. Кобозев и Благоднаров организовали негласный фактический арест главкома, поручив группе политических комиссаров неотступно быть при Муравьеве. Однако ему удалось обмануть бдительность политических комиссаров. В ночь с 9 на 10 июля, погрузив на пароходы уфимский отряд

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 119—832, лист 163.

<sup>2</sup> Архив ДКА, 4 я stenogramma 1-й армии, выступление т. Литвишского.



и другие части, арестовав и заточив в трюм 8 комиссаров-большевиков, Муравьев полным ходом отправился в Симбирск.<sup>1</sup>

Симбирск, казалось, представлял большие удобства для осуществления планов Муравьева. Он более удален от пролетарских центров, ближе к фронту, к Самаре. В нем были сильны левые эсеры, сосредоточившие в своих руках командование симбирской группой войск. Здесь были собраны воинские части, стоявшие на стороне левых эсеров.

Члены реввоенсовета — большевики, — обнаружив бегство главкома, послали вдогонку надежных коммунистов, чтобы захватить или убить Муравьева. Тов. Кобозев разослал телеграммы в Москву и по фронтам об измене и бегстве Муравьева. Вслед за этим, не рассчитывая на возможность удержать Симбирск, в виду засилья в нем левых эсеров, реввоенсовет приказал изолировать Симбирск от остального фронта.<sup>2</sup>

Но тем самым члены реввоенсовета допустили крупную ошибку. Они не считали за реальную силу большевистскую организацию Симбирска. Они недооценили ее влияние в гарнизоне и среди трудящихся, ее способность организовать сопротивление восставшему главкому. Реввоенсовет не использовал прямой провод для непосредственных переговоров с находящимся в это время в Симбирске комиссаром 1-й армии В. В. Куйбышевым и с симбирскими работниками-большевиками и не пытался подготовить «достойную» встречу Муравьеву на симбирских пристанях.

Симбирский комитет большевиков и т. В. В. Куйбышев не были предупреждены о выступлении Муравьева и оказались застигнутыми врасплох.

10 июля в 5 часов вечера Муравьев прибыл в Симбирск и прежде всего имел совещание с К. Ивановым — командующим симбирской группой войск. Затем он вызвал к себе на пристань большевиков-руководителей губисполкома и командарма 1-й Тухачевского, находившегося на станции Киндяковка. Тов. Тухачевский и представитель губисполкома отправились к Муравьеву как к главкому советских войск. На дворе б. кадетского корпуса играл оркестр. Это латышские стрелки репетировали встречу главкома. Но... главком арестовал представителя губисполкома Шеленшкевича и бросил его в трюм. Прибывшего Тухачевского Муравьев также арестовал и под вооруженной охраной увез с собой на станцию Симбирск I.

Здесь Муравьев произнес речь перед бронеотрядом, провокационно заявив, что Тухачевский хотел расстрелять их командира Беретти. Тов. Тухачевского заключили под стражу в вагон. Вслед за этим бронедивизион начал выгружать бронемашины с платформ, чтобы идти, как говорил Муравьев, «на осаду совета».

<sup>1</sup> Рапорт т. Благоуразова, ЦАКА, дело № 119—851, лист 14.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 119—851, лист 8.



Понявшие в чем дело меньшевики Московско-Казанской железной дороги по распоряжению главкома охотно дали протяжные паровозные гудки. Муравьев повторил свою речь перед меньшевистски настроенной толпой и вслед за броневиками отправился в город. По пути он освободил из тюрьмы матросов-анархистов, призвав их отомстить симбирским советчикам.

В то же время отряды матросов и Уфимского красноармейского отряда, под командованием адъютанта Муравьева, захватили почту и телеграф, заняли штаб симбирской группы войск, арестовали политического комиссара штаба симбирской группы войск коммуниста Лаврова.

Через некоторое время бронемашины Беретти окружили здание губисполкома и комитета большевиков. Муравьев разослал свои предательские телеграммы.

Фактический ход дальнейшей борьбы и ликвидации муравьевской авантюры достаточно освещены в нашем сборнике. Здесь остается сделать лишь несколько общих замечаний.

Весь ход ликвидации муравьевской авантюры в Симбирске явился великолепным примером решающей роли большевистской партии, ее местных комитетов в организации побед красного фронта.

В руках восставших оказался весь военный аппарат симбирской группы войск. Демагогический лозунг прекращения гражданской войны, казалось, увлек за предателями все воинские части, сосредоточенные в Симбирске. Даже латышские стрелки и те прокричали ура Муравьеву, объявившему, что он поведет их на освобождение Латвии от ига германского империализма.

Муравьев и идущие с ним левые эсеры уже считали, что в Симбирске по крайней мере никакого сопротивления ожидать нельзя. Окружив своими караулами и броневиками б. кадетский корпус — здание губисполкома, — они ограничились этим и устроили заседание фракции левых эсеров для обсуждения дальнейших действий.

Бывшему полковнику Муравьеву и левозсеровским мелкобуржуазным авантюристам было невдомек — какая же еще сила может противостоять их явному военному превосходству.

И в этот момент на сцену выступил местный комитет большевиков.

Все своеобразие и трудность борьбы с Муравьевым заключались в том, что комитет большевиков оказался без достаточных сил для вооруженной борьбы, без военного аппарата, предательски вырванного у него левыми эсерами. И теперь он должен был сам непосредственно организовать и осуществлять не только политическую, но и военную ликвидацию восстания.

Эта задача была тем более трудна, что за несколько дней перед этим большая часть коммунистического отряда ушла на фронт. Вся оставшаяся организация насчитывала едва ли 3 десятка человек, причем многие из них, распыленные по городу.



оказались отрезанными от своего руководства. К тому же отдельные члены партии обнаружили недостаток мужества и идейной твердости. Тов. Каучуковский пишет в своих воспоминаниях, что в этот вечер он имел столкновение с неким Клевицким, называвшим себя «левым коммунистом» и доказывавшим правоту Муравьева.

Но основная группа руководителей комитета партии большевиков и фракции губисполкома нашла в себе мужество остаться на своих постах до конца, чтобы исчерпать все возможности для сопротивления. Они обнаружили большую уверенность и быстро перестроились применительно к новым полулегальным условиям борьбы.

Муравьев свой захват города не завершил актом низвержения власти совета и арестом ответственных работников-большевиков. Он рассчитывал сделать это позже. Тем самым большевики получили в свое распоряжение время для собирания сил и подготовки контрудара. Работники симбирского комитета большевиков использовали это время не для личного спасения, а для собирания рассеянных партийных и верных комитету военных сил, для привлечения на свою сторону отрядов Муравьева и для захвата его самого.

В то же время В. В. Куйбышев с группой самарских работников, отрезанных мятежом от симбирского совета, с своей стороны предпринял шаги к выяснению обстановки и возможных мер для ликвидации авантюры. Но нанести удар муравьевщине выпало на долю симбирскому комитету большевиков во главе с И. М. Варейкисом.

Внутри кадетского корпуса оказалось несколько десятков преданных партии красногвардейцев московской пулеметной команды и взвода текстильщиков. Москвичи-пулеметчики немедленно взяли на себя охрану председателя комитета партии т. Варейкиса. Заколебавшиеся при появлении Муравьева латышские стрелки также заявили о своей верности совету. Вскоре же удалось установить связь и привести в боевую готовность небольшой отряд интернационалистов, находившийся вне корпуса. Однако т. Варейкис приостановил попытки некоторых горячих голов форсировать борьбу при существующем состоянии сил.

Он указал москвичам-пулеметчикам и латышским стрелкам «позицию нейтралитета», чтобы этим скрыть начавшееся собирание большевистских сил.

Затем он призвал партийцев к испытанному большевистскому оружию — агитации и обращению к самим массам.

Дисциплины и порядка в муравьевских отрядах не было. Они рассыпались по городу, смешавшись с вышедшими из корпуса латышскими стрелками. Всех волновали происходящие события. Красноармейцы не понимали, «на каких условиях объявил мир с чехо-словаками главнокомандующий». Бронеотрядники, среди которых оказалось много ленинградских рабочих и даже



коммунистов, смущенно рассматривали громадное красное знамя над зданием, на которое их заставляли направить орудия. Эта толпа спорящих людей представляла прекрасный материал для большевистской агитации. Москвичи-пулеметчики, собравшиеся вокруг корпуса партийцы, политработники штаба симбирской группы войск, работники самарского ревкома вмешались в кучки спорящих, проникали в броневики, разъясняя, что «муравьевский мир» — это мир «ценой советской власти, ценой новой войны с Германией, за интересы капиталистов».

Красногвардейцы-интернационалисты, выйдя из своих казарм, поодиночке проникали в корпус, а затем сменили муравьевские караулы.

Работник редакции т. Новиков и типографщики Абросимов и Кологреев при полупотушенном свете быстро печатали воззвание т. Варейкиса к обманутым солдатам. К моменту решающих событий на броневиках Беретти уже висели большевистские листки. Комиссар телеграфа рабочий Панин, рискуя своей жизнью, собрал все ленты телеграмм, разосланных Муравьевым, и доставил их в губисполком. Комиссар Волго-Бугульминской железной дороги т. Степанов, проникнув в корпус и узнав, что там происходит, немедленно направился к железнодорожному телеграфу, по неосмотрительности не занятому муравьевцами, и поднял на ноги все партийные коллективы и боевые дружины ближайших железнодорожных станций. К утру на станции Симбирск II к штабу Красной гвардии Волго-Бугульминской железной дороги уже стянулось свыше 100 бойцов-железнодорожников, готовых ринуться в город на помощь совету. Но тогда уже все было кончено.

К полуночи обстановка изменилась явно не в пользу Муравьева. Оказавшийся коммунистом комиссар бронедивизиона явился к Варейкису и, убедившись в предательстве Муравьева, заявил, что не даст ни одного выстрела по совету. Через некоторое время Муравьев лишился и своей пулеметной команды.

Но среди муравьевских частей были и не поддающиеся агитации отряды матросов; на пристанях стояли отряды сербов, с Муравьевым был отряд его личной охраны.

Даже в случае военного разгрома этих частей не было гарантии, что Муравьев не успеет уйти куда-либо на фронт, чтобы там при помощи своих друзей обмануть новые части и продолжить свое дело развала красного фронта.

Муравьевскую авантюру необходимо было пресечь быстро, не допустив ее распространения за пределы Симбирска. Надо было захватить самого Муравьева и тем самым обезглавить мятеж.

Большевики решили, что при создавшейся обстановке надо идти на все, вплоть до гибели всей фракции, но во что бы то ни стало покончить с Муравьевым.

Идейным вдохновителем большевистской фракции был Иосиф Варейкис, проявивший в этот критический момент большевистскую волю и необыкновенную энергию. Он писал воззвания, рас-



сылал партийцев на агитацию, беседовал с приходившими представителями отрядов и т. д. Он лично вел агитацию среди латышских стрелков.

На высоте своего положения оказались и другие члены комитета и фракции (А. Швер, Иванов Котелок, Г. Каучуковский, Шеленшкевич и др.), мужественно державшие себя во все время авантюры и в минуты встречи с Муравьевым на заседании губисполкома.

Победу большевиков значительно облегчила самоуверенность Муравьева и левых эсеров.

Лидерам левых эсеров — К. Иванову, Недашковскому и М. Гольману — удалось добиться поддержки авантюры со стороны лево-эсеровской фракции губисполкома. Распоясавшиеся «крайние» (Миронов) требовали немедленного ареста и даже расстрела большевиков.

Но упоенный «победой» предатель Гольман выдвинул предположение о возможности привлечения большевиков к участию в «Поволжской республике». Он указывал, что симбирские большевики ослаблены и деморализованы происшедшим переворотом и дальнейшее сопротивление с их стороны невозможно. Телефонogramму т. Варейкиса, где он требовал заседания губисполкома, чтобы обсудить действия Муравьева и левых эсеров, изменники рассматривали как готовность большевиков к соглашению. Перед Муравьевым, казалось, открывалась возможность утвердить свое правительство «Поволжской республики» с передачей ему власти от губисполкома и даже при участии коммунистов. Это прекрасно маскировало бы контрреволюционную суть муравьевской затеи. Поэтому Муравьев и левые эсеры приняли предложение Варейкиса об устройстве заседания губисполкома.

Встречаясь с Варейкисом еще на Украине, где Варейкис организовывал криворожских рабочих на борьбу с немецкими оккупантами, Муравьев в своей речи в губисполкоме высказал уверенность, что и теперь Варейкис «не предаст революции немцам», а затем посмел предложить ему пост «министра труда» в правительстве «Поволжской республики».

Но в ответ он получил страстные разоблачения его авантюры...

В 5 часов 40 минут утра 11 июля секретарь комитета партии т. Каучуковский передал в Москву телеграмму т. Варейкиса.

«Срочно. Москва, председателю Совнаркома Ленину, ЦИК, ЦК большевиков, всем, всем, всем...

В девять часов вечера десятого июля главнокомандующий войсками против чехо-словаков Муравьев, приехав с уфимскими отрядами, оцепил броневиками совдеп, арестовал часть членов совета, мотивируя арест тем, что он заключил мир с чехо-словаками и объявил войну с Германией. Он собрал находящиеся в Симбирске части и призвал последние идти с ним на Германию, а гражданскую войну прекратить. Усматривая явную контрреволюционную тактику, измену совет-



ской власти, несколько человек членов нашей партии приняли все меры... арестовать Муравьева. Для этого были приглашены представители на конспиративное заседание из частей, подчиненных Муравьеву. После выяснения по существу они сказали, что все являются защитниками советской власти, и они присоединились к нам. После этого нами были приняты меры к аресту. В три часа Муравьев пришел на заседание губисполкома вместе с фракцией левых эсеров. Они сначала присоединились к нему, но после решительного протеста, вынесенного нами, и после ряда фактов, ясно показывающих, что Муравьев дал уже распоряжение, чтобы оголить фронт, эсеры потребовали перерыва для обсуждения во фракции. После этого Муравьев заявил, что его дело сделано, и направился к двери. Отряд объявил от имени нашего, что он арестован, Муравьев начал стрелять, одного ранил. В этой перестрелке Муравьев оказался убитым.

Наша партия заявляет, что как ни опасна была эта задача, она с честью ее выполнила перед пролетариатом и революцией. На фронте снова установился образцовый порядок. Части возвращены на позиции обратно. Временным главнокомандующим армии назначен Тухачевский. Левые эсеры присоединились.

Член областного ЦК Юга РКП (большевики), товарищ председателя симбирского губисполкома В а р е й к и с.

Симбирский комитет коммунистов-большевиков.<sup>1</sup>

Быстрая ликвидация муравьевской авантюры объясняется не только смелостью и находчивостью симбирской организации большевиков. Корни победы лежали в исключительном авторитете партии и советской власти в широких массах.

Попытки левых эсеров воспользоваться колебаниями середняка были биты. Рабочие красногвардейцы своей преданностью и решительностью повели за собой обманутых Муравьевым красноармейцев на путь защиты совета. Ликвидация муравьевской измены была победой нашей партии, ее ленинского руководства.

Ликвидация муравьевской авантюры имела громадное военное и политическое значение. Был отбит тяжелый удар, занесенный над красным фронтом. Устранена была угроза перенесения фронта к центру Советской страны.

Поражение Муравьева было серьезной проверкой силы влияния большевистской партии в массах красноармейцев. Эта проверка показала, что в Красной армии уже растет новая революционная сознательная дисциплина.

Провал муравьевской авантюры был одним из звеньев разгрома большевиками партии левых эсеров. Относительная «легкость», с какой было ликвидировано муравьевское восстание, лишний раз вскрывает беспочвенность левых эсеров среди широких трудящихся масс.

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 119—851, лист 7.



«Мы потеряли, — писал Ленин по поводу московского восстания, — сотни левых эсеров, бесхарактерных интеллигентов и кулаков из крестьян, мы приобрели миллионы представителей бедноты».<sup>1</sup>

Но вместе с тем самый факт муравьевской авантюры требовал пристального внимания к Восточному фронту. Мятеж, поднятый «главкомом», свидетельствовал, что влияние и контроль большевиков в военных аппаратах еще недостаточны, что участие эсеров в строительстве армии оставило вредные последствия, что отрицательные черты партизанщины, особенно в обстановке серьезных колебаний середняка в Поволжье, могут создать опасное положение для советов и фронта. Далее, факт измены «главкома» мог деморализовать менее стойкие части и послужить сигналом для усиленного нажима со стороны белогвардейцев и для усиления кулацкой активности.

Поэтому Владимир Ильич 11 июля, вслед за сообщением о полной ликвидации муравьевского восстания, пишет комиссару Иванову в Воронеж о том, что необходима «усиленная помощь на чехословацкий фронт».<sup>2</sup> В эти дни, после левозсеровских восстаний, Владимир Ильич внимательно изучает политическую обстановку в Поволжье.

12 июля он пишет питерским рабочим:

«Товарищ Каюров побывал в Симбирской губернии, видел сам отношение кулаков к бедноте и к нашей власти. Он понял превосходно то, в чем не может быть сомнения ни для одного марксиста, ни для одного сознательного рабочего: именно — что кулаки ненавидят Советскую власть, власть рабочих и свергнут ее неминуемо, если рабочие не напрягут тотчас же всей силы, чтобы предупредить поход кулаков против советов, чтобы разбить на голову кулаков прежде, чем они успели объединиться».<sup>3</sup>

## V. Взятие Симбирска белыми

Несмотря на быструю ликвидацию авантюры Муравьева и мероприятия красного командования по восстановлению положения на фронте она все же отозвалась на моральном состоянии войск.

«Узнав, что сам главнокомандующий оказался изменником, красноармейцы потеряли всякое уважение к своему командному составу... Нервы были взвинчены до крайности. Всюду солдаты видели измену, продажу, обходы и пр. Постоянные отказы выступить, исполнять боевые задания до крайности

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 393.

<sup>2</sup> Ленин, т. XXIX, стр. 487.

<sup>3</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 138.



затрудняли командование. Начались бесконечные отступления и бегство перед самым ничтожным противником. Ни увещания, ни личный пример, ничто не могло внести в массу успокоения. Белогвардейские элементы усиливали это разложение».<sup>1</sup>

Вот такая обстановка сложилась на инзенском направлении к моменту захвата белогвардейцами Симбирска:

В 12 часов 20 июля комдив Захаров сообщил т. Тухачевскому из Пензы, что Украинский полк оставил Барыш и под угрозой обхода со стороны противника отходит на станцию Базарная. Полк в целом не надежен. Соприкосновение с противником держит лишь небольшая группа добровольцев.<sup>2</sup>

Создавалась угроза станции Инза, важнейшему железнодорожному узлу, в случае занятия которого противник отрезал бы симбирскую группу войск от центра. Штаб 1-й армии, не имея боеспособных резервов, запросил срочной помощи от штаба Восточного фронта.

Но 21 июля в 4 часа утра начальник бронепоезда Лацис сообщил инзенской дивизии, что все события в Украинском полку были результатом панической провокации:

«Я с бронированным поездом остаюсь до сего времени на станции Базарная. Уже светло... Противника не замечал. На станции кругом все тихо. Так отдать станцию нельзя. Высылайте хоть две роты надежных людей для занятия сторожевого охранения на станции Базарная. Я ожидаю на станции. Только таких трусов не присылайте, ибо опять сорвут».<sup>3</sup>

Это был момент, когда между противником и штабом 1-й армии на станции Инза был всего лишь один бронированный поезд и небольшая группа бойцов.

Но противник и не думал наступать на Инзу. Бронепоезд к 9 часам утра продвинулся дальше до разъезда Патрикесво и здесь обнаружил, что село Нечаевка еще занято группой стойких красногвардейцев.

«О противнике, — сообщил Лацис, — ничего неизвестно и в действительности его никто не видел. Предполагаю, что на станции Барыш противника не может быть. Приму все меры, чтобы выяснить скорее расположение противника».<sup>4</sup>

Это положение на инзенском направлении характеризует обстановку на фронте к моменту падения Симбирска и в частности вскрывает, почему Инза не могла оказать нужной помощи, когда в ночь с 21 на 22 июля завязался бой на подступах к Симбирску.

Между тем в Симбирске В. Фрейман и Пугачевский, выдвинутые на место арестованных сообщников Муравьева — левых эсеров

<sup>1</sup> Рапорт т. Тухачевского. ЦАКА, дело № 119—193.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 231—456, лист 162.

<sup>3</sup> ЦАКА, дело № 231—456, лист 175.

<sup>4</sup> ЦАКА, дело № 231—456, лист 158.



Недашковского и К. Иванова, не обеспечили последовательной и быстрой ликвидации последствий левоэсеровского засилья в военных органах.

В. Фрейман, назначенный губисполкомом вторым губвоенкомом, оказался неспособным осуществить возложенные на него политические задачи контроля над губвоенкомом М. Гольманом. Максималист Гольман, поспешивший отмежеваться от неудачника Муравьева, пользуясь неповоротливостью и политической дряблостью В. Фреймана, продолжал эсеровские традиции дробления отрядов, оттирая коммунистов от решающих участков работы.

А вновь назначенный командующий войсками симбирской группы Пугачевский не проявлял никакой инициативы в проведении чистки комсостава. Среди командиров отрядов, пошедших на укрепление бугульминского участка, остались знакомые по муравьевской авантюре лица: Беретти, Хлебников и др. Они отмежевались от муравьевского выступления, но уже одно присутствие их смущало бойцов и расшатывало дисциплину. 1-й курский бронедивизион, ведя бой с чехами под Мелекесом, не признавал своего начальника Беретти и сообщил в штаб, что отряд считает Беретти предателем и не доверяет ему.<sup>1</sup>

В этот один из тягчайших моментов борьбы с самарской учредилкой комиссар 1-й армии В. В. Куйбышев развернул большую работу по созданию аппарата политического воспитания красных частей. Отбирая проверенных большевиков Самары и Симбирска, Куйбышев направляет их в части в качестве политкомов и агитаторов, ставя перед ними задачи борьбы с контрреволюцией. Комиссаром мелекесского фронта назначается член симбирского губисполкома т. Смирнов. На этом же фронте постоянно находится и т. Певзнер — новый комиссар штаба симбирской группы войск. Но политработники еще не имели опыта. В ряде отрядов командиры встретили их враждебно и они не могли добиться быстрого перелома настроений. В то же время политработникам и губЧК не удалось раскрыть нити измены, которая плелась в штабе симбирской группы войск и в губвоенкомате. Подобранные левыми эсерами военные специалисты в большинстве оказались предателями. В их руках оказались оперативная часть, разведка, связь штаба группы войск и артиллерийское управление губвоенкомата. Этого было достаточно, чтобы незаметно дезорганизовать и саботировать управление фронтом.

Особенно ярко этот саботаж проявился в подготовке обороны Симбирска. Саботажники требовали, например, артиллерию от штаба 1-й армии, в то время как требуемые пушки Гочкиса, пулеметы и грузовики в достаточном количестве имелись в Симбирске на складе, в доме Сачкова, и об этом сообщалось уже из Казани.<sup>2</sup> Лишь благодаря личной поездке чрезвычайного

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 61—786, лист 80.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 40—42, лист 37.



коменданта города т. Варейкиса по артскладам удалось добыть несколько орудий. Но установка их невероятно затягивалась. 18 июля чрезвычайный комендант города издал приказ о проверке политического лица всего командного и начальствующего состава гарнизона, губвоенкомата и штаба группы. Однако, прежде чем эта мера была осуществлена, развернулись решающие события.

В силу этого саботажа не удалось организовать правильного сопротивления белогвардейцам на бугульминском направлении, где муравьевская авантюра внесла наиболее сильную дезорганизацию.

Командир бронепоезда Полупанов, доказавший не раз до и после авантюры Муравьева свою преданность революции, был однако чрезвычайно дезориентирован телеграммами Муравьева. Делала свое дело и клевета о буржуазном перерождении симбирского совдепа, пущенная Муравьевым. Полупанов, сомневаясь в факте измены Муравьева и не доверяя симбирскому совету, 11 июля выехал за информацией в Москву.

Сомнения в факте измены Муравьева распространились и среди части бойцов бронепоезда. Дисциплина и боеспособность команды падала.

С отъездом Полупанова бугульминский участок остался без объединяющего командования. Растерянность стала распространяться и на другие части.

После небольшой военной неудачи Бугульма была вновь оставлена красными частями.

Симбирский коммунистический отряд и железнодорожные дружины, не получая прежней поддержки бронепоезда, не могли сдерживать наступление чехо-словаков.

Давая бой на каждой станции — Дымка, Клявлино, Шентала, Нурлат, Погрузная, — красные части отходили.

17 июля белые подходили к Мелекесу.

Боевая устойчивость красных частей в этот период падала также под влиянием ухудшения политической обстановки в крае.

Дальнейшее обострение голода, наступившая пора уборки урожая и военные успехи белых усиливали сомнения середняка. В этот период кулаки и правые эсеры добились серьезных успехов в своей демагогической травле советов и большевиков.

Собравшийся 11 июля карсунский уездный съезд советов вначале шел под кулацко-эсеровскими лозунгами. Было оглашено несколько наказов за передачу власти Учредительному собранию. Съезд лишил решающего голоса всех членов старого исполкома. Характерно, что на этом съезде, открывшемся на другой день после муравьевской авантюры, имел успех лозунг «за власть советов» но «против политики Совнаркома», «против Бреста, против комбедов».

Однако большевистская фракция не сдавала своих позиций. Одиннадцать дней продолжалась жестокая борьба фракций на съезде.



К концу большевики добились некоторого перелома среди середняцкой части делегатов. Исполком был избран в составе 6 большевиков, 5 левых эсеров и 5 беспартийных.<sup>1</sup>

Пользуясь неорганизованностью бедноты, кулачество, правые и левые эсеры оказывали значительную помощь наступающим белогвардейцам.

В селе Ягодном, Ставропольского уезда, по сообщению нашего разведчика, крестьянина Якунина, кулаки дали подкрепление белогвардейцам в 150 человек и всяческими угрозами принуждали крестьян возить лес и щебень в Ставрополь для возведения там укрепления.<sup>2</sup>

Белогвардейское командование в свою очередь организовало и вооружало кулаков.

При занятии села Горюшки, Сызранского уезда, белогвардейцы привезли туда 4 автомобиля винтовок и немедленно раздали их местному кулачеству.

В июле кулакам и правым эсерам удалось поднять новую волну восстаний. В оперативных сводках Красной армии за этот период появляется даже новый термин — «сельские белогвардейцы».

Обширное кулацкое восстание было подготовлено агентами учредилльца Фортунатова в тылу боевого участка Мелекес—Бряндино, в селах Мулловка, Степановка, Еремкино и др. Нити его доходили даже до фабрики б. Бахтеева.

Политработникам симбирского советского полка 17 июля удалось частично разоружить кулачество и захватить несколько белогвардейских организаторов. Однако, как оказалось, через два дня, восстание этим предупреждено не было.

Подобная же подготовка восстания шла и в других крупных селах.

Симбирский коммунистический отряд раскрыл и ликвидировал подготовку восстания в селе Хрящевка.

Позже, при отступлении красных частей из Симбирска, выступило кулачество села Шумовка, «сельские белогвардейцы» обстреливали и ловили отступающих красноармейцев.

В августе в тылу красных войск, в селе Тагай, было поднято крупное восстание, ликвидированное частями 2-го Симбирского полка Железной дивизии.

Во всех этих восстаниях чувствовалась определенная и единая тактика.

Они приурочивались к моменту подхода белых с тем, чтобы неожиданным ударом в тыл деморализовать красные части. Этим преследовался и политический эффект. Надо было представить, что само «население» восстает против большевиков. Но и в этот наиболее тяжелый момент для Восточного фронта передовые слои местного немногочисленного пролетариата и деревенской бедно-

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 30—134, лист 25.

<sup>2</sup> «Известия» карсунского совета № 38, 1918 года.



ты находили в себе сознание и силы, чтобы создавать новые красногвардейские отряды.

Карсунский уком большевиков в дни отступления от Сызрани послал в инзенскую дивизию партийно-рабочий отряд в 84 человека.

Этот отряд, влившись в Украинский полк, поднял его революционный дух.

В эти же дни в распоряжение штаба 1-й армии прибыло 80 добровольцев, рабочих суконной фабрики б. Протопопова.<sup>1</sup> При приближении белых к Сенгилею 42 рабочих цементного завода явились по собственному почину в распоряжение сенгилеевского уисполкома и влились затем в красные отряды.<sup>2</sup>

В Мелекесе пример революционного мужества показали местные рабочие — грузчики, вставшие как один под ружье и образовавшие отряд в 150 человек.<sup>3</sup>

17 июля, когда чехо-словаки находились уже в 15 — 20 верстах от Мелекеса, эсеры подняли восстание среди мобилизованных в Красную армию.

18 июля немногочисленные красные части оставили Мелекес, отступив к станции Бряндино. Здесь командующий мелекесским участком Хлебников сосредоточил большие силы: бронепоезд Полупанова, бронепоезд Болдеско, курский бронедивизион, Казанский батальон, сводный отряд Симбирского полка и отряд интернационалистов.

Штаб симбирской группы войск приказал перейти в решительное наступление, взять Мелекес и вырвать инициативу из рук противника.

Части пошли вперед, Мелекес был скоро занят. Но тут подоспели главные белогвардейские и чехословацкие силы капитана Степанова. Завязался упорный бой. Местные белогвардейцы стреляли из окон.

«Нам нужно было защитить железнодорожный мост как самое главное и опасное место, никем не прикрываемое. Этот участок был поручен тт. Гавриленко, Бауэру и другим коммунистам. Товарищи, которые защищали мост, выдержали невероятно жестокий бой и отходили с боем... Каждый знал, что нужно хотя на немного, но удержать Мелекес, потому что наша правофланговая группа находилась в опасном положении».<sup>4</sup>

Красные части вновь отошли к станции Бряндино. Здесь бой разгорелся с удвоенной силой. На переднюю линию огня вышли оба бронепоезда. На флангах действовали бронемашины Курского бронедивизиона. Красная пехота после долгих отступлений на этот раз также дралась стойко. Огнем красных батарей у чехо-словаков был взорван вагон со снарядами. Часам к 5 вече-

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 23 — 450 лист № 179.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 9, дело № 2 6, лист 47.

<sup>3</sup> «Красная быль», сб. самарского истпарта, № 2, 1923 года.

<sup>4</sup> Из воспоминаний т. Галактионова.



ра 19 июля казалось, что победа принадлежит красным войскам. Но в это самое время началась пулеметная стрельба в тылу. Белогвардейцы зашли в тыл, в то же время подняли свое восстание мулловские кулаки. Разбив винный завод, они увлекли часть крестьян окрестных сел в восстание и, вооруженные винтовками и даже пулеметами, обрушились на тыл красных, создав для них крайне тяжелое положение. Началось отступление... Белогвардейцы, зашедшие в тыл, испортили железнодорожный путь и, окружив бронепоезд Болдеско, стали забрасывать его гранатами. Команда (150 человек) почти целиком погибла, героически защищаясь от нападавших белогвардейцев и восставших кулаков.

20 июля красные части стали отходить к станциям Чердаклы и В. Часовня, находящимся в непосредственной близости от Симбирска.

\* \* \*

Деморализующее влияние муравьевской авантюры меньше задело ставропольскую и сенгилеевскую группы. Здесь поддерживался порядок и высокий боевой дух.

Это было результатом самоотверженной работы самарских и симбирских коммунистов, в большом числе влившихся в эти отряды в качестве рядовых бойцов, командиров и политработников, работавших при ближайшем руководстве политического комиссара 1-й армии В. В. Куйбышева.

В. В. Куйбышев уделял особое внимание этим отрядам, которым предназначалась решающая роль при возвращении Самары. Он не раз бывал в них, организуя политработу на фронте, лично участвовал в боях, воодушевляя бойцов. Недаром широкие массы красновардейцев звали его «Наш Валериан». Под его руководством работала в штабе сенгилеевских отрядов группа крепких большевиков: тт. Шверник, Панов, Самсонов и другие самарцы, сделавшие чрезвычайно много для преодоления влияния левых эсеров среди партизан. Им принадлежит в частности заслуга, что самарская левоэсеровская дружина, которую хотел вовлечь в свою авантюру Муравьев, вернувшись на фронт, осудила как муравьевское, так и московское восстания левых эсеров и обязалась на фронте доказать свою преданность революции.

Ставропольская группа держалась в непосредственной близости к Ставрополю, а сенгилеевская группа вела успешные бои на линии Климовка—Горбуновка. Но вследствие ошибок командующего симбирской группой Пугачевского и сомнительной тактики командира сенгилеевского участка Гая эти лучшие части красных войск остались в стороне от решающих боев за удержание Симбирска и не могли повлиять на их исход.

Продвижение белых от Бугульмы на Симбирск было лишь одной частью наступательных операций, намеченных белым командованием.



«Поход на Симбирск,—говорил в своем докладе член Учредительного собрания В. И. Лебедев,—был поведен с двух сторон. Первая группа под командой капитана Степанова была двинута по Волго-Бугульминской железной дороге. Второй отряд, знаменитый самарский отряд полковника Каппеля, должен был идти на помощь Степанову по грунтовым дорогам от Сызрани».<sup>1</sup>

В тот момент, когда лучшие красные части нависали над Самарой по обоим берегам Волги, белогвардейцы через Сызрань и Бугульму двигались в обхват симбирской группы войск.

Выход белых 17 июля к Мелекесу не только создавал угрозу Симбирску, но и отрезал ставропольскую группу от Симбирска. Создавалась угроза и левому флангу сенгилеевской группы войск. В это же самое время несомненно предательской рукой белогвардейцев, пробравшихся в штаб симбирской группы войск, был предупредительно очищен для движения Каппеля тракт Сызрань—Симбирск. Из сохранившихся донесений этого периода видно, что 14 июля по неизвестным причинам сызранский отряд отошел от Сызрани и прибыл в Симбирск».<sup>2</sup>

По всему фронту симбирской группы войск создавалась угрожающая обстановка, но командующий группой Пугачевский не сумел понять нового положения и ответить радикальной перегруппировкой сил на маневр белых.

Единственно разумной мерой со стороны Пугачевского в этот момент был бы отвод ставропольско-сенгилеевских отрядов на подступы к Симбирску. Но Пугачевский, не будучи в состоянии сдержать напора чехов от Бугульмы, в то же время не сумел вывести своевременно сенгилеевско-ставропольские отряды на главные направления.

16 июля в симбирском штабе было получено приказание командарма 1-й Тухачевского, которое со всей определенностью требовало прикрыть тракт Сызрань—Симбирск, предупреждая об опасности с этой стороны. Вместе с тем приказ требовал вывести сенгилеевскую группу из Самарской Луки на север, в район Новодевичьи, дабы она могла также активно действовать у Тереньги, прикрывая Симбирск с юга.<sup>3</sup>

Политкомарм 1-й В. В. Куйбышев видел вместе с Тухачевским всю возможную опасность со стороны Сызрани. Прибыв в Симбирск, он в свою очередь обращает внимание комиссара сенгилеевского участка на «угрозу правому флангу».<sup>4</sup>

Но Пугачевский, скованный наступлением чехо-словаков из-за Волги, лишь 18 июля и с ущербом для мелекесского фронта смог выделить отряд Киселева в 130 штыков с назначением занять район Тереньги. Вместе с тем и командующий сенгилеевским

<sup>1</sup> «Вестник комитета Учредительного собрания» от 25 августа 1918 года. Доклады членов Учредительного собрания о взятии Симбирска и Казани.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 300—132, лист 103.

<sup>3</sup> ЦАКА, дело № 300—132, лист 112.

<sup>4</sup> Телеграмма В. Куйбышева, ЦАКА, 0300—132, лист 114.



участком Гай, ограничившись посылкой разведки на сызранский тракт, не проявлял инициативы и лишь забрасывал симбирский штаб требованиями о присылке подкреплений, невзирая на то, что Симбирск уже находился под угрозой. Вместо отхода на север сенгилеевская группа продолжала ненужные кровопролитные бои с полком Фортунатова под селами Усолье — Климовка — Шигоны, на фронте, который уже потерял всякое значение.

Таким образом Сызрано-Симбирский тракт, несмотря на приказ Тухачевского от 16 июля и предупреждение Куйбышева, остался в решающий момент незащищенным, что и облегчило маневр полковника Каппеля. 17 июля вечером он выступил со своим офицерским отрядом пехоты, кавалерии и артиллерии из Сызрани на Симбирск.

Отряд Киселева, выступивший 18 июля из Симбирска, вместо походного порядка через Ключищи — Ташла на Тереньгу, где он столкнулся бы с Каппелем и открыл его движение, поехал на пароходе. В Сенгилее отряд потерял целые сутки, ожидая оперативных заданий от Гая — командира сенгилеевского участка.<sup>1</sup> И только 20 июля в 4 часа дня, потеряв решающее время, Киселев выступил на Тереньгу. В этот день белогвардейский отряд Каппеля, миновав Тереньгу, проходил уже село Ясашная-Ташла.

Отряд Киселева, подкрепленный разведкой сенгилеевской группы, сообщил лишь туманные сведения, что вчера через Тереньгу проходил какой-то отряд белых, державший, по словам крестьян, направление на Сенгилей или Симбирск. Не предприняв более энергичных действий, отряд Киселева и разведка сенгилеевской группы остались пассивными наблюдателями в селе Кротково.<sup>2</sup> Кавалерия Каппеля между тем неожиданно захватывала села, с помощью местного кулачества вылавливала и расстреливала поголовно всех членов советов — бедняков и коммунистов.<sup>3</sup>

В селе Ключищах ими был захвачен и расстрелян член симбирского губисполкома Сергушин — представитель крестьян Ясашной-Ташлы. Здесь же едва избежал белогвардейских рук член губисполкома Абросимов. Захватив то или иное село, белые под страхом расстрела мобилизовали крестьянские подводы и быстро перебрасывались в следующее село. 20 июля белые части уже миновали село Ясашную-Ташлу, оказавшись в глубоком тылу сенгилеевской группы войск.

Неопределенность положения на сызранско-симбирском направлении заставила, наконец, Пугачевского приступить к выполнению директив штаба 1-й и взяться за более решительное

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 300—132, лист 115.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 300—132, лист 123.

<sup>3</sup> «Вестник комитета Учредительного собрания» от 25 июля 1918 года. К падевию Симбирска.



прикрытие Симбирска с помощью сенгилеевской и ставропольской групп. 20 июля он приказывает начальнику сенгилеевского фронта стянуть свои войска к Ясашной-Ташле, занять фронт Суровка — Куроедовка и держать связь с Сенгилеем, куда из-за Волги должна была переправиться ставропольская группа Павловского.<sup>1</sup>

Новый фронт Ясашная-Ташла — Суровка — Куроедовка, занятый лучшими частями симбирской группы, должен был надежно прикрыть незанятое пространство между Волгой и низенской группой и подступы к Симбирску с юга.

Но к осуществлению этой меры штаб симбирской группы войск приступил поздно. В то же время Гай замедлил переброску сенгилеевской группы из-под Климовки на новый фронт. И когда 21 июля отряды Гая начали свое передвижение, белогвардейцы Каппеля уже вошли в село Белый Ключ, взорвали железнодорожные мосты у станции Охотничья и готовились к атаке Симбирска.

Медлительность Пугачевского, белогвардейское вредительство в его штабе, безинициативность отряда Киселева, высланного на угрожающее терегульское направление, недостаточность мер для разведки и освещения этого направления со стороны сенгилеевских отрядов, неиспользование Гаем этих лучших частей красных войск для атаки во фланг наступающих белогвардейцев, — все это позволило отряду Каппеля совершить безнаказанно свой марш мимо сенгилеевской группы.

Попытка прикрыть Симбирск с юга не удалась. Не удалась и другие мероприятия штаба Восточного фронта и штаба 1-й армии для спасения Симбирска.

По фронту и тылу прошла волна анархического развала, недисциплинированности, ряд частей отказывался или медлил выступить на помощь Симбирску. 20 июля отказался выступить на помощь Симбирску 4-й Латышский стрелковый полк, находившийся на станции Рузаевка. Отказ мотивировался усталостью, малочисленностью рот и команд, отсутствием обмундирования и т. п. Саботаж возглавляла кучка разложившихся солдат, державших в терроре остальную массу. Лишь 173 бойца из числа коммунистов и комсостава согласились выполнить приказ. Члены реввоенсовета Восточного фронта в своей телеграмме 4-му полку, сообщая об окружении Симбирска белыми, прямо указали, что «целиком виноват в этом 4-й Латышский полк, который не выполнил своего революционного долга, отказавшись выполнить боевой приказ главнокомандующего выступить на помощь товарищам, обороняющим Симбирск. Печальное известие должно, наконец, образумить бессовестных трусов, необходимо теперь же двинуться на помощь товарищам, сражающимся в Симбирске в обстановке окружения».<sup>2</sup>

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 100—123, лист 14 и дело № 300—132, лист 149.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 231—456, лист 203.



Также не выполнил своевременно приказа Вацетиса известный по авантюре Муравьева Трофимовский. Саботаж в казанском губвоенкомате, подозрительная медлительность Трофимовского оттянули отправку его частей под Симбирск до 23 июля. Три дня ушло на сборы пароходов, артиллерии, мазута. Вдобавок артиллеристы в воскресенье 21 июля отказались грузить орудия, ссылаясь на «праздничный день».



К 21 июля обстановка на фронте резко изменилась не в пользу красных войск.

Инзенская дивизия беспричинным отходом оголила фронт, открывая дорогу на Инзу, и расширила пустое, не занятое войсками пространство между инзенской и сенгилеевской группами, облегчая этим продвижение полковника Каппеля. Мелекесская группа потерпела сильное поражение под Мелекесом и, деморализованная, уходила в Симбирск, очищая левый берег Волги. Сенгилеевская и ставропольская, наиболее стойкие группы оказались обойденными противником и остались в стороне от решающих событий под Симбирском.

Складывалась чрезвычайно трудная обстановка для обороны города, не получившего подкреплений.

Оборона еще более была затруднена тем, что атака Симбирска началась неожиданно с юга, в то время как командование, уверенное, что теренгульское направление прикрыто отрядами Гая, все внимание сосредоточило на востоке, на защите подступов через Волгу.

Вот как излагает фактический ход событий в своем рапорте главкому Восточного фронта командующий симбирской группой войск Пугачевский:

«Приняв на себя командование группой симбирских войск в момент общей растерянности в виду событий, связанных с муравьевской авантюрой, я все время находился на бугульминском фронте, войска на котором под давлением противника уходили к Симбирску. Будучи занят на фронте, я не имел возможности произвести реорганизацию штаба симбирской группы. Штаб же состоял из ряда мобилизованных офицеров, относящихся к своему делу весьма халатно и скрыто саботирующих.

Работы по укреплению Симбирска велись нехотя, все сваливали ее друг на друга. Установки орудий я не мог добиться. Начальник артиллерии не знал ни количества имеющихся у него орудий, ни их пригодности в боевом отношении. Окопы приготавливались нехотя и к моменту боя у Симбирска их еще не было именно с той стороны, где я постоянно требовал их возведения. События надвигались. Войска бугульминского фронта после недельных неудачных боев отошли к Симбирску.



В воскресенье 21 июля во время совещания с членом высшего военного совета т. Благодоровым и т. Куйбышевым в штаб ворвался начальник бронированного поезда Полупанов и с криком: «Мы окружены, все пропало», — схватил меня и силой потащил к месту боя у станции Киндяковка. По дороге к Киндяковке мне удалось собрать отряд солдат в числе 300 человек и захватить пулеметы. Я поехал на линию боя.

Неприятель наступал силой около четырехсот человек пехоты с отрядом кавалерии при двух полевых трехдюймовках и одном шестидюймовом орудии со стороны Охотничьей. Увидя, что нашему правому флангу грозит опасность быть обойденным, я рассыпал цепь по линии железной дороги и приказал открыть пулеметный огонь. Враг отступил и концентрировал свои силы на левом фланге.

Передав командование пехотой т. Хлебникову, я пошел в город за артиллерией. Это было около десяти часов вечера.

В это время поезд Полупанова начал уходить с позиции и, несмотря на приказание оставаться, ушел в неизвестном мне направлении.

Пробежав город, я с десятью солдатами собирал всех бродящих в это время солдат отрядов и посылал на линию боя...

Я пришел в штаб около 2 часов ночи и застал там начальника штаба Корицкого и его помощника Регова, остальные разбежались, а начальник связи Якишанский уехал с автомобилем и телефонным имуществом к белогвардейцам.

Из штаба я направился в Латышский полк. Мне ответили: «Он ушел на пристань грузиться». Я с несколькими солдатами бросился на пристань.

Начинало светать. В это время в разных частях города раздавалась редкая оружейная и пулеметная стрельба. На «Венце» стрельба была сильнее. Когда я пришел на пристань, то там стоял пароход «Перевоз», на котором было около 150 бегущих. На мой приказ идти на станцию Симбирск I они ответили, что им начальство приказало грузиться на пароходы, а меня они не знают и не желают знать, тем более, что большая часть уже уехала. Я взял легкий катер «Революционер» и поехал вдогонку. Около Старой Майны мне удалось нагнать пароходы с солдатами...

Мне первоначально, когда я узнал от Благодорова, что приказа об отступлении никто не давал, удалось остановить солдат и погрузить их на один пароход в количестве около тысячи человек. Но как только они узнали, что я хочу их везти обратно в Симбирск, то, угрожая мне штыками, разбежались по другим пароходам и категорически отказались идти на Симбирск<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 24—500, листы 6—7.



Что же произошло в Симбирске? Командование в лице Пугачевского — Полупанова, которым было поручено ведение боя, проявило растерянность и не сумело организовать оборону против неожиданной атаки с юга. Возможности для сопротивления, которые имелись, несмотря на общее низкое боевое качество гарнизона, использованы не были.

Пугачевский наделал ряд ошибок, которые решили судьбу города.

Навстречу белогвардейским добровольцам Каппеля, состоявшим в большинстве из офицеров, был брошен необученный, неспособный Симбирский полк. Присоединенный к нему небольшой отряд мадьяр не мог играть серьезной роли.

Участок обороны у станции Киндяковка в этой неожиданной обстановке превращался в самый главный, и от исхода боя здесь зависела судьба всех позиций у Симбирска. Сюда следовало бросить наиболее крепкие части с достаточно большим числом бойцов, чтобы отбросить противника и восстановить связь со штабармом 1-й.

Но относительно боеспособный Латышский полк был брошен на охрану переправ возле Волжского моста, тогда как чехи к Волге еще не подошли.

Латышские стрелки должны были в течение целого вечера и ночи бездействовать в цепи перед Волгой, слыша в тылу звуки идущего боя. Неизвестность, провокационно-панические слухи, беспокойство за свою судьбу — все это разлагало стрелков, и они без встречи с противником теряли свою силу сопротивления.

Не в лучшем положении оказалась и другая, наиболее боеспособная часть — отряд интернационалистов. Одна его группа находилась за Волгой и ожидала подхода чехов, незначительная часть была брошена навстречу каппелевцам, а третья наиболее многочисленная — около 100 штыков — на случай обхода противником правого фланга обороны была размещена между городским кладбищем и селом Сельдь. Противника перед интернационалистами не было. В то же время никаких активных наступательных задач они не получили и до самого утра простояли пассивно.

Первый натиск войск каппелевцев вечером 21-го был отбит в значительной мере благодаря команде бронепоезда Полупанова, перешедшей вместе с мадьярами в контратаку. Но затем Полупанов, не доверявший командованию симбирской группой войск, встал на путь самочинных изолированных действий, ломая этим остатки дисциплины. В довершение всего он, уведя бронепоезд с позиции под гору к Волжскому мосту, снял свою команду с позиции под Киндяковкой, сделав этим непростительную ошибку.

Вслед за этим неожиданно снялся отряд железнодорожной охраны, покинул город и ушел в западном направлении.



Стали уходить и другие отряды.

На позиции остались лишь редкие цепи красногвардейцев симбирского гарнизона.

Если Каппель не занял Симбирска в ночь с 21 на 22 июля, то только потому, что боялся ночного боя в городе, а также потому, что не состоялось встречное восстание городских белогвардейцев.

Накануне по Симбирску был объявлен приказ чрезвычайного коменданта города И. Варейкиса о красном терроре в случае белогвардейских попыток вредить или ударить в спину Красной армии.

Эту меру впоследствии белогвардейские газеты демагогически изображали как попытку поголовного истребления буржуазии и офицерства. На самом деле речь шла об организованном массовом взятии заложников и расстреле их в случае белогвардейского выступления.

Исключительная злоба, с какой белогвардейцы писали об этом приказе, выдает их: он помешал осуществлению готовящегося восстания.

Приказ № 4 о красном терроре был верен политически, был нужен и в военном отношении.

С началом боевых действий под городом работники чрезвычайной комиссии и политработники штаба группы произвели аресты среди белогвардейских, кадетских деятелей. Эти меры парализовали городских белогвардейцев. Они собирались по квартирам, садам, но, лишённые вследствие арестов связей, к массовым активным действиям не переходили и ограничивались одиночной провокационной стрельбой, особенно в районе бульвара «Новый Венец».

Лишь к утру они захватили интендантский склад на Комисариатской улице. Завладев здесь некоторым количеством винтовок, они надевали на рукава белые повязки и отправлялись группами на избиение беспорядочно отступавших красноармейцев.

Зашевелились правые эсеры Московско-Казанской железной дороги.

Бывший комиссар Волго-Бугульминской железной дороги Степанов в своих воспоминаниях рассказывает, что вечером 21 июля во время боя под Киндяковкой он со своими дружинниками со станции В. Часовня пытался поднять и двинуть в бой рабочих Московско-Казанской железной дороги. Оказалось, что на станции Киндяковка уже шло собрание. Председатель участкового железнодорожного профсоюза, некто Полеонис, называвший себя до этого большевиком, выступил с обычным правых эсеровским призывом: «соблюдать нейтралитет в идущей борьбе».

Рабочие были растеряны, под станцией уже шел бой, и Степанову не удалось их организовать. На станции Симбирск I в это же время группа меньшевиков-машинистов принялась тушить паровозы. Уже было приведено в холодное состояние



18 паровозов, когда вредителей захватили дружинники — часо-венцы. Предатели были расстреляны на месте преступления.

Губисполком с вечера все свои усилия сосредоточил на эвакуации ценностей и интендантских грузов. Но после полуночи обнаружилось, что в штабе симбирской группы войск нет ни командующего, ни оперативного аппарата.

Тогда группа членов губисполкома вместе с т. В. В. Куйбышевым образовала импровизированный штаб и с помощью военного специалиста Корицкого пыталась разобраться в обстановке и спасти положение.

Но эта задача в условиях смятения, измен, порванной связи и провокационной белогвардейской стрельбы в городе была чрезвычайно трудной. С часу-на час надо было ожидать атаки чехо-словаков, подходящих к Волге с востока.

Узнав об уходе латышских стрелков с позиций у Волжского моста, штаб бросил туда 15 коммунистов под командой т. Жуприна, чтобы прикрыть переправу через Волгу. Этот отряд выполнил свой долг и, оставаясь на позиции до утра, героически погиб на своем посту.

Дальнейшие мероприятия штаба затруднялись отсутствием людей. Силы городской парторганизации к моменту подхода белых к Симбирску были уже истощены. Коммунистический отряд находился под Сенгилеем, а налицо оставалось не более двух десятков вооруженных партийцев. Нехватало сил, чтобы сплотить и повести в бой достаточные силы красноармейцев. Небольшая кучка партийцев взялась за организацию дальнейшего сопротивления. Члену губисполкома Хламину удалось установить одношестидюймовое орудие, которое с рассветом и открыло стрельбу по каппелевцам. Под руководством одного из батальонных командиров, т. Мороза, политработникам штаба группы из остатков различных отрядов вновь удалось собрать около 200 человек и двинуть их на позиции.

На боевой участок у станции Симбирск I выехал и комиссар 1-й армии т. В. В. Куйбышев.

Чрезвычайный комендант города И. Варейкис выехал на пристань, чтобы сдержать беспорядочную эвакуацию частей.

Выяснилось, что помимо железнодорожного телеграфа, перехваченного белогвардейцами, имеется еще линия через Тагай — Карсун, по которой можно связаться с Инзой, со штабармом 1-й. Утром 22 июля в Инзе вновь услышали Симбирск:

«Посланному отряду 500 сообщите, что Охотничья, Киндяковка не в наших руках, но в настоящее время затишье. Отступающие небольшие партии красноармейцев группируются в Симбирске и направляются на Киндяковку. Ждем подкрепления, а начальником фронта губисполкомом назначается т. Мороз».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 231, лист 198.



Но все попытки удержать город не увенчались успехом. Красноармейцы последнего сводного отряда в 200 человек, брошенные на позиции, стали разбегаться, не доходя до линии огня. К вокзалу Симбирск I пришло лишь несколько десятков человек.

Для красноармейцев — крестьян, пришедших в армию со своим «выжидательным» отношением к советской власти, эта временная неудача красных войск представлялась окончательным поражением. И недавно мобилизованные середняки спешили воспользоваться моментом, чтобы уйти от дальнейшего участия в войне, вернуться к незаконченной уборке хлеба.

Это стихийное стремление ломало все попытки оставшихся командиров и коммунистов поднять боеспособность отрядов.

Этой участи не избежала даже такая часть симбирского гарнизона, как рота курсантов, охранявшая переправу через Волгу у деревни Поливны и находившаяся вне сферы боя. Она имела все возможности отступить организованно и в полном составе. Однако, узнав о поражении, большинство курсантов (крестьяне соседних сел) попросту разошлось «по-домам».

Возобновившийся 22 июля бой дал легкую победу белогвардейцам. В 9 часов утра они уже двигались по южным улицам города. Испуганные красноармейцы, преимущественно крестьянские парни, вместо сопротивления опускали оружие. Они забежали в первые попавшиеся дома, прятались в «овраге» среди города, по садам и т. д.

Белогвардейцы же устроили буквально охоту на красноармейцев, безжалостно расстреливая их. Так, на улицах Симбирска началась кровавая бойня не только для рабочих, но и для крестьян. Эта бойня убедила их, что в лице «учредилки» вернулись их вековые враги.

Владимир Ильич, касаясь политических причин падения Симбирска, писал: «...у нас были примеры, когда наши войска показывали преступную слабость, например, при взятии Симбирска чехо-словаками, когда наши отступили...»<sup>1</sup>

Оставление Симбирска красными войсками явилось результатом целого клубка причин. Здесь и отрицательные стороны партизанства, разросшиеся до угрожающих форм и размеров, деморализующие последствия измены главкома Муравьева, провокация и саботаж белогвардейцев, тактическая неопытность командования и неналаженность управления фронтом, плохая работа органов ЧК и слабость политической работы в красноармейских частях. Но одной из глубоких классовых причин неустойчивости красноармейцев были колебания широких масс крестьянства.

Все это, как в фокусе, собралось и особенно губительно отразилось в «преступной слабости» наших войск при падении Симбирска.

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 161.





Со взятием Симбирска противник выходил на пути, ведущие в центр страны. Чехословацкий мятеж принимал угрожающие размеры. Богатый урожай в Поволжье и на Урале не мог быть реализован.

Объединенное заседание ВЦИК советов, московского совдепа, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов признало социалистическое отечество в опасности и установило основные задачи момента: отражение натиска белогвардейцев, сбор и доставку хлеба в нуждающиеся местности, очищение Волги, Урала и Сибири от всех контрреволюционеров, бдительность по отношению к буржуазии, всюду становящейся на сторону контрреволюционеров, перевод ряда ответственных работников, советских и профессиональных, в область военную и продовольственную и др.<sup>1</sup>

1 августа в обращении к реввоенсовету Восточного фронта Ленин указывал, что «сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехо-словаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого». А 10 августа после падения Казани Ленин приказал Высшему военному совету перебросить с Западного фронта на Восточный наибольшее число боеспособных частей.<sup>2</sup>

Партия ответила на успехи белогвардейцев посылкой на фронт свежих полков, спаянных классовой дисциплиной, и новых продовольственных отрядов в деревню. Борьба вступала в новый этап. Партизанский период кончился.

Белые взяли Симбирск, но им не удалось разбить и уничтожить части, оставшиеся под Сенгилеем. А в них объединились наиболее крепкие и классово-сознательные самарские, казанские, уфимские и симбирские красногвардейские отряды. Именно здесь собрались те многочисленные отряды добровольцев-рабочих: текстильщиков, металлистов, членов партии и деревенской бедноты, которые посылались из Симбирска под Самару, Новодевичье, Бугульму и Ставрополь.

Накопившая уже большой боевой опыт ставропольско-сенгилеевская группа прорвала вражеское кольцо и вышла на соединение с другими частями 1-й Революционной армии.

С громадным воодушевлением встретили бойцы приказ т. В. Куйбышева о реорганизации красногвардейских и краснопартизанских отрядов в регулярную дивизию. Реорганизация встретила некоторое сопротивление лишь в левозсеровской дружине и среди анархистов, которые называли это «возвратом к старой армии». Но и партизаны — левые эсеры, — связанные боевым сотовариществом с коммунистами, постепенно убеж-

<sup>1</sup> «Правда» от 30 июля 1918 года.

<sup>2</sup> «Правда» от 16 января 1934 года.



дались в правильности этой меры, а лучшие их элементы стали переходить в ряды коммунистической партии.

«Симбирская Железная дивизия» — это имя молодой дивизии было символом суровой решимости бойцов, волжских рабочих и крестьян во что бы то ни стало вернуть Симбирск и покончить с белогвардейщиной. Противник, рассчитывавший на триумфальное шествие, не мог продвинуться на запад далее как на 30—40 километров от Симбирска. Дальнейший путь ему преградили полки и батальоны Симбирской Железной дивизии.

Вместе с тем в эти дни среди рабочих и деревенской бедноты прифронтовых районов поднялась новая волна добровольчества в Красную армию.

Выход Железной дивизии из белогвардейского кольца замечателен не только умелым маневрированием и стойкостью отрядов. Он имел громадное политическое значение. Он превратился в демонстрацию неиссякаемости боевых сил трудящихся. В отходящие части со всех сторон вливались одиночки-добровольцы и целые отряды бойцов из рабочих и деревенской бедноты. Рабочие Сенгилеевского цементного завода, текстильщики Екатериновской фабрики, шиловские матросы, бедняки — коммунары Тушинской сельскохозяйственной коммуны, члены деревенских советов и партийных ячеек, — все они уходили вместе с отступающими или бежали вслед за ними после первых же дней белого террора. Ткачи Игнатовской фабрики явились в распоряжение командования Железной дивизии вполне сформированным отрядом в 300 бойцов со своим комсоставом и оркестром впереди.

Симбирск пал, но на падение губернского центра уездные комитеты ответили посылкой своих отрядов. 23 июля карсунский исполком сообщил командарму 1-й, что он берет на себя охрану и разведку тагаевского направления. От командарма 1-й Тухачевского получали боевые задания вновь прибывшие на фронт отряды уездных совдепов: карсунского, алатырского и ардатовского.

3 августа чехи заняли Буинск и приступили к подготовке казанской операции. Она им удалась вследствие предательства Трофимовского, открывшего фронт белогвардейцам. Но в то же время наметились уже многочисленные признаки подъема боевого духа Красной армии и перелома на фронте.

## VI. Строительство 1-й армии

Оставив Симбирск, губисполком и комитет партии перенесли свою деятельность в уездный город Алатырь. Здесь развернулась напряженная работа по мобилизации и формированию новых частей, проведенная губисполкомом в самом тесном сотрудничестве с командованием 1-й армии.



Большую часть своей организации комитет передал в армии в качестве политических и других работников. Часть работников была оставлена под Казанью в распоряжении 5-й армии. Уездные исполкомы, эвакуировавшиеся в Алатырь, продолжали политическую и мобилизационную работу по своим уездам, распространяя ее и на территории, занятой белыми.

Работники сенгилеевского и симбирского уездных совдепов были оставлены в распоряжении Железной дивизии. Карсунский уисполком и уком партии вернулись в Карсун. Работники буинского уисполкома влились в партизанский отряд Космовского и вели борьбу на территории белых.

Но в связи с поражениями под Симбирском в среде работников эвакуированных в Алатырь организаций появились признаки морального разложения и недисциплинированности. Были случаи уваливания от военной работы и отказа от выполнения опасных поручений. Симбирский комитет партии повел борьбу против этих болезненных явлений, могущих стать серьезным препятствием в строительстве армии.

Борьба затруднялась тем, что симбирский комитет партии формально не был губернским, и некоторые работники на этом основании пытались сопротивляться его указаниям.

Серьезное значение имела борьба с появившимся паникерством и «левацкими» настроениями. Группа «леваков» (Иванов — «Котелок» и др.), не верящая в успех мобилизации и возможность создания крепкой армии, пыталась свести все дело борьбы с контрреволюцией к физическому уничтожению.

Дело дошло до того, что начальник алатырской милиции Богданов без ведома губисполкома, под предлогом предупреждения повторения симбирских событий, начал производить беспорядочные аресты офицерства, намереваясь учинить над ними массовую расправу.

Комитет партии потребовал немедленного ареста Богданова. На партийном собрании оппозиционные элементы, особенно из среды алатырской организации, пытались выступить против И. М. Варейкиса, возглавлявшего борьбу с «богдановщиной», но потерпели поражение.

Богданов был арестован, весь руководящий состав комендатуры и милиции смнен. Комендатура была передана губвоенкому В. Пеньевскому.

В центре внимания парторганизации была поставлена мобилизация в Красную армию. В пехоту призывались 1897 и 1898 годы рождения. Подлежали мобилизации также 5 годов бывших артиллеристов и кавалеристов. Мобилизация распространялась на всю губернию. Губисполком при поддержке комиссара 1-й В. В. Куйбышева сразу же поставил мобилизацию на крепкие рельсы.

Приказами командарма 1-й и симбирского губисполкома были приняты решительные меры против проникновения кулачества



в Красную армию. На сельсоветы и фабрично-заводские комитеты возлагалась ответственность за классовую принадлежность каждого вступающего в армию.

Широко и на новых началах проводилась мобилизация лошадей. Она проходила при содействии бедноты. Лошади брались прежде всего у кулачества, трудовым хозяйствам выплачивалась стоимость лошадей.

Широкая мобилизационная работа имела громадное военнополитическое значение. От ее исхода зависела политическая прочность тыла Красной армии и успех решительного удара по шатающемуся зданию учредилки.

С территории белых в среду крестьянства проникали сведения о возвращении помещиков, о карательных отрядах и насильственной мобилизации в белую армию, о принуждении крестьян к возврату помещичьего инвентаря, возмещению помещикам убытков от «социализации».

Среди крестьянства национальных меньшинств: татар, чувашей, мордвы, занятого белыми Буинского уезда началось широкое краснопартизанское движение.

На фронте шли бои. Красная армия стойко держала фронт под Казанью и Симбирском и в отдельных боях не раз била белогвардейцев. Рассеивалось распространяемое кулаками мнение о непобедимости белой армии.

Беднота воспрянула духом. По деревням стихийно распространялся лозунг: «не допускать возврата помещиков». Но этих стихийных сдвигов было недостаточно для полного успеха мобилизации. Военная обстановка полностью еще не определилась. Кулачество не намерено было сдавать своих позиций. Настроения населения определялись степенью близости фронта: чем ближе к фронту, тем сильнее чувствовалась готовность населения драться с белогвардейцами, и чем дальше вглубь губернии, тем больше было случаев верховодства кулаков и эсеров (Ардатовский, Курмышский уезды). Кулачество пускало в ход все, чтобы сорвать мобилизацию или использовать ее для новой волны восстаний. Правые эсеры обнаружили большую изворотливость и звали колеблющегося середняка к сохранению нейтралитета в происходящей «войне двух партий». Так, шувалово-пятинский волсовет (Карсунский уезд) отказался проводить мобилизацию людей и лошадей на том основании, что «силы требуются на борьбу двух партий, а население волости беспартийно... и волостной исполнительный комитет... воздействовать на население при поголовном несогласии волости совершенно бессилен».<sup>1</sup>

Успех мобилизации мог быть достигнут только в жестокой классовой борьбе путем решительного удара по кулачеству.

Мобилизацию проводили особые отряды, состоящие из агит-

---

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 86—00, лист 17.



тационного аппарата и вооруженных сил. В самой организационной практике мобилизации сочетались методы убеждения в отношении трудящихся с беспощадным пресечением сопротивления классового врага.

Командование 1-й армии и губисполком в приказах со всей определенностью заявили о своей решимости расправиться с кулацким саботажем мобилизации:

«Все неявившиеся на прием, равно как и скрывшие от мобилизации лошадей, все отказывающиеся защищать свою молодую свободу, свои села и деревни, объявляются врагами народа и вне всякой защиты закона».<sup>1</sup>

«К деревням и селам, отказывающимся от проведения мобилизации, будут применяться беспощадные меры наказания: а) расстрел на месте всех агитирующих против мобилизации, б) расстрел всех кулаков и мироедов».<sup>2</sup>

Тяжелое положение республики, напряженность положения на фронтах, необходимость поднять бедноту на борьбу с кулачеством и продемонстрировать середнякам твердость советской власти — все это требовало жесткого проведения мобилизации.

Эта решительность опиралась на поворот в настроениях самого крестьянства. Интересна в этом отношении резолюция группы мобилизованных Сенгилеевского уезда. Узнав, что соседние села не вышли на призыв, они постановили: «...просить члена губисполкома Саблина применять решительные и суровые меры для сбора мобилизованных, а в отношении тех провокаторов, которые смущали крестьян не идти, требуем расстрела на месте... Нужен не только самый беспощадный террор к капиталистам и помещикам, но нужны решительные меры ко всем тем, кто не будет идти вместе с нами на защиту рабоче-крестьянских интересов».<sup>3</sup>

Большую активность проявила созданная карсунским исполкомом военная коллегия. Она сформировала ряд частей и распространила по волостям 3 воззвания, в которых разъясняла крестьянству, что не допустить помещика можно только организованной борьбой под руководством пролетариата, поступая в Красную армию.<sup>4</sup>

Из Языково-Теньковской волости в первый же день мобилизации явились 60 ткачей с Языковской фабрики и 270 крестьян. Все они поступили на пополнение Железной дивизии.

На несколько дней раньше исполкома в Карсунском уезде развернул свою работу политический отдел 1-й армии.

Вот что сообщал о ходе мобилизации один из агитаторов мобилизационного отдела. Вначале мобилизация дала незначительные результаты. Проходит 2 и 3 августа, а мобилизованные к ука-

<sup>1</sup> Приказ командарма 1-й.

<sup>2</sup> Приказ губисполкома от 4 августа.

<sup>3</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 216, лист 223.

<sup>4</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 21,7 лист 135, 136, 137.



занным пунктам не являются, и мне пришлось лично объезжать волости, призывая крестьян к явке на сборный пункт... Собрание крестьян Троицкой волости первым долгом потребовало объяснений: почему производится мобилизация. С нашими разъяснениями они согласились, но требовали мобилизации всех от 18 до 40 лет и сформирования из карсунских мобилизованных особых полков, батарей и эскадронов, именно карсунских. После разъяснений общее собрание вынесло резолюцию о явке на сборный пункт, и на другой день все подлежащие мобилизации из Троицкой волости прибыли на подводах в Инзу. Так же обстояло дело и в других волостях».<sup>1</sup>

Появившиеся воззвания исполкома рассеяли сомнения крестьянства.

Через несколько дней в Карсуне было около 1000 призванных.

Требование о создании специальных карсунских частей было распространенным в то время стремлением крестьян ограничиться непосредственной защитой своего района.

Одной из задач агитации в этот период был подъем сознания крестьянства от «уездной ограниченности» до понимания общих классовых задач рабочих и крестьян.

Успех мобилизации в Карсунском и Алатырском уездах в большей мере объяснялся тем, что она подкреплялась здесь созданием комитетов бедноты и деятельностью продотрядов. Учет и изъятие излишков хлеба тесно переплетались с мобилизацией сил для гражданской войны.

Изъятие, например, лошадей для армии осуществлялось как составная часть начинавшегося изъятия от кулаков излишков хлеба и бывшего помещичьего инвентаря.

Организация комбедов и классовый подъем бедноты являлись решающим фактором, коренным образом изменяющим военно-политическую обстановку в прифронтной полосе в пользу советской власти и Красной армии.

Продотряды, прибывавшие в это время в губернию, наряду с борьбой за хлеб подавляли также кулацкие восстания, а при приближении белогвардейцев вовлекались в военные операции на фронте.

Кулацкие восстания против мобилизации произошли в ряде сел (Таволжанке и др.).

В подавлении их большую роль сыграли прибывший в Алатырь финский батальон т. Лукка и вновь созданный симбирский коммунистический отряд.

Плохо проходила мобилизация в Ардатовском и Курмышском уездах.

В Ардатовском уезде мобилизацию срывал левоэсеровский президиум исполкома во главе с неким Дючковым.

<sup>1</sup> ЦАКА, д. № 1435, отчет о мобилизации в Симбирской губернии.



События, происшедшие в Ардатове, характеризуют переход левых эсеров в лагерь контрреволюции. Ардатовские левые эсеры, получив большинство в исполкоме, стали все более переходить к явному сопротивлению политике советской власти. Особенно это усилилось после московского восстания и муравьевской авантюры в Симбирске.

Уисполком и упродком чинили всяческие препятствия продотрядам, прибывшим в Ардатов. Лишь по настоянию продармейцев и фракции коммунистов исполкома продотряды были пропущены в деревню. На местах продотряды обнаружили, что «никаких подготовительных работ по созданию комитетов бедноты не было. Не было ни организаторов, ни агитаторов. Все эти работы по организации комитетов бедноты, по агитации среди крестьян легли целиком на продотряды».

«Переучет хлеба, произведенный в Глуховской волости при полном содействии комитетов бедноты, показал 10 тысяч пудов хлеба сверх указанного обманным учетом кулачества. А левоэсеровский упродком засылал хлеб в эту волость извне, явно потворствуя кулацкой спекуляции».

Продотряды, вступавшие в постоянный конфликт с ардатовскими властями, неоднократно требовали смены левоэсеровского руководства уисполкома.<sup>1</sup>

Но малочисленная коммунистическая фракция ардатовского уисполкома была буквально терроризована Дючковым, опиравшимся на созданную им левоэсеровскую дружину.

Опираясь на дружину, Дючков разогнал следственную комиссию, которой было начато дело против него, арестовал членов уисполкома — большевиков (Авдони́на и др.). Обвиняя их в дискредитации советской власти и в контрреволюции, он намеревался расстрелять их. Оставшиеся на свободе коммунисты успели сообщить о конфликте в Алатырь. Губисполком, не представляя остроты борьбы в Ардатове, ограничился посылкой туда следственной комиссии из двух членов губисполкома.

С их приездом арестованные большевики были освобождены, и началось следствие по делу Дюčkова. Но левые эсеры — Дючков, Мишин, Крюшин и др. — придали борьбе еще более острый характер. Отказавшись оставить свои посты членов уисполкома, они вызвали на демонстрацию протеста левоэсеровскую дружину, рассчитывая этим оказать давление на представителей губисполкома и на ход следствия. Дружинники стали арестовывать большевиков. Едва не подверглись насилию и представители губисполкома.

В то же время ардатовский исполком по требованию своего президиума сообщил в губисполком протест против действий губернской следственной комиссии, обвиняя ее в насилии над местными органами власти.

<sup>1</sup> Доклады продотрядов, ЦАОР, ф. 323, дело № 214; лист 33.



Губисполком в постановлении от 27 августа распустил левоэсеровский президиум ардаатовского исполкома и ультимативно предложил немедленно представить в Алатырь Дючкова и других для завершения следствия. Временное исполнение обязанностей президиума было поручено членам следственной комиссии.

Левоэсеровская дружина была уведена из Ардатова и расформирована, Дючков был арестован, но ему удалось бежать и он бесследно исчез.<sup>1</sup>

Левоэсеровский ардаатовский исполком несколько не заботился о проведении мобилизаций в Красную армию. Лишь после реорганизации исполкома, в начале сентября, мобилизация была сдвинута с мертвой точки.

Одновременно с левоэсеровским выступлением в Ардатове произошло правозэсеровское восстание в Курмыше.

В Курмышском уезде по первому объявлению о явке на мобилизационные пункты почти никто не явился. Мобилизационный отдел 1-й армии дал увоенному мобилизационно-агитационный отряд, с которым тот и двинулся в уезд.

31 августа приказ о мобилизации был повторен. К 5 сентября в Курмыш прибыли большие массы мобилизованных. Но среди призванных шла усиленная противосоветская агитация и разговоры о возвращении в села. Правые эсеры воспользовались этим и вызвали волнения. Мобилизованные разогнали совет и стали разбегаться по домам. Выступили городские белогвардейцы. Ряд ответственных работников, в частности работники ЧК, были зверски убиты. Убит был председатель курмышского совдепата т. Мартыанов. Восставшие прервали связь Курмыша с Алатырем.<sup>2</sup>

Картина восстания была ясна и Пензевский направил в Курмыш симбирский коммунистический отряд под командой председателя губЧК т. Левина-Бельского. Одновременно в Курмыш был двинут отряд из Саранска.

Соединенными усилиями отрядов кулацко-белогвардейское восстание правых эсеров было подавлено. Власть советов была восстановлена. С 10 сентября был объявлен третий приказ о мобилизации. Под влиянием большой агитационной работы, разъяснявшей контрреволюционный смысл курмышских событий, мобилизация на этот раз прошла успешно.

Кулацкие восстания и контрреволюционный саботаж левых эсеров не могли задержать развертывание пролетарской революции в деревне и поворот середняка в сторону советской власти.

За месяц работы мобилизационная комиссия губисполкома собрала свыше 10 000 мобилизованных, не считая прямой вербовки в армию, проведенной политотделами 1-й армии.

Из числа мобилизованных около 6 тысяч было направлено в Саранск в распоряжение 1-й армии, а 4 тысячи оставлено для

<sup>1</sup> Изложено по протоколу губисполкома, ЦАОР, ф. 393, дело № 214, лист 3.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 45927, лист 347.



формирования на месте. Из них губвоенкомат сформировал 3-й Симбирский пехотный полк, состоявший в значительной части из крестьян национальных меньшинств — мордвы и чувашей. Ядром формирования был вновь созданный в Алатыре коммунистический отряд. Этот полк был целиком передан в Железную дивизию и участвовал в боях под Симбирском.

Кроме пехотных частей губисполкомом были созданы: в Алатыре легко-мортирная батарея и эвакуационный госпиталь, в Ардатове — 6-дюймовая артиллерийская батарея. Были созданы пехотные и кавалерийские отряды карсунским и буинским исполкомами.

Успешно прошла мобилизация лошадей, дав 1500 обозных, артиллерийских и кавалерийских коней.

Из этих формирований, партизанских отрядов исполкомов и частей, переданных 1-й армии, усилиями губисполкома была образована алатырская группа войск. Командующим ее был член губисполкома и губвоенком В. Пеньевский, комиссаром — член комитета партии А. В. Швер.

В период собирания сил и реорганизации Красной армии алатырская группа служила связующим звеном между 1 и 5-й армиями Восточного фронта и обеспечила на своем участке коммуникационную линию Рузаевка — Свияжск, отбив ряд наступательных попыток белогвардейцев.

С началом нового наступления задача алатырской группы заключалась в овладении Буинском с выходом затем в район Тетюшей с целью перехвата сообщений противника по Волге и содействия этим взятию Казани и Симбирска.

Одновременно с наступлением Железной дивизии на Симбирск алатырская и шихранская группы общими силами в 1000 штыков, 100 сабель, 40 пулеметов и 2 батареи двинулись к Буинску. Буинск вновь стал советским. Стойкость и хорошая маневренность, проявленные молодой группой войск на этом вспомогательном участке фронта, свидетельствовали об общем росте боеспособности Красной армии.

\* \* \*

Август был переломным месяцем. По всему фронту кипела созидательная работа. Разрозненные краснопартизанские и красновардейские отряды преобразовывались в регулярные части.

Прибывший в июле в Царицын ближайший соратник Ленина — товарищ Сталин — возглавлял строительство регулярных красных армий, твердой рукой преодолевая остатки «отрядного строительства». Его усилиями Царицын был превращен в неприступную крепость Красной армии, о которую разбивались контрреволюционные армии донского казачества, стремившегося прорваться по Волге на соединение с восточной контрреволюцией. На чехословацком фронте впереди в деле строительства регулярных дивизий и полков с крепкой револю-



ционной дисциплиной шла 1-я армия, руководимая гг. Куйбышевым и Тухачевским.

В армию непрерывным потоком текли коммунистические и рабочие пополнения из центра. Подъем бедноты и поворот середняцких масс увеличивал боеспособность красноармейцев. Бойцы сами требовали введения железной революционной дисциплины.

В непрерывных боях под Казанью, Симбирском и на буинском направлении росла боевая выучка красноармейцев и их воля к победе. Еще в середине августа части 1-й Революционной армии предприняли успешное наступление на Симбирск, вызвавшее переполох у белых и заставившее их перебросить из Казани под Симбирск лучшие части полковника Каппеля. Красные полки должны были отойти в исходное положение лишь вследствие тактической неопытности командиров молодой Курской бригады. Но во всей этой операции основное ядро дивизии проявило высокий боевой дух и умение бить белогвардейцев.

Фронт крепчал с каждым днем. Крайняя усталость от войны была преодолена. Новая армия, сплоченная коммунистической дисциплиной, сознательной дисциплиной трудящихся, была создана.

Еще не было решающих военных успехов, но Владимир Ильич видел решающие изменения в настроениях широких трудящихся масс.

За две недели до взятия Казани и Симбирска Ленин уже говорил: «Как ни трудно было снова создать военное положение в стране, где народ сам смял войну и сам разбил старую армию, как ни трудно было организовать армию в процессе острой гражданской войны,— мы превозмогли все трудности. Армия сложилась, и победа над чехо-словаками, белогвардейцами, помещиками, капиталистами и кулаками обеспечена».

«Наша армия составила из отборных элементов, сознательных крестьян и рабочих».<sup>1</sup>

## VII. Белые разгромлены. Симбирск взят

9 сентября Симбирская Железная дивизия развернулась широким фронтом и в неудержимом порыве двинулась на Симбирск.

Крылатые слова, брошенные Куйбышевым: «Взятие Симбирска, родного города Ленина, будет ответом за одну рану Ильича, за вторую будет Самара»,— облетают всю армию, и с этими словами красноармейские цепи устремляются вперед.

Наступление было тщательно подготовлено и в военно-тактическом, и в политическом, и в моральном отношении.

<sup>1</sup> Ленин, т. XXIII, стр. 193.







«В основу плана операции была положена идея концентрического наступления.

Пензенской дивизии была поставлена задача активной обороны занимаемых рубежей.

Инзенской дивизии на фронте также была поставлена оборонительная задача. Зато кавалерии ставилась задача занять село Тереньга и прервать телеграфное сообщение Сызрань — Симбирск. Кроме того поставлена задача непрерывно освещать кавалерийской разведкой район Трубетчино—Собакино—Назапкино—Тереньга и участок тракта Тереньга—Горюшки.

Силы ударной симбирской группы достигали примерно 8000 штыков. Противник небольшими силами занимал передовые линии и имел довольно значительные резервы в районе Симбирска, что было выяснено после взятия последнего. С этими резервами белогвардейцы лишь немного уступали нам в численности. При составлении же плана наши силы представлялись нам значительно превосходившими силы противника.

Исходное положение для симбирской группы было намечено по линии Поповка—Анненково—Прислониха. Кроме того 5-й Курский полк на грузовиках перебрасывался со станции Чуфарово в район Старые-Алгаши для наступления в обход правого фланга противника вдоль большака Старые-Алгаши—Назапкино—Симбирск. Таким образом исходная линия достигала почти 100 верст по фронту.

Первые серьезные силы противника мы могли встретить на линии Елшанка—Выры—Петровка и отдельные отряды в районе села Шумовка. Главные силы двигались по большакам Поповка—Елшанка—Прислониха—Тетюшское и между ними. Таким образом ко времени серьезных боев фронт атакующих частей сокращался до 60 верст к вечеру первого же дня наступления.

Приказом по армии за № 7 начало наступления было назначено на утро 9 сентября и взятие Симбирска было рассчитано на третий день наступления. В основу этих расчетов было положено: во-первых, превосходство наших сил, во-вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении и, в-третьих, быстрота движения и внезапность.

На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение.

Все эти расчеты полностью оправдались на деле. К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние и отступление противника приняло беспорядочный характер.



На подступах к Симбирску белогвардейцы попробовали задержаться и оказать последнее сопротивление, но дружным натиском наших воодушевленных войск они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу и даже за Волгу.

Таким образом основательно подготовленная операция одним ударом решила чрезвычайно важную задачу. Сильная симбирская группа противника была разбита и Волга была перерезана, а стало быть перерезан наилучший путь отступления для белогвардейцев из-под Казани, павшей почти одновременно с Симбирском.

Этот успех был настолько неожидан для противника, что когда мы прибыли в Симбирск, то к нам в штаб Симбирской дивизии вдруг явился с донесением какой-то прапорщик, посланный из Сенгилея к белогвардейскому начальнику дивизии. Прибыв в город вечером и спросив, где штаб дивизии, этот прапорщик прямо отправился к начальнику дивизии и совершенно неожиданно для себя явился в штаб красных войск. В Симбирске нами были захвачены колоссальные военные трофеи.<sup>1</sup>

12 сентября в 12 часов дня Симбирск был взят героическими полками славной 1-й армии. Красные части, преследуя противника по городу, были охвачены заботой скорее пробиться к тюрьмам, чтобы не дать белогвардейцам произвести там свою расправу. Но политзаключенные во всех трех тюрьмах еще до прихода красных забаррикадировались, сагитировали тюремную стражу и попытки белогвардейцев вывести заключенных не удались. Освобожденные красными частями, они тут же брали винтовку и вступали в ряды Красной армии. Из них позже сформировался батальон 3-го Симбирского полка.

Трудящееся население встречало красноармейцев, как освободителей, по-праздничному. Улицы были полны людьми. Белогвардейской провокации о красном терроре трудящиеся не поверили.

В городе поддерживался революционный порядок.

Попытки городских преступных элементов—наймитов белогвардейцев—использовать обстановку для грабежей были беспощадно пресечены.

Солдаты белой армии массами переходили к красным. В здании естественно-исторического музея на «Новом Венце» красноармейцами был окружен отряд белых солдат из мобилизованных. Красноармейцы прекратили обстрел здания и предложили сдаться, обещая, что никто расстрелян не будет. Окруженные заявили, что весь их отряд желает в полном составе перейти к красным и в подтверждение этого немедленно открыли с башни и крыши здания пулеметный огонь по отступающим через мост белым-добровольцам.

---

<sup>1</sup> М. Тухачевский, «Первая армия в 1918 году». «Революция и война» 4-5, 1921 год.



Значительная часть гражданского ополчения, которое белогвардейцы пытались увести с собой, разбежалась в подгорье по садам, не желая разделять дальнейшую судьбу белогвардейцев. 12 сентября с освобожденной от белогвардейцев родины Ленина полетел по телеграфу краткий рапорт политического комиссара 1-й армии:

«Арзамас, главкому Вацетису, копия — Москва ЦИК, Свердлову, копия — Совнарком Ленину.

Симбирск после трехдневного боя занят войсками первой армии. 1252. Наштарм Корицкий. Политкомарм Куибышев».<sup>1</sup>

В этот же день в Алатыре была получена телеграмма:

«Председателю симбирского совдепа Варейкису:

Двенадцатого сентября Симбирск взят. Прошу совдеп возвратиться в кадетский корпус и принять управление городом. № 0349. Командарм Тухачевский. Политком Калинин».<sup>2</sup>

13 сентября разведчики 2-го Симбирского полка, переправившиеся на левый берег Волги, были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем и принуждены были отступить. Несмотря на потери, разведчики успели выяснить наличие окопов и пулеметных гнезд противника в районе деревень Корольчиха, Канава, Часовня и начавшееся сосредоточение сил противника. Белогвардейцы, получившие подкрепления, наводнили своими войсками территорию завода и район «Лысой горы». Противник готовился к контрнаступлению. 13 сентября в 14 часов он начал артиллерийский обстрел города со стороны В. Часовня.

В то же время к северу и югу от Симбирска правый берег Волги еще не был очищен от противника, что он мог использовать для обхода частей Железной дивизии, вошедшей в Симбирск.

Вся обстановка властно требовала продолжения активных действий со стороны Красной армии, чтобы не дать оправиться морально подавленному противнику, отбросить его от железнодорожного моста и тем обеспечить удержание города.

Командарм 1-й Тухачевский вечером 13 сентября отдал приказ о переправе на левый берег Волги. Но 13 сентября ничего сделать не удалось, так как бронированный поезд задерживался из-за порчи то паровоза, то орудийных установок, а движение пехотных частей через узкий железнодорожный мост без бронированного поезда могло привести к большим потерям.

Операция по переправе была перенесена на ночь с 13 на 14 сентября.

К 24 часам 13 сентября сосредоточение предназначенных для переправы колонн было закончено.

В 1 час 10 минут 14 сентября через мост был пущен пустой паровоз на всех парах с открытым регулятором с тем, чтобы

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 5326, лист 22.

<sup>2</sup> Архив ульяновского истпарта, дело симбирского губисполкома № 25



проверить — не испорчен ли путь на левом берегу реки и разбить бронепоезд противника. Позднее выяснилось, что бронепоезд противника, заметив мчащийся паровоз, принял его за «бронепоезд красных» и начал полным ходом уходить к станции Чердаклы.

В 1 час 20 минут, когда выяснилось по ходу паровоза, что путь свободен, через мост двинулся броневой поезд, а за ним устремились доблестные бойцы 2-го Симбирского полка. Вслед за ними начали переправу Курский, Московский и Орловский полки. Одновременно артиллерия открыла интенсивный огонь по белогвардейцам, переноса его каждые 5 минут в глубь расположения противника, чтобы не подвергнуть обстрелу собственный бронированный поезд и переправляющиеся красные части.

Противник в свою очередь открыл жестокий артиллерийский и пулеметный огонь по железнодорожному мосту. Обстрел моста облегчался тем, что еще днем неприятелю удалось снарядами зажечь 2 баржи с нефтью, стоящие близ моста. Яркое зарево пожара освещало узенькую ленту красноармейцев, двигавшихся через мост.

Невзирая на губительный огонь, красноармейцы мужественно шли вперед, сознавая важность и необходимость выполнения поставленной задачи, а перешедшие мост бросились в штыки на окопы ожесточенно сопротивлявшегося противника. С каждой минутой все гуще становились атакующие цепи красноармейцев.

Противник, не выдержав, наконец, стремительного напора, бросился бежать. Красные полки быстро двинулись вперед и окончательно сломили сопротивление противника. К утру 14 сентября плацдарм завода и окружающих деревень был очищен от неприятеля, и красные части разворачивали наступление в глубь заволжских степей.

В районе «Лысой горы» красные войска захватили громадное количество пулеметов, орудий, продуктов, интендантского и прочего материального имущества.<sup>1</sup>

К 16 сентября наступающие красные части выдвинулись на 35 километров восточнее Симбирска. Тем временем полковник Каппель сосредоточил в районе пристани Старая Майна белогвардейские войска, отошедшие сюда на пароходах от Казани. Утром 16 сентября эта ударная группа противника, хорошо оснащенная артиллерией, обрушилась на левый фланг красных войск.

В образовавшийся прорыв между селами Ерзовка и Кременки двинулся противник и привел в расстройство 3-й батальон Орловского полка, заставив его отойти.

Левый фланг красных частей был обойден. Они дрались упорно. Но на стороне белогвардейцев было превосходство в артиллерии, тогда как ожидавшиеся из Симбирска две батареи опоздали.

---

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 59—169, лист 96.



При неоднократных контратаках красных частей артиллерия противника наносила большой урон Орловскому полку.

Недостаточно еще стойкие и уставшие от недельных боев части Орловского полка, неся большие потери, оставили деревни Кременки и Ивановку и стали отходить к деревне Юрманы.<sup>1</sup>

Двинутые для ликвидации прорыва части 2-го Симбирского и Крестьянского полков, сдерживая противника, также вынуждены были постепенно отходить. Удар противника направился прямо на В. Часовню и к Волжскому мосту, отрезая от Симбирска части, наступавшие на станцию Бряндино и южнее железной дороги.

Учитывая все это, командарм 1-й 18 сентября приказал отвести войска на правый берег Волги, чтобы здесь положить предел контрнаступлению белых.

В целях разгрома противника была намечена знаменитая десантная операция на Волге с тем, чтобы взять в кольцо группу Каппеля, рвущуюся на Симбирск через Волгу. План Тухачевского получил одобрение в штабе Восточного фронта, который приказал 5-й армии перебросить флот для этой операции, а также часть войск в помощь красному Симбирску.

Но переброска группы Матвеевича — Вахромеева из Красноводова и Богородска затянулась. Под Симбирском создавалось настолько напряженное положение, что оно заставило Тухачевского послать главноверху Вацетису довольно резкий протест против медлительности 5-й армии (см. приложенные документы).

Он указывал, что держать линию Тереньга—Сенгилей—Чердаклы—Тетюши—Буинск для незначительных сил, занявших Симбирск, непосильно, и просил не позднее ночи с 22 на 23 сентября перебросить 5-ю армию на пароходах в Симбирск и в Головкино для действия на Чердаклы с севера.

Но и 22 сентября группа Вахромеева еще не прибыла. Симбирск в течение 5 дней находился под усиленным обстрелом белых. Они стремились взятием Симбирска во что бы то ни стало вырвать инициативу из рук красных войск, зацепиться за волжский рубеж и тем помешать продвижению красных войск на Самару.

Атаки белогвардейцев через железнодорожный мост, несмотря на большие потери, следовали одна за другой. Одновременно противник старался поколебать политическое положение в городе, чтобы таким образом ослабить стойкость красных войск.

Артиллерия противника старалась вызывать пожары, явно стремясь держать под особо сильным обстрелом рабочие районы города — Туть и Подгорье. Эсеры и меньшевики пытались вести провокационную агитацию на улицах. Отдельные группы белогвардейцев переправлялись через Волгу и сеяли панику среди населения и частей красных войск.

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 179, лист 9.



Но настроение трудящихся коренным образом изменилось по сравнению с обстановкой во время первого — июльского — наступления белогвардейцев на Симбирск. Весть о контрнаступлении белогвардейцев не только не внесла паники и уныния в среду рабочих и трудящихся, но, наоборот, вызвала новый прилив готовности к вооруженной борьбе с классовым врагом.

Классово сознательная часть петроградских рабочих, эвакуированных в Заволжье, несмотря на сопротивление эсерствующим элементам, провела на собраниях резолюции о поддержке советской власти и о мобилизации рабочих в Красную армию. 300 лучших рабочих, главным образом из числа тех, которые в дни господства белых были вовлечены в подготовку восстания против учредилки, вступили теперь в ряды Красной армии и образовали 3-й батальон 2-го Симбирского полка Железной дивизии. Весь рядовой и командный состав этого батальона состоял из рабочих завода. Во главе батальона встали петроградские рабочие — тт. Тужиков и Михайлов.<sup>1</sup>

Поднялась классовая сознательность и среди остальных городских рабочих. Шедшие до этого за меньшевиками рабочие Московско-Казанской железной дороги оказали ряд услуг красным войскам при взятии Симбирска, а затем содействовали поимке офицеров и белых добровольцев, не успевших отступить и прятавшихся в слободе Туть.

Опираясь на этот революционный подъем, комитет коммунистической партии и губисполком взялись за водворение крепкого революционного порядка в городе. Готовых военных сил в распоряжении комитета партии не было. Созданный в Алатыре 3-й Симбирский полк был уже передан в распоряжение Железной дивизии.

Комитет партии в целях укрепления политического положения в городе приступил к формированию нового рабоче коммунистического отряда. Этот отряд быстро возрастал. В комитет партии, невзирая на канонаду, ежедневно приходили десятки рабочих и учащейся молодежи, желавших вступить в партию. Одновременно они вступали в боевой отряд и шли на оборону города. Это был великодушный партийный призыв. Под огнем неприятеля шел отбор лучших сознательных пролетариев в партию. Коммунистический отряд нес патрульную службу в городе, выполняя поручения губчека по обнаружению белогвардейцев, провокаторов и шептунов. Отряд ликвидировал пожары и вел разъяснительную работу среди населения. Часть отряда под командой т. Лебедева вошла в 1-й Орловский пехотный советский полк, поднимая боевой дух среди красноармейцев (см. приложенные документы).

24 сентября противник с особенной яростью обстреливал город. Вздымались клубы дыма от пожаров. Горели дома в Под-

---

<sup>1</sup> Ульяновск, «Пролетарский путь», № 41, 1923 год.



горье, в слободе Туть, на станции Симбирск I. Красные батареи крепко отбивались. Войска ждали решающей атаки белых.

По городу среди населения и бойцов распространялись провокационные слухи, что «красные оставляют город». Командование и комитет партии принимали самые решительные меры к пресечению этих слухов.

В выходящей регулярно все эти дни газете «Известия симбирского совдепа» президиум губисполкома публиковал извещение, пресекающее провокационные слухи:

«Распространяются слухи, будто исполнительный комитет совета оставил город. Подтверждаем, что таковой остается в Симбирске при исполнении своих обязанностей и лишь комиссариаты, вследствие отсутствия служащих, не функционируют.

Президиум губисполкома помещается в доме Сахарова, Панская улица.

Товарищ председателя губисполкома.

Иосиф Варейкис.

В то же время на стенах города появилось воззвание Иосифа арейкиса.

**«К оружию!»**

Банды белогвардейцев, разбитые славными революционными советскими войсками под Казанью и Симбирском, снова сосредоточивают свои силы, стекаются с расчетом восстановить свое положение на Волге и тем самым поднять свой престиж в глазах англо-французских банкиров.

Они мелкими, рассеянными по лесам кучками повели штурм на наши позиции, ограждающие подступы к Симбирску. Повидимому, они лелеют мечту снова захватить Симбирск, снова повторить кровавые расправы с пролетариатом и деревенской беднотой. Но тщетны их усилия.

Упования палачей пролетариата, несмотря на их страстные стремления, останутся лишь упованиями. Наши революционные войска знают, какое значение имеет для наших военных операций Симбирск, и потому взять его белогвардейцам возможно будет, лишь перешагнув через наши трупы.

Поскольку в нас бьется сердце, поскольку мы в силах поднять винтовку, мы Симбирска не отдадим.

Каждому пролетарию, кому дорога революция, путь один: **На баррикады!**

На грохот вражеских пушек мы ответили мощным призывом: **«К оружию!»**

**Трусам нет места в наших рядах!**

Трусы, сеющие панику, являются изменниками, сообщниками контрреволюции, и мы с ними должны расправляться как с врагами.

Товарищи, грохот пушек нас не устрасит, а лишь пробуждает силу и энергию для новых славных побед.

24 сентября 1918 года.

Иосиф Варейкис.



В ночь с 24 на 25 сентября группа Вахромеева, пробившись, наконец, в Симбирск и высадившись ниже железнодорожного моста у села Красный Яр, выходила в тыл белых с юга. Полки Железной дивизии успешно переправились через Волгу и громили белых. Соединенные силы 1 и 5-й армий, высадившиеся у пристани Майна, через Головкино развернули удар на станцию Бряндино. Оказавшийся в кольце противник в беспорядке бежал.

Преследование противника на Бугульму продолжали части 5-й армии, а освободившиеся полки Железной дивизии направились на Самару.

1-я Революционная красная армия — детище средневолжского пролетариата — покрыла себя неувядаемой славой в этой борьбе. С момента освобождения Симбирска «боевая деятельность 1-й армии представляет собой непрерывный ряд подвигов...» Армия делает громадные переходы. Быстрота ее движений редкостная. Она первая из армий научилась делать громадные и быстрые переходы без железных дорог...

С начала наступления на Симбирск и взятия Бугуруслана прошло 6 недель (с 9 сентября по 28 октября), и за это время части 1-й армии сделали с боями до 800 верст. Это редкий пример во всемирной военной истории.

За эти шесть недель на всем Восточном фронте у белой гвардии отнято около 150 000 квадратных верст. Из них на долю 1-й армии (из пяти) приходится около 70 000 квадратных верст.

За эти шесть недель на всем Восточном фронте взято 19 городов, из них только войсками 1-й армии взято 9 городов (Буинск, Тетюши, Симбирск, Мелекес, Сенгилей, Ставрополь, Сызрань, Бугуруслан и Бузулук) и при содействии 1-й армии 3 города (Хвалынский, Самара, Сергиевск). Можно без преувеличения сказать, что прошлой осенью 1-я армия решила участь Восточного фронта.<sup>1</sup>

В октябре была возвращена Самара. Самарской учредилке был нанесен смертельный удар.

\* \* \*

С очищением губернии от белогвардейцев перед симбирской парторганизацией встали задачи по укреплению советской власти, созданию комитетов бедноты и организации борьбы за хлеб на освобожденной территории.

29 сентября губисполком публикует обращение к населению о повсеместных перевыборах советов, а 30 сентября принимает решение об организации комбедов по всей губернии.

Огромную роль в осуществлении этих задач сыграли политотделы 1 и 5-й армий.

---

<sup>1</sup> М. Тухачевский «Годовщина Первой революционной армии». Сборник. 1920, стр. 8—11.



Не ограничиваясь работой среди красноармейцев, политотделы, направляемые В. В. Куйбышевым, совместно с местными парторганизациями активно участвовали в общей политической подготовке военных побед.

Политотдел Железной дивизии во время подготовки наступления на Симбирск развернул большую работу по организации бедноты, создав комбеды в Анненковской, Старожиновьевской, Вешкаймской, Старотимошкинской, Березовской, Поповской и других волостях.<sup>1</sup>

Эта деятельность политотделов среди населения приобрела особенно большое значение с переходом в наступление. Политработники, особенно в деревне, являлись первыми представителями партии, первыми организаторами советов и комбедов.

Успех партии в разрешении военного вопроса имел громадное политическое значение. С наступлением Красной армии новые области с богатым урожаем приобщались к развернувшейся пролетарской революции в деревне.

Красная армия устраняла опасность возврата земли помещикам, особенно реально вставшую перед крестьянством Поволжья. Разгром белых, начавшаяся экспроприация кулачества убедили середняка в крепости советской власти.

Небывало высоко поднималась в Поволжье революционная активность не только пролетариата, бедноты, но и середняцких масс. В сентябре—октябре по деревням проходила волна сходо-в, собраний бедноты, съездов. На них говорили об уроках господства белогвардейцев, переизбирали советы, создавали комбеды, посылали мобилизованных и добровольцев в Красную армию, приступали к распределению кулацкого инвентаря.

Острота развернувшейся классовой борьбы в деревне требовала от большевистской организации четкого политического направления бедноты. Тем более, что кулачество уже приспособлялось к новой обстановке и, помимо агитации против комбедов, пыталось обезвреживать их. В ряде мест кулаки брали на себя инициативу создания комбедов с целью проникновения в них. В селе Б. Цильна кулачество, например, использовало наличие нескольких сельских обществ для создания параллельных кулацких комбедов.<sup>2</sup>

Парторганизация, возросшая после взятия Симбирска за счет рабочих и прибывших из центра работников, развернула с октября большую деятельность по созданию сети партийных ячеек в деревне.

Особенно успешно была поставлена эта работа в Симбирском уезде, где комитетом большевиков было создано для этой цели уездное организационное бюро партии. Под руководством этого бюро в деревне постоянно работало до 20 разъездных

<sup>1</sup> Политсводка 1-й армии, «Известия» симбирского совета № 152.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело № 214, лист 351.



организаторов, инструктирующих комбеды и молодые сельские ячейки. Под их руководством комбеды приступили к экспроприации кулачества, повели борьбу с хищением леса, телеграфных столбов, по охране бывших поместий, по организации самоохраны из надежных революционных элементов.

С большими затруднениями проходила организация комбедов в Сенгилеевском уезде, где сопротивление кулачества было особенно сильно. Много сделали для организации борьбы с кулачеством продовольственные отряды. К концу октября численность продотрядников в губернии достигла 5 тысяч человек, причем 70 процентов из них были петроградские рабочие.<sup>1</sup>

Вопросы заготовки хлеба все время находились в центре внимания партийного комитета и губисполкома.

К первой годовщине Великой пролетарской революции губисполком в ответ на организационно-политическую помощь рабочих Москвы и Петрограда учредил специальный хлебный фонд имени Октябрьской социалистической революции в количестве 50 тысяч пудов. К декабрю на ссыпных пунктах было собрано до 2 миллионов пудов хлеба.<sup>2</sup>

Одновременно с борьбой за хлеб комитет партии особое внимание уделил исправлению крупных недочетов землеустройства, выправив линию работы земорганов, где до того хозяйничали левые эсеры.

Количественный рост парторганизации в этот период сопровождался также решительными политическими ее победами над такими противниками, как социал-демократы-интернационалисты, анархисты и левые эсеры. Все эти различные мелкобуржуазные партии, пытавшиеся оспаривать у большевиков влияние среди рабочих и бедняков, потерпели полный крах.

Социал-демократы-интернационалисты, дискредитированные своей работой в профсоюзах при учредиловцах, несмотря на заявления, что они теперь «на советской платформе», потеряли всякое влияние в профсоюзах и остались одиночками. На рабочей конференции, созванной 4 октября, они уже не играли никакой роли. Избранная конференцией комиссия по организации центрального (губернского) совета профсоюзов создала большевистский профсовет.

На рабочей конференции большевикам пришлось провести значительную борьбу с появившейся в Симбирске федерацией анархистов, которые требовали помимо Красной армии создать особые «рабочие боевые дружины» и «скорейшего снабжения населения предметами первой необходимости».<sup>3</sup>

На конференции анархисты успеха не имели. Под нажимом большевиков покончила свое существование и объединенная организация левых эсеров и максималистов.

<sup>1</sup> ЦАОР, ф. 393, дело 214, лист 179.

<sup>2</sup> ЦАОР, 393, дело № 21, лист 332.

<sup>3</sup> «Известия» симбирского совета от 9 октября 1918 года.



Большевистская фракция губисполкома после возвращения в Симбирск взяла решительную линию на удаление левых эсеров от руководящей работы, им не было дано места на Всероссийском съезде советов, не получили они места и в президиуме губисполкома. Циркуляр отдела управления губернии от 21 ноября, которым предлагалось уисполкомам устранить всех левых эсеров со всех руководящих постов лишь оформлял полный разгром левых эсеров.

В декабре последняя группа социалистов-революционеров-максималистов, убедившись, что они потеряли всякую опору в массах, заявили о самоликвидации союза максималистов и передаче всех дел и средств в комитет большевиков.

В начале декабря 1918 года собралась первая губернская конференция РКП(б). Через все вопросы конференции красной нитью проходила сформулированная Варейкисом мысль: «Задача наша в настоящий момент — ковать сильную Красную армию, чтобы дать отпор союзному империализму, укрепить первое в мире государство пролетариата и притти к торжеству мировой социалистической революции».

За весь этот период восстановления и укрепления советской власти симбирская организация не забывала своей обязанности в отношении своих героических полков, которые, освободив губернию, двинулись дальше на восток. С ними все время поддерживалась связь.

В ноябре губисполком и комитет партии тепло принимали у себя представителя Железной дивизии, симбирского большевика Д. Е. Перкина, приехавшего от красноармейцев симбирских полков с отчетом об их боевой работе. Представитель сообщил, что особенно отличается 2-й Симбирский полк, неоднократно первым входивший в освобожденные города. Комитет партии поручил губисполкому вручить знамя этому полку и призывал все рабочие организации посылать подарки симбирским полкам.

В течение трудной зимы 1918/19 года симбирские общественные организации не раз посылали такие подарки своим бойцам.

В декабре комитет получил радостное сообщение от бойцов Железной дивизии: «Дорогие товарищи, — писали они, — красноармейцы 1, 2 и 3-го Симбирских полков 1-й Симбирской Железной дивизии, узнав о ваших щедрых подарках, заявляют, что попрежнему стальные полки стойко и победоносно по пояс в снегу двигаются вперед и очень скоро последняя опора белогвардейцев — Оренбург, Стерлитамак, Уфа — падет под их мощными ударами.

Красноармейцы симбирских полков просят передать пролетариату Симбирска и губернии, чтобы он спокойно и уверенно в тылу организовался, укрепляя коммунистическое строительство и не забывая своих товарищей на фронте».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> «Пролетарий» — орган симбирского губкомитета партии б-ков, от 26 декабря 1918 г.





Первый тур гражданской войны в Поволжье закончился. Симбирская партийная организация, верная ленинскому руководству ЦК партии, выполнила свой долг в строительстве Красной армии и подавлении контрреволюции. Вместе с другими поволжскими партийными организациями и при помощи большевиков промышленных городов, под руководством вождей партии Ленина и Сталина, симбирская организация идейно и организационно разгромила эсерово-меньшевистскую контрреволюцию, что являлось основным условием победы Красной армии в гражданской войне с самарской учредилкой.

Симбирская организация делала ошибки и пережила горечь крупных поражений. Но вдохновляемая Центральным Комитетом партии, она умела по-большевистски преодолевать эти неудачи.

Она не сумела в свое время обеспечить своим руководством военные органы в губернии и уступила его левым эсерам. Но оказавшись лицом к лицу с предательским восстанием левых эсеров и Муравьева, организация своевременно и твердой рукой ликвидировала авантюру.

Ослабленная мобилизациями на фронт, она не сумела справиться с «преступной слабостью» партизанских и красногвардейских отрядов в момент военных неудач под Симбирском. Но организация отдала затем все свои силы на строительство Красной армии, на мобилизацию в нее широчайших масс трудящихся, на создание революционной большевистской дисциплины в ее рядах.

Организация не сумела оставить свое большевистское подполье в белом Симбирске, но работники ее, пренебрегая опасностью, проводили мобилизацию на территории белых, создавали краснопартизанские отряды и, наконец, проникнув через фронт, приступили к созданию нелегальной организации в Симбирске.

Организация дала на фронт тысячи преданных, стойких партийцев и лучших беспартийных из рабочих и деревенской бедноты, явившихся ядром и основой героических полков Железной дивизии.

Борясь против левоэсеровской партизанщины, творчески содействуя командованию 1-й армии, парторганизация дала решительный отпор троцкистскому игнорированию инициативы рабочих и партийных органов, без которой не могла сложиться победоносная Красная армия.

В то же время организация, получив крепкую помощь от коммунистов и пролетариев Москвы, Петрограда, Муромы и др., развернула успешную борьбу за хлеб, организовала бедноту на экспроприацию кулачества и подавление кулацких восстаний, готовя тем самым прочный союз с середняком.

Командарм 1-й Тухачевский, уезжая на Южный фронт, в сво-



ем письме И. М. Варейкису, руководителю симбирской организации, писал о значении для Восточного фронта военно-политической работы симбирского комитета партии:

«Приказом Революционного военного совета республики я назначен помощником командующего Южным фронтом. Покидая Симбирскую губернию, с таким напряжением обороняемую и, наконец, возвращенную советам, в вашем лице, т. Варейкис, искренно и горячо благодарю симбирский комитет нашей партии. Я откровенно говорю, что дело создания 1-й армии и изгнания контрреволюции никогда не могло бы осуществиться, если бы симбирский комитет партии и исполком не пришли на помощь.

При том единстве мышления, какое у нас с вами было, мне легко было работать. Правда, нам не удалось отстоять в июле Симбирск, но за это короткое время вы дали возможность заложить фундамент 1-й армии, которая благодаря этому через полтора месяца выросла в стройное здание и отвоевала блестяще Симбирск.

...Таким образом, т. Варейкис, я смотрю на вашу деятельность лично и деятельность организации при защите Симбирска как на блестяще выполненную работу, послужившую общегосударственным опытом. Мне лучше всех известно, как работали симбирская парторганизация и исполком при защите Симбирска, и все клеветники будут осуждены историей.

Еще раз горячий привет всем дорогим товарищам коммунистам, с которыми пришлось так много трудиться и работать рука об руку в борьбе с контрреволюцией за идеи коммунизма.

Крепко жму вашу руку. С товарищеским приветом.

Командующий 1-й армией Тухачевский.

11 февраля 1919 года.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Архив ульяновского истпарта.







**Д. ПЕРКИН**

## **КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ОТРЯД НА ФРОНТЕ**

---

**Ч**ехо-словаки заняли Сызрань и Уфу. Создавалась угроза Симбирску. Симбирский комитет большевиков постановил всю партийную организацию перевести на казарменное положение. В наш маленький красногвардейский отряд стали вливаться рабочие пополнения. Это было в первых числах июля 1918 года.

Примерно к 5 июля наш отряд принял более или менее боевую выpravку. Его обмундировали, вооружили, начались военные занятия. Я в то время работал в редакции газеты «Известия симбирского совдепа». Работников в редакции было очень мало, поэтому мои строевые занятия в отряде постоянно перемежались с работой по выпуску очередного номера «Известий».

7 июля около 5 часов вечера, возвратившись из типографии в отряд (помещавшийся на втором этаже бывшего кадетского



корпуса), я узнал, что получен приказ о срочной отправке нашего отряда на Бугульму в подкрепление отрядов этого направления.

Помимо нашего второго симбирского коммунистического отряда отправлялись еще 2—3 небольших отряда, которые потом под Бугульмой вошли в объединенный отряд. Командование сводным отрядом было поручено бывшему офицеру Воронову.

Как потом выяснилось, отправка нашего коммунистического отряда была осуществлена по специальному приказу Муравьева, дабы очистить Симбирск от наиболее «ненадежных» с его точки зрения красногвардейских частей. Можно было бы послать другие части, но левозеровское командование подстроило так, что поехал наш отряд. Перед отправкой нам был устроен, как полагается, парад, и часов в 9 вечера наш эшелон со станции Симбирск II выбыл в направлении на Бугульму.

В составе нашего отряда были члены и работники губисполкома: Смирнов Петр, Болотников Николай, Шелонин, Шуватов, Гладков и др.

Несмотря на большие беспорядки в железнодорожном движении, наш эшелон пропускали быстро. Чувствовалось, что мы спешим и что нас ожидают серьезные события.

## На бугульминском направлении

На бугульминском направлении так называемая «эшелонная война» была в самом разгаре. Борьба сосредоточивалась главным образом за обладание железнодорожной линией. Неопытные красногвардейские отряды боялись оторваться от линии железной дороги, а чехо-словаки предпринимали более широкие, главным образом обходные маневры.

В конце июня чехословацкие полки Чечека усилили наступление по Самаро-Златоустовской дороге на Уфу, стремясь скорее соединиться со своей челябинской группой. Но одновременно чешские колонны с артиллерией от станции Сергиевск и Бугуруслан шли походным порядком на север наперерез железнодорожной линии Симбирск—Уфа.

Эту линию обороняли мелкие, разрозненные отряды железнодорожников.

В районе Чишмы—Кандры оперировали: отряд самарских железнодорожников, отряд часовенских железнодорожников из Симбирска, иващенко́вская подрывная команда — общей численностью 150 человек. Здесь же курсировал по линии бронепоезд Гулинского. Район Бугульмы охранялся бугульминским отрядом железнодорожников в 50 человек и красноармейской частью в 100 человек.

Лишь 29 июня комиссар Самаро-Златоустовской железной дороги Ермолаев, назначенный начальником бугульминского укрепленного района, объединил все эти отряды под своим коман-



дованием. До этого левозэсеровское командование симбирской группы войск не удосужилось наладить правильное руководство этими разрозненными красногвардейскими отрядами. Лишь героизм рабочих позволял отбивать бесчисленные попытки чехо-словаков перерезать железнодорожную линию.

5 июля, в день падения Уфы, самарские и симбирские железнодорожники, при поддержке бронепоезда, перешли в наступление от станции Кандры на Чишмы, чтобы облегчить положение Уфы. Чехо-словаки были выбиты из Чишмы. Но вслед за этим, получив крупные подкрепления на автомобилях, они охватили фланги, и красногвардейцы к вечеру вынуждены были отступить к Бугульме.

В ночь на 6 июля отряд чехо-словаков в 400 штыков, при бомбометах и 8 пулеметах, захватил станцию Дымка и отрезал Бугульму от Симбирска. Отряд железнодорожников в 25 человек, окруженный чехо-словаками на станции Дымка, героически защищался и погиб целиком.

На прорыв белогвардейского кольца из Бугульмы двинулся бронепоезд Гулинского и самарский отряд железнодорожников.

В происшедшем бою чехо-словаки были разбиты и, оставив пять пулеметов в руках красногвардейцев, отошли на юг, держась вблизи железнодорожной линии.

Во время этого боя бронепоезд сошел с рельсов и возникла опасность захвата его противником. Ермолаев перебросил еще часть своих отрядов на помощь бронепоезду. На устройство обходного пути и подъем бронепоезда ушел весь день шестого июля.

Между тем в Бугульме создалось критическое положение. Бугульминский железнодорожный отряд В. Орла и красноармейская часть Черняева едва сдерживали противника, наступающего крупными силами. Команда бронепоезда Гулинского, уставшая от непрерывных боев и деморализованная постоянными угрозами обходов, отказалась вернуться в Бугульму и стала уходить на Симбирск.

Этот пример расшатал дисциплину и в красногвардейских отрядах, они также двинулись на Симбирск. В результате Бугульма пала.

Член реввоенсовета Востфронта Кобозев, указывая, что «оставление Бугульмы и отход отряда Ермолаева на станцию Нурлат ставят под рискованное положение левый фланг первой армии», категорически приказал «принять все меры к обратному овладению Бугульмой».<sup>1</sup> В ответ Казань получила от отрядов Ермолаева телеграмму следующего содержания:

«Товарищ Ермолаев увезен своими дружинниками силой... если все мы заслуживаем расстрела, то пусть сперва расстреливают нас, потом Ермолаева».<sup>2</sup>

Положение было восстановлено лишь с прибытием на фронт бронепоезда Полупанова и нашего коммунистического отряда.

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 261—456, лист 63.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 231—456, лист 72.



Бронепоезд Полупанова в 2 часа дня 7 июля вступил в бой с противником у станции Дымка. В течение суток, выдерживая повторные яростные атаки чехо-словаков, бронепоезд неуклонно продвигался вперед и в 4 часа 8 июля бомбардировал Бугульму.<sup>1</sup> К этому моменту и подоспел наш симбирский коммунистический отряд. Наша роль в этом бою была очень скромной. Чехо-словаки уже оставляли Бугульму. Наше прибытие закрепило город за красными войсками. Белые понесли серьезный урон, отступили по железнодорожной линии к Чишме, но часть их отошла в сторону Белебея и Аксакова, оставаясь в непосредственной близости от Бугульмы с юга.

Весь день 9 июля мы простояли в эшелонах в ожидании, как говорили, приказа о дальнейшем наступлении.

Полупанов, к которому перешло командование всеми отрядами этого направления, сообщил телеграммой командарму 1-й Тухачевскому:

«Думаю завтра идти в наступление дальше за Бугульму. У нас от Бугульмы взорваны мосты, дорога. Чехо-словаки находятся от Бугульмы в пятидесяти двух верстах. Еще раз прошу вас выслать мне два полевых орудия. В Бугульме все спокойно, исправляем мосты, путь. Будьте добры, пришлите морских снарядов и зарядов по две тысячи на каждое орудие, так как без морских орудий воевать с чехо-словаками невозможно. Будьте добры, вышлите на фронт бронированный поезд Гулинского, который предназначен на этот фронт, а я поеду на Сызрань».<sup>2</sup>

Полупанов стремился почему-то уйти с бугульминского фронта. Просьба его, конечно, выполнена не была, так как бронепоезд Гулинского нуждался в длительном ремонте.

10 июля началось дальнейшее наступление. Рано утром 10 июля наш отряд эшелонами отправился на станцию Зай, километрах примерно в 12 от станции Бугульма. На перегоне нас выгрузили и дальнейшее движение отряда производилось в «боевом строю».

Настроение было приподнятое. Я лично получал первое боевое крещение. Как полагается, выставили дозоры, отряд же стал наступать цепью, имея фланговое охранение. Но в этот момент мы представляли собой вовсе не грозную боевую силу, так как были нагружены ящиками с пулеметными лентами и буханками хлеба подмышками. У нас не было даже и подобия какого-либо обоза. Это кустарничество в организации наших боевых сил чрезвычайно затрудняло переход к правильным полевым действиям. Наш командир Воронов, оказавшийся предателем, наверное, сознательно превратил нас из бойцов во вьючных животных, чтобы измотать нас и в случае боя обречь на неудачу. Противника на станции Зай не оказалось. Продвинувшись вперед, мы заняли высоты впереди станции вдоль линии железной дороги. Устроили пулеметные

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 231—457, лист 132.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 231—456, лист 66.



гнезда, маленькие индивидуальные окопчики, в общем все необходимое для обороны. В окружающий Зай лесок была отправлена разведка. В боевом отношении наш отряд представлял собой чрезвычайно пеструю картину: было несколько старых вояк, старших унтер-офицеров, получивших выучку в период империалистической войны, но большая масса состояла из рабочих, которые впервые взяли в руки винтовку.

Однако, несмотря на это, наши коммунары в дальнейшем показали себя стойкими самоотверженными бойцами.

В лесу наши разведчики на одном из деревьев обнаружили человеческую фигуру. Ребята, угрожая винтовкой, заставили ее оттуда слезть. Это оказался разведчик-чех.

В середине дня к нам на станцию прибыл броневик Полупанова, который тотчас же отправился вперед один, не дав нам, к нашему удивлению, никаких боевых задач. Партизанская разрозненность в действиях различных отрядов давала себя чувствовать. Каждый отряд действовал сам по себе. И, в то время как мы простояли в бездействии несколько часов на станции Зай, броневик, оказывается, имел впереди бой с чехо-словаками с неудачным для него исходом. К концу дня бронепоезд уже возвратился обратно.

К приходу броневика мы все собрались на станцию. Из поезда на платформу вышел в окровавленном халате врач и устроил импровизированный митинг. Указывая на свой окровавленный халат, он говорил о крови, пролитой нашими товарищами в борьбе против белогвардейцев и чехо-словаков. Красноармейцы сообщили нам, что во время боя у реки Ик у орудия оторвало замок и выбило броневую дверцу у платформы. При этом было убито два красноармейца. Этот маленький штришок в боевой жизни сыграл свою роль. Мы все как-то подтянулись, стали серьезнее и осмотрительнее.

Полупанов сообщил командиру нашего отряда Воронову, что чехо-словаки пока находятся за рекой Ик, но у них имеется броневик и вскоре следует ждать их обратного движения. Вслед за этим бронепоезд Полупанова, не задерживаясь на станции, направился в Бугульму. Теперь нам одним предстояло встретиться с бронепоездом противника. К вечеру к нам на станцию прибыл головной поезд, созданный симбирскими железнодорожниками под руководством комиссара Волго-Бугульминской железной дороги т. Степанова. Головной поезд имел задание разобрать впереди путь, дабы не дать возможности чехо-словакам продвинуться обратнок Бугульме. Мы предложили использовать рабочий поезд также и для боевых целей. Одна из теплушек была быстро переоборудована. В ней был устроен земляной блиндаж, проделаны бойницы для винтовок и окно для пулемета. Из нашего отряда было выделено человек 25 с пулеметами в качестве боевой команды этого поезда. Теплушку прицепили впереди состава, выставив дуло пулемета. В таком виде поезд тронулся в путь.



Наша боевая задача заключалась в том, чтобы разрушить на возможно большем расстоянии железнодорожное полотно.

Путь от станции Зай до разъезда Байрякино в сторону станции Ютаза идет под уклон и около разъезда железнодорожное полотно делает крутой поворот. За поворотом оказался противник. И вот не успели мы выбраться из-под горы, скрывающей этот разъезд, как чехо-словаки встретили нас артиллерийским обстрелом. Метили они в паровоз. По прямой линии расстояние было небольшое — около 1 километра. Наш пулемет бешено затрещал, все мы также стреляли. Однако соревноваться с артиллерийским обстрелом наша пулеметная и ружейная стрельба не могла. Хорошо, что чехо-словаки стреляли очень плохо. Они укладывали большое количество снарядов вокруг нас и все попусту. Между тем, к нашему ужасу, наш поезд продолжал быстро катиться на вражеский броневик. Крутой уклон, на который мы выбрались, не позволял машинисту остановить поезд и начать обратное движение. Разрывы снарядов все ближе и ближе подбираются к нашему составу. Вдруг видим, что чехословацкий броневик стал пятиться, а затем все быстрее уходит от нас, усиливая в то же время свой огонь. Очевидно, чехо-словаки боялись столкновения. Наконец, нашему машинисту удалось все-таки справиться с крутым подъемом и вывести наш состав из линии огня.

Как только мы выбрались с уклона, мы быстро разобрали путь на перевальном участке.

Вернувшись с поездом на Зай, мы здесь никого уже из наших частей не застали, так как из Бугульмы были получены какие-то тревожные сообщения.

На станцию Бугульма мы прибыли с нашим рабочим поездом поздно ночью. Шла лихорадочная эвакуация города. Причин ее мы не знали. Наш командир Воронов отправился в город, чтобы, как он говорил, «выяснить обстановку», и долго не возвращался. Отряд оставался в блиндированной теплушке рабочего поезда до рассвета 11 июля. Город и станция уже обстреливались противником. Когда двинулся наш поезд на станцию Нурлат, здесь примерно часа в 4 вечера 11 числа мы встретились с бронепоездом Полунанова и узнали об измене Муравьева.

Настроение команды бронепоезда было плохое. Часть бойцов говорила о мире с чехо-словаками как о совершившемся факте. Многие не верили, что Муравьев действительно изменил советской власти, и ждали возвращения Полунанова, выехавшего якобы выяснить правильность действий симбирского совдепа. Сведения об измене Муравьева были получены в такой неясной и неопределенной форме, что составить себе какое-либо точное представление о событиях мы не могли. Поэтому и в беседах с полунановцами мы могли говорить лишь в общей форме, что мир с чехо-словаками и учредилкой невозможен и что во главе симбирского совдепа стоят надежные большевики.



В этой сумятице мы узнали о бегстве к белым нашего командира Воронова, оказавшегося правым эсером. Мы даже как будто почувствовали облегчение, что отделались от этого неприятного для нас начальника. Но самый факт измены со стороны комсоства вселял тревогу и свидетельствовал о сложности переживаемого момента.

Избрали нового командира т. Островского.

На станции Нурлат мы убедились, что тяжелое положение на фронте усугубляется еще и неблагоприятной политической обстановкой в деревне. Кулачье вело погромную агитацию против советской власти, и иногда не без успеха. Красную армию кулаки и правые эсеры представляли как бандитов, науськивая колеблющееся крестьянство против красногвардейских отрядов. В результате кулацкой провокации произошел трагический случай в селе Нурлат. Двое красноармейцев отправились в деревню за продовольствием. Местные татарские баи натравили подкулачников на красноармейцев и убили их. Отряд с бронепоезда Полупанова захватил затем зачинщиков расправы над красноармейцами (двух местных кулаков) и расстрелял их.

Чехо-словаки, заняв Бугульму, стали быстро продвигаться по направлению к Мелекесу.

Наши части отступали с небольшими боями, сжигая мосты, взрывая полотно, забирая с собой все телеграфные и телефонные аппараты. 15 июля мы отошли на Погрузную. Здесь мы вновь имели боевое столкновение с чехо-словаками. Бронепоезд Полупанова после неудачи под Бугульмой и измены Муравьева переживал моральный кризис, со станции Нурлат проследовал прямо в Мелекес и в бою не участвовал.

На станции Погрузная оставалась только пехотная часть человек в 300 с пулеметами. Погрузную надо было держать до тех пор, пока из степей, из Титовки не отойдет наш отряд, дравшийся под Сергиевском. Мы заняли рубеж, примерно километрах в пяти к востоку от Погрузной, вдоль линии железной дороги. Там же оставались и наши эшелоны.

Со стороны чехо-словаков наибольшую активность проявил блиндированный поезд, обстреливавший 15 июля наши позиции артиллерийским огнем. Мы могли этому противопоставить только ружейную стрельбу. Бой продолжался около 4 часов. Во второй половине дня обнаружилось, что у нас нехватает патронов. С группой бойцов я отправился на паровозе на Погрузную за патронами. Когда паровоз проходил стрелку, путевого мастер, выскочив из рабочей казармы, перевел стрелку. Машинист это заметил и остановил паровоз. Однако все же тендер сошел с рельсов.

Это был нередкий тогда случай саботажа со стороны железнодорожной администрации, инженеров и некоторых меньшевистски настроенных рабочих, мастеров и т. д. Но большинство волго-бугульминских рабочих было несомненно всей душой с нами, хотя в массе своей еще не решалось вступать



в наши отряды. Случаев самоотверженной помощи со стороны рабочих было не мало. Именно за такую помощь красным при эвакуации Бугульмы чехо-словаки расстреляли 20 человек — самых лучших пролетариев. Их выдал начальник службы пути некий Кованько.

Комиссар Волго-Бугульминской железной дороги Степанов в ответ на белый террор произвел ряд арестов среди лиц административно-технического персонала, известных своей контрреволюционностью. При оставлении Симбирска они по постановлению дорожной ЧК, кажется, были расстреляны.

Вредительство со стороны путевого мастера на Погрузной было очевидно. Мастера тут же арестовали. Но надо было спасти положение. Крушением паровоза наши эшелоны оказались фактически закупоренными за Погрузной. Все наши части, дерущиеся с чехословацким броневиком, попадали в ловушку. Мы немедленно обратились к рабочим. Они деятельно взялись за дело, и вскоре путь был исправлен. К вечеру поступили сведения, что сергиевский отряд отошел уже к станции Кошки, после этого наши эшелоны также стали отступать.

Восстание Муравьева хотя и было успешно ликвидировано, все же тяжело отозвалось на фронте. Отряды хотя и были сильно вооружены, но слабо обучены. Они были мало боеспособны. Считалось, что пехота может действовать активно и успешно только при поддержке броневика. На наши требования командиру Островскому выяснить наше положение — он отвечал, что у него нет связи, что Полупанов отступил в Мелекес и что держать фронт чрезвычайно трудно.

После боя у Погрузной все наши части откатились к Мелекесу. Я помню, что мы прибыли туда рано утром 16 июля.

В Мелекес к отряду приехал член симбирского комитета большевиков Швер, который подробно информировал нас о муравьевской аванюре. Только после этого нам стала понятна причина такой тяжелой обстановки на фронте.

Решено было в Мелекесе оказать решительное сопротивление чехо-словакам. Отступившие части были переформированы, причем наш 2-й симбирский коммунистический отряд был переброшен на ставропольский участок (в помощь Павловскому — командиру нижегородского отряда).

## На ставропольском направлении

17 июля мы на подводах отправились по тракту на Ставрополь. Когда мы прибыли в село Мусорка, оказалось, что ставропольская группа совершает перегруппировку и отходит к Волге в виду общей неблагоприятной обстановки на фронте.

Наш отряд таким образом оказался в тылу у белых. Мы получили приказ идти к Хрящевке. Белые, учитывая, что мы можем



ударить их во фланг, уклонились от боя и дали нам возможность пройти к Хрящевке на соединение со ставропольской группой войск. В Хрящевке наши соединенные части стояли два дня. Боевых столкновений с противником не было. Числа 18-го мы получили сведения о занятии Мелекеса белыми. Командование ставропольского фронта для охраны своего тыла против наступающих чехословацких отрядов со стороны Мелекеса направило смоленский отряд с батареей. Смоленцы 19-го имели столкновение с отрядом чехо-словаков в районе села Мулловка и должны были отступить.

В Хрящевке кулацкая верхушка и сельская интеллигенция вели активную работу против советской власти и, как мы выявили, готовили восстание. Кое-кто из молодежи — сын попа Сергиевского, два бывших офицера, дети местных богачей, — перед приходом Красной армии тайком бежали в Ставрополь. Но в то же время в Хрящевке к нашим отрядам присоединились человек 20 крестьян-бедняков, активных работников сельсоветов.

Деревня все больше раскалывалась. Наиболее активные классово-враждебные элементы ее с оружием в руках встали друг против друга, присоединяясь или к Красной или к белой армии.

19-го командуя ставропольской группой Павловский имел последний разговор со штабом симбирской группы войск:

«В виду донесения из Сенгилея о наступлении противника и для недопущения окружения вашей группы с севера, — помимо того вообще позиция, занимаемая вами имела смысл лишь при одновременном наступлении на Ставрополь—Самару в несколько колонн, — теперь надо стянуть фронт. Спешите занять указанную позицию, иначе Сенгилею угрожает опасность... На мелекесском фронте был бой... вначале удачный для нас: нашим огнем был взорван вагон со снарядами, пехота наша тоже дралась, но вдруг началась пулеметная стрельба у нас в тылу, то были сельские белогвардейцы.

Путь был взорван. Началось отступление, едва удалось спасти броневой поезд. Большие потери в десятой роте... Положение трудное. Противник в 30 верстах от Симбирска. Таково положение. В Казань приехал Вацетис с большими латышскими силами».<sup>1</sup>

Штаб симбирской группы войск производил перегруппировку сил. Ставропольской группе Павловского было приказано переправиться через Волгу и заменить собой у Сенгилея группу Гая. Отряды Гая должны были выйти на Теренгульское шоссе и занять фронт Ташла — Суровка — Куроедовка с тем, чтобы прикрыть Симбирск на сызранском направлении.<sup>2</sup>

Однако Гай потерял драгоценное время и опоздал с выполнением приказа. Отряд Каппеля, выйдя 17-го вечером из Сызрани, в два перехода достиг 19 июля Тереньги, а 20 июля уже

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 300—133, лист 119.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 300—133, лист 14.



находился в районе Ясашной Ташлы. Сенгилеевские отряды, слишком долго задержавшиеся на линии Климовка — Шигоны, оказались в глубоком мешке и не успели активно предотвратить это движение Каппеля.

21 июля начштаба сенгилеевской группы прислал Павловскому следующее указание за № 840: «Согласно приказу симбирского военного штаба прошу немедленно прислать часть вашего отряда для занятия моего левого фланга. Для перевоза отряда предоставлены мною пароходы «София» и «Чехов».<sup>1</sup>

В порядке выполнения приказа штаба симбирской группы войск Павловский повел свои части в Белый Яр, село, расположенное на левом берегу Волги, как раз напротив Сенгилея. Здесь и должна была производиться переправа. В Белый Яр мы прибыли около 4 часов 21 июля.

В этот момент к Сенгилею подошли два парохода противника, начавшие обстрел города из артиллерии. Артиллерийский бой продолжался до вечера. После того как наша часть с правого берега Волги стала обстреливать из пулеметов пароходы белых, они отступили вниз по Волге в сторону села Новодевичье. Наш отряд в ставропольской группе шел одним из последних.

К моменту нашего прихода в Белый Яр основные части ставропольской группы уже перебрасывались в Сенгилей. Бой под Сенгилеем задержали переброску нашего отряда. И только поздно ночью на санитарном пароходе «Фортуна» нас вместе с подошедшим с севера от Бряндина смоленским отрядом тоже перебросили в Сенгилей. Передовые части сенгилеевских отрядов уже уходили в глубь правого берега на Ташлу, где, как передавали, уже находился противник.

К сожалению, на левом берегу пришлось оставить два броневика, так как их нельзя было погрузить на пароход. Мы их постарались привести в полную негодность: были сняты моторы и сожжена внутренняя обшивка.

На следующий день мы узнали о падении Симбирска. Для нас было ясно, что мы оказались в кольце и что единственный выход — это, объединившись вместе с сенгилеевцами, прорваться к линии железной дороги в сторону Инзы.

## Выход из кольца

В это время в Сенгилее было сконцентрировано большое количество снаряжения и обмундирования. Мы постарались захватить с собой все оружие, которое можно было взять. Были взяты все пулеметы, все части были снабжены запасом винтовок. Несмотря на это, в Сенгилее оставался огромный резерв, который не хотелось оставлять в руках белых. Оставшееся оружие

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 300—133, лист 95.



было на двух пароходах вывезено на середину Волги и сброшено в воду.

На дне Волги образовался целый склад оружия, так что пароход еле-еле мог выбраться из него. Между прочим часть этого оружия достали белые, а остатки были выловлены нами позже после занятия Сенгилея.

Наш соединенный отряд сенгилеевской и ставропольской групп представлял собой чрезвычайно внушительную единицу: около 2 тысяч штыков, 12 орудий и около сотни пулеметов.

Образовался обоз длиной примерно в 5 километров. Во время движения белые пытались преградить нам путь. Такая попытка имела место около села Солдатская Ташла.

Наш отряд в это время шел в авангарде и принял на себя натиск белых. После небольшого боя белые, учитывая наши силы, быстро отошли в сторону Симбирска, очистив дорогу по направлению на станцию Майна.

Когда стало совершенно ясно, что мы из кольца выбрались, мы устроили дневку в Воецком.

Здесь наши соединенные отряды были реорганизованы в «Первую симбирскую сводную дивизию». Отряды сенгилеевской группы образовали «Первый симбирский полк», а отряды ставропольской группы — «Второй симбирский полк». Наш симбирский отряд стал «третьей ротой первого батальона».

Здесь в последний раз проявились традиции партизанщины — командный состав был выбран. Гай был выбран командиром дивизии, Павловский — его помощником. На этом же совещании были распределены командные должности, наш командир отряда Островский стал командиром роты.

С этого момента мы из разрозненных партизанских, красногвардейских и всякого рода других дружин превратились в регулярную Красную армию. Так родилась «Симбирская Железная дивизия».

Интересен момент нашего присоединения к частям 1-й Революционной армии Тухачевского.

В то время на станции Майна стояла группа 1-й армии под командованием Толстого.

По донесению от населения они знали о движении воинских частей и предположили, что это движутся белогвардейские части, причем наша дивизия в их представлении из двухтысячной превратилась в пяти тысячный отряд.

Отряд Толстого, имевший задание от Тухачевского атаковать противника у Киндяковки, вместо этого стал поспешно отходить, не вступая даже в соприкосновение с нашими передовыми частями.

Командование ставропольско-сенгилеевских отрядов, чтобы остановить это бегство, которое могло внести дезорганизацию в управление всей 1-й армии, послало вдогонку Толстому следующую телеграмму:



«Чуфарово — командиру 6-го Мценского полка.

Товарищи, мы прибыли с сенгилеевского фронта, объединяясь дорогой с ставропольским отрядом Павловского. У нас очень большая сила... Наступаем на Симбирск тремя колоннами. Именем революции прошу вас немедленно вернуться обратно всем составом на станцию Майна».<sup>1</sup>

Толстой однако не доверился этому призыву и в своем донесении Тухачевскому высказал сомнения в «подлинности» сенгилеевской группы и продолжал отступать.

Наши части заняли Майну и село Анненково. Наши командиры решили сами непосредственно связаться со штабом 1-й.

По прямому проводу Анненково — штаб 1-й происходит разговор с Куйбышевым и Тухачевским.

Куйбышев и Тухачевский, подошедшие к аппарату, усомнились и стали всяческими вопросами проверять подлинность сенгилеевцев.

Убедившись, что они имеют дело действительно с красными частями, Тухачевский сообщил:

— Штаб 1-й армии продолжает оставаться в Инзе. Все время беспокоились о вашей судьбе, так как знали, что вы двигаетесь к дороге Горюшки — Симбирск. Но по взятии Симбирска потеряли с вами связь и не могли ее восстановить.

Наши части расположились в селах, окружающих станцию Майна, в частности наш отряд остановился в селе Жеребятниково. Началась серьезная работа по превращению партизанских красногвардейских отрядов в настоящие дисциплинированные красноармейские полки и роты.

Коммунисты нашего отряда, оторванные от симбирской партийной организации, решили как-то себя объединить. Было устроено первое партийное собрание, в котором участвовали все симбирские товарищи и некоторые коммунисты из Мелекеса и Ставрополя.

Создана была партийная организация и выбран председатель ячейки. Меня выбрали политическим комиссаром роты. На следующий день, когда потребовалось это, я был назначен комиссаром 1-го батальона.

## Борьба за Симбирск

На формирование дивизии и приведение ее в боевой порядок было затрачено около недели. За это время был выработан оперативный план наступления на Симбирск. Для этого были переброшены подкрепления: бронепоезда, кавалерия и т. п. Но и противник не дремал. Активно работала белогвардейская аген-

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 300—132, лист 49.



тура. В ряде сел кулачество ликвидировало сельсоветы и восстанавливало земские управы.

6—7 июля в штаб дивизии явилась группа бедняцкой молодежи из села Тагай. Она сообщила, что в Тагае произошел «переворот», кулаки свергли советскую власть, захватили и растерзали нескольких работников сельсовета и активистов-бедняков.

Часть членов совета бежала в Карлинское, часть вслед за молодежью явилась к нам, прося помощи в борьбе с озверевшим кулачем. Работники сельсоветов-бедняки рассказывали, что кулаки организовали отряд из кулацкой молодежи численностью в 200 человек при 4 пулеметах. Передавали, что во главе восставших стоят офицеры — дети тагаевских торговцев. Тагай — это крупнейшее торговое село, расположенное в 50 километрах от Симбирска на большом тракте Симбирск—Промзино. Образование такого кулацкого гнезда в тылу нашего левого фланга могло сильно помешать предположенному наступлению на Симбирск.

На ликвидацию кулацко-белогвардейского восстания был направлен наш батальон с двумя орудиями. Бедняки-тагаевцы, вооружившись, шли с нами. В Копышевке к нам явилась еще одна группа местной молодежи, которая сообщила дальнейшие подробности кулацкого восстания. Оказалось, что организаторами восстания являются кроме кулаков тагаевский поп и учитель. Кулаки принудительно вооружают крестьян и включают их в свой отряд, который достиг уже 300 человек. Копышевцы сообщили, что их местный учитель также находится в связи с кулаками Тагая и готовит восстание. Этот учитель-белогвардеец был нами немедленно арестован.

Затем мы двинулись на Тагай.

К селу подходили на рассвете. Был праздничный базарный день. В Тагае собралось большое количество подвод из окружающих деревень.

Была опасность, что при артиллерийском огне могут пострадать невинные.

Заняв две большие дороги, ведущие из Тагая, мы послали двоих копышевцев к тагаевским кулакам с требованием сдать оружие и выдать зачинщиков. В то же время наши цепи стали приближаться к селу.

В ответ на наше требование нас стали обстреливать из пулеметов. Тогда пришлось пустить в ход артиллерию. Под прикрытием артиллерийского огня мы ворвались в село. Многие белогвардейцы, пользуясь суматохой на базаре, бежали. Но все же мы захватили часть руководителей восстания. Был схвачен главный организатор, активный правый эсер. В селе мы произвели поголовный обыск у всех кулаков, отбирая у них оружие. Затем было созвано собрание крестьян для выборов совета. Так была восстановлена советская власть в Тагае.



Подобную же работу мне с группой бойцов пришлось провести в соседних селах — в Подлесном и др. Всюду восстанавливали советскую власть и избирали советы.

Ликвидация кулацкого восстания на левом фланге нашего фронта имела громадное значение для начавшегося в это время наступления на Симбирск, так как на соединение с Тагаем от Уржумского уже двигались отборные части белых, и мы предотвратили глубокий обход нашего левого фланга. Главный удар наша дивизия наносила в направлении на станцию Охотничья, а 2-й симбирский полк от Тагая, Уржумского должен был наступать на села Юшанское — Тетюшское, поддерживая и облегчая таким образом с левого фланга общее продвижение вперед.

Покончив тагаевские дела, наш батальон влился в ряды наступающих, и 10 августа мы с боем вошли в Юшанское. Белые отошли в Тетюшское.

В Юшанском моей задачей опять была организация совета, арест видных кулаков и т. п. В это время к нам в качестве комиссара полка прибыл т. Шверник и мы с ним провели большую работу по приведению бойцов в порядок. Бойцы были измучены, было много истощенных, с побитыми ногами, желудочными болезнями. Околоток был полон. Не мало было и симулянтов, несознательных людей. Нам пришлось прямо в приемной врача учредить агитпункт и убеждать сомнительных больных оставаться в строю. Это имело хороший результат.

В это время была занята Охотничья, а 11 августа мы перешли в наступление на Тетюшское. В этом наступлении я был ранен, однако остался в строю. К вечеру выбили противника из Тетюшского и продвинулись до Арской слободы (20 километров от Симбирска), заняв здесь «Белые Высоты».

Ночью т. Шверник послал меня в Тетюшское, где стояли наши тыловые части, поручив мне провести собрание крестьян и выборы в совет, проверить подвоз продовольствия, организовать выпечку хлеба.

Собрание крестьян затянулось далеко за полночь.

Ночевать я направился на северную околицу села к только что избранному председателю сельсовета.

Утром я проснулся от пулеметной стрельбы... Кое-как оделся и, схватив карабин, спустился с сеновала. Мой хозяин сообщил, что «только что улицей прошли белые с георгиевскими ленточками, которые обстреливают сейчас участок возле церкви», где на островке между речками в вязах стояла наша смоленская батарея.

Смоленцы держались стойко и ружейным огнем сдерживали белых.

Оказалось, что к утру с левого фланга нас обошел георгиевский офицерский батальон.

Я через гумна выбрался к мельницам-ветрянкам на западной стороне села.



К этим мельницам уже сбегались одиночки-красноармейцы, главным образом из хозяйственных команд. Вскоре нас собралось человек 15. Я организовал эту группу и мы начали обстрел белогвардейцев. Положение смоленцев в это время ухудшилось. Белогвардейцы приближались к батарее и уже выдвинули пулемет на мост перед церковью, готовясь расстрелять эту горсточку героев в упор.

Но смоленцы проявили исключительную стойкость и прямой наводкой стали осыпать белых картечью. Белогвардейцы подались назад.

Часам к 9 утра у ветрянок неожиданно появился автомобиль с пулеметом, высланный из штаба дивизии с группой бойцов. Пренебрегая опасностью, командир их повернул автомобиль задом, пулеметом вперед.

Бойцы с криком «ура» бросились вперед, а автомобиль задом стал быстро двигаться в село, осыпая противника из пулемета. Неожиданный удар в тыл заставил белогвардейцев бежать. Они не успели даже вывести пулемет и мы захватили его. Через несколько минут мы соединились со смоленцами и из 3 пулеметов стали бить вдогонку отступающему противнику. Все это время наш полк, стоявший впереди у Арского, также отбивал упорные повторные атаки белых, переходя сам несколько раз в контратаки.

В этих боях 2-й Симбирский полк, как и вся Железная дивизия, показал себя уже зрелой боевой единицей.

Однако этот тяжелый бой довел красноармейцев до пределов усталости. Учитывая это переутомление, комдив 12 августа сменил наш полк свежей, только прибывшей на фронт Курской бригадой.

Мы ушли на отдых в село Ивановка. А на другой день произошла катастрофа на фронте бригады. Необстрелянные курские полки под нажимом белых покатались назад, обнажая левый фланг дивизии.

Помимо общего удара через Отраду белые сделали еще один частичный обход через Елизаветино на Юшанское. Разгромив здесь обозы Курской бригады, белогвардейцы повернули на Тетюшское, где стоял Московский полк, бросив в то же время отряд кавалерии на станцию Выры — в глубокий тыл нашей дивизии. Московский полк в беспорядке бежал.

Наш отдых в Ивановке не удался и мы форсированным маршем бросились ликвидировать прорыв, образовавшийся в результате отхода курских и Московского полков. В районе Майна — Выры в жестоком бою мы остановили белых. Наше быстрое продвижение вперед облегчило положение 1-го Симбирского полка, находившегося в это время далее впереди у Охотничьей, и позволило ему благополучно отступить.

Первое наступление на Симбирск сорвалось. Дивизия отходила на исходные позиции для подготовки нового наступления.



## В Симбирск на подпольную работу

Вся эта операция показала, что у нас плохо поставлена политическая и военно-оперативная информация о положении дел у противника. Вместе с тем надо было по-большевистски организовать начавшийся среди рабочих и крестьян стихийный подъем против белых. Я просил т. Шверника отправить меня в тыл противника на нелегальную партийную работу и для доставки информации о состоянии белогвардейских частей и положении в их тылу.

Комиссары тт. Шверник и Панов целиком одобрили мою идею. Начштаба Железной Вилмунсон подробно рассказал мне, какие материалы о численности и дислокации белых частей я должен добывать. Установили, каким образом я буду их сообщать по установленному шифру красному командованию.

С этим планом я был командирован к т. Куйбышеву в Рузавку, в штаб 1-й армии.

Когда обо мне доложили т. Куйбышеву, он выразил желание лично беседовать со мной.

Я направился на розыски штабного вагона. Быстро нахожу вагон. На подножке сидит какой-то крупный человек в гимнастерке, ворот расстегнут. Создавшийся в моем представлении образ Куйбышева как сурового и сухого от постоянного напряжения человека никак не соответствовал простому виду человека, сидевшего на подножке.

— Товарищ, не знаете ли — товарищ Куйбышев здесь?

— Куйбышев — это я, — ответил он просто.

Я смутился от неожиданности встречи. Называю свою фамилию и говорю, что я по такому-то делу.

Прежде чем говорить о главном, он повел общую беседу, спросил кто я, откуда, какую работу выполнял. Вопросы эти вовсе не звучали экзаменом. Это была хорошая, теплая беседа. Когда я рассказывал про последние бои, т. Куйбышев вставлял реплики вроде: «здорово», «молодцы» и т. п.

Перешли, наконец, на мой план подпольной работы в Симбирске. Здесь т. Куйбышев особенно обратил внимание на то, что главное — не в разведывательной работе.

— Если вы нам создадите организацию наших рабочих на симбирском заводе, это будет куда важнее и даст нам гораздо больше, чем если вам удастся добыть какие-либо военные сведения.

Узнав, что я приметный человек в Симбирске и что белогвардейщина там меня знает, он усомнился — смогу ли я обеспечить связь с рабочими.

— Это ведь очень серьезное дело. Может быть оно окажется для вас в Симбирске очень трудным и вы провалите и себя и организацию. Не думайте, что я против вашей поездки. Я хочу только, — продолжал он, — обратить внимание на ответственность задачи.



Потом он дал мне несколько советов конспиративной, организационной и агитационной работы.

— Самое главное в конспирации то, чтобы с вами имела связь очень небольшая группа людей. Старайтесь собирать людей не непосредственно вокруг себя, а через других надежных товарищей, которых вы найдете и которые будут юридически объединяющими лицами. Обеспечьте себе 4—5 человек, с которыми вы будете лично держать связь, и этого будет достаточно. Второе — во всей политической работе исходите из того, что самарская учредилка несет рабочему возврат к царскому режиму и что самарские эсеры — заклятые враги рабочего класса. Вылавливайте, собирайте все факты зверского отношения белых частей к рабочим и на этом в первую очередь стройте свою агитацию. Противопоставляйте таким фактам отношение белогвардейцев к буржуазии, купечеству и т. п. Раскрывайте классовое лицо «народной армии».

— И еще, обязательно попробуйте установить связь с товарищами, попавшими в плен, попытайтесь наладить помощь им и подготовить бегство... Вы очень молодой, — хлопнул меня по плечу Куйбышев. — У вас нет подпольной закалки... Но раз вы решили твердо, товарищи мои вас знают... то езжайте.

С этими словами Куйбышев подписал специальный документ о моем направлении. Я получил дополнительные средства и выехал в Алатырь, где в это время находились симбирский губисполком и комитет партии.

Здесь от тт. Швера и Гимова я получил несколько явок и фамилий рабочих, с которыми я должен был установить связь.

Комитет партии дал мне в помощь еще одного товарища — моего однокашника, гимназиста Муратова.

Из Алатыря я имел еще один разговор с т. Куйбышевым по прямому проводу. Разговор этот устроил Бюллер, помощник начполитотдела алатырской группы.

Я сообщил кратко Куйбышеву, что получил дополнительные задания и помощь от симбирского комитета, и указал наш маршрут.

— Счастливой дороги, надеюсь на вас, молодой подпольщик!

Я был очень обрадован, что Валериан, — так называли его коммунисты-бойцы, — знает меня и помнит о моих задачах.

Организация нашей переброски была проведена очень хорошо. Мы имели надежные подложные паспорта.

Путь на Симбирск был хорошо знаком: мне — благодаря моему бродяжничеству по губернии, а Муратову — потому, что он был родом из этих мест.

У обоих нас были большие знакомства среди крестьян ряда сел, что мы и использовали. Двинулись мы на Астрадамовку пешком.

Ночевали у моих знакомых и с их помощью избежали



встреч с белыми разъездами. Затем всю ночь ехали на подводе через Тимерсяны до Шумовки. Здесь остановились у родственников Муратова.

К ночи его родня поехала на базар в Симбирск и мы с ними. Ехали в телеге в составе большого обоза крестьян и ехали спокойно. Рано утром вблизи города возле казарм мы соскочили с телеги и вошли в белогвардейский Симбирск.

Я удачно пробрался к себе домой, Муратов — тоже. Моя семья пришла в смятение... но делать было нечего.

Первой моей задачей было найти себе конспиративную квартиру. Агроном Сазонов, который числился в почтенных гражданах Симбирска, с этой точки зрения не мог вызвать подозрений. У них в доме была светелка, и она послужила базой моей конспиративной деятельности.

Я довольно быстро связался с заводом. Там оставалось несколько коммунистов и сочувствующих нам, адреса которых дал Гимов. Связь с ними я установил через своего отца, который в это время был учителем и путешествия которого за Волгу не могли вызвать никакого подозрения.

Кроме того мне удалось быстро наладить связь с разведочным штабом белогвардейцев через своего старого товарища по начальной школе — Фирсова — сына сапожника, мобилизованного в белую армию, служившего делопроизводителем в штабе симбирских белых войск. Через него я успел получить сведения о составе войск белых и об организации обороны Симбирска.

Но к моменту нашего прихода в Симбирск Железная дивизия уже начала свое второе победоносное наступление. За небольшой промежуток времени я устроил партийное собрание, в котором участвовало пять человек помимо меня. Емельянов (дед Василий), Глушков, Матросов (трое, адреса которых дал Гимов) и двое новых: слесарь со станции В. Часовня — Колобов и токарь с завода — Афанасьев.

Собрались мы на станции В. Часовня, на квартире «деда Василия». Здесь я информировал, что готовится второе наступление красных войск на Симбирск, и осведомился о настроении рабочих. В то время на заводе верховодила группа эсерствующих. Основная масса, активно поддерживавшая советскую власть, была терроризована и арестована. Было арестовано и расстреляно белыми свыше 150 рабочих завода.

Во время первого наступления, когда артиллерия нашей дивизии громила подступы Симбирска, на заводе был ряд активных выступлений против белых. Была проведена забастовка против мастеров за грубое обращение, она же была использована для агитации против учредилки, для разговоров, что скоро удастся освободиться от белопогонников.

Пятерка большевиков, с которой мне удалось встретиться, активно развернула работу по вербовке рабочих в подпольную ячейку и подготовке вооруженного восстания в тылу белых.



Проверить, насколько это дело было серьезно организовано, мне не удалось, но косвенным доказательством, что кое-что на заводе в этом направлении готовилось, служит быстрое формирование целого красного отряда из рабочих в момент отступления белых из Часовни.

Этот отряд во главе с Гужиковым и Михайловым был влит к нам в качестве 3-го батальона 2-го Симбирского полка.

При разговорах с красноармейцами, бывшими рабочими, мне неоднократно приходилось слышать от них, что в момент наступления нашей дивизии на Симбирск рабочие завода готовились ударить в тыл белых.

Больше собраний у нас не было. Победоносное наступление Железной дивизии быстро закончило нашу подпольную деятельность.

В 12 часов дня 12 сентября 1918 года Красная армия вступила в Симбирск, и на Дворцовой улице в час дня я уже обнимал своих товарищей по полку.







Ф. ВАЛХАР и Л. ФОРСТ

## ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИМБИРСКЕ

---

### Под знаменем интернационализма

Одной из форм поддержки Великой пролетарской революции международным пролетариатом явилось широкое участие военнопленных солдат иностранных армий в защите завоеваний революции. Организации интернационалистов, работавшие рука об руку с коммунистической партией, сыграли значительную роль в укреплении и отстаивании власти советов.

Вооруженные иностранные рабочие, проявляя подлинное интернациональное братство, вместе с русскими рабочими и крестьянами беззаветно сражались против русской белогвардейщины, против интервентов и зачастую против буржуазии своей нации. Интернациональное братство пролетариата СССР и пролетариев Запада было скреплено кровью на полях Украины, на берегах Волги, на склонах Урала и в других краях нашей обширной страны.



Интернациональное движение среди военнопленных складывалось и росло вместе с развитием русской пролетарской революции. Крушение царизма и подъем революционной борьбы русского пролетариата не могли не отразиться на положении и настроениях солдатских масс, сосредоточенных в лагерях военнопленных. Массы военнопленных немцев, венгров, поляков, чехов, словаков, болгар и др. пришли в движение. Революция в России давала им надежду на скорый мир и возврат на родину.

Классово-сознательные пролетарии видели в борьбе русского пролетариата сигнал к решительной борьбе со своей буржуазией. Среди военнопленных происходили процессы классового и политического размежевания. Монархическое и буржуазное австро-германское офицерство, нередко при трогательном содействии русского офицерства и представителей «демократической» власти Керенского на местах, старалось всеми силами удержать массы в русле националистической буржуазной идеологии. В этом они находили также помощь со стороны пленных социал-шовинистов, бешено травивших отдельных революционно мыслящих пролетариев-солдат.

Летом 1917 года в лагерях вокруг Симбирска находилось около 6 тысяч, а по губернии свыше 28 тысяч военнопленных. Наиболее обширный лагерь был под Симбирском у села Красный Яр, где в бараках размещалось более 3 тысяч военнопленных разных национальностей.

Высококвалифицированная и дешевая, а иногда и даровая рабочая сила военнопленных представляла заманчивый объект для эксплуатации. Буржуазия стремилась широко использовать военнопленных для работ на железнодорожном транспорте, на текстильных фабриках, лесопильных, цементных заводах и т. п.

Незнание русского языка тормозило общение военнопленных с русскими рабочими, но это общение все же росло и крепло. Военнопленные все более широко знакомились как с общим ходом революционной борьбы в стране, так и с конкретными ее проявлениями в районе их работы.

На станции Верхняя Часовня (б. Волго-Бугульминской железной дороги) работало свыше 200 русских и австрийских (военнопленных) рабочих по постройке железнодорожного моста. В июле 1917 года среди железнодорожников и строителей вспыхнула забастовка, носившая экономический характер. Строителями были выдвинуты требования улучшения жилищных условий и питания, повышения зарплаты. В эти события были втянуты и военнопленные. Развернулись жаркие споры между сторонниками и противниками забастовки. Последние указывали, что военнопленным особенно опасен невыход на работу, так как это может быть расценено как военный бунт и повлечет суровые репрессии.

Победила все же та точка зрения, что уклонение от забастовки есть штрейкбрехерство и предательство в отношении русских



революционных рабочих. Это течение возглавлялось чехословацкими рабочими В. Орел и Францем Валхаром, участниками рабочего движения в Австрии. Забастовка прошла единодушно. Не работали два дня. Требования рабочих были удовлетворены. Эта забастовка послужила толчком для укрепления связи с русскими рабочими организациями и для дальнейшей революционной работы среди военнопленных.

Слухи о стойкости австрийцев, работающих на станции Верхняя Часовня, быстро распространились как по лагерю Красного Яра, так и по соседним станциям, где работали группы военнопленных. Со станции Нижняя Часовня к нам явился Пильчак. Он стоял за немедленную широкую организацию военнопленных для борьбы за улучшение их экономического положения, за укрепление связи с русскими рабочими организациями. Он доказывал необходимость всемерного участия военнопленных в революционной борьбе русского пролетариата. Он сообщил, что на станции Н. Часовня имеется группа рабочих-революционеров, с которыми он уже связан. Впоследствии оказалось, что это была группа большевиков, в которую входили двое слесарей из депо, телеграфистка и машинист, по прозвищу Цыган.

Однако развернуть революционную работу нам не удалось. Через несколько дней после забастовки была арестована вся группа активистов-военнопленных (12 человек). Продержав под арестом несколько дней, их всех освободили. Однако на работу в В. Часовню их уже не вернули, а направили в 117-й сводный госпиталь в Симбирск. Связь с Пильчаком на время прекратилась.

В сентябре 1917 года австрийские военнопленные были сильно возбуждены двумя обстоятельствами. Датское посольство, представлявшее интересы австрийских подданных, усиленно добивалось отправки на родину больных пленных. При отборе кандидатов на отправку вербовали преимущественно офицеров, независимо от состояния здоровья.

Особенно же взбудоражило военнопленных второе событие. В Симбирск приехали эмиссары по вербовке в чехословацкие национальные корпуса, формировавшиеся в Киеве. Для обсуждения вопроса о том, как нам относиться к этим событиям, мы устроили конспиративное совещание, на котором присутствовало до 10 человек. Решили, что формирование национальных чехословацких легионов противоречит интересам революционного пролетариата и что необходимо этому всячески противодействовать.

Чехословацкие эмиссары успеха не имели. В симбирских лагерях они на вербовали всего несколько человек.

Наша революционная группа вскоре встретила с другим затруднением — с неудержимой тягой военнопленных на родину. На почве этой тяги росли националистические чувства и настроения нейтральности в отношении революционной борьбы в России. Здесь сказались влияние офицерских слоев.



В октябре 1917 года состоялось второе совещание военнопленных, на котором было решено, что для руководства революционной работой необходимо создать комитет военнопленных по типу комитета беженцев.

Осуществление этого решения облегчалось тем, что в центре власть перешла уже в руки советов, в Москве существовал комитет военнопленных. Трудности были в том, что Симбирск все еще находился во власти буржуазии.

Создав организационный комитет, симбирские революционные интернационалисты начали устанавливать связь с местными большевиками. Была послана делегация в рабочую секцию совета. После беседы с представителем большевиков Швером было решено устроить в «Доме свободы» (здание совета) общее собрание военнопленных. Швер обещал добиться предоставления зала, а также сделать доклад о Великой пролетарской революции и перспективах борьбы.

Это собрание должно было состояться в конце ноября 1917 года. Меньшевики и эсеры, имевшие еще значительное влияние в совете, попытались сорвать собрание. Под какими-то предлогами комендант «Дома свободы» категорически отказался предоставить нам здание. Пришлось открыть собрание перед «Домом свободы» и говорить с балкона. Собрание было чрезвычайно многолюдное. Военнопленные, не знавшие языка, плохо понимали докладчика, плохо понимали они и друг друга, поскольку на собрании было представлено много национальностей. Но сам факт созыва собрания военнопленных уже был исключительным событием. Если раньше присутствие офицеров связывало солдат, то теперь на них не обращали внимания. Не обращали внимания и на представителей датского посольства.

От военнопленных с большой речью на собрании выступил Глясс, старый социал-демократ. Он призывал к поддержке русской революции. Однако четкости в его выступлении не было. Он не коснулся со всей остротой вопроса о характере Великой пролетарской революции.

Настроение присутствующих было приподнятое. Особенно волновал вопрос о заключении мира. Была принята резолюция о прекращении войны, поддержке советского правительства и скорейшей отправке военнопленных на родину. На этом же собрании был избран комитет военнопленных в составе 7—9 человек. В него вошли Гурко, Глясс, Валхар, Пильчак, Кифлер, Гильдебрандт и другие.

В конце собрания инициаторы его поставили вопрос о создании отряда Красной гвардии из числа военнопленных.

Организация этого отряда была одной из первых задач возникшего комитета военнопленных. Душой создания отряда были Пильчак и Гурко. Оставив работу в Н. Часовне, они приступили к подысканию помещения в Симбирске. Через некоторое время оно было найдено, и началось соби́рание людей.



На первых порах в красногвардейский отряд записалось 15—20 человек. Отряд вначале нередко переживал затруднения с обмундированием и продовольствием.

Роль отряда интернационалистов была скромной: он нес караульную службу, участвовал в демонстрации при ликвидации «Думы» и т. п. Однако он был создан во время и сумел оказать помощь местной организации большевиков и совету в ликвидации власти «демократических» органов.

## На пути к большевизму

Перед вновь возникшим комитетом военнопленных встали сложные организационные задачи, связанные с подготовкой отправки пленных на родину. А эту работу надо было провести в интересах пролетарской революции. Это осознала, хотя и не совсем отчетливо, группа интернационалистов, вставших во главе комитета.

Прежде всего надо было добиться того, чтобы массы военнопленных возвращались на родину солдатами пролетарской революции, а не обывателями, послушно выполняющими волю буржуазии. Другая задача — это силами военнопленных оказать помощь здесь, на месте, русским пролетариям, взявшим власть в свои руки. Надо было отобрать в отряд Красной гвардии лучших, стойких и сознательных людей.

Небольшая группа интернационалистов разрывалась на части, работая и в лагерях, и в комитете, и в датском посольстве, и по организации Красной гвардии, и т. п.

В это время происходило стихийное политическое расслоение военнопленных.

Офицеры, махровые империалисты, поборники великой Германии и Австрии, буржуазно-националистические республиканцы (чехословацкие и венгерские), правые социал-демократы, пацифисты, — таковы были многочисленные противники, с которыми приходилось бороться интернационалистам, идущим рука об руку с большевиками.

Офицеры германской и австрийской армий всячески стремились сохранить свое ускользающее влияние. Они также искали опоры в массах, стремясь использовать всеобщую стихийную тягу на родину. Австрийские офицеры Фаркаш и Эрнст изо дня в день проповедывали: «Нам тут, в России, делать нечего. Надо добиваться через датское посольство скорейшей отправки на родину. Русская революция нас не касается».

Особенно крепко удерживали свои позиции офицеры при откровенной поддержке социал-империалистов в так называемом «Германском лагере».

Доктор Хелейн, редактор одной буржуазной газеты Южной Германии, организовал выпуск ежедневной стенной газеты в «Германском лагере». Эта ярко-шовинистическая газета помещала



тенденциозно подобранные вырезки из газет о положении на фронтах, о ходе русской революции. Хелейн серьезно мешал работе среди немцев. У интернационалистов нехватало сил, чтобы проникать поглубже в бараки «Германского лагеря».

Напряженная политическая борьба среди военнопленных вызвала серьезные разногласия внутри недавно созданного комитета.

В интересах общей борьбы с националистско-империалистической идеологией и офицерством интернационалисты — инициаторы организации военнопленных — должны были на первых порах блокироваться со всеми лево настроенными группами — анархистами, пацифистами и т. п. Для этого они использовали и грызню различных буржуазно-националистических течений между пленными. Наконец, в интересах организационного охвата всех национальностей и всех групп военнопленных (лагерники, госпитальники, железнодорожники, работающие у воинского начальника) пришлось допустить в состав комитета людей, недостаточно проверенных.

В результате в комитет наряду с интернационалистами оказались избранными националистически настроенные люди, авантюристы и даже провокаторы.

Разногласия внутри комитета с первых же шагов тормозили его деятельность. Эти разногласия особенно развернулись по вопросам о формах связи с местными революционными организациями и о создании Красной гвардии.

Социал-демократ Глясс, квалифицированный галицийский текстильщик, человек грамотный и начитанный, оказался пацифистом. До того активно работавший рука об руку с нами и оказавший нам своим знанием русского языка большие услуги, он выступил в комитете решительным противником организации отряда Красной гвардии. Он занялся проповедью какого-то толстовского непротивления злу. В общегитии он был единственным, не имевшим винтовки у изголовья кровати.

Встречая товарищей, поступивших в красногвардейский отряд и одетых в русское солдатское обмундирование, Глясс зло иронизировал над ними. В организации Красной гвардии он видел продолжение политики милитаризма. Вообще красногвардейский отряд создавался при сопротивлении и саботаже значительной части комитета.

Подозрительно вел себя Кифлер — германский кавалерист. Он считал, что комитет должен ограничиться отправкой пленных на родину, всячески используя помощь советской власти. Какую-либо помощь советам он считал ненужной: «Нечего нам вмешиваться во внутренние дела русских», — говорил он.

Провокатором оказался и венгерский офицер Кертыш, который проник в комитет благодаря знанию русского языка. Будучи хорошим оратором, он повел сильную агитацию против вступления в Красную гвардию и за самостоятельную организацию «венгерских республиканцев». Ему удалось даже создать инициа-



тивную группу этой организации и повести ожесточенную борьбу против комитета военнопленных. Впоследствии, при подавлении советской власти в Венгрии, Кертыш прославился как палач.

Становилось ясным, что при таком составе комитет работать не сумеет, и 17 февраля он был переизбран. В новый комитет вошли: Пильчак — чех, Валхар — чех, Форст — немец, Пружанский — словак, Самовон — украинец, Глясс — немец, Гурко — чех и другие.

Таким образом и в обновленный комитет попали Глясс и некоторые другие пацифисты. Чтобы парализовать их влияние, интернационалисты обязали Форста, как наиболее теоретически подкованного работника, покинуть лагерь и перейти на постоянную работу в комитет.

Обновленный комитет, получив новое помещение, приступил к систематической организационной, пропагандистской и культурной работе среди военнопленных. В здании комитета, на Дворцовой улице, производилась запись в члены революционной организации военнопленных, открывалась агитационная вечерняя школа, где преподавали русский язык. В этот период вырос актив вокруг комитета (Мазеш, Гильдебрандт, Нусбаумер и др.).

В связи с заключением Брестского мира организация вновь пережила серьезный кризис.

Среди части членов организации и комитета господствовали настроения против мира с Германией. Эти настроения питались, с одной стороны, упрощенными взглядами на ход мировой революции, а с другой — изрядной долей национального антагонизма — особенно среди славян — в отношении Германии. Примешивалась к этому и боязнь репрессий, якобы возможных в случае заключения мира. Было известно, что все активисты-военнопленные учтены в датском и шведском посольствах как большевики. В широких массах военнопленных нарастала тревога, что в связи с заключением мира Германия потребует выдачи всех революционеров для расправы за измену.

С разъяснениями о необходимости мира с Германией перед большим собранием военнопленных выступал т. Швер, редактор «Известий симбирского совета». На собрании была принята резолюция за мир, но «левые» настроения изживались лишь постепенно. Они подогревались борьбой, которая развернулась в связи с появлением в Симбирске представителя германского посольства Фрица. Посольство требовало роспуска всех организаций и вооруженных отрядов военнопленных. Политическая борьба среди военнопленных обострилась.

Затруднениями комитета военнопленных воспользовался авантюрист Пфайл, стоявший во главе комитета беженцев Восточной Пруссии и Галиции. Пфайл, опираясь на датское и шведское посольства, направлял работу комитета беженцев в сторону буржуазных настроений и постоянно вступал в конфликт с комитетом военнопленных, стремясь сорвать его рабо-



ту. В связи с требованиями германского посольства Пфайл повел особенно сильную агитацию среди беженцев и военнопленных за ликвидацию комитета и красногвардейского отряда как организаций незаконных. Вместе с тем он начал захаживать в местные советские учреждения, ведя там разговоры, что все дела о военнопленных переходят в комитет беженцев.

Некоторые советские работники, не обладая достаточным политическим чутьем и тактом, под впечатлением требований германского посольства и происков Пфайла стали относиться с известным холодком к комитету военнопленных. Комиссар по делам военнопленных Койранский заговорил даже о роспуске красногвардейского отряда интернационалистов.

Отдельные члены комитета военнопленных начали даже поговаривать о необходимости насильственного устранения Пфайла, мешавшего революционной работе среди военнопленных.

Положением, создавшимся в организации военнопленных, попыталась воспользоваться симбирская организация левых эсеров. Продолжая свою демагогическую агитацию против Брестского мира, левые эсеры предприняли ряд попыток к тому, чтобы вырвать организацию военнопленных из-под большевистского влияния и взять ее под свое руководство.

Решительный отпор дал этим попыткам Пильчак. Он был прекрасным организатором и вел комитет военнопленных через все трудности и препятствия к крепкой связи с большевиками и большевистскому руководству.

Левые эсеры продолжали еще некоторое время заигрывать с интернационалистами, но это ни к чему не привело.

В ответ на требования германского посольства распустить организации и отряды военнопленных Всероссийский конгресс военнопленных в Москве, состоявшийся 14 апреля 1918 года, постановил вместо организаций военнопленных создать «революционные организации иностранных рабочих и крестьян, социал-демократов-интернационалистов».

По возвращении Пильчака с конгресса симбирский комитет военнопленных был реорганизован.

В связи с этим он обратился к симбирскому комитету большевиков со следующим письмом:

**«Т о в а р и щ и!** Империалистические правительства центральных держав пытаются насилем... свергнуть правительство РСФСР. Под угрозой вооруженного наступления против советского правительства... предложено немедленно запретить агитацию среди военнопленных и ликвидировать комитеты военнопленных.

Революционные комитеты военнопленных не намерены никоим образом подчиняться этому произволу. Наоборот, готовы вместе с русскими рабочими всеми мерами бороться против.

Товарищи, дайте нам вашу моральную и материальную поддержку.



Наша организация военнопленных прекращает свое существование, вместо нее создается революционная организация иностранных рабочих и крестьян.

Мы надеемся и верим, что вы, товарищи, члены коммунистической партии в Симбирске, дадите эту поддержку...

Председатель Ф о р с т. Секретарь Г у р к о.

После этого письма установилась самая тесная связь с местным комитетом большевиков. Пильчак становится постоянным представителем интернационалистов в комитете партии, а последний в свою очередь прикрепляет к интернационалистам знающего немецкий язык большевика Нейланда. Если до этого лишь организаторы революционного движения военнопленных развивались в сторону большевизма, то в апреле вся основная группа товарищей (Валхар, Гурко, Пружанский и др.) под влиянием Пильчака вступила в ряды большевиков.

## Вооруженные отряды интернационалистов

Передышку, полученную путем заключения мира с Германией, Страна советов использовала широко для создания и укрепления Красной армии.

В конце апреля симбирский комитет большевиков поручил комитету интернационалистов усилить работу по формированию красногвардейского интернационального отряда с тем, чтобы развернуть его в дальнейшем в красноармейскую часть.

Эта работа проводилась под руководством комитета большевиков.

В первых числах мая две группы агитаторов-вербовщиков двинулись по предприятиям и лагерям военнопленных Симбирской губернии, посетив Румянцевскую, Абдулинскую, Протопоповскую, Ишеевскую текстильные фабрики, уездные города Тетюши, Сенгилей, Базарный Сызган и др.

Вербовщики побывали везде, где были значительные массы военнопленных.

Работу они вели как среди русских, так и среди иностранных рабочих.

Принципом вербовочной работы был отказ от всяких заманиваний какими-либо побочными соблазнами, обещаниями и т. п. Ставка была сделана исключительно на добровольность, на классовое сознание.

Вся работа шла под лозунгом: «на защиту Пролетарской революции».

Вербовка сопровождалась серьезными политическими столкновениями с меньшевиками и эсерами, имевшими влияние на некоторых заводах. Серьезное противодействие вербовщики встретили на Румянцевской фабрике, а на одном лесопильном за-



воде собрание было сорвано и ни одного красногвардейца завербовать не удалось.

Особенно серьезную борьбу пришлось вести с эсерами и меньшевиками среди железнодорожников Московско-Казанской железной дороги. Собрания у железнодорожников проходили бурно. Выступления коммунистов и интернационалистов встречались выкриками: «Вместо хлеба новую войну даете». «Накормите сперва рабочих, а потом уже о войне говорите».

Агитационно-вербовочная работа сопровождалась и организационной. На Румянцевской и Абдулинской фабриках были созданы группы интернационалистов (по 3—4 человека), которые вступали в тесную связь с местными коммунистами и рабочими комитетами. В итоге всей этой работы симбирский красногвардейский отряд интернационалистов возрос до 300 бойцов.

Работа революционной организации иностранных рабочих строилась на крепких большевистских основах. По требованию интернационалистов ведавший до того делами военнопленных и беженцев анархист Койранский был снят и на пост комиссара по делам военнопленных был назначен большевик Князихин. С его помощью, наконец, был арестован провокатор Пфайл и реорганизован комитет беженцев.

Произошло восстание чехо-словаков в Пензе. Симбирский военно-революционный штаб в числе других красногвардейских отрядов отправляет под Пензу и интернациональный отряд в составе 200 лучших бойцов под командой Зильдиндера. С отрядом пошли также лучшие активисты-интернационалисты.

Симбирские интернационалисты вступили в бой с контрреволюционными чехо-словаками в Пензе. Но не удачен был этот бой. Усталые, в незнакомом городе, они потерпели поражение, и значительная часть отряда рассеялась по Пензе и окрестностям.

Одна часть отряда интернационалистов вернулась в Симбирск, а другая в составе 70 человек осталась в Пензе и вместе с другими отрядами Красной армии преследовала чехо-словаков, уходивших на Сызрань. За Сызранью этот отряд соединился с симбирским коммунистическим отрядом Олейника.

Одной из ошибок красного командования того периода было дробление более или менее сложившихся частей и бросание в бой отдельных небольших групп. Так получилось и с отрядом интернационалистов: в течение недели он оказался распыленным в различных направлениях. Это раздражало бойцов и угнетающе действовало на них.

Вскоре после поражения в Пензе симбирский ревком включил отряд интернационалистов в составе 60 штыков в отряд Гладышева, отправлявшегося на помощь Самаре. Этот отряд также был разбит вместе со всем отрядом Гладышева под Липягами. Лишь единицы уцелели. Взятых в плен интернационалистов контрреволюционные чехо-словаки беспощадно расстреливали.



Вскоре после этих неудач в Симбирск приехал представитель ЦК чехословацкой секции Российской коммунистической партии. Он провел большую агитационную и организационную работу среди иностранных рабочих. Особенное внимание он уделил дальнейшим формированиям отрядов Красной гвардии. Снова закипела работа.

Добровольчество среди военнопленных росло. Очень скоро отряд интернационалистов вновь возрос до 300 человек. Особенное внимание уделялось привлечению в его состав чехо-словаков. К концу июня в отряде было свыше 40 чешских и словацких рабочих — революционеров, стойко дравшихся затем против белогвардейцев и чехословацких буржуазных наймитов.

Многие из них погибли при обороне и взятии Симбирска.

30 июня в Симбирске состоялось многочисленное общее собрание иностранных рабочих. Это было незабываемое зрелище интернационального братства революционного пролетариата. На собрании выступали на венгерском, чешском, русском, немецком, сербском, польском, румынском, итальянском и других языках. Многие из ораторов были в боевом снаряжении. Бурными приветствиями встречали представителей симбирского комитета большевиков. Проклятием ответили иностранные пролетарии на сообщение об убийстве в Петрограде т. Володарского.

В своей резолюции собрание прежде всего передало братский привет бойцам-интернационалистам, сражающимся плечо к плечу с русской Рабоче-крестьянской Красной армией против белогвардейцев, чехо-словаков, дутовцев и др.

«Российская социалистическая рабоче-крестьянская республика считается исходным пунктом всемирной революции, — говорила резолюция. — Мы, иностранные рабочие и крестьяне, находящиеся в свободной России, должны защищать Российскую советскую республику всеми силами против каждого иностранного или внутреннего врага. Нам предстоит историческая задача твердым соединением с интернациональным пролетариатом революционизировать сознание наших классовых товарищей, чтобы подготовиться для предстоящей всемирной революции».<sup>1</sup>

На этом же собрании был избран исполнительный комитет интернационалистов, были избраны: председателем — Форст, заместителем — Валхар, секретарем — Гурко, кассиром — Самовон. В агитационный отдел вошли: Пружанский, Мизеш, Лоб, Пильчак, Черный и др.

События гражданской войны требовали полной ясности политической позиции членов комитета. Поэтому в комитет не был избран Глясс, оставшийся неисправимым пацифистом.

Глясс и в кровавой гражданской войне сохранил свое отвращение к винтовке: он пошел на работу в санитарный поезд. Через некоторое время он со всем поездом попал в плен к белогвар-

<sup>1</sup> «Известия симбирского совета» от 4 июля 1918 года.



дейцам. Вместе с другими его уже отправляли на расстрел. Но Гляссу удалось бежать и добраться до Москвы, а оттуда за границу. За границей Глясс работал уже как стойкий коммунист.

После взятия Самары чехо-словаками на Волге развернулась ожесточенная борьба. Симбирская парторганизация напрягала все свои силы, помогая созиданию 1-й Революционной армии.

Отряды коммунистов и интернационалистов все время были на-чеку, так как разного рода провокации следовали одна за другой. Отряд интернационалистов принимал также активное участие в ликвидации авантюры главкома Муравьева.

Симбирские интернационалисты по поручению комитета партии большевиков повели агитацию среди интернационального отряда Муравьева, разъясняя, что они введены в заблуждение, что Муравьев открывает фронт контрреволюционным чехо-словакам и предаёт советскую власть. Агитация имела успех. Большинство казанского отряда убедилось, что оно стало жертвой провокации, что в Симбирске власть принадлежит революционным советским организациям.

Симбирские интернационалисты вместе с коммунистами и наиболее надежными красногвардейцами участвовали в разоружении и аресте свиты Муравьева и в охране губисполкома во время заседания, на котором Муравьев был арестован и застрелен.

Через несколько дней симбирский комитет партии отправил на мелекесский фронт остатки своего коммунистического отряда. Интернационалисты дали своих 40—50 красногвардейцев. Смешанный русско-интернациональный отряд под командой Нейланда эшелонам уходил за Волгу.

Решающие дни... Комитет интернационалистов печатает воззвание к обманутым чехословацким солдатам. Чешских шрифтов нет. Пригоден латышский, надо только к буквам добавлять недостающие значки. 48 часов, не смыкая глаз, члены комитета и активисты выправляют от руки тысячи листовок, чтобы они стали понятными для чехословацких солдат. Через день советский аэроплан уже разбрасывал листовки по фронту, распространяли их и красноармейцы, идущие на фронт.

В боях за Симбирск, перед сдачей его белым, интернационалисты до последнего момента оставались на своих постах.

## В боях за Симбирск

21 июля, в 4 часа дня, штаб симбирской группы войск получает сведения о движении колонны белых на Симбирск с юго-запада. Отряд в 120 интернационалистов под командой офицера Волковского направляется к станции Киндяковка. Здесь они соединяются с командой разбитого бронепоезда Полупанова. Около 8 часов вечера красные части получают приказ перейти в контрнаступление.



Вот как описывает эту попытку перейти в контрнаступление участник боя — красноармеец Ткачев:

«Вперед выскочили 70 человек мадьяр, и командир их, обращаясь к русским, сказал: «Товарищи, вы — русские, мы — мадьяры. Мы пойдем на батарею чехов, только вы сзади нас поддерживайте. Мы захватим батарею».

Мадьяры, раскинувшись цепью и полусогнувшись вровень с колосьями созревшей ржи, шли к лесу, откуда бухали орудия белых. Сзади цепей мадьяр, также рассыпавшись, шли отряды русских красногвардейцев. На станции Симбирск I что-то сильно горело. От этого зарева рожь, по которой наступали красные, была освещена, как днем. Противник подпустил близко к себе густые цепи красногвардейцев и открыл пулеметный огонь с фронта и флангов.

Первая цепь мадьяр почти целиком была скошена пулеметами. Из второй цепи, которую составляла наша рота, мало осталось в живых. Задние цепи в панике бросились назад к станции. Оставшиеся в живых интернационалисты, видя отступление красноармейцев, также бросились назад.

Я и Костин, мой товарищ, добежали до линии железной дороги. Залегли. Стали прислушиваться. Через полчаса влево, саженьях в десяти от нас, слышались крики из леса:

— Это кто такие?

— Свои, полупановцы и мадьяры, — отвечали им отступающие с левого фланга.

— А! и мы полупановцы!

— Ну, идите сюда. Покурим. Тогда вместе пойдем.

Отступающие беспечно подошли к лесу. Их было человек 13. Сели.

И не успели они сказать слова, как их окружили из леса густым кольцом.

— Руки вверх, бросай оружие!..

Захваченные врасплох подчинились.

А через полминуты мы слышали жуткий треск прикладов о головы красногвардейцев, дикие крики, тяжелые стоны. Я и Костин, прошмыгнув через полотно железной дороги, побежали вдоль высокой насыпи к городу<sup>1</sup>.

Около 11 часов ночи, когда штаб группы войск разбежался, появились бегущие с фронта красноармейцы, полупановцы и интернационалисты. Военный совет из членов губисполкома принял решение остановить отступление и сформировать из бегущих отряд, с которым попытаться оборонять город.

Части отряда интернационалистов (человек 60) было приказано занять позиции на крайнем правом фланге, возле городского кладбища. С отрядом пошли и все члены комитета интернационалистов.

<sup>1</sup> Материалы ульяновского испарта, рукопись Ткачева.



Цепью расположились между кладбищем и деревней Мостовой. Ночь отряд провел в бездействии. Из штаба никаких указаний не поступало. Что делать было неизвестно. Лишь в десятом часу утра выяснилось, что дело проиграно, что город опустел. Тогда отряд интернационалистов снялся с позиций и через слободу Куликовку пошел на Буинский тракт.

Трудящаяся городская беднота, населявшая Куликовку, чрезвычайно дружелюбно провожала красногвардейцев.

«До свидания, товарищи! Приходите скорее!» На просьбу бойцов дать хлеба женщины моментально выносили ломти и буханки хлеба и отдавали их бойцам...

Около 2 часов дня, 22 июля. Впереди кулацкое село Шумовка.

Высылается вперед разведка из 4 человек. Уже на околице разведка подвергается обстрелу восставшего кулачества.

Один убит, двое ранены.

Решено было Шумовку обойти кругом.

23-го отряд интернационалистов в числе 80 человек присоединился ко всем отступавшим из Симбирска частям.

Печальная судьба постигла отряд интернационалистов, занимавший позиции у В. Часовни.

Под натиском чехо-словаков отступив в город, он вместе с полупановцами погрузился на пароход и направился вверх по Волге. Возле пристани Старая Майна отступавшие пароходы были перехвачены. Свыше 50 немцев и мадьяр были озверевшим противником расстреляны на месте.

После сдачи Симбирска комитет интернационалистов возобновил свою вербовочную работу в Алатырских лагерях военнопленных. Вскоре вновь отряд интернационалистов вырос до 150 человек. Он лег в основу особого интернационального батальона в составе полка т. Пенъевского.

В этом полку интернационалисты участвовали в подавлении офицерского восстания в Курмыше, в ликвидации белогвардейской попытки взорвать Алатырский железнодорожный мост через реку Суру и в других операциях.

Наступил сентябрь 1918 года. Красный фронт окреп.

Умножились и ряды бойцов-интернационалистов. Кроме интернационального батальона Симбирского полка, сформированного в Алатыре, на фронт прибыл еще Особый интернациональный полк, влившийся в Железную дивизию. Во главе полка стояли Частек, Варга, Фиршиц и др. Этот полк покрыл себя славой в боях за возвращение Симбирска, за обладание берегами Волги.<sup>1</sup>

Интернациональный полк должен был нанести удар по направлению Тагай — Юшанское — Тетюшское — Баратаевка — Симбирск.

Бойцы бодро пошли вперед.

Слева от интернационалистов наступал Крестьянский полк.

<sup>1</sup> Изложение операций Интернационального полка у Симбирска сделано в основном по стенограмме выступления Варга на землячестве 1-й Революционной армии при ЦДКА от 5 октября 1933 года.



За селом Тагай разведка сообщила, что следующее село Юшанское занято крупным отрядом белых... Противник готовится к сопротивлению.

Интернационалисты наступали с большой выдержкой, показывая себя великолепными бойцами. Цепи шли молча, без выстрела. Это оказывало сильное моральное впечатление на противника и по его беспорядочной стрельбе чувствовалось, что он нервничает. Лишь с расстояния 300—400 шагов от противника интернационалисты открыли стрельбу, а затем пошли в атаку.

Белые, видя, что на них двигается хорошо подготовленная в боевом отношении часть, пришли в замешательство и не приняли атаки. Юшанское было взято. Белые отступили на село Тетюшское.

Симбирская белогвардейская газета «Возрождение», сообщая о начавшемся наступлении «красных», писала, что под видом большевиков надвигаются германские и австрийские войска.

Этой тупоумной выходкой «Возрождение» подготовляло население к своему поражению. Дескать, если и приходится отступать доблестной «народной армии», то не под натиском Красной армии, а под ударами германской пехоты и германской артиллерии. Но трудящееся население мало верило в «германскую армию» на Волге.

В частях наступающей армии действительно находились бывшие солдаты германской и австрийской армий. Но это были классово-сознательные пролетарии, бойцы международной революции, идущие в бой под знаменем пролетарского интернационализма.

Они шли рука об руку с русскими поволжскими рабочими и крестьянами против наймитов международного империализма.

На следующий день, числа 10 сентября, интернационалисты, заняв совместно с Крестьянским полком командующую над местностью возвышенность, ворвались в село Тетюшское.

Противник отходил.

Зато правее, со стороны железнодорожной линии, доносились звуки упорного боя.

Опасаясь, не прорывает ли противник фронт красных своими бронепоездами, командование Интернационального полка принимает решение идти на помощь полкам, дерущимся у железнодорожной линии.

Оставив небольшой заслон у села Тетюшское, интернационалисты направляются на станцию Охотничья. И они приходят во-время. Некоторые части красных полков, не выдержав напора белых, начали подаваться назад.

Интернационалисты делают смелый маневр.

Подойдя с фланга, они обходят противника с северо-востока, прорывают железнодорожную линию и отрезают его от Симбирска.

Противник начинает отходить. Но он уже в мешке. Интернационалисты стеной штыков и огня преграждают белым путь



отступления. Еще несколько маневров и белогвардейские части окружены кольцом.

Большинство белогвардейцев-солдат оказалось мобилизованными крестьянами Симбирского уезда; бросая оружие, они охотно сдавались в плен. Тут же на месте разоруженные белые были рассортированы: офицеры и добровольцы были направлены в тыл, а мобилизованные просто отпущены.

«Рабоче-крестьянская Красная армия, — говорили мобилизованным, — воюет не с рабочими и крестьянами, а с капиталистами и офицерами. Идите в свои села и расскажите об этом, а потом поступайте в Красную армию».

От начдива поступил приказ Интернациональному полку развивать дальше наступление на Симбирск, но Симбирска не штурмовать. Однако, ворвавшись в город вслед за 1-м Симбирским и другими полками, интернационалисты успели принять участие в уличных схватках, в частности возле б. кадетского корпуса. Белые в беспорядке бежали. Родина Ильича была освобождена.

Интернациональный полк и батальон интернационалистов полка В. Пенъевского некоторое время несли охрану города.

Но этот отдых быстро кончился и опять начались дни героической борьбы за берега Волги.

Через несколько дней после взятия Симбирска белые повели упорное контрнаступление... Полки Железной дивизии через железнодорожный мост отходили на горный берег Волги. Белые, сосредоточив свой артиллерийский и пулеметный огонь по железнодорожному мосту, явно стремились внести панику в ряды отступающих, чтобы на их плечах прорваться на правый берег...

Труднейшая и ответственнейшая задача — прикрыть отступление — была поручена славной пятой роте Интернационального полка.

Белогвардейцы уже ликовали. В оперативных донесениях они сообщали, что «красные в панике отступают через железнодорожный мост». Белогвардейцы обнаглели. Они густыми рядами бросились через мост, не замечая пулеметчиков-интернационалистов, приготовившихся в конце моста.

Неописуемая паника охватила белогвардейцев, когда на них полился свинцовый дождь пулеметов.

Получив неожиданный отпор, белогвардейцы покатались от моста.

Белогвардейская артиллерия сосредоточила губительный огонь по мосту. Артиллерия красных в первые дни не была еще установлена и ее стрельба была слабой.

Белогвардейцы несколько раз повторяли попытки форсировать мост, но все они были биты интернационалистами.

Был лишь один момент, когда ряды стойких защитников моста, казалось, дрогнули. Это было тогда, когда под метким огнем белых бронепоезд, поддерживавший интернационалистов, должен был отойти.



Но в этот момент у моста появился командир Интернационального полка Варга.

Собрав поредевшие ряды бойцов, он впереди их бросился навстречу вступившим на мост белогвардейцам и чехо-словакам.

Бой велся в исключительно неблагоприятной для нас обстановке. Белые сосредоточили по мосту огонь всей своей артиллерии и пулеметов. Снаряды рвались между чугунными скрепами железнодорожных ферм. Мост глухо стонал от ударов. Интернационалисты несли большие потери убитыми, ранеными и особенно контуженными.

Пришлось отойти. Но белым форсировать мост все же не удалось.

Отступившие полки были приведены в порядок и заняли позиции по горному берегу Волги.

Интернациональный батальон, прибывший из Алатыря и расположенный севернее железнодорожного моста, у пристаней, участвовал в отражении попыток белогвардейцев переправиться через Волгу на лодках.

Героическая оборона железнодорожного моста обусловила последующий разгром белых под Симбирском.

\*\*\*

Замолк орудийный грохот. Успокоилась Волга. Враг откатывался далеко в заволжские степи.

В последних числах сентября 1918 года трудящиеся Симбирска с траурными черно-красными знаменами хоронили героев интернационалистов.

На Новом Венце, высоко над Волгой, перед железнодорожным мостом, в братских могилах положили они тела бойцов, павших за дело пролетарского интернационализма.







**БОРИСОВ**

**ТОВАРИЩИ  
В. ПЕНЬЕВСКИЙ  
и П. ГЛАДЫШЕВ**

---

**Н**а сообщение о контрреволюционном выступлении чехословаков в Пензе симбирский губисполком ответил посылкой туда красногвардейского отряда и созданием чрезвычайного военно-революционного штаба.

«Всех трудящихся прошу спокойно отнестись к надвигающимся событиям, не поддаваться панике, помня, что рабочие и крестьяне не отдадут ни за что завоеваний революции», — писали гг. Пеньевский и Гладышев в «Приказе № 1» чрезвычайного военного штаба.

Пеньевский и Гладышев возглавили военно-оперативную часть чрезвычайного штаба.

Виктор Пеньевский — рабочий, большевик, талантливый военный организатор-самородок. Он приехал в Симбирск ранней весной 1918 года, демобилизовавшись из армии. В Симбирске еще только укреплялась советская власть. Пень-



евский сразу понял, что местному совдепу нехватает крепкой вооруженной силы, и предложил свои услуги партийному комитету. За короткий срок он создает образцовую пулеметную команду, доведя ее до блестящего состояния.

Петр Гладышев — студент петроградского юридического факультета — приехал в Симбирск в 1917 году.

Революция оторвала его от государственных экзаменов, к которым он готовился.

Гладышев работает среди рабочих суконных фабрик и летом 1917 года организует их в профессиональный союз текстильщиков Поволжского района.

В профсоюзе Гладышев работает рука об руку с большевиками: Шелико Данелиа, Крымовым, рабочим Паниным.

Гладышев был энтузиастом в создании рабочих красногвардейских отрядов. В связи с выступлением Дутова он вместе с группой большевиков объезжает текстильные фабрики, зовя рабочих в добровольческие отряды Красной социалистической армии.

Заняв пост губвоенкома, он организует военное обучение этих отрядов и вместе с ними сам проходит его.

К моменту чехословацкого мятежа отряд красногвардейцев-текстильщиков вырос до 400 человек. Половина его ушла под Пензу.

И первая задача, которую Пеньевский и Гладышев должны были решать, — это новый призыв рабочих-добровольцев.

1 июня тт. Пеньевский и Гладышев весь день не отходили от телефонного аппарата, говоря с текстильными фабриками, будя, зовя ткачей на защиту советской власти... Фабрики отвечали дружно: «Создаем отряд», «высылаем»...

Чехо-словаки угрожали уже Самаре.

В ночь на 2 июня в губисполкоме и чрезвычайном штабе в ответ на телеграмму В. В. Куйбышева было решено все симбирские рабочие отряды отправить на помощь Самаре. Губисполком решил, что с отрядом пойдет В. Пеньевский. Но Гладышев настоял на отправке и его.

Вернувшись домой поздно ночью, он сообщил Гладышевой: «Весь отряд, который я создал, идет завтра на фронт. Губисполком меня не пускает. Но я решил твердо: я создавал отряд и я должен идти с ним».

Утром Петя Гладышев ушел на сборный пункт в наглухо застегнутой серой шинели, подтянутой ремнем. Шел впереди отряда текстильщиков.

Проходили по Гончаровской улице мимо правления текстильщиков к пристаням.

Красногвардейцы! Юные рабочие лица!.. Многие еще не привыкли к винтовке и неумело несут оружие.

Под рокот паровозных гудков уходили суда с красногвардейцами вниз по Волге.



...Прошло несколько томительных дней... 7 июня с перебоями заработал телеграф из Самары. «В боях под Самарой убиты мятежниками начальник симбирского революционного штаба В. Пеньевский и комиссар симбирского отряда П. Гладышев», — говорил один из обрывков телеграфной ленты.

На другой день пала Самара. 8 июня на общем собрании коммунистов М. Гимов сообщил скорбную весть:

«Товарищи! Мы понесли тяжелую потерю. Погибли в бою смертью храбрых наши симбирские неуклонные бойцы за социалистическую революцию — военный комиссар Гладышев и начальник военного революционного штаба Пеньевский».

«Победа жертв искупительных требует. Жертвы мы эти дадим и будем давать. Мы пощады у врага просить не собираемся, но и ему не дадим», — говорили ораторы<sup>1</sup>.

Но через несколько дней в Симбирск стали прибывать одиночки-бойцы симбирского отряда, сумевшие избежать смерти и плена в бою под Самарой. Они настойчиво твердили, что Гладышев и Пеньевский живы. Наконец, из Самары, через фронт пробралась коммунистка Д. Воронина, которая подтвердила, что Пеньевский и Гладышев живы, находятся в плену. Она просила помощи и инструкций для устройства им побега. Воронина привезла А. Гладышевой коротенькую записочку на клочке бумаги: «Я буду жив»... Эти слова были написаны рукой Гладышева. Сомнений не было.

...Отряд Пеньевского и Гладышева выступил из Самары на позиции у станции Липяги (16 верст от города) в ночь с 3 на 4 июня. Симбирский отряд занял правый фланг линии огня в лугах около леса. Слева от них стояли мусульманская рота, самарские сводные отряды — всего около 2000 человек. На позицию пришли в темноте — в местности ориентироваться не успели, карт не было. Настроение необстреленных бойцов было очень неровное. Прекрасно обученный и вооруженный противник наступал численностью в несколько тысяч штыков. Советские войска были расположены неудачно — впереди разлившейся речки Татьянки. С утра 4 июня чехо-словаки подавляющими силами охватили красные отряды, поражая красногвардейцев с трех сторон.

Красногвардейцы, неся большие потери, стали отступать в беспорядке к речке Татьянке.

Пеньевский был ранен в самом начале боя. Гладышев пытался остановить бегущих. Ему удалось собрать кучку бойцов, которая отстреливалась некоторое время. Но чехо-словаки с луговой стороны обошли правый фланг. Часть бойцов стала бросаться в речку, другая часть выбросила белый флаг...

Пленные красногвардейцы столпились вокруг своих командиров:

---

<sup>1</sup> Дело симбирского горкома № 1, стр. 323.



«Товарищ Гладышев, снимайте тужурку! Бросайте документы! Зовитесь рядовым красноармейцем Ивановым... Мы скажем, что наши командиры убиты»...

Красная сестра милосердия Воронина перевязывает раненого Пеньевского и обматывает марлей голову Гладышева, чтобы интеллигентное лицо не выдало его.

Пленных пропускали сквозь строй чехо-словаков. Чехословацкие офицеры были хорошо осведомлены, какой-то предатель помог им. Они сразу стали вызывать:

— Комиссар Гладышев?

— Убит,—отвечали красногвардейцы.

— Командир Пеньевский?

— Неизвестно где...

Перевязанные Гладышев и Пеньевский, около которых хлопчут красногвардейцы и сестра, вызывают подозрение офицера. Он подходит.

— Кто такие?

И лишь находчивые ответы Ворониной спасают положение.

Офицер, поверив, что это действительно «мобилизованные», отходит.

Пленных ведут в село... Здесь кулачество избивает их. С пленных стаскивается обмундирование, сапоги. 9 июня пленных повели в Самару. Тюрьмы уже были переполнены. Симбирских красногвардейцев поместили в арестный дом вместе с преступниками, уголовниками. Этим учредилловцы хотели подчеркнуть свою классовую ненависть к бойцам за советскую власть. К горечи поражения и плена они хотели прибавить еще и унижение. Усталые, измученные красногвардейцы должны были в первые дни с дракой отстаивать от уголовников скудную пищу, которую бросали им тюремщики-«демократы».

В эти дни Пеньевский и Гладышев расстаются. Раненый Пеньевский попадает в тюремный лазарет. С Гладышевым остаются его товарищи по работе среди симбирских текстильщиков — тт. Базжин, Иванов Николай и группа красногвардейцев.

«Мы любили Гладышева за злость,— лютый он был к буржуазии и учредилке»,— рассказывали после бойцы, сидевшие с ним в камере.

Гладышев был избран старостой, читал лекции своим товарищам. Тюремщики догадывались, что это не рядовой красноармеец. Но красногвардейцы хранили его тайну и называли его неизменно «товарищ Иванов».

«Передача», о которой записал Гладышев в дневнике, была от Д. Ворониной, назвавшейся женой Гладышева. Как сестра милосердия, она осталась на свободе и продолжала работу в лазарете.

Активная девушка, — сперва одна решила во что бы то ни стало помочь пленникам Пеньевскому, Гладышеву и другим. Рискуя жизнью, она побывала в Симбирске и, снова перейдя фронт, вернулась в Самару.



Побег В. Пенъевского прошел удачно.

Контрразведка, получив откуда-то сведения, что среди пленных скрываются «красные генералы», установила неустанную слежку за Пенъевским.

Однажды его вызвали в контрразведку. Следователь хотел было поймать Пенъевского вопросом:

— Знаете ли вы Пенъевского?

— Как не знать, — ни на минуту не смутившись, отвечал Пенъевский. — Он у нас главным командиром был, раза два видел его... Убили его!..

— А вы кто такой?

— Кто я? Я рядовой красноармеец!

— У нас имеются сведения, что вы и есть Пенъевский — командир симбирского красногвардейского отряда?

— Ну... мне до такого командира далеко, — усмехнулся простовато Пенъевский.

Следователь поверил, что произошла ошибка, тем более, что вид у Пенъевского был очень простецкий. Его прекратили допрашивать.

Надзор ослаб... Пенъевский решил действовать.

Прежде всего он «тяжело заболел» и отказался выписаться из лазарета.

Воронина приступила к организации побега. В госпитале оказался сочувствующий большевикам делопроизводитель. Воронина и делопроизводитель несколько раз устраивали «продление» болезни Пенъевского и наконец помогли ему уйти из лазарета.

Пенъевский, снабженный хорошим паспортом, устроился батраком у кулака в одном из сел под Самарой, на берегу Волги. Присмотревшись к проходящим по Волге судам с мешочниками, которые пропускались враждующими сторонами через фронт, Пенъевский решил этим путем пробраться на советскую сторону.

Через неделю после падения Симбирска к расположению красных войск возле устья Камы подошел караван барж с беженцами из Самары.

При обходе барж красными патрулями к т. Певзнеру, командиру заставы, подошел грязный, оборванный человек, назвавшийся Виктором Пенъевским.

Трудно было узнать в этом исхудалом, обросшем волосами человеке всегда ловко, складно одетого, дисциплинированного Пенъевского.

Но через несколько минут все сомнения были рассеяны.

Пенъевский бежал из белогвардейского плена.

С радостными возгласами заключил Пенъевского в объятия Иосиф Варейкис, прибывший в это время в Богородск в штаб Трофимовского.

Кратко рассказав о себе, больше о Гладышеве, Пенъевский спешил узнать о положении на фронтах, о том, что предприни-



мает губисполком для освобождения Симбирска от белых... Он рвется к борьбе.

Борец непреклонной воли, Пенъевский, перейдя фронт, немедленно направляется в Алатырь и возглавляет здесь деятельность симбирского губисполкома по строительству Красной армии. Он создает алатырскую группу войск и руководит ее операциями.<sup>1</sup>

...Пенъевский, прибыв в августе 1918 года в Алатырь, доложил партийному комитету о том, что в Самаре имеются люди, организовавшие ему побег, и что необходимо помочь им в освобождении Гладышева.

Завязывается упорная борьба большевиков с учредилковскими тюремщиками и контрразведкой за жизнь Гладышева.

Партийный комитет посылает в Самару одного из своих членов с документами на имя Пеплова. Пеплов успешно переходит фронт от Саратова, пробирается в белогвардейскую Самару и доставляет паспорта и деньги Ворониной.

В это же время из Симбирска в Самару выезжает А. Гладышева, не успевшая эвакуироваться при взятии города белогвардейцами.

Одолжив паспорт у некой Лилейко, воспользовавшись также ее знакомствами с офицерами для получения пропуска и билета, Гладышева выезжает на пароходе в Самару. Она также является к Ворониной. Воронина на подозрении. Поэтому Пеплов покидает Самару, передав дальнейшую работу Ворониной.

Лилейко (А. Гладышева), назвавшись сестрой П. Гладышева, однажды была допущена на свидание с Гладышевым. Кроме этого она дважды виделась с ним через окно. Эти свидания устраивал ему в свои дежурства один «народный милиционер», сочувствовавший красным.

П. Гладышев страшно исхудал в тюрьме, был без верхней рубашки, оброс бородой. На свидании он сообщил, что уже сделал одну попытку к бегству, но неудачно. Несмотря на это, он был очень бодр.

«Наши победят», — говорил он. Его очень интересовали революционные события в Австрии.

В окошечко он выглядывал радующийся, улыбающийся, как будто он был не в тюрьме. Он много шутил относительно своей войны с насекомыми.

«Тюрьма что! Это временно! И здесь можно жить, если знать ради чего! Передай мне карандаши, краски, бумагу и я буду рисовать».

<sup>1</sup> Позднее, уже в дни наступления Колчака в 1919 году, Пенъевский — любимец всей симбирской партийной организации — работает над созданием симбирской рабочей бригады. А затем в качестве командира одного из полков вместе со всей бригадой он участвует в жестокой и славной борьбе с контрреволюционным казачеством, участвует в освобождении Уральска и Оренбурга.

В декабре 1919 года Пенъевский, приехав в отпуск в Симбирск, заболел тифом и в начале января 1920 года умер.



После первого свидания А. Гладышева получила через Воронину письмо:

«Как хотелось бы мне видеть тебя не через решотку проклятой тюрьмы... Прости меня, что я причинил тебе так много страданий, но я чувствую, что я неисправим. Тюрьма, насилия, оскорбления, близость смерти, чувство обреченного на казнь сделали свое дело. Душа окрепла, убеждения также. И жажда жить и стремиться к своим идеям наполнили всю мою сдавленную и стесненную сейчас душу...

Теперь я спокоен. В душе бодрость, решимость. Должно быть так, как я хочу... Предчувствие меня не обманет.

...В тюрьме меня полюбили и относятся с уважением и любовью.

Теперь я уверен твердо и прочно, что только мы правы, и только мы...

Нужны силы реальные и только моральная поддержка тех классов, ради которых борешься, а для врагов смерть. Так с нами, так и мы. Наша ошибка, что мы были великодушны. Теперь не то. Я непримирим. Мы не будем живы, — другие вырастут и за каждого погибшего проснутся десятки окрыленных той же идеей. Так было. Так и будет.

За меня не беспокойся. Телом я вынослив, а душа закалилась! Я бодр и бодрость не уснет. Все перенесу!..»

В тюрьме, преодолевая минуты уныния, рос, мужал стойкий революционер Гладышев.

...Д. Воронина и А. Гладышева готовили второй побег. Сочувствующий «народный милиционер» был окончательно распространен и взялся помочь этому. Решено было, что Гладышев, имевший женственное лицо, переоденется в женское платье и милиционер ночью выведет его из тюрьмы под видом своей жены.

А. Гладышева должна была ожидать Гладышева на углу улицы, параллельной улице арестного дома, и передать ему приготовленный паспорт.

Но и этот побег сорвался...

После ужина, когда все арестанты были пересчитаны и разведены, Гладышеву удастся остаться в столовке и спрятаться. К часу ночи, как было условлено, он пришел к милиционеру и уже успел надеть женское платье. Но появившаяся жена милиционера помешала побегу. С этим совпала какая-то тревога снаружи, раздались выстрелы. Тюрьма ожила. Появились стражники.

«Сорвалось — спасся чудом», — передал на другой день Гладышев записку Ворониной.

Слежка за Ворониной усилилась. А. Гладышева должна была также уехать из Самары. Было решено, что Воронина готовит третий побег и в случае удачи Гладышев должен бежать в Оренбург, где ему было приготовлено пристанище у подруги Гладышевой.



Красные войска, взяв Симбирск, уже наступали на Самару. Однажды Воронина пришла в тюрьму и нашла ее совершенно пустой.

Первая мысль — «расстреляли», так как контрразведка, предчувствуя свое поражение, беспощадно расправлялась в эти дни с пленными и арестованными.

Оказалось, что в ночь белогвардейцы вывезли всех пленных в Тоцкий лагерь. Это было за неделю до взятия Самары Красной армией.

Воронина немедленно выехала в Тоцк, забрав с собой денег и хлеба, так как знала, что пленные страшно голодают.

В Тоцке ей удалось еще и в последний раз на мгновение увидеть Петю Гладышева. Она увидела его, когда пленных вели на станцию и сажали в товарные вагоны.

Наступал октябрь, моросил осенний дождь. Пленные были оборваны, босы и без шинелей.

Быстро приблизившись, она почти у самого вагона передала Гладышеву коровый хлеб.

«Эх, не вышло!» — махнул он ей рукой.

Тотчас подскочил офицер и нагайкой отогнал Воронину.

Гладышев поднялся в вагон. С визгом задвинулась дверь. Вагон тут же заперли и запломбировали. Через час поезд двинулся.

Это был очередной «Поезд смерти».

Не удалось вырвать Гладышева из рук белогвардейцев.

Коренная причина этого в том, что представитель симбирского комитета Пеплов и другие товарищи, боровшиеся за освобождение Гладышева, не установили связи с самарским большевистским подпольем, действовали самостоятельно и изолированно от местной организации, что увеличивало трудности побега.

Красногвардейцы-текстильщики, сплоченные Гладышевым, стойко переносили все мучения и издевательства белогвардейских палачей. Все дальше и дальше от Волги увозил их «Поезд смерти»...

Прошел год белогвардейского плена. От тифа умер т. Базжин. Отдельным товарищам удавалось бежать. Не раз в течение 1919 года в симбирский комитет большевиков приходили красногвардейцы, вырвавшиеся из белогвардейских застенков. Они приносили крупицы сведений о Гладышеве.

Они рассказывали, что он продолжает мужественно бороться и надеяться еще повоевать в рядах Красной армии.

С трогательной бережливостью эти товарищи проносили через фронт стихотворения, записки, рисунки Гладышева, обрекая себя на верную смерть в случае неудачи.

Осенью 1919 года, как сообщил Степан Шалякин — рабочий Екатеринбургской фабрики, — группу пленных красноармейцев, в которой находился Гладышев, из Омска направляли в Томск. По Оби их повезли на барже.



Кругом уже кипела партизанская война. Сибирь восставала против Колчака.

Гладышев вновь готовил побег, надеясь выйти к красным партизанам. И революционное счастье, казалось, повернулось, наконец, к Гладышеву. Бежало 60 человек пленных красноармейцев. Это целый отряд.

Но измучены люди. Они безоружны и еле двигаются... Белогвардейская погоня близка.

Разъяренные белогвардейцы без пощады расстреливают пленных. Для Гладышева — для «комиссара», — зачинщика побега, они придумывают особую казнь. Запутав ему руки и ноги, они завязывают его в мешок и бросают в воду...

Симбирск узнал об этом в 1920 году, когда с Колчаком уже было покончено.

Вновь прибывали из далекой Сибири бывшие красногвардейцы-симбиряки и рассказывали про революционную стойкость и мученическую смерть симбирского губвоенкома Петра Харитоновича Гладышева.







## **АВАНТЮРА МУРАВЬЕВА**





**И. ВАРЕЙКИС**

## **УБИЙСТВО МУРАВЬЕВА**

---

**О** б убийстве Муравьева ходит много разных сказок и небылиц, которые, попав в печать и отчасти даже в правительственные сообщения, совершенно исказили действительную картину убийства.

Первоначально было сообщено, что «Муравьев покончил самоубийством». Слишком много «романтики» для него. Совершенно неосновательный повод окружить его имя некоторым ореолом благородства.

На мою долю в ту ночь (при другом исходе, быть может, последнюю для многих из нас) выпала благодарная задача руководить арестом Муравьева и агитацией в частях, увлеченных им. Поэтому я постараюсь коротко осветить историю авантюры Муравьева в истинном свете.

10 июля, к 7 часам вечера, на пароходе «Межень» приехали в Симбирск Муравьев со своей «свитой» и около 1000 красноар-



мейцев. Нам в совете никому не было известно, с какими целями приехал Муравьев. Никаких предупреждений из Казани (откуда он выехал) мы не получали.

Муравьев потребовал, чтобы к нему на пароход немедленно приехали президиум совета, начальник связи С. Измайлов и председатель чрезвычайной следственной комиссии т. Левин. Ничего не подозревая, я и председатель совдепа пошли в штаб «симбирской группы войск», чтобы оттуда вместе с остальными лицами, которых вызывал Муравьев, выехать на пароход.

В штабе пришлось несколько задержаться, пока нам подавали автомобиль. В это время на Гончаровской улице произошел взрыв бомбы. Мы бросились туда. Оказывается, шли три пьяных, еле державшихся на ногах матроса, один из них около памятника бросил бомбу. Мы пытались их задержать. Но они сели на извозчика и уехали.

В это время прибегает молодой коммунист, работавший агентом в чрезвычайной следственной комиссии, и сообщает, что какие-то вооруженные люди в матросских формах заняли почту и расставляют на Гончаровской улице пулеметы.

Вокруг нас собралось человек десять вооруженных латышских стрелков, настаивавших, чтобы совет немедленно потребовал убрать пулеметы с Гончаровской улицы. Мы им заявили, что это сейчас же выяснится.

В это время на углу показался отряд, возглавляемый человеком в красной черкеске и папахе. Отряд был человек в триста пятьдесят. Сзади везли по мостовой несколько пулеметов «максим». Человек в красном оказался адъютантом Муравьева — Чудошвили (фамилию я узнал впоследствии). Он подошел к нам и заявил:

— Кто здесь большевики и кто эсеры? Отходите в разные стороны!

Кто-то ответил, что здесь не большевики и не эсеры, а просто частная публика.

Тогда он спросил, где председатель совета. Я заявил, что он может говорить со мной.

— Так я объявляю вам, что вы временно арестованы. Как приедет главнокомандующий, тогда мы выясним.

Я потребовал ордер на мой арест.

— Дело, видите ли, в том, — ответил он, — что главнокомандующий Муравьев объявил войну Германии, а с чехами мы заключили мир, так как они наши братья (!) и тоже хотят воевать с Германией. Гражданскую войну больше вести бессмысленно. А впрочем мы разберем, вы войдите пока в здание, — закончил он свою галиматью.

В это время к совету пыхтя подъехал броневик, за ним другой и третий. Я быстро скрылся в здании совета.

В нижнем этаже помещалось несколько латышских рот и я направился прямо к ним. Латыши меня окружили и, горячась, стали спрашивать, что случилось. Я объяснил им, что Муравьев



изменил и перешел на сторону белогвардейцев, но предупредил, чтобы никаких активных шагов они не принимали, не выдавали себя.

От латышей я направился в комнату президиума, но там никого не было. Подошел к телефону; центральная ответила, что сделано распоряжение, чтобы никого не соединяли.

Мне еще яснее стало, что затевает Муравьев. Я опять пошел вниз, в латышскую часть. Там шли горячие споры между латышами и адъютантом Муравьева. Ко мне подбежал красногвардеец московского отряда т. Медведь, который впоследствии оказал колоссальную услугу нашей фракции при аресте Муравьева, и, волнуясь, начал спрашивать, почему Муравьев арестовывает большевиков и правда ли это. Я ответил, что это правда. Он, размахивая кулаками, стал требовать объяснений у Чудошвили.

— Как? Кто арестует? Кто говорит? — якобы удивился тот. Ему указали на меня.

— Я вас арестую. Вы лжете и агитируете, вам нельзя быть в части!

Я заявил, что у меня, конечно, больше, чем у него, прав находится в части. Латыши меня окружили. Он, не ожидая такой картины, постарался поскорее выйти.

Ко мне подошел т. Медведь и просил разрешения убить Муравьева бомбой в автомобиле. Я посоветовал ни в коем случае не делать этого, ибо такое убийство может быть истолковано совершенно превратно, и муравьевские вооруженные силы, в частности броневики, окружающие совет, сметут всех нас с лица земли. «Самая выгодная позиция для нас пока — это внешний нейтралитет, но все должны немедленно направиться в части для агитации», — заявил я. Предвидя возможность моего ареста, я попросил вынести в этом случае резолюцию протеста с тем расчетом, что этой резолюцией можно будет повлиять на отряды, идущие за Муравьевым.

Принимая во внимание, что фракция наша может оказаться вся арестованной, я послал одного товарища из московского отряда передать председателю совдепа т. Гимову, чтобы он скрылся и принял какие-либо активные шаги с внешней стороны.

Часа полтора (между 9—10 и 11-ю) чего-либо активного предпринять не пришлось, лишь всех красноармейцев коммунистического отряда разослали по частям для агитации.

В 12 часов ночи пришло несколько членов исполкома и было решено созвать заседание исполкома. Немедленно были разосланы нарочные к отсутствующим членам, чтобы они собрались как можно скорее на заседание.

Вскоре явились тт. Швер, Иванов и другие члены исполкома нашей фракции. Фракция левых эсеров собралась целиком и отправилась в Троицкую гостиницу на совещание с Муравьевым, который выдавал себя за левого эсера.



Встретив Швера, редактора «Известий губисполкома», я пошел к нему в редакцию, чтобы обсудить, как нам расценивать происшедшее, что предпринять. Ясно было, что мы стоим перед фактом измены.

Я попросил пригласить двух наборщиков-коммунистов. Тов. Швер быстро их нашел. Мы им поручили приготовить шрифт и бумаги для воззвания, а я сел писать воззвание. Вскоре пришли Шеленшкевич, который сначала был арестован Муравьевым на пристани, а затем т. Иванов, и мы открыли в редакции совещание. Встал вопрос, как держаться нашей фракции.

В дверь комнаты редакции постучал Медведь и заявил, что пришла делегация от курского бронированного отряда и хочет с нами поговорить. Я их попросил войти. Делегация состояла из политического комиссара т. Иванова и одного шофера (фамилию не помню). Они выразили подозрение, что Муравьев затевает неладное против совета.

Мы объяснили, что Муравьев перешел на сторону чехо-словаков. «В таком случае, — заявила делегация, — ни один броневик не выпустит ни снаряда по совету» (а броневиков было 6).

Я от имени партии поблагодарил делегатов и вместе с тем попросил, чтобы они вошли в соглашение с другими отрядами и пулеметной ротой, которая охраняла совет, Гончаровскую улицу и ряд учреждений, захваченных Муравьевым (почту, банки и пр.).

Долго ждать не пришлось. Не успел я дописать воззвание, уличая в контрреволюционности Муравьева, как явилась делегация от пулеметной команды, которая тоже перешла на нашу сторону.

Мы повеселели; перед нами уже были силы, которые постоят за себя.

Посоветовавшись, мы решили немедленно же, как только придет Муравьев на заседание исполкома, арестовать его.

А фракция левых эсеров в это время тоже совещалась. Нам доносили, что она присоединяется к предложению образовать Поволжскую республику во главе с Муравьевым.

Приступили к организации ареста. Члены фракционного совещания предложили мне руководить этой операцией. Прежде всего встал вопрос, как организовать надежную вооруженную силу, хотя бы несколько десятков человек, которые могли бы, в случае необходимости, пожертвовать собою. Я предложил привлечь пятьдесят товарищей латышей из отряда, размещенного в этом же здании, но вместе с тем заявил, что необходимы люди и из других отрядов, чтобы даже в случае неудачи не одни латыши, но и другие части оказались вовлеченными в борьбу. Решили выделить по десять человек из бронированного отряда и из московского, хотя последний оказался настолько революционным, что не было ни одного красноармейца, который не принял бы участия или в агитации или в охране совета. Всего набралось приблизительно 120 человек, их разместили в засаде в двух ком-



натах, смежных с комнатой, где должен был заседать исполком Потушили электричество. Я приказал коменданту т. Спирина открыть кладовую и передать московскому отряду пулеметы. Их расставили в комнатах, где находилась засада, и в зале, через который входили в комнату заседания исполкома. Решили, если Муравьев явится на заседание хотя бы и с полсотней человек, все равно открыть пулеметную стрельбу, но не дать возможности выйти из комнаты живым Муравьеву и его банде.

Иванов, левый эсер, повидимому, узнал про засаду и предложил перейти в другую комнату. Но я, чтобы избежать этого, просто объявил собрание открытым... Мы остались в необходимой для нашей цели комнате.

Сделав некоторое вступление, я предоставил слово Муравьеву. Я не буду писать о том, что говорилось на этом заседании. Скажу только, что левые эсеры «закатили» такую декларацию, в сравнении с которой декларации правых эсеров во времена российского соглашательства были более ясны и более революционны. Наша фракция дала Муравьеву и фракции эсеров достойный отпор. Муравьев нервничал, кусая губы. В заключительной своей речи я в резкой форме заявил, что «мы не за вас, а против вас».

Фракция левых эсеров, встретив такое сопротивление со стороны нашей фракции, потребовала перерыва. Повидимому, они догадывались, что наша фракция что-то замышляет.

Надо несколько слов сказать о том, что происходило во время заседания за дверью, в отряде, которому было поручено арестовать Муравьева.

Лишь только Муравьев вошел в комнату и закрылась дверь, как отряд немедленно вышел из засады и окружил выходы. Один из красногвардейцев наблюдал в стеклянную дверь, которая до половины была закрыта газетой, чтобы из комнаты заседания не видно было, что происходит в зале. На дверь были направлены пулеметы, полукругом расположилось 100 или 120 красногвардейцев.

Во время заседания за дверью произошел шум. Меня стали вызывать в отряд. Открывают дверь и машут рукой. Мне несколько раз приходилось покидать место председателя и успокаивать красногвардейцев. Муравьев начал смутно догадываться, что что-то готовится. В один из таких наиболее шумных моментов вышел левый эсер Иванов, командующий симбирской группой войск; с его появлением шум еще более увеличился. Он вернулся бледный и попросил, чтобы я вышел и успокоил красногвардейцев. Оказалось, что был разоружен адъютант Муравьева. Он подошел ко мне и попросил вернуть ему оружие. Я ответил: «мы сейчас, товарищ, разберем, вы пока посидите», а ответственным товарищам из отряда заявил, чтобы они зорко смотрели за ним.

Был и еще ряд подобных моментов, которые усиливали тревогу левых эсеров и Муравьева с его тремя телохранителями.



Муравьев к концу страшно побледнел, на его лице уже не было ни улыбки «Наполеона», ни удали «Гарибальди», с которыми он себя сравнивал в тот вечер перед красноармейцами.

Я объявил перерыв. Муравьев встал. Молчание.

Все взоры направлены на Муравьева. Я смотрю на него в упор. Он тоже. Видно, он прочел в моих глазах что-то неладное. Сказав: «Я пойду, успокою отряд», он повернулся и направился со свитой солдатским шагом к двери.

Для слабых момент психологически невыносимый.

В это время за дверью все приготовились для ареста. Медведь ждал условного знака, который я должен был ему подать в нужный момент.

Муравьев идет к выходной двери. Ему осталось сделать шаг, чтобы взяться за ручку. Я махнул рукой. Медведь скрылся... Дверь перед Муравьевым распахнулась, блещут штыки...

— Вы арестованы!

— Как, провокация? — крикнул Муравьев и схватился за маузер, который висел у него за поясом. Медведь схватил его за руку. Муравьев выхватил из кармана браунинг и хотел стрелять.

Увидев вооруженное сопротивление, отряд начал стрелять. После шести-семи выстрелов с той и другой стороны Муравьев свалился убитым, из головы потекла кровь. Все это произошло в мгновение. Изменник, пытавшийся затянуть петлю на шее русской революции, на шее советской власти, лежал в дверях исполкома, в ногах советской власти трупом.

Так кончилась предательская авантюра неудачливого «Бонапарта», которая могла бы привести к беспрепятственному занятию чехо-словаками всего Поволжья, а может быть и к удушению революции.

Двухчасовое господство Муравьева в Симбирске значительно отразилось на фронте.

Если армия оказалась непоколебимой, то среди командного состава оказались и явные предатели и люди, обманутые Муравьевым и продолжавшие неудавшееся ему дело.

Всех, кто был в зале, охватило оцепенение, когда оказалось, что Муравьев убит. Многие не ожидали того, что произошло, хотя нам было ясно, что Муравьев живым не сдастся, да и вообще ограничиться его арестом — значило бы дать возможность сообщникам Муравьева вести агитацию, поднять несознательные части.

Вбегаю в гимнастический зал и призываю всех к революционному порядку. «Как бы ни были неожиданны и, быть может, для многих тяжелы моменты, мы обязаны владеть собой и довести до конца начатое нами!» — крикнул я на весь зал, и все встрепенулись и обернулись ко мне. «Сейчас, в виду серьезности момента, мы должны как можно быстрее действовать. Управление войсками в Симбирске в настоящий момент беру на себя я. Итак,



еще раз приказываю — к порядку! Часовые, по местам! — Все соглашаются. Быстро занимают все выходы в советском здании, лихорадочно расставляют пулеметы. Интернационалисту Райсу поручаю разоружить те части, которые за Муравьева; Предиту, начальнику 2-й латышской роты, — защищать здание совета в случае нападения.

Наша фракция в симбирском губисполкоме была незначительна — всего восемь — десять человек, но в эту ночь каждый из них оказался на высоте положения.

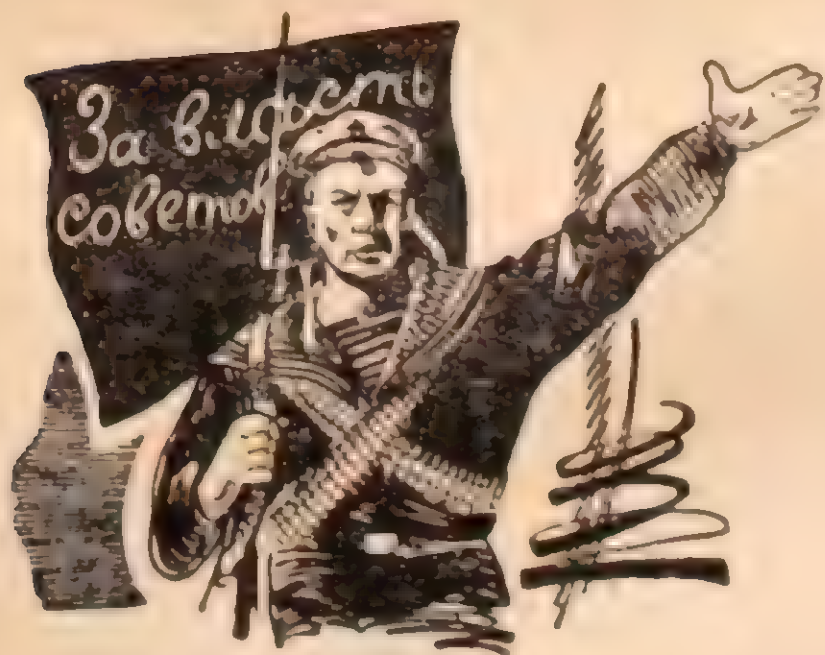
Очень скоро после убийства Муравьева появились одна за другой делегации из отрядов с вопросом: «Где Муравьев?» Я объяснял им, что произошло, и раздавал воззвания. Они сравнительно быстро присоединялись.

К матросам, которых Муравьев выпустил из симбирской тюрьмы и взял для своей личной охраны, я написал от президиума записку, в которой предложил немедленно сдать оружие и присоединиться к советской власти.

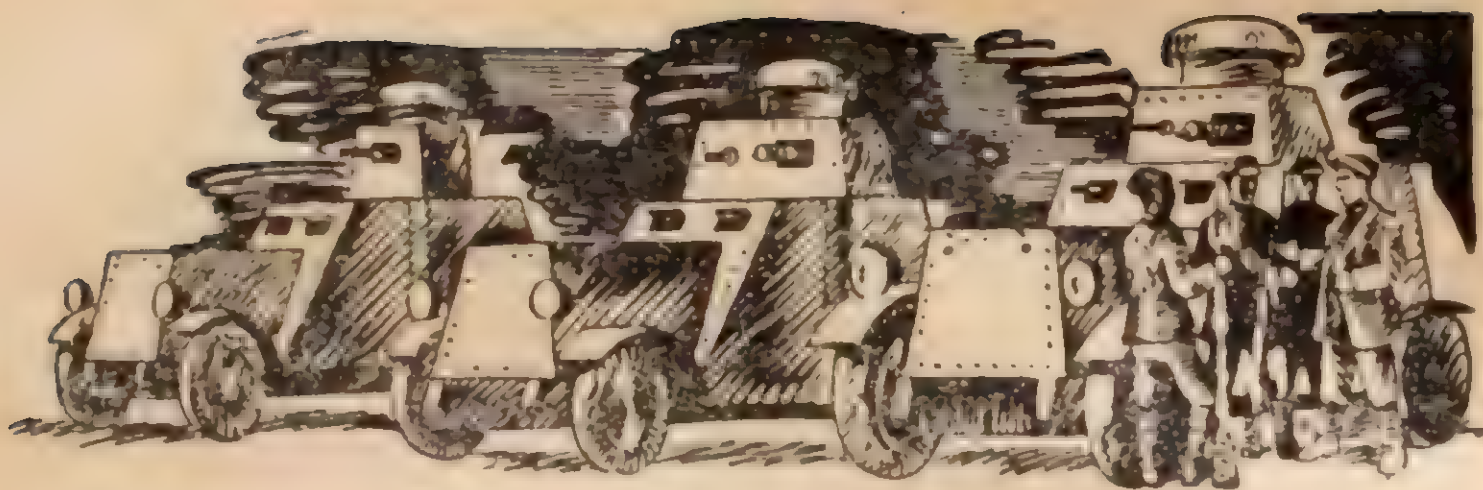
Матросы отдали оружие и прокричали три раза «ура» советской власти.

Через несколько часов освободили арестованного Муравьевым т. Тухачевского, которому я передал командование.

Закипела обычная революционная работа.







**Г. НАУЧУКОВСКИЙ**

## **СИМБИРСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ И АВАНТЮРА МУРАВЬЕВА**

---

**В** начале 1918 года я был секретарем симбирского комитета партии. Формально комитет был городским, он был избран на одном из городских партийных собраний. Фактически же он выполнял работу губернского комитета: руководил фракцией губисполкома, давал директивы уездным комитетам партии, держал связь с Центральным комитетом партии. Ни одна из уездных партийных организаций не оспаривала права нашего комитета руководить в масштабе губернии. К голосу комитета прислушивались, с ним держали связь, приезжали представители уездных комитетов за советами, указаниями, за литературой, за людьми, выполняли его директивы. Членами комитета в то время были Гимов, Измайловы С. и А., Иванов, Швер, Каучуковский и др. В 1918 году в состав комитета вошел приехавший в Симбирск И. М. Варейкис,

170



который с первых же дней стал фактическим руководителем всей партийной организации. Все члены комитета были по горло заняты руководящей работой в советском аппарате и только я, как секретарь, был освобожден от всякой другой работы.

Техническая работа в комитете была возложена на Чистова, который явился к нам одним из первых от учащейся молодежи. После, когда Чистов был послан комитетом партии на политическую работу в организовавшийся штаб симбирской группы войск, его заменил С. Евреинов, которому часто, — в виду все возрастающей работы, — помогали его младший брат и братья Афанасьевы.

В январе 1918 года, когда я был избран секретарем комитета, городская организация насчитывала не больше 40—50 человек. До этого времени вполне организованного большевистского комитета в Симбирске не было. Организация наша была небольшая, молодая, но идейно спаянная. Авторитет, которым пользовалась наша партия среди рабочих и крестьян, агитация и упорная организационная работа обеспечили приток в наши ряды рабочих, демобилизованных солдат старой армии, батрачества и крестьянской бедноты. В организацию вошла часть членов губисполкома, бывших до этого времени беспартийными, а симбирский губисполком состоял больше чем из 100 человек.

Кроме большевистской организации в Симбирске существовала левоэсеровская, имевшая много сторонников в губисполкоме и других советских учреждениях.

Несмотря на то, что мы были гораздо сильнее и организованнее их, часть наших товарищей в комитете допустила большую ошибку: недооценив рост и укрепление нашей большевистской организации, согласилась (это было до приезда т. Варейкиса) на передачу левым эсерам ряда важнейших ответственных советских постов, в том числе поста губернского военного комиссара и губернского продовольственного комиссара.

Наша партийная организация с каждым днем пополнялась товарищами, прибывавшими в Симбирск из других губерний, особенно с юга России и из Финляндии. Прибыли и остались на работе в Симбирске Олейник, Нейланд, Звирбуль, Соколинский и др.

С приливом новых работников, которым мы немедленно поручали различную партийную работу, стали расти и крепнуть наши организации.

К моменту выступления Муравьева (10 июля 1918 года) наша партийная организация значительно окрепла и выросла. Под непосредственным руководством партийного комитета был проведен VI губернский съезд советов, на котором впервые была организована большевистская фракция. Наше влияние в городе и на периферии росло с каждым днем. На железной дороге, на текстильных фабриках создавались и крепили наши партийные ячей-



ки. Мы уже имели к этому времени ряд партийных ячеек в деревне. В лице же И. М. Варейкиса мы получили авторитетного, теоретически подготовленного руководителя.



В последние дни перед приездом Муравьева в Симбирск я работал в партийном комитете почти круглыми сутками, готовя, по поручению Варейкиса, материалы на случай персхода партийной организации в подполье. Момент был чрезвычайно серьезный и тревожный. Положение на фронтах было очень тяжелое, не было уверенности в том, что удастся отстоять Симбирск от чехов и белогвардейцев. Хотя у нас было несколько отрядов, организованных из рабочих, главным образом текстильщиков, коммунистов, а также из бывших военнопленных-интернационалистов, но это не была такая военная сила, которая могла бы дать отпор стремительно наступавшим войскам учредилки.

В партийном комитете в те памятные дни и ночи было шумно. Со всех концов города и из ближайших уездов, которым угрожала непосредственная военная опасность (Сенгилеевский, Симбирский, Карсунский), приезжали и приходили товарищи за указаниями, за агитаторами, военными инструкторами, за литературой и т. д. Тут же в шкафах и на полу находилось оружие: бомбы, гранаты, винтовки, шашки. Здесь же всегда был ящик с хлебом, консервами, стояли большие чайники, и приходившие товарищи, не дожидаясь приглашения, подкрепляли свои силы и уходили на боевую работу. А работы было много. Все члены нашей партийной организации работали либо на производстве, либо в многочисленных советских и профессиональных организациях, либо вели партийно-агитационную и организационную работу.

Ночью, вооружившись винтовками и бомбами, мы ходили в обходы, патрулировали по городу, выполняли задания ЧК, работавшей сперва под руководством Грикмана, потом Бельского.

По получении из Москвы сведений о восстании левых эсеров было созвано заседание президиума губисполкома с участием лидеров местной левоэсеровской организации. По поручению Варейкиса я подготовил из наиболее проверенных членов партии и бывших военнопленных-интернационалистов отряд в 30—40 человек для ареста левых эсеров. Этот хорошо вооруженный отряд был нами поставлен в глубине большого двора кадетского корпуса, чтобы он никому до времени не бросался в глаза. Не помню точно, чем закончилось это заседание, на чем договорились наши товарищи с лидерами левых эсеров. Последние как будто трусили и приняли нашу резолюцию. Под утро мы отряд распустили.

Положение становилось все тревожнее. Настроение в партийной организации было повышенное и боевое. Чувствовалось,



что близок окончательный разрыв с левыми эсерами. Партийцы с минуты на минуту ждали сигнала, чтобы выступить против левых эсеров. Рядовые партийцы не могли понять, почему это в то время, когда наша партийная организация растет и крепнет, на крупнейших руководящих советских постах, особенно в военном комиссариате и в штабе группы войск, находятся левые эсеры. В Симбирске левые эсеры представляли собой скорее большой штаб, но без сколько-нибудь серьезной организации. Правда, они еще имели довольно сильное влияние в деревне, но и влияние нашей организации на широкие слои трудового крестьянства в губернии, особенно бедноты, непрерывно росло и крепло. После левоэсеровского мятежа в Москве терпение в рядах нашей большевистской организации начало истощаться. Все товарищи, с которыми приходилось встречаться в эти дни, настойчиво требовали немедленной изоляции левоэсеровских лидеров, требовали, чтобы во главе важнейших организаций, особенно военных, стали большевики.



10 июля, в день прибытия Муравьева в Симбирск, в партийном комитете было особенно многолюдно и шумно. О приезде Муравьева никто из работавших в партийном комитете ничего не знал.

Часам к пяти-шести вечера в партийном комитете я остался один. Через некоторое время сюда зашел Савандеев и рассказал, что на Гончаровской улице какие-то матросы бросили бомбу, что на улицах встречаются группы матросов, которые держат себя очень развязно и вызывающе, многие из них пьяны, а по углам собираются кучки подозрительной публики.

— Что-то тревожно на улице, — сказал он.

Я вспомнил, что таким же, примерно, образом месяцев 5—6 тому назад началось организованное контрреволюционными элементами выступление одного из красноармейских отрядов против чрезвычайного комиссара губернии Солонко.

Выйдя на улицу, я увидел в нескольких шагах от входа в кадетский корпус командующего симбирской группой войск К. Иванова. Вокруг него толпились работники штаба и местные левоэсеровские лидеры (Белешин, Миронов и др.) и о чем-то взволнованно разговаривали, а несколько десятков красноармейцев и матросов по указаниям военного в черкеске расставляли по углам улицы, ведущей в кадетский корпус, пулеметы. Я обратился к Иванову, который меня прекрасно знал, с вопросом:

— Что тут происходит?

Иванов как-то растерянно и смущенно ответил:

— Ничего особенного, ждем главнокомандующего Муравьева. С минуты на минуту он должен прибыть.

— При чем же тут пулеметы, зачем надо было окружать совет? — спросил я.



Иванов ничего не ответил, отвернулся и отошел.

Почувствовав что-то весьма серьезное и опасное, я побежал обратно в корпус, поднялся на третий этаж в комнату президиума губисполкома, в которой обычно с утра до поздней ночи, а часто и ночью находился Варейкис. Вбежав в комнату, я увидел Варейкиса, быстро шагающего по комнате из угла в угол.

Он громко разговаривал сам с собой:

— Какие подлецы... изменники... предатели!.. Открыли фронт!.. Почему мы упустили Гольмана, почему его не расстреляли?..

Постояв и убедившись, что Варейкис не замечает моего прихода, я подошел к нему, остановил его и спросил:

— В чем дело, Иосиф?

— Да ты что, неужели не знаешь, что происходит? Муравьев изменил революции, предал, открыл фронт чехо-словакам и белогвардейцам и вместе с левыми эсерами затеял контрреволюционный переворот. Надо немедленно действовать... Не теряя ни одной минуты... Готовить сокрушительный отпор.

Поняв, в чем дело, и уяснив себе обстановку, я задал Варейкису только один вопрос:

— Что делать с партийными документами?

— Припрятать, — ответил он мне.

Все наши партийные дела и документы, списки, касса и пр. находились под замком в партийном комитете, ключи от которого были при мне.

Спустившись в партийный комитет, я быстро отобрал основные документы, главным образом списки членов нашей организации, свернул их, крепко перевязал веревкой и вышел из здания. На улице было много народу, стало больше и пулеметов. У некоторых пулеметов были пропущены ленты и стояла прислуга.

Я незаметно выбрался с улицы, на которой находился б. кадетский корпус, и вышел к Дому свободы. Тут я внимательно осмотрелся и, никого не заметив, зарыл сверток бумаг возле 1-й гимназии, наложив на него груды лежавших здесь мелких камней. Затем еще раз внимательно осмотрелся и, убедившись, что я один, что меня никто не заметил, пошел по направлению к Панской улице, чтобы несколько иным путем, через Гончаровскую улицу, добраться до б. кадетского корпуса.

Подходя к б. кадетскому корпусу, я увидел отряд броневику и большой красноармейский отряд, которые направлялись к совету. Отряд подошел к зданию совета и остановился, броневики выстроились сзади него. Я стал позади отряда на другой стороне улицы, где помещался штаб. Недалеко от себя увидел небольшую группу рядовых партийцев, среди которых мне особенно запомнился Остроглазов.

Скоро к совету подъехал Муравьев. Быстро выскочив из автомобиля, он вытянулся во весь рост и начал говорить речь.



— Прежде всего да здравствуют советы!— сказал он, показывая рукой на б. кадетский корпус.— Да здравствует красное знамя! Мы кончили гражданскую войну,— продолжал он,—мы заключили мир с братьями чехо-словаками, вместе с ними мы идем войной против немцев, наших подлинных врагов, и горе тем, кто посмеет помешать нам в этом великом походе!..

Говорил Муравьев недолго, не более десяти минут, и закончил речь громким «ура». Отряд ответил вяло. Затем Муравьев здесь же на улице, около здания совета, начал раздавать лидерам местных левых эсеров посты и назначения. Я очень хорошо запомнил следующую картинку. Громким голосом Муравьев выкрикивает:

— Прапорщик Гольман! (Гольман действительно был прапорщиком.)

Быстро, по-военному отбивая шаг, подходит Гольман, вытягивается и берет под козырек.

— Прапорщик Гольман, вы назначаетесь мною комиссаром телеграфа.

— Слушаюсь,— отвечает Гольман и, по-военному поворачиваясь, уходит.

— Белешин!— выкрикивает Муравьев.

Подходит высокий, немного сутуловатый, чахоточный Белешин и как-то неловко берет под козырек.

— Белешин, вы назначаетесь мною комиссаром продовольствия.

Вызваны были еще, кажется, Миронов и Иванов. Насколько можно было судить по лицам Гольмана и Белешина, они остались очень довольны.

Митинг закончился. Отряд утратил свой боевой вид и расплылся, на месте остались только броневики с грозно направленными на совет дулами пулеметов. Муравьев произнес еще одну речь перед латышским отрядом и уехал по направлению Гончаровской улицы.

На улицы Симбирска выплыла притаившаяся контрреволюционная и обывательская муть. Она ликовала, громко приветствуя Муравьева. Постояв еще немного у здания б. кадетского корпуса, где помещались совет и наш партийный комитет, я подошел к часовым, к броневикам, вступая с красноармейцами в разговоры сперва на отвлеченные темы, а затем и о Муравьеве. Из этих разговоров я вынес впечатление, что красноармейцев при хорошей агитации можно будет перетянуть на нашу сторону. Покружившись еще некоторое время около здания совета, я затем незаметно без всякого труда прошел через главный вход в помещение и направился в партийный комитет.

В комитете, к моему удивлению, я нашел все, даже оружие, в том же порядке, как оставил.

Было около 10 часов вечера. Я зажег электричество и сел за стол.



— Был здесь кто-нибудь, спрашивали меня? — обратился я к дремавшему сторожу.

— Да особенно никого не было, только два красноармейца каких-то заходили, да, кажись, кто-то из «австрияков» (сторож имел в виду товарищей из интернационального отряда).

Я подошел к телефону, взял трубку. Никто не отвечает.

Что делать?

Я направился к выходу, но в дверях встретился с красноармейцем Дубовцевым, который в старой армии был унтер-офицером, а впоследствии был помощником командира нашего коммунистического отряда.

Переговорив с Дубовцевым и рассказав ему суть дела, я просил его принять меры к охране партийного комитета. Дубовцев ушел и скоро вернулся с группой в восемь — десять красноармейцев, часть которых он поставил часовыми около входных дверей в партийный комитет, а остальных оставил в помещении.

Этот караул простоял на охране партийного комитета до убийства Муравьева, а затем вместе с другими красноармейцами принимал участие в разоружении муравьевского отряда.

\* \* \*

После того как Дубовцев обеспечил охрану нашего партийного комитета, я направился наверх, в комнату президиума губисполкома. В вестибюле я встретил Швера, Иванова — губернского комиссара труда, В. Новикова и еще кого-то.

Мы обменялись короткими замечаниями о происходящих событиях. Хорошо запомнились слова Иванова:

— От левых эсеров я всегда ждал этой подлости.

Товарищи направились в помещение губисполкома, а я пошел в красногвардейский отряд, который состоял преимущественно из рабочих текстильных фабрик Симбирской губернии. Большая часть этого отряда, слабо обученного, но довольно крепко сколоченного, находилась в это время на фронте. Красногвардейцы, видимо, только что поужинали. Большинство из них — кто раздевшись, кто нет — лежали на койках и курили. Посидев немного и расспросив, как дела, проходят ли они военное обучение, что делается на фабриках, как семьи живут, — я незаметно перешел к разговору о Муравьеве и, рассказав, что происходит, спросил несколько иронически:

— Вы за кого, товарищи текстильщики?

— Мы... мы-то, — ответило сразу несколько голосов, — понятное дело, мы за рабочий класс.

— Мы, суконщики, не пойдем против советской власти и против рабочих, — громко заявили красногвардейцы.

Но настроение отряда в целом было слишком благодушное, и поэтому я более резко сказал:





Д. Швер



С. Измайлов



Д. Перкин



Г. Каучуковский



— Не о том я вас спрашиваю, за рабочий класс вы или нет. Конечно, вы за рабочий класс, за советскую власть, — в этом наш партийный комитет не сомневается. Но почему вы в такое тревожное время, когда против вас направлены дула броневигов, спокойно леживаете на койках?

— А что, что такое? — раздался ряд голосов. — Что такое случилось? — и многие, вскочив, бросились к окнам.

— Ребята, в самом деле броневики!

Красногвардейцы, вскочив с коек, стали торопливо одеваться. Многие бросились разбирать винтовки. Сказав им, чтобы они были наготове, но ничего сами не предпринимали, я вышел, крикнув на ходу:

— Не торопитесь, когда нужно будет, мы вас позовем.

Поднявшись от них на третий этаж, я видел, как Швер, Варейкис и еще кто-то направились в редакцию нашей газеты, редактором которой был Швер. На ходу я узнал от Швера, что они собираются печатать воззвание к муравьевским отрядам и что предстоит совещание с некоторыми руководителями муравьевских отрядов. После этого я спустился вниз, зашел в латышский отряд и от одного знакомого товарища узнал, что адъютанты Муравьева и сам Муравьев очень старались сагитировать отряд в свою пользу, но у них ничего не вышло. Отряд был настроен против Муравьева.

Когда я вернулся опять в партийный комитет, то застал там не менее десяти — пятнадцати человек. Здесь были: печатник Абросимов, Дубовцев, Пильчак, Валхар, Савандеев, Преснов и еще кто-то. Я зашел в тот момент, когда помощник политического комиссара при командующем группой войск Иванове — Клевицкий — доказывал, что Муравьев — подлинный революционер и поступил совершенно правильно, решив повернуть армию против немцев.

Клевицкий считал себя коммунистом. Десятки раз был он у нас в партийном комитете по различным делам, вел бесконечные разговоры на политические темы, стараясь показать, что он много знает, но никто из нас не чувствовал в нем подлинного партийца. Мы все относились к нему несколько подозрительно. Должен отметить, что он нам платил тем же. Один раз мы даже обнаружили, что в наше отсутствие он рылся в делах партийного комитета, искал, как он объяснил, какие-то нужные ему документы.

Когда я вошел, Клевицкий начал переводить разговор на другую тему. Я заметил, что таким разговорам не место в партийном комитете.

— Я, — ответил мне Клевицкий, — левый коммунист. Почему же это я должен молчать?

— Ты левый коммунист? Чего же ты нам раньше об этом не заявил?

— Да так, не пришлось.



— Вот что, дорогой, если ты за Муравьева, то тебе здесь делать нечего, ступай к нему туда вот,— сказал я, указывая на Троицкую гостиницу, где в это время происходило совещание Муравьева с лидерами левых эсеров по вопросу о замене правительства Ленина правительством Камкова — Муравьева.

Заметив на себе строгие взгляды наших партийных товарищей, Клевицкий неспеша удалился.

О том, что происходит в гостинице, я был хорошо информирован Райсом, который рассказал мне, что эсеры решили несколько министерских постов предложить нашим руководящим товарищам и что им хотелось бы заполучить к себе Варейкиса.

Было около 11 часов ночи, когда в партийный комитет вошел секретарь редакции «Известий», В. Новиков, держа написанное Варейкисом воззвание к муравьевским частям. Воззвание говорило об измене Муравьева. Оно было написано кратко, но выразительно. Необходимо было подыскать партийных товарищей, которые могли бы набрать и отпечатать его. Это удалось сделать довольно легко и быстро, так как наборщик — член нашей партийной организации — Абросимов, находился тут же. Абросимов, взяв текст воззвания, обратился ко мне с просьбой дать ему небольшую охрану, что мною было сделано.

— Дай и мне на всякий случай хороший револьвер, — сказал Абросимов.

Я вынул из ящика своего стола новенький бельгийский браунинг с двумя обоймами и передал его Абросимову.

Я опять поднялся на третий этаж, в помещение президиума губисполкома, где должно было происходить назначенное Варейкисом заседание губисполкома. О том, что Варейкис подготовляет это заседание, я узнал от него же. Он просил меня послать кого-нибудь в гостиницу «Пассаж», где проживало чуть ли не большинство членов губисполкома, чтобы их об этом уведомить. В это время я еще не знал смысла и значения созываемого заседания губисполкома с участием левых эсеров, Муравьева и его свиты. Я не одобрял этот шаг. Мне казалось, что всякого рода заседания и собрания неизбежно вызовут бесконечные споры, разговоры и прения и тем самым оттянут время, нужное для подготовки стремительного вооруженного наступления на муравьевские части.

\* \* \*

Время шло... но мне казалось, что оно стоит на месте. Бывший кадетский корпус, как всегда, ярко освещенный огнями, ничем особенным в эти часы не отличался.

На третьем этаже было тихо и спокойно, как никогда. Ничего особенного, казалось, здесь не происходит. Между тем в эти часы, когда весь город погрузился в глубокий сон, Варейкис с небольшой группой членов симбирской партийной организации подготовлял план ликвидации муравьевской аван-



тюры, грозившей огромными бедствиями для Советской республики. Опасность была чрезвычайно велика, велика была и ответственность.

Не останавливаясь ни перед чем, надо было принять самые решительные, самые героические меры, дорога была каждая минута, дорог был каждый человек. Невзирая на колоссальнейший перевес сил и техники на стороне Муравьева, надо было ликвидировать затеянную им авантюру. Задача состояла в том, чтобы разложить войска Муравьева. Это было основное и главное. Одновременно надо было подготовить собственный вооруженный кулак из решительных и отважных бойцов, чтобы в любой момент вступить в вооруженную борьбу с муравьевскими частями. Надо было изолировать и самого Муравьева и, наконец, позаботиться о внесении порядка в начавший разлагаться Восточный фронт.

\* \* \*

Время шло... Ждали Муравьева.

С напряженным вниманием, волнуясь, прислушивались мы, находящиеся в партийном комитете, к каждому шагу, к каждому шороху и звуку. То и дело кто-нибудь из нас выбегал на улицу посмотреть на Троицкую гостиницу, откуда должен был выйти Муравьев со своими соратниками. Мы ждали нетерпеливо, заводили все новые и новые разговоры на тему о том, что делать, если Муравьев не придет. Предлагались самые фантастические планы. Говорили о необходимости убить Муравьева, предлагали свои услуги.

Вдруг кто-то негромко крикнул:

— Идут!.. Идут!..

Все присутствующие бросились к выходу, но я их остановил, заявив, что тем самым мы можем выдать себя. Остановились... Постояли немного и перешли в другую комнату, закрыв дверь. Только я и Дубовцев вышли и встали по обеим сторонам двойных дверей так, чтобы нас трудно было заметить, но чтобы мы видели все и всех входящих на лестницу.

\* \* \*

Теплая, тихая июльская ночь. С улицы доносится говор красноармейцев, стоящих у броневых машин и беседующих с нашими товарищами, которые вели в эти часы непрерывную агитацию против Муравьева. К этому времени почти все броневики были уже на нашей стороне и на их башнях красовались наши воззвания. Постояв немного в дверях и никого не увидев, мы с Дубовцевым, сгорая от нетерпения, вышли на улицу и пошли по направлению к Троицкой гостинице. Не дойдя нескольких саженей до нее, мы увидели группу приближающихся к нам людей. Мы повернули обратно и вновь заняли свое прежнее место между дверьми. Впереди, четко по-солдатски отбивая шаг, гор-



до подняв голову, шел Муравьев, слегка придерживая рукою кобур маузера, за ним — несколько вооруженных матросов и левые эсеры: Белешин, Миронов, Иванов, Недашковский и еще кто-то.

Войдя в вестибюль, Муравьев оглянулся по обеим сторонам. Часовые стояли на своих местах. Муравьеву и в голову не пришло, что это не его караульные, а красноармейцы-большевики, с нетерпением ожидающие сигнала, чтобы его уничтожить. Быстрыми шагами муравьевская группа поднялась по лестнице.

Едва Муравьев с своей компанией прошел первую площадку, как мы, небольшая группа партийцев, среди которой были и латышские стрелки, побежали за ними.

Я поднялся на третий этаж в тот момент, когда из двух комнат, смежных с комнатой президиума, почти одновременно, как бы по сигналу, вышло человек 30 красноармейцев с винтовками в руках. Они охватили полуколосьем комнату президиума, где должно было происходить заседание и куда вошел Муравьев со своей компанией.

Я быстро спустился в комнату, где находился отряд текстильщиков. Красногвардейцы в полной боевой готовности были на своих местах и на мое предложение — пойти за мной — немедленно, без всякого колебания вышли. Наш небольшой отряд человек в 20—25 присоединился к красноармейцам, окружавшим комнату, в которой находился Муравьев.

Стеклянные двери комнаты президиума были завешены газетой и плотно прикрыты. К самым дверям прильнул худой, среднего роста красноармеец, заглядывая то в замочную скважину, то в глазок, прорезанный чьей-то заботливой рукой в газете. Это был, как я уже потом узнал, Медведь — красноармеец московского рабочего отряда, сыгравший огромную роль в ликвидации Муравьева, все время по-большевистски выполнявший указания т. Варейкиса.

Не будучи членом губисполкома, я в комнату президиума не вошел, а вернулся в партийный комитет. Здесь я рассказал все, что видел. Товарищи, выслушав мой рассказ, схватили винтовки и побежали наверх.

Через некоторое время, выйдя на улицу к броневику, я заметил приближающуюся к кадетскому корпусу небольшую группу военных. Среди них находился тот самый человек, который до приезда Муравьева распоряжался расстановкой пулеметов около здания совета. Это был, как потом оказалось, адъютант Муравьева. Группа эта поднялась наверх.

Не прошло и пяти минут, как кто-то прибежал сверху и сообщил, что только что поднявшиеся люди — это ближайшие помощники Муравьева, все они задержаны и находятся в комнате финансового отдела губисполкома, где их сейчас разоружают.

Я поспешил туда и пришел в тот момент, когда группа красноармейцев отнимала у арестованных оружие. Я попросил



товарищей оружие отдать мне для партийного комитета. Красноармейцы передали мне 8—10 браунингов и несколько кинжалов. С большой радостью я принес трофеи в партийный комитет и положил в стол.

Часть этого оружия позднее я роздал товарищам, отправившимся после убийства Муравьева на пристань, чтобы разоружить его части.

\*\*\*

Заседание губисполкома продолжалось несколько часов.

Чем дольше продолжалось заседание, тем все более и более нетерпеливыми становились красноармейцы и коммунисты, окружавшие комнату, в которой происходило заседание и где находился Муравьев.

Все громче и громче они выражали свое недовольство тем, что заседание затягивается, резко и громко требовали немедленно покончить с Муравьевым:

— Довольно там волынить. Ишь, раззаседались. Довольно. Больше ждать не будем. Давайте сюда Муравьева. Смерть предателю!

Эти крики становились все грознее. Неоднократно отдельные красноармейцы пытались ворваться в комнату заседания, с большим трудом приходилось их сдерживать.

И действительно, пора было кончать. Напрасно некоторые члены губисполкома, наши партийные товарищи, пытались успокоить собравшихся. Из этого ничего не выходило.

Красноармейцев теперь уже собралось так много, что большой гимнастический зал б. кадетского корпуса едва вмещал всех. Многие разместились на столах и подоконниках.

Я решил направиться вниз, но едва дошел до первой лестничной площадки, как услышал сперва отдельные выстрелы, а затем дружный залп. Я сейчас же побежал к месту выстрелов. Когда я прибежал туда, раздавались еще отдельные выстрелы. Все красноармейцы были страшно возбуждены, шумели, о чем-то кричали. Все старались протиснуться в комнату, где происходило заседание.

С большим трудом пробрался я в эту комнату. Дверь была открыта. Муравьев лежал застреленный у самых дверей: одна половина его корпуса оказалась в комнате заседания, другая половина в комнате, откуда стреляли. Когда я, перешагнув через его труп, вошел в комнату, я увидел т. Варейкиса, который, придерживая одной рукой винтовку, усиленно махал белым платком и кричал:

— Прекратите стрельбу! Немедленно прекратите!

В стороне от Варейкиса стояло несколько наших товарищей.

Под длинным столом, накрытым огромной скатертью, что-то двигалось. Оказалось, что, когда начали стрелять, некоторые бросились под стол, особенно этим отличились эсеры.



Выйдя из комнаты, я увидел, что часть красноармейцев бросилась к выходу, а у тех, которые остались здесь, напряженное настроение стало заметно сменяться растерянностью. Некоторое время никто не знал, что делать дальше. Началась беспорядочная беготня сверху вниз, из комнаты в комнату.

Обгоняя друг друга и мешая один другому красноармейцы и красногвардейцы с места на место перетаскивали пулеметы, беспорядочно заряжали винтовки, то опуская, то поднимая их. А снизу все больше и больше стали прибегать одиночками и группами возбужденные красноармейцы и командиры, ругаясь и крича:

— Что случилось, кто стреляет?

Узнавши, что убит Муравьев, видя его труп, они еще больше возбуждались.

— Кто убил Муравьева?.. Почему?.. Кто посмел убить главнокомандующего?— слышалось со всех сторон. Этим самым вносился еще больший беспорядок, усиливался хаос.

Надо сказать, что не все муравьевские части были нами распропагандированы, а многие из тех, которые перешли на нашу сторону, не представляли себе, что дело кончится убийством Муравьева.

Минут через десять после того, как он был убит, я после выполнения ряда поручений Варейкиса вновь поднялся наверх, чтобы ему об этом доложить.

\* \* \*

Железной рукой наводил Варейкис порядок. Не теряя ни одной минуты, бегая с одного места на другое, то спускаясь, то поднимаясь по лестнице, переходя от одной группы красноармейцев к другой, он в двух-трех словах доказывал, что только так и надо было поступить с предателем, что это правильно, иного выхода не было; призывал он к порядку и строжайшей революционной дисциплине.

— Муравьев, — говорил он, — предатель революции, он изменил советской власти, открыл фронт белогвардейцам и чехо-словакам. Муравьев — контрреволюционер, его постигла революционная кара, которая ждет и всякого другого, кто изменит пролетарской революции. Главнокомандующий убит, и до назначения нового я взял на себя руководство армией.

Незадолго до выступления Муравьева, по его приказу, в Симбирске был разоружен и заключен в тюрьму отряд матросов.

Муравьев же и освободил матросов, увлек за собой.

Вскоре после убийства Муравьева командир этого отряда со значительной группой матросов с бомбами и маузерами в руках, с криком и ревом ворвались в здание совета. Неулегшаяся паника начала разрастаться. Находившиеся в здании красноармейцы и латышские стрелки побежали кто куда. Поднялся невероятный шум, крик, раздались выстрелы. Услышав их и заметив



происходящее, Варейкис схватил винтовку в руки и стремительно бросился к лестнице, за ним Швер, я и небольшая группа красноармейцев. Матросов мы настигли около второй лестничной площадки.

— Кто дал вам право врываться в таком виде сюда, в совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов? Кто спровоцировал вас? — резким голосом произнес Варейкис.

— Кто убил Муравьева? Почему вы его убили? Он наш главком, — закричали в ответ матросы.

— Он уже не главком... Муравьев — изменник, предатель и его постигла революционная кара. Я взял на себя командование армией до назначения нового главкома... Именем революции я приказываю вам немедленно вернуться к себе и ждать моих приказов.

Матросы опешили, подались назад, притихли и только командир их выдвинулся несколько вперед, с опущенной головой и совершенно иным тоном он сказал:

— Простите, товарищ, мы не знали. Нас, должно быть, действительно обманули... Почему вы нас арестовали, ведь мы тоже большевики?

— Так идите к своему отряду и предложите ему ждать моих распоряжений, — ответил Варейкис.

— Хорошо, мы это выполним, — заявил командир. Он тут же повернул своих матросов к выходу, а сам пошел за Варейкисом.

\*\*\*

В эти исторические часы, когда авантюра Муравьева грозила огромным бедствием для молодой и еще не окрепшей Советской страны, окруженной со всех сторон кольцом враждебных белогвардейских контрреволюционных и интервенционистских войск; когда от исхода нашей борьбы с Муравьевым в значительной степени зависела судьба фронта, — И. М. Варейкис проявил подлинно большевистскую прозорливость, твердость, самоотверженность, бесстрашие и героизм.

Не имея никакой связи с Москвой и Казанью, где тогда находился штаб Восточного фронта, потеряв связь с командующим 1-й армией Тухачевским, который оказался арестованным Муравьевым, Варейкис сумел с самого начала выступления Муравьева взять правильную партийную линию и как недюжинный организатор, опираясь на актив симбирских большевиков, сумел в течение 5—6 часов не только организовать солидные силы против Муравьева, но разложить его отряды, значительную их часть привлечь на свою сторону и тем самым ликвидировать муравьевскую авантюру.

\*\*\*

После ухода матросов я с несколькими красноармейцами ушел за грузовиками, чтобы отправить на них несколько отря-



дов для разоружения муравьевских частей, находившихся на пристани.

Было уже совсем светло, когда три грузовика, переполненные вооруженными красноармейцами и красногвардейцами, с шумом и грохотом, нарушая утренний покой симбирских обывателей, направились на пристань. Когда автомобили двинулись, из политотдела штаба выбежал с винтовкой в руках Клевицкий и влез в один из автомобилей. Он, должно быть, торопился загладить свою вину перед партией. После этого я его потерял из виду.

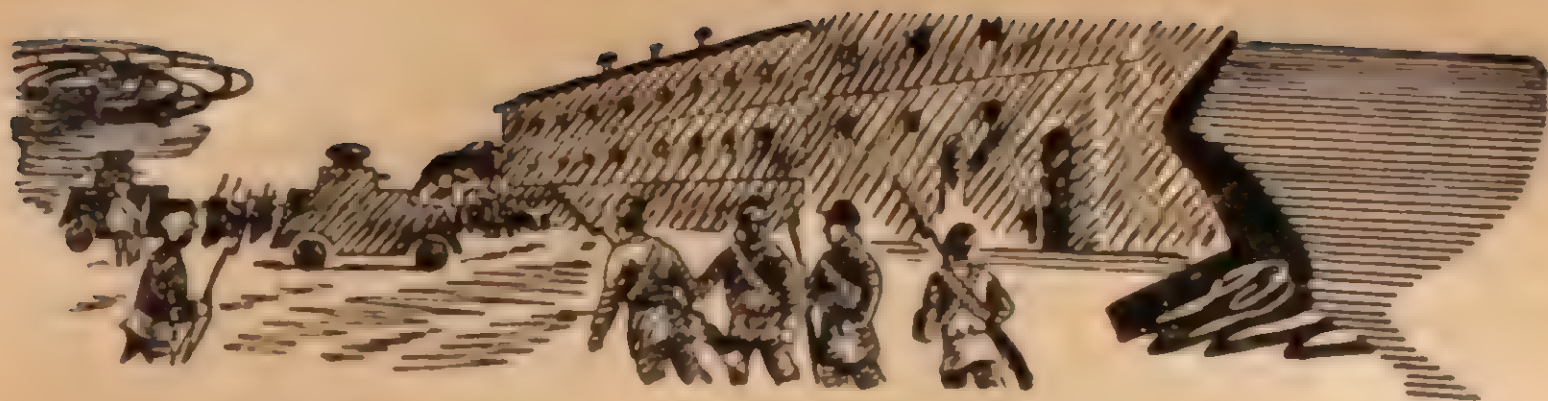
В шесть часов утра я вновь поднялся в комнату президиума губисполкома. Здесь было очень много людей: пришел Гимов и другие руководящие товарищи, которые по тем или другим причинам не были ночью. Гимов, которому Варейкис, по организационным соображениям, предложил укрыться, рвал и метал, что не был с нами в эти часы.

Едва вошел я в комнату, как Варейкис, сидевший за отдельным столом и что-то писавший, позвал меня к себе и сказал, что нужно немедленно отправить телеграмму в Москву, и тут же прочел мне ее текст. Телеграмма была адресована Ленину и Свердлову.

Я взял телеграмму и, прежде чем отправиться на телеграф, который помещался недалеко от здания совета, пошел и забрал сверток бумаг, который запрятал в момент прибытия Муравьева. В здании телеграфа находились красноармейцы, не то муравьевский караул, не то уже наш, но я не обратил на них никакого внимания, вошел в аппаратную комнату, вызвал старшего дежурного, передал ему текст телеграммы и предложил немедленно передать в Москву.







Ал. ШВЕР

## МУРАВЬЕВСКАЯ АВАНТЮРА

---

За несколько дней до приезда Муравьева в штабе симбирской группы войск было получено сообщение, что он будет скоро в городе, но точно день приезда указан не был.

Губисполком ожидал Муравьева с известным нетерпением. Фронт все более и более приближался. Наших местных сил не хватало для защиты. Требовалась помощь, требовались более решительные действия, а главное — согласованность. Думали, что здесь, на месте, совместно с губисполкомом будет выработан план общих действий, тем более, что Муравьева ждали не одного, а с войсками.

Приезд Муравьева расценивался как начало решительного наступления.

10 июля, в пять часов дня, было получено сообщение, что Муравьев прибыл в город.



Губвоенком Иванов (левый эсер) в сопровождении нескольких лиц отправился на Волгу к пристаням, где остановились пароходы, на которых прибыл Муравьев со штабом и войсками.

Члены же губисполкома остались ждать главнокомандующего в здании губисполкома (в б. кадетском корпусе), где спокойно шла обычная работа. Вдруг где-то недалеко от здания губисполкома раздался взрыв.

В то время такие взрывы никого не удивляли, к ним привыкли. «Шалит кто-нибудь, пробует ручные гранаты», — думалось в таких случаях.

На улице собралась небольшая толпа. Мы (председатель губисполкома Гимов, председатель ревтрибунала Крылов и я) вышли на улицу и спрашиваем, в чем дело.

Нам рассказывают, что по улице шли два пьяных матроса. Один из них, очевидно, из хулиганства бросил среди улицы бомбу. Нам даже показали этих идущих впереди матросов.

Мы догнали их и попытались арестовать.

На матросов это не произвело впечатления, они преспокойно заявили, что не подчинятся.

Кто-то из нас погорячился и вынул револьвер. Но и это не испугало матросов. Один из них вытащил из-за пояса бомбу и пригрозил: если мы не уйдем, бомба полетит в нас.

Матросов пришлось отпустить. Однако мы с Крыловым пошли на приличном расстоянии за ними, желая выяснить, откуда они появились, чтобы впоследствии все-таки наказать за такое безобразие.

Матросы взяли извозчика. Мы берем второго и следуем за ними. Извозчик с матросами направился под гору. Мы за ним, но несколько замешкались и потеряли их из виду.

На середине горы нам попадается отряд человек в 100—200 под командой двух-трех военных, одетых в черкесскую форму.

Мы решили, что это один из муравьевских отрядов. Останавливаем извозчика и обращаемся к начальнику отряда с просьбой сообщить, не попадались ли ему навстречу пьяные матросы.

Черкес в ответ кивает головой. Мы его просим сейчас же отправить несколько человек вдогонку матросам, чтобы их арестовать, но он решительно и даже грубо отказывается.

Пришлось нам одним продолжать преследование.

Около пристаней мы заметили довольно странное и подозрительное оживление.

Прежде всего нам бросилась в глаза небольшая группа вооруженных китайцев в солдатской форме.

Они собрались тесным кольцом, кричали «ура» и еще что-то по-китайски.

---

<sup>1</sup> Тов. Гимов умер от сыпного тифа в Пятигорске в 1922 году, а Крылов был расстрелян белогвардейцами во время занятия Симбирска летом 1918 года.



Мы заинтересовались и спрашиваем, в чем дело.

— Война конец, — ответили нам китайцы и больше ничего не могли объяснить.

Этот лаконический ответ нас еще больше заинтересовал, особенно когда и в группах русских красноармейцев мы слышали тоже «ура».

Подходим к русским с тем же вопросом.

Один из них отвечает вопросом на вопрос:

— Неужели вы ничего не знаете, неужели не слышали?

— Нет, а что случилось?

Он, волнуясь, начинает объяснять:

— Сейчас нам главнокомандующий Муравьев объявил, что гражданская война кончилась, что мы заключаем мир с чехо-словаками и общими силами двигаемся на немцев.

— Что? Не может быть? Это ложь! Вы что-нибудь перепутали. Вас Муравьев обманывает.

Но красноармеец уже более спокойно, как бы радуясь нашему незнанию, добавляет:

— Сам товарищ Ленин отдал такой приказ.

— Ложь! — вырвалось у меня.

— Но Муравьев нам вслух прочел его телеграмму. Сами слышали. Так и сказано: мир с чехо-словаками, война с Германией.

Тут мы не стали тратить лишних слов: ясно было, что зревает какая-то грандиозная провокация.

Сквозь толпу мы пробрались к своему извозчику, чтобы скорее возвратиться в губисполком.

Извозчик, как мог, гнал лошадь. Мы уже миновали пристани, стали подниматься по Петропавловскому спуску, как вдруг встречаем спускающегося с горы другого извозчика. В коляске сидел большевик Чистов, а по бокам два матроса с ружьями.

Мы хотели было остановиться, чтобы узнать, в чем дело. Но Чистов нам бросает: «Арестован» — и делает жест руками, чтобы мы не останавливались. Мы спешим дальше.

Это происшествие еще больше нас встревожило.

Не успели мы отъехать и нескольких шагов, как увидели скачущего во весь опор начальника городской милиции — левого эсера. Он был красен и потен, как человек взволнованный и даже испуганный.

Узнав нас, он замедлил галоп и на окрик остановился. Не слезая с лошади, он отрывисто рассказывает про события, происшедшие в городе.

— Бегите, скрывайтесь... Муравьев прислал отряд, захватил почту, расставил по всему городу пулеметы, окружил совет и арестовал всех большевиков. Наверное, расстреляет. Скрывайтесь... Прощайте.

«Может быть новая провокация. Ведь он левый эсер, вводит нас в заблуждение», — усомнились мы, но все-таки решили быть осторожными.



Отпустили извозчика и договорились на следующем: сначала производим разведку, а потом, если сообщенное подтвердится, встречаемся в условленном месте и обсуждаем план спасения наших товарищей.

Дальше пошли врозь: Крылов — сразу на гору, а я — обходным путем через сады и огороды.

Добрался до какой-то милицейской будки. Подхожу к телефону и звоню, — никто не отвечает. Пробую еще и еще, но в ответ слышу только смех милиционеров, сидящих за стеной на лавочке.

— В чем дело?

Они мне отвечают, что телефон испортился и не работает.

— Давно ли?

— С час тому назад.

У меня возникает мысль: наверное, выключили телефоны.

Задаю милиционерам ряд наводящих вопросов.

Они отвечают путанно: что-то произошло, а что именно, — они не знают.

Не добившись толку, я покинул будку и через несколько минут был в городе.

Уже вечерело. Народу на улицах почти не видно.

Я иду по закоулку близ совета.

Вдруг из-за угла — отряд солдат с черкесом во главе.

«Влопался», — мелькнуло в голове. Инстинктивно вхожу в дверь ближайшего дома.

Отряд прошел мимо.

Я немного успокоился и только сейчас сообразил, что нахожусь в доме профсоюзов (здание старого кадетского корпуса). Сад, прилегающий к этому дому, находится как раз напротив совета. Я пробираюсь на двор, со двора в сад и там прикидываю глазами к трещине в калитке, откуда видно почти все здание совета.

Вижу, что дом окружен броневиками с каждого угла. Около стен ходит патруль.

Теперь я уже почти уверен, что члены исполкома и комитета партии большевиков арестованы.

— Что делать дальше? Сидеть здесь у калитки бесполезно, а пожалуй, и опасно.

Пошел опять в дом и здесь в одной из комнат нахожу двух большевиков рабочих — Соснина и Кологреева.

Обрадовался им. Все-таки я не один, нас трое. Можно что-нибудь предпринять.

Прежде всего расспрашиваю о случившемся. Они мне передают приблизительно то же: город занят отрядами Муравьева, телефоны выключены.

Совещаемся о дальнейшем.

Решаем — прежде всего установить связь с товарищами, находящимися под арестом.



Посылаем Соснина на первую разведку (его меньше знали, поэтому он меньше подвергался опасности).

Четверть часа томительного ожидания: вернется или провалится? Наконец, скрипнула дверь и на пороге появился Соснин.

Он рассказывает, что из своих ребят никого не встретил, но узнал, что в совет можно пройти всякому, а выбраться оттуда уже трудновато. Также и около совета можно ходить.

Точно не помню, на каких планах мы остановились, но только решили, что я должен проникнуть внутрь здания совета.

Уже совсем вечером я тихонько, как бы ощупывая каждый камень, шел по мостовой. Подошел к углу дома и здесь встречаю двух левых эсеров — Белешина и Петрова.

Они мне рассказывают, что Муравьев предложил образовать самостоятельное средневолжское правительство и что сейчас по этому поводу должно быть заседание фракции эсеров, куда они и идут. На этом заседании Муравьев изложит свою программу и ознакомит с мероприятиями. Более подробно они мне ничего не рассказали.

Они торопились и я, простившись с ними, вошел в исполком.

Внизу были солдаты. Они пропустили меня беспрепятственно.

Я пробежал на второй этаж и, никого здесь не найдя, поднялся на третий. Здесь я нашел Варейкиса и нескольких большевиков — членов исполкома.

Моему появлению, а вернее моему долгому отсутствию, все очень удивлялись. Начались расспросы. Я рассказал обо всем, что со мной произошло. Тов. Варейкис в свою очередь рассказал мне приблизительно то, что читатель знает из первой части его статьи, помещенной в этом сборнике.

Чтобы договориться о дальнейших планах, мы с Варейкисом пошли в комнату редакции, наиболее изолированную и очень удобную на случай бегства: кроме общего хода там был самостоятельный выход на улицу и у окна стояла железная лестница, по которой можно было спуститься во двор.

Мы заперлись и начали обсуждать создавшееся положение. Один план приходит на смену другому и наконец решение найдено: нужно обеспечить за собой тыл, то есть привлечь на свою сторону возможно большую часть войск, а затем арестовать Муравьева. Для агитации в частях мы решили разослать нескольких верных товарищей, находящихся в этом здании. Арестовать же Муравьева условились на заседании губисполкома, которое было назначено в 11 часов вечера и на котором Муравьев должен был дать отчет о своих действиях.

Варейкис сел писать воззвание к воинским частям. Я отправился вниз, чтобы найти там кого-нибудь, с кем можно было бы отправить воззвание в типографию.

Где-то на лестнице я встретил наборщика-коммуниста Абросимова, который без всяких колебаний взялся пробраться в типографию и там потихоньку набрать и отпечатать воззвание.



Через несколько часов воззвание уже распространялось по городу.

Впоследствии Абросимов рассказывал мне, как он его набирал. В типографии было темно и пусто. Электричество он боялся зажечь и набирал буквы ощупью, а затем зажигал под полкой спички и исправлял ошибки.

Пока я был занят с Абросимовым, Варейкиса разыскивали члены большевистской фракции исполкома Иванов и Шеленшкевич. Наш план ареста Муравьева был обсужден еще раз и единодушно принят.

В это время пришел Медведь — командир московского рабочего отряда. Мы его спросили: можно ли всецело рассчитывать на верность его отряда. Он прямо и быстро ответил, что за свой отряд ручается, как за себя.

Мы ознакомили его вкратце с нашими планами и поручили прежде всего завести сношения с наиболее важной для нас частью — броневым отрядом.

Через некоторое время Медведь вернулся с делегацией от броневых отрядов, возглавляемой комиссаром отряда Ивановым. Делегация клятвенно нам заявила, что, если при аресте Муравьев попытается оказать сопротивление, все броневики моментально повернут свои дула на врагов совета.

Имея в своем распоряжении небольшой, но сплоченный отряд латышей и несколько броневиков, мы уже не особенно боялись за развязку.

В это время заканчивалось заседание фракции левых эсеров. Нам донесли, что фракция присоединилась к предложению Муравьева образовать Поволжскую республику. Значит, надо с минуты на минуту ждать появления Муравьева здесь. Наступал решительный момент.

Делаем приготовления, на ходу разрабатывая детали плана.

Заседание должно было происходить в комнате № 4, а в две соседние (по бокам) комнаты № 3 и 5 мы поставили по несколько десятков красноармейцев из латышского и московского отрядов.

Против двери зала, где должно быть заседание, поставили пулемет, который искусно задрапировали классной доской и брезентом. Пулеметчикам же отдали приказ: если Муравьев при аресте окажет сопротивление и перевес будет на его стороне, стрелять прямо в комнату и косить направо и налево, не разбирая кто — свой, кто — чужой.

— Сами не выйдем живыми из свалки, но и Муравьева не выпустим, — решили мы.

Приготовления закончены.

Несколько томительных минут ожидания. Но вот по железной лестнице послышались шаги, зазвенели шпоры.

На лестнице показались люди: несколько эсеров, Муравьев, телохранители-матросы, увешанные бомбами, и адъютант Муравьева — Чудошвили.



Муравьев спросил: где будет заседание? Ему показали на комнату № 4. Он быстрой и гордой походкой направился туда. За ним — все остальные. Только адъютант и несколько телохранителей замешкались в зале перед комнатой заседаний.

Члены большевистской фракции уже были в комнате.

Мне было поручено остаться в зале.

Как только дверь за Муравьевым захлопнулась, из соседних комнат, по условному сигналу, высыпали вооруженные красноармейцы.

Из-за прикрытия высунул свое дуло пулемет.

Чудошвили, видимо, растерялся, сопротивляться было поздно: несколько револьверов было направлено на него.

Он поднял руки вверх и беспрекословно дал себя обезоружить.

Затем его отправили в одну из ближайших комнат и поставили надежную охрану.

После этого я отправился на заседание. Оно уже было в разгаре. Я вошел в тот момент, когда эсеры заканчивали читать декларацию.

Невольно мой взгляд остановился на Муравьеве.

Он сидел около стола, положив ногу на ногу и выпятив грудь. Его лицо подергивала нервная дрожь. На бедре большой маузер, а правой рукой он судорожно перебирает по рукоятке браунинга.

Заседание с каждой минутой принимало все более обостренный и неожиданный для Муравьева характер.

Наша фракция дала Муравьеву и эсерам достойный и резкий отпор. Самого Муравьева в глаза называли авантюристом и шулером.

Муравьев начал нервничать, оглядываясь по сторонам.

Усиливающийся шум за дверью, где перед заседанием никого не было, и твердость, с которой держались большевики, видимо, внушали ему подозрения.

У красноармейцев за дверью нехватало терпения ждать. Мне и некоторым другим товарищам приходилось несколько раз выходить и успокаивать красноармейцев. Они требовали немедленного ареста и расправы с Муравьевым.

Атмосфера сгущалась. Варейкис принимал меры, чтобы скорее закончить заседание.

В заключительной речи он резко заявил: «Мы не за вас, а против вас».

Фракция левых эсеров, чувствуя, что мы готовим ей какой-то сюрприз, потребовала перерыва.

Наша фракция согласилась.

Муравьев первый встал и, пробираясь между стульями, направился к двери.

Я стоял ближе к двери и успел прошмыгнуть ранее его, чтобы предупредить красноармейцев. Красноармейцы замолкли и тесным кольцом столпились у двери.



Дверь отворилась и в ней показалась рослая фигура Муравьева.

Тов. Медведь, стоявший первым у двери, направил на Муравьева револьвер и заявил ему, что он арестован.

Муравьев схватился за браунинг и открыл стрельбу.

В ответ из рядов красноармейцев в него полетел град пуль.

Можно себе представить, что тут творилось. Нельзя было разобрать — свои или чужие стреляют. Почти каждый считал своим долгом выстрелить. В зале от выстрелов был невообразимый грохот.

Но это было только один момент, через минуту все стихло.

Я был в полной уверенности, что в этой неразберихе свои постреляли своих, и ждал на полу увидеть десятки трупов.

Но, к счастью, этого не произошло, лишь пятеро красноармейцев имели легкие ранения. У двери, в луже крови, в зеленом френче лежал один Муравьев.

Правда, его телохранитель-матрос тоже валялся на полу под диваном, но он был совершенно невредим и забился туда со страху.

Около Муравьева столпились озлобленные красноармейцы.

Но муравьевцы еще остались, была еще муравьевская армия, могущая нам отомстить за убийство своего «вождя», могущая нас разгромить, могущая дать нового Муравьева.

Положение продолжало быть очень острым. Мы с минуты на минуту ждали штурма нашей своеобразной крепости.

Но первые сведения с улицы принесли нам успокоение: шесть броневигов, направленные ранее на нас, после первого выстрела по Муравьеву повернулись в обратную сторону и были готовы смертельным дождем осыпать всякого, кто поднимет на нас оружие.

Но опасность еще не миновала. Нужно было действовать скорее, чтобы избежать всякой возможности столкновений с муравьевскими частями.

Варейкис сразу овладел положением. Мне помнится его резкий окрик:

— Момент чрезвычайно серьезен. Мы должны как можно быстрее действовать. Управление войсками в Симбирске беру на себя я. Призываю к порядку! Часовые по местам!

Эта короткая властная речь подействовала отрезвляюще.

Вооруженные часовые быстро занимают все входы в здание. В окнах, в дверях расставляют пулеметы.

В это время сообщают, что к нам идет делегация от матросского отряда.

Матросы почувствовали, что произошло что-то неладное, и решили выяснить.

Мы их встречаем на лестнице.

В довольно грубой форме они нас спрашивают, что случилось, где Муравьев?





Здание б. кадетского корпуса в Симбирске, где в 1918 году помещался симбирский губисполком



Отряд симбирских красногвардейцев



Как ответить? Сказать, что арестован, — пожалуй, потребуют освобождения, а может быть сами захотят освободить, применив силу.

И Варейкис заявляет:

— Муравьев изменил революции, при попытке ареста оказал сопротивление, в схватке убит.

Матросы растерялись, зашумели, что за убийство Муравьева отомстят, но... ушли.

Надо сказать, что в этом матросском отряде были люди с темным прошлым из элементов анархо-бандитского толка. До приезда Муравьева большинство их сидело за всевозможные безобразия в тюрьме. Муравьев их освободил. Было ясно, что если они даже займут нейтральное положение, то все равно будут являться для нас постоянным источником беспокойства. Поэтому им предложили разоружиться.

Сначала они отказались, но мы направили броневики к площади, на которой стояли матросы, и они покорно сдали оружие.

Таким образом мы избавились от самой ненадежной и опасной для нас части.

Оставалось восстановить в городе порядок, освободить арестованных Муравьевым большевиков, в том числе приехавшего в Симбирск на совещание с Муравьевым Тухачевского, и сговориться с муравьевскими воинскими частями, которые были на пароходах.

Было не больше пяти-шести часов утра.

Мы сели писать воззвания, в которых говорилось, что изменник Муравьев убит, что арестованные коммунисты на свободе и что в городе снова власть советов.

Когда воззвание было написано, Варейкис посылает меня и, кажется, Дмитриева на вокзал, чтобы там освободить арестованного Тухачевского.

Мы помчались в автомобиле по тихим улицам.

На вокзале находим нужный нам вагон.

Спрашиваем красноармейцев, где Тухачевский.

Они расспрашивают, зачем он нам понадобился.

Мы говорим, что от имени губисполкома приехали его освободить.

— Опоздали, — отвечают они, — десять минут тому назад мы его освободили, и он уже уехал к вам в губисполком.

Мы вернулись обратно.

Варейкис дает мне новое задание — объяснить все случившееся муравьевским войскам, стоящим на Волге, и потребовать от них верности советам.

Через минуту автомобиль мчит меня под гору.

Приближаюсь к стоящим гуськом пароходам и баржам. Взираюсь на один из них и к великой своей радости натыкаюсь на товарища по казанской организации — большевика Берлина.



Отзываю его в сторону, объясняю, что случилось.

Он не колеблется ни минуты. Быстро собирает отряд на одной из баржей. Красноармейцев не меньше тысячи.

Я влезая нето на бочку, нето на бревно. Гробовое молчание. Красноармейцы чувствуют, что я должен сообщить нечто очень важное.

Я рассказываю всю историю измены и ликвидации Муравьева.

Ни одобрения, ни возражения не вырывается из толпы.

По лицам не разберешь, как отнесутся ко всему этому.

С затаенным волнением я заканчиваю речь возгласом: «Да здравствует советская власть!»

И масса ответила ясно и громко:

— Да здравствует советская власть! У-р-р-а!..







**А. ЗВЕРЕВ**

## **МОСКОВСКИЕ ПУЛЕМЕТЧИКИ И ЛИКВИДАЦИЯ МУРАВЬЕВЩИНЫ<sup>1</sup>**

---

**К**омсомольцы из городского района Москвы времен 1918 года помнят, вероятно, вечно суетливого, разговорчивого Александра Медведя. У нас, в первом московском революционном отряде, ребята прозвали его «пулеметом». Это прозвище подходило к нему как нельзя лучше! Медведь был пулеметчик, своим искусством всегда хвастался и безумно, как живое существо, любил своего «Максима».

Вот этого комсомольца — Медведя, Медвежонка, как иногда называли его в отряде, встретил я в мае 1918 года в Симбирске. Встретил еще десятка два знакомых из первого московского революционного отряда.

Встретив всех этих ребят, я быстро попал к ним в казармы б. симбирского кадетского корпуса.

---

<sup>1</sup> Из статьи в сборнике «На фронт и на фронте». Московский рабочий, 1927 год.



Я им рассказал, что командирован сокольническим райкомом в Астрахань для работы в третьем сокольническом батальоне в качестве агитатора и организатора. От них я узнаю, что восстали чехо-словаки и что идут слухи о формировании партизанского отряда, куда должны будут влиться и москвичи-пулеметчики.

— Самара в опасности, возможно, скоро будет занята чехо-словаками,— прозвучало у меня в ушах.— Ты, Зверев, не доберешься до Астрахани, путь кроме Нижнего и Москвы закрыт. Лучше оставайся с нами, нас будешь агитировать,— с обычной усмешкой говорил Медведь.

В этот момент к нам подошел начальник команды — б. военнопленный австриец Райс; старый знакомый, строгий, храбрый взводный, начальник бесчисленных ночных караулов по немецкому фронту.

Ребяга рассказывают Райсу, в чем дело, и он присоединяется к их решению. Мне же только приходится выслушать общую резолюцию:

«Агитатор-организатор третьего сокольнического батальона Зверев остается у нас в Симбирске».

— Ну, ладно, ребята, я остаюсь. Пробьем дорогу, освободим Самару и тогда в Астрахань.

Астрахань с мечтами о серьезной работе позади. Впереди чехо-словаки, боевые опасности.

\* . \*

А дальше радостные и горькие дни нашей боевой жизни во время «десантов», вылазок на берега Камы. Я перейду к одному историческому событию, показывающему, какую важную роль играли большевистские партийные организации в момент решительных действий. В этом событии действующими лицами были также комсомольцы московской организации.

Месяц спустя после выезда на уфимско-камский фронт наш отряд по приказу Муравьева возвратился в Симбирск.

Первое, что мы узнали, когда прибыли в Симбирск, это то, что чехо-словаки—верстах в ста от города, по Бугульминской дороге.

С разгрузкой кончили в один час. Не успели пообедать, как начальник принес в казармы жалование и обмундирование. Отобрали по паре белья, по гимнастерке, шаровары и тронулись в баню.

К вечеру все преобразились: чистые, остриженные, выбритые, начали думать, как провести первый вечер. Мы с Медведем и Лебедевым погуляли на «Венце», попили чаю с пирожными и легли спать.

Уже в постели разговорились о волне левозсеровских восстаний, прокатившейся по Москве, Царицыну и другим городам. Разговор зашел о главнокомандующем Муравьеве. Ванька Рыжий, пулеметчик, горой стоял за него. Он был на Украин-



ском фронте и хорошо знал Муравьева<sup>1</sup>. Ванька рассказывал, как отступали с Украины, как бились с немцами. Мы не спорили особенно с Рыжим о качествах Муравьева, но отзыв о нем нашего отряда с фронта был не в пользу Муравьева.



Следующий день никогда не изгладится у меня из памяти. В город приехал командующий войсками Муравьев. Ходили слухи, что будет смотр, но нас не предупредили. Мы не придавали этому большого значения. Ребята отдыхали, гуляли по Симбирску. Каждый хотел использовать эти два-три свободных дня, чтобы отдохнуть и быть готовым к походу. Пулеметы были запрятаны под замок, а ключ отдан старшему.

Мы помещались в здании б. кадетского корпуса, где был исполком. На нас лежала обязанность охранять его.

В этот день совершенно случайно в помещении оставались я и Лебедев. Мы с Лебедевым вели мирные разговоры. Вдруг вбегает Медвежонок и скороговоркой, обычной для него, выпаливает:

— Ребята, исполком окружают какие-то солдаты! Они устанавливают кругом цепь, пулеметы. Никого не пропускают. Всех коммунистов арестовывают!

Идем узнать, в чем дело. Входим в комнату предисполкома т. Варейкиса. По его сведениям, восстал Муравьев, объявив себя единственной, абсолютной властью. На его стороне много войск. Он обнажил фронт, перебросил оттуда часть войск в Симбирск. Его частями уже заняты все стратегические пункты в городе, теперь он проделявает последнюю операцию для бескровного, «мирного» захвата исполкома.

Ужасная мысль точила мозг: «Вот для чего Муравьев снял нас, пятнадцать московских пулеметчиков, с фронта, обещав вместо нас прислать новые, свежие силы». Медвежонок откуда-то узнал, что Муравьев вошел в сношение с чехословацким командованием и те обещали ему помощь. Момент был жуткий. Помню, Медвежонок сделал все, чтобы обезопасить предисполкома.

Организаторская жилка не покинула Варейкиса и в этот критический момент. Он сразу же дал совет поговорить по душам с муравьевскими солдатами.

Выходим на парадное крыльцо. Первое впечатление было поразительное: все лица солдат полужнакомые. Нет, кажется, только красногвардейцев из отряда имени Ленина, который сражался рядом с нами. Остальная оппозиционная «братва» вся налицо. Вот они так называемые «шкурники», с которыми мы всегда так ожесточенно ругались на фронте.

Возвращаемся опять к Варейкису. Он нам говорит:

— Получены сведения о том, что должно состояться заседание исполкома, на котором Муравьев окончательно объяснится. Надо

---

<sup>1</sup> Муравьев командовал тогда Украинским фронтом.



в соседней комнате устроить засаду; если Муравьев не будет сговорчив, с ним надо покончить.

Так наша первая задача осложнилась другой. Понемногу начинают просачиваться наши хлопцы. Приходит Райс, и, как на зло, нет только старшего пулеметчика. Ванька Рыжий саботирует, отказывается от содействия — слишком привязан всем прошлым к личности Муравьева. Но, ничего, поручили хлопцам во что бы то ни стало достать из-под замка пулеметы, а сами принялись за агитацию.

\* \* \*

— Не подходи, арестую, — набрасывается на нас солдат из цепи. — Зачем идешь? Коммунистов защищаете, сволочи!..

— А ты зачем тут встал? На кого поставил пулемет? — кипит Медвежонок. — На меня, да на него! Я разве не такой же, как ты?..

— Отходи, не велено разговаривать, приказ, а больше знать — ничего не знаю, — заявляет другой муравьевец.

— Стой, товарищ, — говорю я, — что гнать-то, позабыл, как под Уфой бегал? Я ведь тебя заприметил... А теперь храбрость хочешь показать?

— Не лезь, молокосос! Ишь, давно ли ты на свет появился? — отстраняет меня Медведь, подделяваясь к солдатам. А затем постепенно переходит на происходящие события.

Через несколько минут Медведь крутится уже вокруг бронемашины, восхищается трехдюймовкой, пулеметами.

Случайно обнаруживаем одного пулеметчика-комсомольца москвича. Рассказываем осторожно ему о действительном положении в Симбирске. Разговорились.

— Да я, — говорит, — Зверева знаю по союзу, не помню — не то видел, не то слышал.

Смотрит на меня:

— Ну да, он самый. Давай, товарищ, руку. Я не знал, что это такое дело, сами знаете — приказ. Поговорю со своими хлопцами.

Бронемашина через несколько минут стала нашей. Кроме того некоторая часть войска уже колебалась. Посулы Муравьева «двойного жалования», о которых мы слышали от солдат, оказались привлекательными только на первое время.

Уже с некоторой уверенностью направились в исполком. Под руководством Варейкиса устроили засаду, посадив ребят в темную комнату, рядом с кабинетом предисполкома. Райс вытащил из кладовой пулеметы и замаскировал их. Вся предварительная работа была проведена минут в пятнадцать.

Медлительность Муравьева вредила ему самому. Слишком уверен был в себе... Но вот несется слух — идет Муравьев... «Члены исполкома — левые эсеры перешли на его сторону. Некоторые удрали, — значит на заседании народу будет немного», — подытоживаем в уме наши возможности.



Выскакиваем на крыльцо. Важно, с гордой осанкой, с двумя чеченцами, с двумя матросами и губернским военным комиссаром, левым эсером, идет Муравьев.

Войска, его «верные» части, держат на караул. Я и Медведь отправляемся на заседание. Райс уже там. Не помню, как заседание проходило, его мелочи, детали.

Волновались все здорово. Мы постоянно успокаивали свою и муравьевскую публику. Цепи на улице требовали Муравьева, требовали объяснений. Чего-то ждали.

Мы, как могли, спокойно «докладывали» им, что все в порядке, и спешили обратно.

Существенной помехой для нас были два муравьевских матроса, которые стояли у дверей зала заседания. В последний момент «неуместным» вмешательством они могли испортить все дело. Медвежонок предложил разоружить их. Сговорившись, направляемся к матросам. Медведь впереди. Те стоят по бокам двери. Медведь, словно желая войти на заседание, берется за ручки двери, но сейчас же быстро поворачивается и, заслонив спиной вход, выразительно поводит наганом.

— Без крика! Без крика! — с угрожающим шопотом обращается он к часовым.

Внимание матросов на Медведе. А мы с Лебедевым тем временем уже держали пальцы на спусках и вплотную подходили к матросам. Под угрозой и уговорами они даже как-то спокойно отдают оружие.

Значит, теперь все в порядке.

Наступает решительная минута. На заседании исполкома читаются перехваченные телеграммы о соглашении Муравьева с чехо-словаками и воззвания его к населению, объявление диктатуры.

Прносятся мысли: «А там Москва и не подозревает, что вот родится новый муравьевско-чехословацкий фронт».

Переговоры ни к чему не приводят. Тон Муравьева — приказывающий, повелительный: «Симбирск занят моими войсками. Завтра будет моей Казань».

Муравьев встает, оборачивается и молча направляется к выходу. Переглянувшись с Медведем, мы быстро, взволнованные, подлетели к Муравьеву. Райс сбоку... Одновременно, выхватывая наганы, кричим:

— Остановитесь! Ни с места! Вы арестованы!

Муравьев спокойно вынимает маузер. Медвежонок замечает движение, хватает его за руку. Затем почти одновременно раздаются три оглушительных выстрела. Стреляет Райс — сбоку, Медведь — в упор и сам Муравьев. Через секунду он на полу.

Медвежонок жив и отвязывает муравьевский маузер. Выстрелы переполошили ребят, сидевших в засаде. Они начали палить наудачу по невидимой цели. Застрекотали по потолку и стенам пулеметные пули, застучали затворы. Наших криков не



слышно. Вбегаем в комнату заседания — там сплошной хаос. У стены стоит военком, эсер-изменник, и дрожащим голосом спрашивает: «Зачем? Зачем вы это делаете? Это зверство!» С риском для себя заставляем прекратить пальбу. Медвежонок обезоруживает чеченцев. Я арестовываю военного комиссара, предупреждая, что в случае малейшего неповиновения его постигнет та же участь, что и Муравьева.

Никогда я не испытывал столько ненависти, презрения, как теперь к этому лежащему в крови труп. Этой кровью изменника мы искупили кровь тех, которые погибли благодаря предательству этого «пятиминутного диктатора». Он лежал теперь мертвым у наших ног.

Варейкис делает необходимые распоряжения. Затем он торжественно дарит Медведю в собственность маузер от имени РСФСР — за геройство. У меня наган обезоруженного военкома. Оружие по праву принадлежит мне.

Наша задача выполнена.

Непосредственной опасности от «войск Муравьева» нет.

Сделано большое историческое дело, предупреждена опасность возникновения объединенного муравьевско-чехословацкого фронта.

Преданность небольшой кучки коммунистов, в том числе нашего отряда, сыграла решающую роль.



Через три дня на пароходе, в отдельной каюте, едем через Нижний в Москву. Маузер Медвежонок привлекает всеобщее внимание. За нами следит группа поклонников Муравьева — матросов. В Казани или Нижнем готовилась с нами расправа. Муравьевцы хотели отомстить нам за его смерть. Мы «держали язык за зубами» и тщательно маскировались в толпе. В Казани мы слезли, затерялись и на следующий день снова продолжали поездку. Спокойными стали только тогда, когда сели на поезд, который через двенадцать часов должен был прибыть в Москву.







## ПАДЕНИЕ СИМБИРСКА





**В. ПЕВЗНЕР**

## **ПОД СТАВРОПОЛЕМ И МЕЛЕКЕСОМ**

---

**19** июня к 20 часам со стороны Самары чехо-словаки, подойдя на четырех пароходах к Ставрополю, под прикрытием легкой артиллерии высадили десант и заняли город».

Так говорила одна из первых оперативных сводок только что образовавшейся симбирской группы войск.

Почти одновременно была вторично занята чехо-словаками Сызрань.

На этот раз они заняли город, двигаясь уже не на восток, а с востока на запад, — к центру страны.

Не оставалось никаких сомнений, что чехо-словаки не только не спешат отправиться во Владивосток, а наоборот, повернули обратно и стремятся расширить территорию, оказавшуюся под властью самарского комитета членов Учредительного собрания.



Гражданская война на Волге разгоралась. После Самары, Сызрани, Ставрополя ближайшими объектами захвата чехо-словаками и белогвардейцами могли стать Мелекес, Симбирск и Инза.

Самарский губревком во главе с Куйбышевым, обосновавшись в Мелекесе, начал вместе с мелекесским ревкомом и остатками ставропольских сил организацию борьбы за возвращение Ставрополя.

В то же время из Симбирска на Ставрополь по левому степному берегу выступил отряд симбирской группы войск под командованием Пугачевского при начштабе бывшем офицере Павловском.

С отрядом в качестве комиссара отправился и автор этих строк.

Численность отряда доходила до 500 штыков. При отряде было 6—8 пулеметов и одно трехдюймовое орудие. Называвшийся «нижегородским», отряд этот лишь частично состоял из нижегородских рабочих, а большая его часть была составлена из симбирских рабочих-текстильщиков, набранных на суконных фабриках бывших Степанова.

Противник активных наступательных действий со стороны Ставрополя не проявлял и ограничивался главным образом разведкой в мелекесском направлении. Нашей задачей было: подерживая на правом фланге связь с сенгилеевской группой взять Ставрополь, который использовался чехо-словаками как база для действий белогвардейской волжской флотилии и представлял важнейший пункт на пути к Самаре.

Продвигаясь на Ставрополь, в мелких стычках мы преодолевали сопротивление небольших заслонов и разведок противника. Вскоре мы достигли села Мусорка на шоссе Мелекес—Ставрополь, а затем Троицкого, лежащего в 40 верстах от Ставрополя, где образовался фронт.

Вначале обе стороны ограничивались разведывательными поисками. В одной из разведок был убит Ренс-Пашенко — командир черноморского отряда, пришедшего к нам на подмогу. Со стороны противника действовал аэроплан, не раз метавший бомбы в наше расположение.

Нам необходимо было не только вести военные операции, но и быть бдительными к нашему тылу. Дело в том, что политическая обстановка в деревне в то время была чрезвычайно напряженной и не всегда благоприятной для нас. Кулачество проявляло большую активность и основательно мутило сознание крестьян. Беднота была еще нами недостаточно сплочена. Средняк колебался. А верхушка середнячества с интересом прислушивалась к разговорам о вольной продаже хлеба по вольным ценам в Самаре.

Однажды мы узнали, что какие-то подозрительные лица стали посещать наших бойцов и склонять их к дезертирству.

После некоторых наблюдений нами была захвачена целая шайка местных кулаков, готовивших вооруженное восстание в нашем тылу.

В первых числах июля наша группа перешла в наступление, поставив своей непосредственной задачей взятие Ставрополя.



4 июля нашими отрядами было взято село Васильевка, в 15 верстах от Ставрополя. Разбитый противник отошел к Ставрополю. Мы с минуты на минуту ждали падения города, но противник находился в лучших условиях для маневрирования и получения подкрепления, чем мы. Мы находились больше чем за сотню верст от нашей базы — Симбирска, с которым мы сообщались лишь по степным дорогам. Противник же имел у себя в тылу Волгу, по которой очень быстро могли быть переброшены крупные силы из Самары. Противник это и использовал.

Как только обнаружилась серьезная угроза Ставрополю со стороны красных войск, на этот участок фронта были брошены сильные части чехо-словаков, 5 июля обстановка на фронте изменилась не в нашу пользу. Наш нижегородский отряд, прорывавшийся от Васильевки на Ставрополь, был обойден противником с обоих флангов. Нам угрожала опасность полного окружения и разгрома. Здесь проявилась прекрасная военная выучка Павловского, назначенного к этому времени начальником нижегородского отряда.

Правильным, спокойным маневрированием он обеспечил отход к Троицкой Ташле в полном порядке. 7 июля на мой рапорт об операциях под Ставрополем мы получили следующий приказ от штаба симбирской группы войск:

«Из полученной мною телеграммы от представителя оперативного штаба т. Певзнера от 6-го сего июля усматриваю, что начальник ставропольского укрепленного района т. Пугачевский принял все меры для отступления и перехода на новые позиции, причем революционные войска вверенного ему фронта отступили в полном порядке и благополучно вывезли свою артиллерию.

За столь распорядительные действия, а также за правильное воспитание и поддержание революционной дисциплины в нижегородском отряде т. Пугачевскому и начальнику нижегородского отряда т. Павловскому объявляю свою благодарность».<sup>1</sup>

Покажется может быть странной эта благодарность за отступление. Но в те времена, когда наши партизанские отряды еще не приобрели умения действовать по всем правилам полевой войны, удачно проведенное отступление несомненно имело громадное военно-воспитательное значение.

Среди других событий на ставропольском фронте мне особенно хотелось бы остановиться на одном факте, который проливает некоторый свет на методы подготовки муравьевского восстания.

7 июля мы получили телеграмму от Клима Иванова, левого эсера, командующего симбирской группой войск, что он сам выезжает на наш участок для инструктирования.

<sup>1</sup> Приказ по войскам симбирской группы войск от 7 июля 1918 года.



Иванов приехал 8-го поздно вечером. Собрав комсостав группы и рассказав о положении на фронте, он особенно пространно доказывал необходимость немедленного нового наступления на Ставрополь через Васильевку. Он говорил как-то путанно и никак не мог достаточно убедительно обосновать предлагаемый им план о переходе на следующий день в наступление.

Павловский, Пугачевский и я, оставшись втроем, продолжали обсуждать приказ командующего. Мы находили его странным и непродуманным. На флангах нашей группы в селах Санчелеево и Еремкино находились сильные группы чехо-словаков. В Ставрополе, как нам было известно, находилась чехословацкая часть, превосходящая по численности всю нашу группу.

Нам казался странным метод, который применил командующий группой войск, чтобы двинуть нас в наступление. Вместо обычного распоряжения по телеграфу он почему-то приехал на боевой участок сам и, с трудом подбирая аргументы, агитировал нас идти в наступление.

Утром Иванов уехал, а мы втроем вновь собрались, чтобы еще раз обсудить план реализации приказа командующего.

Павловский, специалист с военным образованием, являвшийся среди нас наиболее опытным командиром, обрисовал еще раз обстановку на нашем участке и в резких выражениях сделал вывод, что распоряжение командующего является несомненной ошибкой. Более того, Павловский заявил, что если бы этот приказ исходил не от нашего командующего группой войск, то он считал бы его сознательно направленным к поражению нашего отряда.

Решено было срочно командировать меня в Симбирск к Варейкису, чтобы через комитет партии большевиков и губисполком выяснить, чем было вызвано такое явно нецелесообразное распоряжение.

Наше решение было несомненно грубым нарушением военной субординации. Вместо выполнения военного приказа мы опротестовывали его перед гражданскими властями и комитетом партии. Но в те времена это было не редкость. Не раз симбирскому комитету партии и губисполкому приходилось решать военные задачи.

При неслаженности военных органов, в обстановке белогвардейского саботажа в военных учреждениях и т. п. апелляция в партийный комитет была естественна.

Я отправился в Симбирск и прибыл туда 10 июля вечером в разгар ликвидации авантюры Муравьева. Мне оставалось только дать знать нашему отряду, чтобы приказы Муравьева и Иванова не выполнялись.

Мероприятие Иванова в отношении нашего отряда являлось одним из звеньев подготовки в Симбирске военной и политической обстановки, благоприятной для левоэсеровского мятежа. Иванов не имел своих надежных с его точки зрения людей в нашем отряде. У нас и духа не было левоэсеровского влияния.



Нижегородский отряд был одним из самых боеспособных на фронте, и он мог в случае затяжки борьбы за власть в Симбирске в течение 1—2 суток прибыть в город.

Левозсеровское командование, вызывая в Симбирск с сенгилеевского фронта свою левозсеровскую дружину Устинова, в то же время стремилось отогнать наш отряд подальше от Симбирска, ввязав его в трудную операцию или бросить его в ловушку на уничтожение неприятелем.

Муравьев и левые эсеры просчитались.

\* \* \*

В нижегородский отряд я больше не вернулся. После муравьевской авантюры я был назначен политкомом штаба симбирской группы войск и был направлен под Мелекес, где группировались наши части, отступившие из-под Бугульмы.

Моей задачей было внести порядок во взаимоотношения между пехотными отрядами и двумя находящимися здесь бронепоездами Полупанова и Болдеско. И те и другие действовали самостоятельно и не согласовывали свои действия.

Полупанов не признавал командующего бугульминской группой. Связи между частями не было.

В результате такого положения 18 июля наши войска и бронепоезд без боя оставили Мелекес, хотя противник был еще на порядочном расстоянии от города. На следующей станции Бряндино от штаба симбирской группы войск поступил категорический приказ вновь занять Мелекес. Пехотные части, погрузившись в вагоны, двинулись вперед. Мелекес был занят без боя, но вскоре подошли чехо-словаки и развернули бой за овладение Мелекесом. Наши части держались часа два, затем стали отходить к станции Бряндино. Бой у Бряндина отличался особым упорством. В нем приняли участие и оба бронепоезда.

Неблагоприятный для нас исход боя был решен двумя обстоятельствами: во-первых, неудачными действиями бронепоезда Полупанова, во-вторых, восстанием в нашем тылу кулачества села Мулловка.

Бронепоезда вышли на переднюю линию огня, но, не имея связи с красноармейскими частями, скоро оказались чрезмерно выдвинутыми вперед. В то же время Полупанову никак не удалось выслать разведку на фронт и охранить свой тыл.

Давала себя чувствовать и пагубная привязанность к поездам, к железной дороге, по которой всегда можно быстро отступать. Дисциплина в команде бронепоезда после муравьевской авантюры была основательно расшатана и бойцы предпочитали сидеть в бронированных вагонах, чем идти разведкой в лес и поле.

Бронепоезда действовали без охранения. В это время в селе Мулловка местными эсерами и агентами Фортунатова было организовано восстание. Провокаторы разгромили винный завод. Это помогло втянуть в восстание известную часть бывших сол-



дат-фронтовиков, имевших к тому же принесенное еще с империалистического фронта оружие. Кулацкие банды ударили во фланг и в тыл наших позиций у станции Бряндино. Наши войска, обстреливаемые с трех сторон, стали отступать, неся крупные потери.

Банда вооруженных кулаков человек в 100 вместе с частью чехо-словаков стала разбирать рельсы, чтобы отрезать путь отступления нашим бронепоездам. Настоящей разведки мы не имели, поэтому среди команды бронепоезда распространился слух, что в тылу у нас уже оперируют крупные части чехо-словаков.

Бронепоезд Полупанова и вспомогательный бронепоезд Болдеско стали отступать. Впереди шел основной бронепоезд № 4. Когда он подошел к лесу, то оказалось, что часть рельсов уже освобождена от скреплений, хотя снять их еще не успели.

Вместо того чтобы высадить отряд из бронепоезда и отбить засевших в лесу кулаков, а затем поправить путь и в порядке отступить, — полупановцы открыли стрельбу по лесу из всех пулеметов, очевидно, для устрашения противника. Было истратчено громадное количество патронов.

Стрельба была, поистине, бешеная. Пулеметная прислуга и санитары падали в обморок от газов, скоплавшихся в вагонах...

Враг прекратил дальнейшую порчу пути и скрылся в лесу. Бронепоезд № 4, качаясь, как люлька, прошел по расслабленным рельсам.

Несколько позже, следом за ним двинулся вспомогательный бронепоезд Болдеско. Но он уже не мог пройти по испорченному пути и остановился. Противник, как и следовало предполагать, вовсе не думал уходить далеко от железнодорожного пути. Из леса начался пулеметный и ружейный обстрел бронепоезда.

Соппротивление было бесполезно. Команда несла большие потери. Отстреливаясь, отдельные бойцы выпрыгивали из вспомогательного бронепоезда, и поодиночке перебирались в бронепоезд № 4. Бронепоезд Болдеско погиб...

Наши части отходили на станции Чердаклы ■ В. Часовня.







**Н. ГИМЕЛЬШТЕЙН**

## **С БРОНЕПОЕЗДОМ „СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ“**

---

### **В боях за Бугульму**

**В** конце мая 1918 года бронепоезд Полупанова, отремонтированный в Коломне после боев на Украине, направлялся на Восточный фронт.

В начале июня бронепоезд был уже на сызранском участке. Здесь он принимал участие в наступлении на Сызрань и после отхода на Инзу был направлен через Симбирск на бугульминский фронт.

В Симбирск бронепоезд прибыл во второй половине июня.

До прибытия в Симбирск командир поезда Полупанов и я, комендант поезда, связались с партийным комитетом и с председателем симбирского комитета партии, т. Варейкисом. Последний немедленно явился к нашей команде и провел митинг с докладом на тему: «За власть советов».

Общее настроение наших красногвардейцев и партизан было приподнятое. Они требовали быстрее отправки на позиции.



По предложению партийного комитета представлен был список состава команды (около 150 человек), а также особый письменный доклад о политическом состоянии команды, отдельные бойцы которой вызывали сомнение. В конце июня мы отправились на позиции.

Сделав остановку на станции Мелекес, мы выслали вперед по линии разведку на дрезине. Разведка донесла, что, не доходя до станции Кошки, вправо от полотна железной дороги, вблизи мельницы, обнаружена чехословацкая пехота, численностью около 300 человек.

Затрещали передаточные шестерни, завертелись пулеметные бойницы. Паровоз набрал пары. Мы готовились к боевой встрече с противником.

При приближении нашего бронепоезда белые залегли в цепи. В то же время с левой стороны заговорило замаскированное орудие противника, повидимому, трехдюймовое, но при первом нашем выстреле неприятель прекратил огонь. Появление бронепоезда было для чехо-словаков полной неожиданностью. Это чувствовалось по их паническому отступлению, когда заработали наши пулеметы.

Правда, сначала чехо-словаки яростно бросились в атаку, перейдя на левую сторону железной дороги. Они, видимо, хотели зайти с обоих флангов и забросать поезд гранатами. Но немногие из них уцелели при этой попытке, так как местность была совершенно открытая. Только небольшой части чехо-словаков удалось спастись в высокой ржи. Мы потеряли в этой операции одного моряка-разведчика.

Возле кирпичного здания мельницы мы увидели следы тех ужасов, которые творились тут три часа тому назад. Как оказалось, красная партизанская разведка в составе 7 человек была накануне настигнута здесь чехо-словаками. Видя бесполезность боя, красные партизаны спрятались в хлев.

По доносу хозяина мельницы три красногвардейца были обнаружены и зверски замучены. Их трупы даже не были зарыты, и теперь они лежали перед нами с застывшим на лице гневом, как бы безмолвно прося о мести. После тщательных поисков мы обнаружили хозяина мельницы и на могиле наших боевых друзей расстреляли его.

Не теряя времени, броневик бросился преследовать отступающих чехо-словаков.

В 15 верстах от мельницы на путях спокойно стоял эшелон русских белогвардейцев и чехо-словаков. На открытой платформе стояли два трехдюймовых орудия и несколько пулеметов. Невзирая на численное превосходство противника, наш бронепоезд бросился в атаку. Среди белогвардейцев началась паника. Пехота и часть успевшей выгрузиться из вагонов кавалерии противника бросились врассыпную. Мы открыли беглый артиллерийский



огонь из своих трехдюймовок. Противник начал ответный огонь. Растерявшаяся было вначале пехота, сгруппировавшись, повела на бронепоезд атаку. В то же время позади бронепоезда появились белые. Однако наш артиллерийский и пулеметный огонь быстро заставил их отступить.

В первых столкновениях мы опрокинули врага своим натиском и дерзостью. Но у нас не было сил, чтобы обезопасить себя с флангов и закрепить наше продвижение. Пехоты на фронте почти не было, если не считать ничтожных гарнизонов Мелекеса и других станций да небольших разрозненных партизанских отрядов из деревенских коммунистов и бедноты. Бронепоезд двигался без пехотного и кавалерийского прикрытия.

Оперируя на Волго-Бугульминской железной дороге, мы постоянно находились под угрозой обхода с правого фланга, так как противник вел наступление с юга, со стороны Ставрополя — Кротовки — Бугуруслана, выходя время от времени на линию железной дороги и занимая отдельные станции. Имея в своем распоряжении кавалерию, противник не раз пытался охватить с флангов и тыла наш бронепоезд.

В начале нашего наступления Уфа и Бугульма были еще в руках красных войск. Но 3—4 июля пала Уфа, а затем — Бугульма. Нашей задачей стало очищение этих городов от чехо-словаков.

«Даешь Бугульму», «даешь Уфу», — то и дело слышались возгласы среди команды.

Командование поезда решило прорваться до Бугульмы и, организовав там рабочих, создать таким образом пехотные части, чтобы потом более уверенно продвигаться на Уфу. И мы настойчиво шли вперед, с небольшими боями занимая станции Нурлат, Челны, Шенталу, Клявлино.

## Бугульма взята

По мере нашего продвижения к Бугульме мы все чаще встречали отряды и разъезды противника. Они оказывали все более упорное сопротивление, часто переходя в контрнаступление. Особенное упорство бело-чехи проявили возле станции Дымка в бою 8—9 июля у железнодорожного моста через реку Шешму.

По ту сторону моста, с правого фланга, белые сосредоточили большие силы пехоты и замаскировали пулеметы. А с левой стороны они стали бить беглым огнем по нашему бронепоезду и по мосту, стремясь всеми силами поджечь мост, чтобы воспрепятствовать переходу бронепоезда через реку. Бронепоезд все время поливался дождем пулеметного и ружейного огня.

Неожиданно, в обход с левого фланга, появилась белогвардейская пехота в рассыпном строю, численностью до 150 человек. Она продвигалась с очевидной целью взорвать позади нас железную дорогу.



Мы поспешили повернуть несколько бойниц навстречу этой пехоте. Загорелся упорный бой.

Здесь наш бронепоезд показал всю свою силу. Бойцы не знали усталости. Земля дрожала от беглого огня. Пыхтел паровоз. Строчили косарки-бойницы.

Вдруг в разгаре боя раздался тревожный звонок на паровозе. Машинист сообщил об отсутствии воды в тендере. Что делать? Отойти назад нам казалось преступлением: это значило бы отдать позицию неприятелю, дать ему возможность сжечь мост, выиграть время и сильно укрепнуть.

Наученные опытом предшествующих боев, мы сумели найти выход из положения. Бронепоезд отошел только до ближайшего разъезда. Здесь мы быстро мобилизовали крестьян и вместе с ними стали вручную и насосами наполнять тендер водою из водонапорной башни и кранов, попорченных чехо-словаками. Работали героически.

Паровоз скоро зашипел, заработали поршни. Рванув бронеплощадку, он снова понесся к мосту на неприятеля.

За первым же поворотом железной дороги противник встретил нас упорным артиллерийским огнем. Но снаряды ложились сзади бронепоезда. Повидимому, чехословацкие орудия были наведены на место стоянки бронепоезда, где набирали воду. Снова загорелся бой.

После часового орудийного и пулеметного огня неприятельская пехота стала отходить по флангам в глубь степи, а часть стала в панике отступать по направлению к Бугульме.

Не медля ни минуты, мы проскочили через мост, продвинулись еще немного вперед и выслали на дрезине разведку в количестве 6 человек под моей командой.

Вооруженные с ног до головы влетели разведчики на первый от Бугульмы полустанок (кажется, Базаровка). Чехо-словацких солдат было здесь немного; они сейчас же скрылись. На полустанке были захвачены и переданы в штаб поезда телеграфные ленты, аппараты, шифр и документы.

После урока у Шешмы чехо-словаки, видимо, не хотели вступать с нами в серьезный бой: их части разбрелись, а незначительный отряд, отступавший по железной дороге, не успел закрепиться в Бугульме.

Чехо-словаки дали лишь небольшой бой, когда мы продвинулись к семафору перед Бугульмой. После трех наших орудийных выстрелов неприятель отвел свои силы за Бугульму.

10 июля мы заняли город.

Тут же после взятия нами Бугульмы мы получили срочную телеграмму за подписью главкома Муравьева, примерно следующего содержания:

«В виду объявления нам войны Германией приказываю прекратить наступление на Уфу. Предлагаю повернуть все части против немцев на Украину».



Содержание этой телеграммы сразу возбудило сомнения, и на другой день Полупанов выехал в Симбирск проверить смысл телеграммы главкома.

В Симбирске Полупанов побывал в ревкоме у т. Варейкиса и, получив подробную информацию о предательстве Муравьева, сообщил об этом в Бугульму по телеграфу. Затем он выехал в Москву, в оперативный штаб Центроброни с докладом и 17 июля вернулся обратно на фронт.

Восстание Муравьева деморализующим образом действовало на команду бронепоезда. Зашевелились темные силы, пробравшиеся в ряды нашей команды. Они повели агитацию среди команды за оставление позиций и возвращение в Симбирск. Бомбардир-наводчик Морозов и несколько подозрительных личностей начали учинять грабежи и насилия над мирными жителями.

Штаб бронепоезда решил было расстрелять Морозова и его подручных. Но тут оказалось, что значительная часть команды подверглась разложению и идет за Морозовым. Арест и расстрел Морозова и его сообщников повлекли бы за собой столкновение между двумя частями команды. Надо было действовать убеждением и осторожно.

Открываем митинг, призываем команду не поддаваться изменнически-грабительскому порыву, помнить, в каком положении мы сейчас находимся, и стойко продолжать борьбу за дело рабочего класса.

После выступления коменданта бронепоезда и еще некоторых товарищей команда приняла решение: «всеми мерами бороться против провокаторов и грабителей и убирать с дороги тех, кто мешает борьбе». Однако Морозова и других арестовать нам не удалось.

Вредные последствия морозовщины сказывались и позже, ослабляя нашу боеспособность. Осложнилась и сама боевая обстановка. Все наши планы сразу рушились, как только мы вступили в город.

Бронепоезд фактически занял только станцию и город Бугульму. А вокруг города оставались белые части.

Впереди по направлению к Уфе красными войсками заняты были три станции. Но необходимость охранять город, обнаружившийся недостаток снарядов и патронов — все это не позволяло удерживать занятые станции, и мы должны были отойти к Бугульме, потеряв в боях два орудия. Вообще, заняв Бугульму, мы слишком выдвинулись вперед и лишили себя возможности свободно маневрировать. Наша стоянка в Бугульме на одном месте была выгодна неприятелю. От захваченных в плен чехо-словаков мы узнали, что части противника под командованием генерала Галкина обходят нас в направлении Дымка — Клявлино с целью отрезать отступление бронепоезду и захватить весь наш состав.



Политические и военные обстоятельства складывались так, что нам необходимо было оставить Бугульму и начать отступление на Мелекес—Симбирск. Мы ждали подкреплений из Симбирска, но их не было.

Поймали неприятельского разведчика, который сообщил, что чехо-словаками готовится взрыв пути и атака на бронепоезд. Медлить с отступлением не было смысла.

## Отступление на Симбирск

13 июля бронепоезд отступил из Бугульмы. Как только поезд вышел на открытую, выгодную для неприятельской артиллерии позицию, чехо-словаки из двух орудий стали нащупывать наше местонахождение. Но их снаряды ложились позади полустанка. Бронепоезд двинулся вперед, но там заговорило еще два орудия. Было очевидно, что чехо-словаки пытаются захватить бронепоезд. Вновь очутились мы в кольце огня, в неблагоприятных условиях.

Мы должны отступать, чтобы не остаться в кольце белых войск. В первую голову надо было отвести подальше весь состав отдела снабжения.

За Шешмой, у знакомого уже разъезда, мы вновь остановились набрать воды и при помощи крестьян окрестных сел вручную перекачивали воду в тендер. Эта остановка чуть не привела к гибели бронепоезда. С целью сбить наш бронепоезд чехо-словаки пустили на него полным ходом паровоз с платформой, наполненной песком и камнями. Однако мы во-время заметили опасность, приняли меры и паровоз с платформой был пущен под откос. Вслед за этим чехо-словаки повели бешеную атаку на нас с левого фланга. Вновь заработали «косарки». Бешено стали «плевать» стальные пасти орудий.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Оказалось, на 1-й площадке от частого беглого огня и неосторожности наводчика силой взрыва были вырваны замок орудия и правая дверь бронеплощадки. Три артиллериста были серьезно ранены. Был контужен комендант бронепоезда.

17 июля утром в распоряжение бронепоезда прибыл новый командующий симбирской группой войск Пугачевский.

На состоявшемся митинге он обрисовал общее тяжелое положение фронта и нашего участка. Как бы оправдываясь, он ссылался на измену Муравьева, на хозяйничание в Симбирске левых эсеров, которые подрывали силу обороны и помешали послать нам подкрепление. Этого подкрепления, по словам Пугачевского, нам лучше и не ожидать, а надо бороться самим.

На наши вопросы: почему нет снарядов, почему нет помощи со стороны пехоты, почему бы нам не наладить более тесную связь с Симбирском, — командующий отвечал вяло и неохотно.



Выступление Пугачевского произвело на команду тяжелое впечатление. С ответным словом выступили комендант поезда и начальник пулеметной команды Васильев, которые призывали товарищей не поддаваться унынию и смело смотреть вперед.

На следующий день к нам прибыло подкрепление — пехота. А 19 июля прибыли два вагона снарядов. Но снаряды оказались не того калибра, какой нам был нужен.

Мы вынуждены были отступить к Мелекесу.

Во время нашей стоянки под Мелекесом кулаки захватили и зверски убили машиниста бронепоезда, немецкого солдата-спартаковца Эрдмана.

Это был неустрашимый, зоркий водитель бронепоезда, не знавший усталости.

Эрдман с другими полупановцами рано на заре отправился в разведку.

Оторвавшись от товарищей, он стал жертвой предательского нападения со стороны вооруженного кулачья. Эрдман был зверски истерзан.

Мы похоронили Эрдмана у самой линии железной дороги. На могиле героя мы положили несколько гильз. Успели и отомстить за смерть героя. Два кулака, убившие Эрдмана, были расстреляны рядом с его могилой.

Около станции Бряндино наш бронепоезд и другие прибывшие из Симбирска части приняли бой с наступающими чехо-словаками. Это был один из наиболее упорных боев во время симбирской операции. Обстановка складывалась для нас неблагоприятно. Кавалерия противника все время обходила нас с флангов и не раз пыталась подорвать железнодорожный путь, чтобы отрезать отступление бронепоезду. В то же время на нас надвигались значительные силы противника со своим бронепоездом. Чтобы задержать это наступление, Полупанов выслал навстречу неприятелю подрывную команду, поручив ей взорвать линию железной дороги.

В составе подрывников были Гимельштейн, Зеленов, Вобин и другие.

Под огнем наступающего противника закипела работа. Пошли в ход консервные коробки, их набивали пироксилином, привязывали к рельсам и взрывали путь, развинчивали винты, растаскивали рельсы... Примерно на полкилометра путь был приведен в негодность.

Подрывники вернулись на станцию Бряндино. Мы решили пожертвовать старым паровозом, пустив его по испорченному пути, чтобы его обломками еще больше загромоздить путь. Разогнали паровоз, соскочили с него. Но в тот же момент пожалели, что разобрали путь. На нас надвигался бронепоезд противника. Заметив несущийся навстречу паровоз, противник бросился наутек.



Мы жалели, что пущенный нами паровоз не мог врезаться во вражеский бронепоезд.

Наступление противника стало более настойчивым. Усилилась артиллерийская стрельба. Наш бронепоезд отвечал. Появившийся аэроплан противника мы встретили энергичной стрельбой.

Ожидаемое дополнительное подкрепление пехоты однако долго не приходило. Беспокоясь за левый фланг, командир поехал на разведку, взяв с собой двоих бойцов. Разведка вскоре была обстреляна из лесу. Двое разведчиков были убиты наповал. Было ясно, что нас обходят с флангов.

Надо было отходить. Мы выслали еще одну разведку на дрезине к станции Чердаклы.

Через некоторое время разведка по телефону сообщила, что путь еще свободен. С минуты на минуту ожидая нашего бронепоезда, разведка заметила, что на путь выходит пустой состав. Через несколько минут этот состав разбил дрезину. Разведчики бросились на паровоз и под угрозой нагана заставили машиниста во-время увести состав. Вскоре проследовал наш бронепоезд.

Со стороны станции Бряндино доносятся звуки артиллерийской, пулеметной стрельбы и треск ручных гранат. Догадываемся, что наш вспомогательный бронепоезд попал в переделку.

Этот поезд состоял из одной железной полуброни, обшитой внутри досками с песком (с четырьмя пулеметами и одним трехдюймовым орудием), и двух открытых платформ, загруженных разными материалами, рельсами, шпалами, стрелками и пр. Вспомогательным бронепоездом командовал Иван Болдеско.

Поезд Болдеско не успел выскочить из неприятельского мешка, образовавшегося у станции Бряндино. На повороте над высоким откосом, где требовался замедленный ход, чехо-словакам удалось пулеметным огнем разрезать бак тендера, и вся нефть была выпущена. Поезд стал. Болдеско совсем растерялся и кричал пулеметчику Гольденбергу: «Юрка, выручай!» Чехо-словаки меж тем забрасывали поезд ручными гранатами.

Гольденберг «сорви-голова» немедленно запер выходы площадки и начал отбиваться насколько было возможно, не давая чехо-словакам подойти близко. Однако команда бронепоезда несла большие потери. Гольденберг, видя, что им так долго не продержаться, вооружил всех и приказал выходить по одному из поезда. Под жестоким огнем, теряя убитых и раненых, часть команды ушла в лес и на второй день добралась до нашего поезда. Так погиб вспомогательный пульмановский бронепоезд Ивана Болдеско.

Мы отступили к станции В. Часовня, под Симбирском. В результате боев на бронепоезде «Свобода или смерть» оказались испорченными два орудия из четырех, а к шестидюймовому орудию не было снарядов. Состав был сильно потрепан, поврежденные бойницы требовали ремонта. Командир поезда выехал с докладом в Симбирск. Штабом симбирской группы войск было решено отвести бронепоезд на ремонт в Инзу.



## Гибель бронепоезда

21 июля, в 15 часов, бронепоезд вышел из Симбирска. Отдел снабжения остался на главном вокзале. Он должен был вскоре последовать за нами.

Не доезжая до станции Киндяковка, бронепоезд остановился. Отсюда мы послали разведку на дрезине, которая вскоре возвратилась и сообщила, что впереди путь разобран, а деревянный железнодорожный мостик горит.

Бронепоезд медленно продвигался вперед к станции Охотничья. Вдруг нас стали обстреливать из орудий с левого фланга со стороны села Белый Ключ. Бронепоезд отвечал.

Более двух часов продолжалась перестрелка, а затем вследствие порчи последнего орудия бронепоезд вынужден был отойти на станцию Симбирск I.

Во время этого артиллерийского боя у нас не было ни одного отряда пехоты, кроме железнодорожной охраны. Отсутствие нужных военных сил вызывало чувство особого возмущения против штаба симбирской группы и его руководителя Пугачевского. Только около 6 часов вечера, когда мы отошли на Симбирск I, можно было наблюдать начавшееся передвижение небольших групп красной пехоты к деревне Киндяковка и по линии железной дороги.

На вокзале Симбирск I царил паника и растерянность. Мы сейчас же стали добиваться нужных подкреплений и указаний о дальнейших действиях. Однако вследствие порчи телефонной сети мы не могли связаться ни с ревкомом, ни с губисполкомом. Летучее собрание всего состава бронепоезда решило оставить поезд под охраной и всей командой присоединиться к гарнизону города для совместных действий против чехо-словаков. Наскоро вооружившись кто чем попало, команда поспешила к месту боя. По пути к ней присоединилась часть гарнизона (до 100 человек), которая двигалась в рассыпном строю вдоль железной дороги.

Не доходя станции Киндяковка, у откоса железной дороги, наши части разбились на два отряда. Один взял направление по линии железной дороги, а другой, состоявший из команды поезда и части гарнизона (человек 80), направился несколько левее, между шоссе и деревней Киндяковка. Этот отряд поставил себе задачу — окружить неприятельскую батарею, которая обстреливала наш бронепоезд и место его стоянки в районе села Белый Ключ. Благодаря красногвардейцам из гарнизона, которые хорошо знали местность, отряд подвигался к намеченной цели беспрепятственно.

Деревня Киндяковка уже оставалась позади, как вдруг из-за деревни начали обстреливать нас из пулеметов. Тогда из отряда выделились 25 смельчаков, которые хорошо знали местность,



и пошли в обход сбить пулеметы. Остальные направились в сторону реки Свияги. Нашим бойцам удалось заставить замолчать один из неприятельских пулеметов, потеряв в этом бою 19 человек. Остальные отошли на Свиягу и присоединились к первой группе, которая также вела жаркий бой.

Было часов 9—10 вечера. Перестрелка разгоралась. Около железнодорожной будки наши бойцы укрепили 2 пулемета. Сзади, на расстоянии приблизительно 100 шагов, строчил пулемет, принадлежавший гарнизону. В это время от села Вырыпаевка через железнодорожный путь нас обошла цепь белых, человек в 60—70. Мы вынуждены были несколько отойти, но сейчас же жестоким огнем заставили белых отступить.

Со стороны Киндяковки усилилась стрельба. «Эго приближается цепь противника с другой стороны», — думали мы. Открываем огонь и затем отходим. Только остановившись у Винновской рощи, когда эта цепь совсем приблизилась к нам, мы заметили, что это были не белые, а наши. Обе группы соединились.

Часам к 11 ночи неприятельская цепь замолчала. Неприятель, видимо, к чему-то готовился. Мы же со своей стороны выслали во все стороны разведки, из коих некоторые не возвратились.

В ночь на 22 июля до 3 часов утра было затишье, несколько раз прерываемое вспышками ружейной и пулеметной стрельбы с обоих флангов. Мы готовились с рассветом пойти в атаку и опрокинуть противника, занявшего деревню Киндяковка.

Но позже от товарищей, прибывших с бронепоезда, мы узнали, что части симбирского гарнизона бросают позиции и отходят в разные направления; что со стороны станции Чердаклы к Волге продвигаются чехословацкие части. Бронепоезд был переведен со станции Симбирск под гору к железнодорожному мосту через Волгу.

С рассветом бой возобновился. Противник за ночь успел выдвинуть свой левый фланг, и станция Киндяковка была занята передовыми частями белых.

Сперва мы в центре продвинулись вперед. Но, опасаясь быть охваченными с трех сторон, отошли и залегли между Винновской рощей и городом.

Часов в 5 утра над нами появился неприятельский аэроплан, бросавший бомбы. Истошив запасы патронов и гранат и не дождавшись подкрепления, мы стали постепенно отходить к городу, стягиваясь под гору к нашему бронепоезду, который был переведен к мосту.

На совещании командного состава бронепоезда выяснилось, что для бронепоезда нет спасения. В один голос решаем: «не сдавать бронепоезда. Уничтожить его самим». Начали развинчивать рельсы и разводить их с расчетом спустить паровоз в Волгу.



Заранее снимаем и уничтожаем пулеметные и орудийные замки, набираем пар, разгоняем паровоз.

Но расчеты наши не оправдались. Лишь первая площадка спустилась в Волгу, паровоз своей тяжестью выправил правую рельсу и застрял на мосту.

...Город пал.

Симбирские белогвардейцы обстреливали нас из окон домов и с балконов. Мы отступили к пристани.

Между 5 и 6 часами утра до 150 человек (команда поезда и мадьяры, примкнувшие к нашему отряду возле Мелекеса) погрузились на катер и отошли вверх по Волге.

Усталость взяла свое, и почти все находящиеся на палубе заснули, как убитые. Сестра милосердия из бронепоезда оказывала медпомощь раненым.

В 12 часов дня, когда наш катер поравнялся с деревней Старая Майна, с берега раздался орудийный выстрел, а затем был открыт пулеметный огонь. Стоявший у пристани пароход предлагал нам пристать к берегу.

Мы не могли ориентироваться, кто там на берегу. Вообще встретить противника на расстоянии 40—50 километров от Симбирска мы не ожидали.

Стоявшие на берегу, — как выяснилось потом русские белогвардейцы, — кричали нам:

— Эй, товарищи! Свои, подходи!

Проскочить мимо было невозможно, так как Волга в этом месте настолько узка, что гибель катера от обстрела была неминуема. Кроме того мы были почти уверены, что на берегу свои. Орудийный выстрел можно было понять как сигнал, а пулеметный огонь могли открыть и наши в предположении, что на катере чехо-словаки.

Катер, ничего не подозревая, подошел к пристани. Не успела команда сойти на берег, как с бомбами в руках и с криком: «сдавай оружие» чехо-словаки вскочили на катер. Сопротивление бесполезно. Мы стали уничтожать документы.

«Кто мадьяр, становись сюда!» — раздалась команда. И тут же, шагах в 40 от пристани, стали зверски расстреливать мадьяр.

Русских красногвардейцев прикладами выталкивали на берег.

## Мой побег

На берегу идет расстрел. У меня на лице запекшаяся кровь, тужурка тоже в крови — явные следы недавнего боя. С парохода нас вывели троих: меня, пулеметчика со второй площадки и кочегара бронепоезда.

У всех нас, повидимому, была одна и та же мысль: «все равно убьют, надо бежать». Лишь только ступили мы на берег, —



все разом бросились врассыпную в лес. Кочегар упал, сраженный шальной пулей. Пулеметчик продолжал бежать рядом со мной, хотя у него было раздроблено плечо.

Бежим, куда глаза глядят. За леском хутор. Бежим туда, но видим, что там копошатся люди. Мы бросаемся в рожь. Меня охватывает непреодолимая слабость — результат контузии и всего пережитого. Я лишаюсь чувств...

Сколько времени лежал я во ржи, — не знаю. Когда я очнулся, то увидел возле себя записку, оставленную пулеметчиком: «Прости — спасайся так же».

Слюной умываю себе руки и лицо. Голенища сапог прячу под брюки. Тужурку совсем сбрасываю и оставляю свое укрытие.

Но что это? Да, так оно и есть — казачий разъезд. Их двое. Они меня заметили, укрываться бесполезно, иду им навстречу.

— Ты кто такой и куда идешь? — был задан мне вопрос.

— Я отстал от партии, ищу работу, — пустился я на хитрость.

— Ну, идем с нами, там разберемся.

— Да мне не по дороге с вами, господа!

— А ты не большевик?

Я ответил отрицательно. Все же мне пришлось пойти с ними.

По пути разговорились. Казак спрашивает: могу ли я шить брезентовые ведра. Я ответил, что могу.

Я вновь у пристани. Часовой не понимает по-русски и, не разобравши, что ему говорят казаки, толкает меня на пароход, на тот самый пароход, на котором я приехал из Симбирска. На нем уже осталось очень мало людей.

Разговорившись с одним из товарищей, который впоследствии признался мне, что он комиссар артпарка города Симбирска, я узнал, что комендант бело-чешского отряда решил ночью покончить с остальными.

Мы решили пойти к коменданту. Часовой нас пропустил к нему.

Мы стали просить разрешения сойти на берег для покупки хлеба. Комендант расспросил, кто мы такие, и, узнав, что мы портные, предложил нам работу. Мы согласились. Получив пропуск, написанный на чехословацком языке, мы отправились на берег.

На берегу мы отыскивали подводу, идущую в село Старая Майна, в семи километрах от пристани. Договорились с подводчиком и поехали в это село.

Встречавшиеся по дороге чехословацкие разъезды, просмотрев пропуск, не задерживали нас.

Наш подводчик оказался очень приветливым и разрешил нам даже переночевать у него, спрятав нас на сеновале.

Ночью слышна была сильная артиллерийская перестрелка. Как видно, прорывались последние отряды симбирского гарнизона.



Наш хозяин согласился повезти нас дальше, если мы доставим пропуск в волости. Идем туда. При поддержке того же крестьянина нам удалось получить пропуск. 23 июля в 12 часов дня мы направились в город Спасск и прибыли туда около 10 часов вечера того же дня.

Мы, живые мертвецы, снова очутились в стане людей, творящих новую, будущую счастливую жизнь.

Встретившийся нам патруль, расспросив нас, сообщил, что город эвакуируется в Казань.

Мы поспешили к Волге и добрались туда, когда собирались уже убирать сходни с парохода «Кавказ и Меркурий». Мы успели сесть на пароход.

На рассвете тревога. Какой-то пароход с двумя жерлами впереди догоняет нас, сигнализируя нам остановку. Наш пароход прибавляет пары. Напрасно. Мы настигнуты. Однако наши страхи оказались неосновательными. Это был пароход сторожевой волжской флотилии.

24 июля мы прибыли в Казань, а 26 июля я уже выступал в Центроброне в Москве с подробным докладом о гибели нашего бронепоезда.

Так кончилась борьба команды бронепоезда «Свобода или смерть» с чехо-словаками. Из захваченных в плен товарищей многие были расстреляны, многие погибли от голода и эпидемии, и лишь несколько человек спаслось. Тов. Полупанов вместе со своей женой и начальником связи Соколовым воспользовались чужими паспортами, выдали себя за мирных жителей и были отпущены чехо-словаками «на родину». Девять дней блуждали они, прячась в лесах и хлебах, и только на десятый день около станции Чуфарово наткнулись на наш Латышский полк, который направлялся на симбирский фронт.







**Я. ЗВИРБУЛЬ**

## **ПАДЕНИЕ СИМБИРСКА**

---

### **После муравьевской авантюры**

**В** ночь на 11 июля в просторных залах б. кадетского корпуса прогремели выстрелы, ликвидировавшие муравьевскую левозсеровскую авантюру. Это была победа нашей партии, — ее симбирской организации.

Наутро жизнь, казалось, потекла своим порядком, без особых изменений в военно-политической обстановке. В действительности это было не так.

Ясно было, что восстание Муравьева против советов послужит сигналом для решительных действий противника.

Ближайшим объектом активности чехо-учредилловцев мог быть именно Симбирск, наиболее близкий к Самаре крупный центр, имевший большое стратегическое значение.

Комитет большевиков и командование 1-й Революционной армии слали телеграммы по фронту о ликвидации авантюры, о необходимости удерживать занятые позиции.



Росло беспокойство за состояние красного фронта. Ведь Муравьев успел разослать свои предательские телеграммы о мире с чехо-словаками по всему фронту.

Утром 11-го мы узнали, что Сызрань вновь занята белыми и наши части понесли там тяжелое поражение.

Командарм Тухачевский, арестованный вчера Муравьевым, взялся за реорганизацию командования симбирской группы войск. Числа 13-го было проведено узкое военное совещание. На место арестованного командующего симбирской группой, левого эсера Клим Иванова, присоединившегося к Муравьеву, командующим был назначен Пугачевский.

Это была не особенно удачная кандидатура, но других тогда не было.

Руководя военными операциями на бугульминском участке, он не проявил достаточного умения и инициативы. Приняв командование симбирской группой войск, он большую часть времени находился на бугульминском фронте явно в ущерб общему руководству группой.

Муравьевская авантюра действительно особенно пагубно отразилась на бугульминском участке. Здесь особенно сильно проявлялась среди бойцов боязнь измены со стороны комсостава.

С другой стороны, в такой мощной боевой единице, как бронепоезд Полупанова («Свобода или смерть»), многие не верили в измену Муравьева.

Части начали разлагаться, митинговать и оставлять позиции под предлогом «отсутствия патронов и снарядов», «невыплаты жалования», «измены» и т. п. А вылезшие шкурники, демагоги и провокаторы требовали обязательного присутствия высшего командования на фронте, на боевых участках.

Занимаясь уговорами, Пугачевский застрял на одном участке фронта, мешая вновь назначенному командующему бугульминской группой Хлебникову и выпуская из рук общее руководство всей симбирской группой войск.

Начатая реорганизация штаба симбирской группы войск до конца проведена не была.

От засилья левых эсеров в военных органах в период, предшествующий муравьевскому восстанию, оставалось тяжелое наследие. Эсеры, имея в своих руках штаб симбирской группы войск, губвоенкомат и проводя свою линию, насаждали партизанщину на фронте.

Враждебно настроенные к большевикам и связанные с Муравьевым, левые эсеры не могли и не хотели вести борьбу против белогвардейских элементов, проникавших в военные органы. Левоэсеровская «революционность» и партизанщина служили хорошим прикрытием для белогвардейского офицерства, свившего себе прочное гнездо в штабе симбирской группы войск и в губвоенкомате. В руках контрреволюционного офицерства оказались оперативная часть, разведка, связь штаба группы



войск. Этого было достаточно, чтобы незаметно дезорганизовать управление фронтом.

Пугачевский не занялся вплотную упорядочением управления группой войск. Назначенный политкомом в штаб группы Певзнер и его помощники работали в атмосфере едва скрываемой неприязни со стороны офицерской части штаба. Под прикрытием внешней корректности в отношении политработников бывшие офицеры осуществляли тонкий скрытый бойкот и чинили всяческие препятствия. Неожиданно, например, начальник оперативной части лишал политработников права входа в аппаратную штаба или прекращал доставку телеграмм для политсводок. Конфликты преодолевались при содействии губисполкома и комиссара 1-й армии т. Куйбышева.

Симбирский комитет партии вполне основательно выражал свои опасения за постановку дела в штабе группы перед членом реввоенсовета Восточного фронта Благоднавым, который приехал в Симбирск с широкими полномочиями организовать оборону города.

Благоднов согласился с предложением комитета об образовании штаба по обороне города. В состав его вошли: командующий группой войск Пугачевский, губкомиссар труда Иванов (большевик), командир Латышского полка Тилле (беспартийный), губвоенком Гольман (эсер-максималист) и автор этих строк, назначенный одновременно начальником укрепленного района.

Обстановка на фронте, особенно на бугульминском участке, в этот момент складывалась не в нашу пользу. Красные части оставили Бугульму и к 15 июля были уже в тридцати верстах от Мелекеса.

Перед штабом обороны вплотную встал вопрос о срочном укреплении подступов к городу. Но здесь штаб натолкнулся на ряд серьезных трудностей. Мероприятия по обороне осуществлялись исключительно медленно.

Штаб обороны не имел своего рабочего аппарата и все мероприятия должен был практически осуществлять через штаб группы войск и губвоенкомат. А там было неблагополучно и в политическом и в техническом отношении. Губвоенкомат не был в состоянии быстро и отчетливо выполнять задания штаба. Губвоенкомом был оставлен эсер-максималист Гольман, отмежевывавшийся от Муравьева после его гибели. При сомнительности своей политической физиономии Гольман и как военный работник был не на месте.

Правда, в губвоенкомат был послан для работы Фрейман, но он не сумел взять управление военным делом в свои руки. А Гольман продолжал в губвоенкомате левоэсеровские традиции. Губвоенкомат, например, под разными предлогами не соглашался давать на фронт более или менее компактные целые части, и обычно для отправки на фронт выдергивались отдельные взводы из ряда частей. Из них создавался очередной, так



называемый «сводный симбирский отряд» и передавался в распоряжение группы войск.

Эти «сводные отряды» бросались поодиночке под пули наступающего противника. Так, в течение недели на поддержку бугульминской группы были брошены: батальон Хлебникова, затем небольшой отряд интернационалистов (человек в 70), «сводный отряд», надерганный из разных рот Симбирского советского полка, наконец, под Мелекес были брошены остатки симбирского рабоче-коммунистического отряда. Все эти разрозненные, неспаянные, малочисленные отряды, появляясь на фронте, неизменно разбивались чешскими полками, отрядом капитана Степанова и частями оренбургских казаков.

Ко всему этому в губвоенкомате не было произведено необходимой чистки от белогвардейских элементов. Особенно заметно было их засилье в артиллерийском управлении. В результате их саботажа в начале боя под Симбирском у нас действовало всего два орудия.

В этот ответственный, тяжелый момент было необходимо сосредоточение военной и политической власти в одних сильных руках. Вместо этого в Симбирске находился ряд военных органов, властей и начальников, а именно: штаб симбирской группы войск, считавший себя верховным органом укрепления и обороны города; чрезвычайный штаб обороны; губвоенкомат с продолжающимся левоэсеровским засильем; штаб гарнизона, во главе которого стоял военспец Поляков, хотя и лояльный, но оторванный от политических органов; наконец, приехавший из Казани с чрезвычайными полномочиями член реввоенсовета Восточного фронта Благоданов.

Кроме того в городе оставались комитет партии и губисполком, которые, являясь высшими органами политического руководства и контроля, также вмешивались в военные дела.

Все эти органы и лица стремились координировать свои действия в штабе обороны города, но дельного из этого получалось мало. Указания штаба обороны вместо быстрого выполнения нередко опротестовывались губвоенкоматом, штабом группы войск, начальником гарнизона и т. п.

## Разногласия в штабе обороны

Штабом обороны было решено возвести на важнейших подступах к городу окопы, пулеметные блиндажи, траверсы на железнодорожном мосту через Волгу и все это опутать проволочными заграждениями.

Однако по вопросу, с какой стороны угрожает городу опасность, в штабе обороны возникли серьезные разногласия. На экстренном заседании штаба единства мнений по этому важнейшему вопросу не было достигнуто.



Большинство его, в частности Пугачевский и представитель губсовдепа В. Фрейман, было буквально загипнотизировано бугульминским направлением, утверждая, что отсюда грозит Симбирску главная опасность, и настаивало на первоочередности укреплений на левом берегу Волги, у станции В. Часовня и на подступах к Волжскому мосту.

Меньшинство отстаивало ту точку зрения, что гораздо большая опасность городу грозит с юга. Основанием для такого мнения были последние сведения с теренгульского направления, что через село Троицкое прошла разведка противника. Поступили также глухие сведения о движении каких-то колонн противника неизвестной численности от Батраков и Сызрани на север.

Казалось маловероятным, чтобы в этих передвижениях противника заключалась какая-либо непосредственная угроза Симбирску, находящемуся на расстоянии свыше 150 километров от Сызрани. Но в виду того, что большое пространство шириной около 60 километров, между сенгилеевской и инзенской группами войск оставалось не прикрытым, можно было предполагать наступление противника от Сызрани на Инзу и Симбирск. Однако большинство штаба находило невероятным, чтобы противник двинулся прямо на Симбирск между двумя группами красных войск. Но под давлением В. Фреймана мое предложение о мерах предосторожности на южных подступах к городу было отвергнуто. Первоочередным было признано возведение укреплений на левом берегу Волги.

Штабом обороны была создана комиссия по проведению фортификационных работ. В нее вошли: главный инженер губвоенкомата, командир Латышского полка Тилле, комиссар труда Иванов и я как начальник укрепленного района.

Комиссия разработала план, и с 16 по 19 июля развернулись спешные работы по возведению окопов и блиндажей на левом берегу Волги. Туда были высланы инженеры и мобилизованные чернорабочие.

19 июля наша комиссия, как всегда, находилась в поле возле Верхней Часовни. Расположившись на холме и разостлав карту, мы наносили на нее линию окопов, отмечая пункты пулеметных блиндажей. С нами было несколько латышских стрелков.

Среди дня со стороны станции Чердаклы показался поезд, медленно приближавшийся к нам. Мы не обращали на него внимания. Вдруг Тилле с беспокойством вскрикнул:

— Товарищи, на нас нападают.

С поезда соскочила группа солдат с винтовками и цепью стала приближаться к нам.

«Неужели чехо-словаки?» — была первая мысль.

Наступающие уже охватили нас полукругом, крича:

— Кто вы такие?

Соппротивление было бессмысленно, и я велел стрелкам положить оружие. Но подошедшие оказались красноармейцами. Они



просмотрели наши документы и затем рассказали, что наши части оставили накануне Мелекес, а сегодня в ночь от станции Бряндино снова перешли в наступление и двинулись обратно на Мелекес. Идущий на Симбирск поезд эвакуирует раненых и материальную часть.

Закончив работы, мы сели в поезд и двинулись в Симбирск. В вагонах мы обнаружили много совершенно здоровых солдат. Было ясно, что в составе нашли себе приют и дезертиры.

20 июля мы с Благодоровым ездили осматривать укрепления на левом берегу. После осмотра было решено заняться наконец укреплением южной стороны города на правом берегу. Комиссия выехала к селу Белый Ключ для проектировки линии наших окопов. В тот же день к селу Белый Ключ было двинуто около 300 рабочих.

Как раз в это время поступили весьма тревожные сообщения о событиях под Мелекесом.

Наши части вновь потерпели поражение.

Полупанов потерял в бою свой вспомогательный бронепоезд. Наши части были деморализованы и без боя отходили к станции Бряндино и Чердаклы, к предпоследним станциям на пути чехословаков к Симбирску с востока, а у нас не была установлена еще артиллерия, не хватало пулеметов, не определены были части, которые должны занимать разные участки фронта.

Не было и плана предстоящего боя с наступающими чехословаками—будем ли мы только обороняться или попробуем от Верхней Часовни перейти в наступление. Чувствовалось, что мы запаздываем с организацией защиты города.

На экстренном заседании губисполкома было решено пополнить штаб обороны гг. Малаховским и Мороз и сосредоточить всю военно-политическую власть в руках чрезвычайного коменданта города.

Комендантом был назначен Иосиф Варейкис.

Особенное беспокойство возбуждал вопрос об артиллерии. Начальнику артиллерии укрепленного района, члену губисполкома Хламину не удавалось преодолеть саботаж артиллерийского управления губвоенкомата. 20 июля в нашем распоряжении было всего только два готовых к действию легких орудия Латышского полка.

В то же время было известно, что на складах военкомата орудия имеются. Нужны были исключительные усилия, чтобы вырвать их оттуда. Пришлось чрезвычайному коменданту города И. Варейкису, начальнику артиллерии Хламину и мне непосредственно заняться разыскиванием орудий.

Вечером 20-го мы ездили на станцию Киндяковка для осмотра стоявших там на платформах пушек с целью использования их. Станции Симбирск I и Киндяковка были забиты составами и платформами с военными материалами, продовольствием и санитарными поездами. В последние дни сюда прибывали поезда



с амуницией из штаба 1-й армии (Инза) и здесь же скапливались составы, эвакуируемые с Волго-Бугульминской железной дороги.

Вскоре мы отобрали необходимые орудия и отправили их на позиции для обстрела Заволжья и переправ через Волгу.

## Белогвардейцы под городом

Между тем войска бугульминского фронта уже скопились перед Симбирском, на левом берегу Волги.

Среди этой массы серьезной боевой единицей был лишь бронепоезд Полупанова. Но он по настоянию Полупанова должен был идти на Инзу для ремонта. Остальные части представляли собой смешанные остатки различных разбитых отрядов, утомленных и деморализованных многодневным отступлением. Шли митинги. Красноармейцы требовали выплаты «жалования вперед», отказывались выходить из вагонов и, угрожая оружием, кричали чтобы их немедленно пропустили в Симбирск.

Бугульминская группа войск перестала существовать.

Теперь ее должен был сменить симбирский гарнизон. Что он представлял собой? Численно он был как будто бы серьезной величиной. В его состав входили: Симбирский пехотный полк — около 400 человек, Латышский полк — 200 стрелков, отряд интернационалистов — 200 человек, командные курсы — 70 человек, уездная рота — 70 человек. Наконец, под ружьем находились остатки городской организации большевиков в 25—30 человек. Всего было около 1000 бойцов. Но Симбирский полк, находившийся в процессе формирования, был совершенно небоеспособен. Он представлял собой массу недавно мобилизованных крестьян молодых возрастов, не прошедших еще необходимого военного, обучения и не воспитанных политически.

В таком же состоянии находилась и уездная рота.

Одна из наиболее боеспособных частей, рота курсантов, под командой начальника гарнизона Полякова и начальника курсов Куртяновича была направлена на охрану переправ через Волгу у деревни Поливы и не была использована в бою.

Латышский полк и отряд интернационалистов были в боевом отношении лучшим материалом, но они были использованы неумело.

В городе росло тревожное настроение. Поступали сведения, что белогвардейская молодежь и офицерство группируются по частным квартирам. Чрезвычайный комендант города т. Варейкис опубликовал приказ о взятии заложников и красном терроре в случае попыток выступления городских белогвардейцев. В то же время работники ЧК, политработники штаба группы войск и вооруженные коммунисты ночью производили аресты среди белогвардейских элементов. Взятые были полковник Иорданский, купец Н. А. Варгин, поручик Гребенчиков, присяжный



поверенный Попов, Пекарев и др. Заложники были помещены на одном из пароходов. Но при эвакуации из Симбирска у пристани Старая Майна пароход был перехвачен чехо-словаками и заложники были освобождены.

21 июля у Пугачевского в штабе симбирской группы войск шло военное совещание. Присутствовали Благонравов, Куйбышев и др. Решено было, что руководство обороной в дальнейшем переходит к Пугачевскому.

Это было часов в 5 вечера. Во время совещания раздался первый орудийный выстрел с южной стороны города. Немедленно посланный туда ординарец, вернувшись, сообщил, что бронепоезд Полупанова ведет бой с белогвардейцами возле Киндяковки. Это наступал белогвардейский добровольческий отряд полковника Каппеля.

16 июля отряд Каппеля в составе одного батальона, двух батарей и одного эскадрона кавалерии — всего в количестве около 600 бойцов — двинулся из Сызрани по тракту на Симбирск. Он совершил фланговый марш мимо сенгилеевской группы. Последняя, дав ряд сообщений об этом движении противника, не осветила его в должной мере и не предприняла атаки противника во фланг.

Пройдя в пять дней расстояние от Сызрани до Симбирска, отряд Каппеля к вечеру 21 июля стал втягиваться в село Белый Ключ. Кавалерия противника, захватив Охотничью, взорвала несколько деревянных железнодорожных мостов и отрезала таким образом Симбирск от Инзы, от штаба 1-й армии.

В пять часов вечера завязался бой на подступах к Симбирску.

Неожиданность этого нападения сразу привела к тому, что возведенные нами у села Белый Ключ укрепления остались в тылу противника.

Первый эпизод боя начался с артиллерийской перестрелки между бронепоездом Полупанова и батареей противника, занявшей позиции в лесу близ села Белый Ключ, слева от железнодорожной линии. После двухчасовой перестрелки бронепоезд, оставшись без снарядов и потеряв последнее орудие, должен был отойти.

Тем временем к месту боя стали подходить части симбирского гарнизона под командой бывшего офицера Цевловского. Но при распределении частей для ведения боя Пугачевский допустил ряд ошибок, которые решили судьбу города. Навстречу наступавшим на Киндяковку белогвардейским добровольцам Каппеля, состоявшим преимущественно из офицеров, был брошен мало обученный и небоеспособный Симбирский полк.

Наиболее сильный и боеспособный Латышский полк Пугачевский бросил на охрану переправ возле Волжского моста. Ему все еще казалось, что главная опасность на левом берегу, а нападение противника у Киндяковки — это будто только демонстрация небольшой кучки белогвардейцев, переправившихся на



правый берег для отвлечения нашего внимания от переправ через Волгу.

Обстановка осложнялась саботажем в губвоенкомате. В момент боя, когда требовался подвоз пулеметов и боевых припасов, никто не мог или не хотел сказать, где находятся эти запасы.

Часов в 8—9 вечера на главном направлении, под станцией Киндяковка, концентрировались части Симбирского полка, группа интернационалистов и команда полупановцев. Красноармейцы Симбирского полка не умели рассыпаться в цепь. Командиры проходили по рядам и укладывали бойцов, указывая им направление, куда надо стрелять. Противник появился у железнодорожного моста через Свиягу, ведя редкую стрельбу и угрожая нашему правому флангу.

Цепи красноармейцев, усеявшие насыпь, открыли сильную, но беспорядочную стрельбу. Заговорили наши пулеметы. Противник стал оттягиваться назад. Наши цепи пошли за ним.

Открывалась дорога на Белый Ключ. В Симбирск в штаб было послано сообщение, что «фронт противника прорван и что наши части наступают на село Белый Ключ». Но в этот момент с левого фланга затакали пулеметы противника. Цепи интернационалистов и красноармейцев смешались и, неся большие потери, бросились назад, покидая позиции у Киндяковки и стремясь в город. Противник занял деревню Винновку и Винновскую рощу.

Темнело. Шел крупный летний дождь. Стрельба прекратилась. Полупанов приказал своей команде отвести бронепоезд под горку Симбирску. В этот момент Полупанов не видел ничего кроме того, что его бронепоезд оказался в ловушке. Он рвал и метал, проклиная штабы... Он не понимал, что, уводя бронепоезд, он одновременно снимает и свою команду с фронта.

Бронепоезд ушел. Симбирск лежал перед Каппелем беззащитным. Но полковник Каппель не знал этого, и белогвардейцы прекратили свое дальнейшее продвижение, опасаясь, очевидно, ночного боя.

## Последние часы

Губисполком спешно проводил эвакуацию города. Богатейшие запасы военного имущества, сосредоточенные на станции Симбирск I, были под ударом врага. Выгружать их из вагонов и вывозить было поздно. Все усилия были сосредоточены на эвакуации городских интендантских складов. В течение вечера и ночи от Симбирска отошла большая флотилия пароходов и барж, нагруженных военным имуществом (впоследствии сформированные губисполкомом в Алатыре воинские части были целиком обмундированы и снабжены на счет эвакуированного из Симбирска имущества).



Часов в 11 — 12 ночи показались толпы красноармейцев, бросивших позиции. Вскоре здание губисполкома было наполнено ими. Многие укладывались спать, некоторые пытались мародерствовать. Для членов губисполкома стала ясна картина катастрофы на боевом участке. Члены губисполкома — Малаховский, Гольман и я — направились в штаб группы, чтобы выяснить обстановку. В штабе мы нашли полнейший хаос. Штабные работники исчезли. Оказалось, что значительная часть штабных офицеров во главе с начальником связи Якишанским, захватив с собою телефонное и другое имущество, уехала на автомобиле к белогвардейцам. На своем посту оставался лишь начштаба капитан Корицкий. Но этот честный специалист был беспомощен в создавшейся обстановке.

В штабе были также Пугачевский, руководивший сражением, и группа политработников — помощников политкома Певзнера. самого Певзнера не было, он с вечера уехал на позиции.

Решено было собрать оставшиеся части гарнизона, вернуть бежавших с фронта и сделать еще попытку удержать город. В этот момент у здания штаба раздались какие-то выкрики, ругательства, а в следующую минуту в комнату совещания ворвались человек десять вооруженных, с револьверами и бомбами в руках. Это был Полупанов...

— Предатели, — кричал он, бледный, обозленный, потрясая маузером. — Перестрелять вас... Почему вы не предупредили меня, что противник уже перерезал железную дорогу. Вы погубили мой бронепоезд.

Пугачевский в этот момент куда-то исчез, а полупановцы с криком, что расстреляют Пугачевского, искали его.

Члены губисполкома пытаются убедить Полупанова в бессмысленности его поведения и предлагают ему взять на себя задачу собирания последних сил для обороны города.

— К чему? Все равно все пропало. Я лучше взорву его... — отвечает Полупанов.

Слова о необходимости защиты города, повидимому, не доходят до его сознания, и он говорит только о своем бронепоезде.

— Все пропало... Взорвать, — рыдает Полупанов.

Работников штаба не было. Надо принимать решение. Члены губисполкома с помощью появившегося Мороза (командир одного из батальонов Симбирского полка) и политработников штаба начали собирать бежавших красноармейцев и выстраивать их перед кадетским корпусом. Полупанов также, наконец, принял в этом участие.

Вскоре удалось собрать разношерстный (человек в 150) отряд, который под командой Мороза отправился на станцию Симбирск I. С отрядом отправились и политработники штаба (Муратов, Васянин, В. Афанасьев, Чистов и др.).

В этот момент Гольман, ни с кем не совещаясь, по собственному решению телеграфно сообщил в штаб Восточного фронта,



что он, симбирский губвоенком, взял на себя командование войсками, обороняющими Симбирск. Сама попытка наладить управление войсками безусловно не могла бы вызвать возражений. Но в данном случае выступление Гольмана было несерьезным и карьеристским. Командование Гольмана ничего положительного не дало, и он не проявил никакой инициативы.

Часа в три ночи начальник артиллерии Хламин с группой партийцев (Олейник, Нейланд и др.) отправились к уланским казармам, чтобы приспособить там два тяжелых орудия для стрельбы по направлению Киндяковки. Это были последние попытки спасти положение.

Сборный отряд подошел к станции Симбирск I значительно поредевшим. Он таял по мере приближения к месту боя. Часть мобилизованных красноармейцев разбежалась.

\* \*  
■

В городе нарастал беспорядок.

Бронепоезд Полупанова стоял уже под горой на станции Симбирск. Полупановцы разбирали путь у моста, чтобы спустить бронепоезд в Волгу.

Латышские стрелки узнали от полупановцев об исходе вечернего боя под Киндяковкой. Они узнали, что их тыл никто больше не защищает. Начались разговоры, что чехо-словаки ночью войдут в город. Стрелки наблюдали приготовления к взрыву грозного когда-то бронепоезда Полупанова.

И оставив позиции, они идут к пристаням.

На пристанях — дезорганизованные массы красноармейцев разных частей. Они заполняют пароходы, набиваются в трюмы до отказа. Пароходы кренятся на бок и не могут идти.

Раздается ругань. Угрозы капитанам.

Беспричинная стрельба. Эвакуация срывается. На пристань выезжает чрезвычайный комендант города Варейкис, чтобы водворить порядок и обеспечить эвакуацию. С помощью небольшого отряда ему удается оттеснить толпы красноармейцев и отправить ряд пароходов.

В пятом часу утра 22 июля раздается орудийный выстрел со стороны Киндяковки. В тот же момент машинист бронепоезда Полупанова, пустив паровоз, спрыгивает с него. Бронепоезд тяжело катится к разобранному рельсам. Паровоз и тендер сползают на насыпь, и весь поезд, придавленный тяжестью своей брони, зарывается колесами в песок и останавливается... Уничтожение поезда не удалось. Команда отступает к пристаням. К ним присоединяются интернационалисты, бегущие через мост из-за Волги. Они сообщают, что чехо-словаки уже близко.

Из штаба тщательно вызывали по полевому телефону кого-либо из охраны Волжского моста. Никто не отвечал. Связь с Латышским полком была или прервана, или мост уже был захвачен чехо-словаками. Опасаясь за судьбу моста, я направил туда на грузо-



виках вооруженных партийцев под командой Жуприна. Человек 15 коммунистов, заняв брошенные позиции, оставались там до самого конца, когда в город с противоположной стороны уже вошли белогвардейцы. Коммунисты были частью перебиты зашедшими им в тыл белогвардейцами, частью взяты в плен. Сколько сил в эту ночь мы напрасно приковали к Волжскому мосту, опасаясь захвата его чехо-словаками. А они были еще на расстоянии многих часов пути от моста.

За ночь начальнику артиллерии Хламину удалось наладить наши батареи в двух пунктах. Одна батарея сперва в числе двух, затем одного шестидюймового орудия была от уланских казарм по Киндяковке. Другая со Старого Венца стреляла за Волгу. Главный удар белые попрежнему наносили со стороны Киндяковки.

После небольшого сопротивления реденькие цепи защитников Симбирска стали отходить к городу.

Появившийся белогвардейский аэроплан стал метать бомбы в красногвардейцев. Убедившись, что сопротивление пехоты сломлено, он стал кружиться над нашими батареями.

Батарея на Старом Венце была забросана бомбами.

В 8 часов утра вокзал Симбирск I был занят белыми, перестрелка шла на улицах. В городе в это время приступили к активным действиям группы местных белогвардейцев. Одна из этих групп около 9 часов утра захватила склад интендантства на Комиссариатской улице, возле старого кадетского корпуса. Здесь офицеры, студенты, кадеты и гимназисты вооружались, надевали белые повязки и, разобрав винтовки, бросились ловить красноармейцев.

Другая группа белой гвардии вышла на Соборную площадь и Н. Венец, заняла спуски к Волге и начала здесь производить расправу над отступавшими, зачастую не сопротивлявшимися красноармейцами. Все это происходило в непосредственной близости от губисполкома и штаба симбирской группы войск.

К этому времени остатки красного командования и партийного руководства приняли уже решение о сдаче города и покидали штаб. Задача сейчас состояла в том, чтобы обеспечить отход из города наибольшей части красноармейцев, всего автоотряда и прикрыть это отступление от возможного обхода со стороны сел Мостовая и Сельдь. Организовать это прикрытие было поручено мне. С помощью Бородулина, командира уездной роты, удалось создать подобие отряда в несколько десятков человек. Десяток верховых латышей послан был дозором по горному берегу Волги, остальные расположены по канаве вдоль шоссе фронтом на села Мостовую и Сельдь.

В 9 часов утра последними из штаба уходили члены губисполкома и политработники. Мы, лежа в цепи, наблюдали это отступление и подсчитывали выходящие из города автомобили. Вот уехали Гимов и Малаховский. Вот наконец, последний по счету автомобиль, на нем Олейник, Нейланд. Через некоторое время



верхом на лошади по шоссе проскакал с.-р.-максималист Гольман. Без шапки, с развевающимися волосами, он орал нам: «Чехи! чехи! отступайте!» Оказалось, что он увидел возвращающиеся дозоры и кучки стремившихся выйти на шоссе красноармейцев и принял их за чехо-словаков. Через несколько минут, когда «чехи» подошли, мы увидели среди них наших партийцев: Муратова, Чистова и др.

Паникерство Гольмана едва не привело к перестрелке между своими. В это время наше орудие уже молчало. Замолчала и неприятельская батарея. Слышна была лишь прерывистая пулеметная стрельба. Симбирск пал.

— Но мы скоро вернемся,— говорили коммунисты, рабочие-красногвардейцы, сжимая винтовки и бросая последние взоры на оставленный город.— Враг оказался искуснее нас в бою. Но и мы научимся воевать. И мы будем бить это озверелое офицерье!..

Партизанские приемы борьбы исчерпали себя. Впереди открывалась новая полоса борьбы. Путь к победе лежал только через собрание вокруг красногвардейского костяка большой регулярной рабоче-крестьянской Красной армии, сплоченной новой, стальной, коммунистической дисциплиной.







**Б. АФАНАСЬЕВ**

## **ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ**

---

**23** июля 1918 года на всех углах Симбирска был расклеен первый белогвардейский приказ:  
«П р и к а з № 1  
Симбирск и губерния объявляются под властью комитета членов Всероссийского учредительного собрания, имеющего временное пребывание в г. Самаре.

Все правительственные и общественные учреждения подчиняются особоуполномоченным комитета членов учредительного собрания — В. В. Подвицкому и В. И. Лебедеву. По всем делам обращаться в здание губернского правления (на Венце).

Особоуполномоченный по упрочению гражданской и военной власти во всех местностях, занимаемых войсками народной армии В. Л е б е д е в<sup>1</sup>.

«Упрочение» власти Учредительного собрания началось

<sup>1</sup> Архив ульяновского истпарта.



с неистового белого террора, в котором соперничали между собой канпелевцы, вошедшие в город первыми, чехо-словаки, опоздавшие на два часа, и местные белогвардейцы.

Только за первые дни их владычества без всякого суда и следствия прямо на улицах было расстреляно свыше 400 красноармейцев, красногвардейцев, рабочих, советских и партийных работников. Три городских тюрьмы были переполнены тысячами пленных и арестованных. Ежедневно десятки их отправляли «на допрос» в чешскую комендатуру — особняк на Дворцовой улице и в военно-полевой суд в ленкоранских казармах. Обратные арестованные не возвращались. Разгул белого террора принял настолько ужасающие размеры и формы, что «испугал» даже меньшевистскую самарскую «Вечернюю зарю», ибо он мог помешать меньшевикам в осуществлении их подлой задачи затемнения классового сознания и вовлечения рабочих в борьбу с советской властью.

В осторожных, подобострастных по адресу новых правителей выражениях, с ссылками на «первые дни» и другие «извиняющие» обстоятельства, меньшевики вынуждены были сказать, что происходит на улицах Симбирска.

«В первые дни занятия Симбирска, — сообщал один меньшевистский корреспондент, — аресты продолжались прямо на улицах по доносам. Достаточно было кому-нибудь из толпы указать на кого-нибудь как на подозрительное лицо, — и человека хватали. Расстрелы производились без всякого стеснения тут же на улицах, без следствия и суда и трупы расстрелянных валялись на улицах по нескольку дней».<sup>1</sup>

Меньшевиков смутили «расстрелы без стеснения».

Но новые власти — особоуполномоченные комитета членов Учредительного собрания — восстановленная дума, а особенно подлинные господа положения — белогвардейская военная комендатура и контрразведка — не спешили с установлением хотя бы видимости правопорядка.

Они рассчитывали, что, чем позже это будет сделано, чем больше будет расстреляно в порядке «гнева народного», тем глубже будут вырваны большевистские корни.

И белогвардейские деятели, делая вид, что все это происходит вопреки их усилиям сдержать эксцессы, в то же время в статьях и воззваниях явно звали к убийствам советских деятелей.

Повторяя свою обычную бездарную провокационную чепуху, они называли большевистских работников «агентами германского империализма», пугая мещанство «Варфоломеевской ночью», которую, якобы собирался устроить Варейкис «Кровавый». Они играли на самых темных инстинктах.

Вновь появившийся на сцене симбирской жизни член Учредительного собрания, правый эсер В. Алмазов писал:

---

<sup>1</sup> «Вечерняя зоря» № 118, 9 августа 1918 года.



«Несмотря на все усилия образовавшегося комитета членов Учредительного собрания, не удалось предупредить (?) эксцессов против деятелей советской власти. Толпа (?) упорно искала наиболее ненавистных, как Варейкис, Гольман и др. Расстрелян самосудом (!) комиссар финансов Измайлов. Комиссара Новикова с трудом удалось отбить у толпы<sup>1</sup>. Учредиловцы прекрасно знали, что комиссар Новиков в действительности был растерзан озверелыми солдатами «народной армии», но они принимали благородную позу защитников комиссаров от гнева толпы.

В то же время, прекрасно зная, что комиссара Измайлова им поймать не удалось, они желаемое «расстрелян» выдают за действительность, науськивая белогвардейских громил на дальнейшие убийства.

Начальник агитотдела военкомата Новиков (кличка «Офицер»), комиссар жилищ Белов, комиссар юстиции Крылов, работник следственной комиссии Кучеров, члены партии В. Крайнов, С. Карпов, машинист Кудряшев, рабочий Громов и многие другие партийные и советские работники, попавшие в руки белогвардейцев, были расстреляны на месте.

Свержение власти советов сразу же выдвинуло на передний план политической жизни буржуазные и наиболее реакционные силы общества: промышленников, торговцев, духовенство, офицерство и т. п.

Толстосумы сразу же поспешили найти себе опору в пришедших частях «народной армии».

«Начальник пулеметной команды 1-го симбирского отряда, поручик Симков просит нас передать гражданам города следующую признательность членов отряда: «Приносим горячую благодарность духовенству симбирского духовного училища и мясоторговцам за тот радушный прием, который они оказали нам после вступления нашей команды в Симбирск»<sup>2</sup>.

На многочисленных собраниях буржуазного союза инженеров, офицерства, буржуазной женской лиги и др. принимались резолюции приветствия чехо-словакам, производились денежные сборы в пользу «народной армии». Женская лига собрала 15 тысяч рублей, домовладельцы дали 500 тысяч, биржевой комитет решил дать 5 миллионов рублей.

Буржуазно-кадетские элементы проявили большую активность и на выборах гласных думы (сроком до 1 января 1920 года) оттеснили на второй план блок правых эсеров и меньшевиков, взяв себе 45 мест из 65.

Все эти буржуазные элементы поддерживали вновь образовавшуюся власть, поскольку она возвращала им частную собствен-

<sup>1</sup> «Иечерняя заря» от 30 июля 1918 года

<sup>2</sup> «Возрождение» № 6, 1918 года).



ность (фабрики, заводы, дома, торговые заведения и т. п.). Но «демократическая власть» комитета Учредительного собрания была для них лишь этапом к настоящей «твердой власти», способной восстановить «русскую армию», «единую неделимую Россию».

Поэтому буржуазно-кадетские круги выступили решительными противниками «заигрываний с рабочими», как они называли демагогические попытки Подвицкого, Лебедева и Алмазова создать себе социальную опору среди трудящихся. Они были против сохранения «большевистских законов» о 8-часовом рабочем дне и о защите квартиронанимателей, хотя фактически «демократическая власть» ничем не стесняла хозяев в эксплуатации рабочих и квартиронанимателей.

В центральном (губернском) совете профсоюзов, воспользовавшись обстановкой белого террора, руководство захватили социал-демократы-интернационалисты и эсерствующие элементы.

Проповедывавшие до того идеи «независимости» и «нейтральности» профсоюзов, эти предатели на первом же заседании навязали беспартийному большинству профсовета резолюцию, в которой кровавый приход белогвардейцев называли «поворотом от одностороннего партийного засилья к более свободной работе».<sup>1</sup>

Под воздействием меньшевиков вынесены были резолюции о признании власти Учредительного собрания на Заволжском заводе, на Московско-Казанской железной дороге.

С этими резолюциями правые эсеры носились как с писаной торбой, приводя их в газетах, в листовках и в выступлениях как доказательство победы «идеи народовластия» и «отхода рабочих от большевизма».

На самом деле, тон на собрании в Заволжье задавала прослойка так называемых «окопников», лавочников, огородников-мещан, чиновников, «окапывавшихся» от войны на заводах, постоянно поддерживающая правых эсеров. Классово-сознательные рабочие вынуждены были скрываться или молчать на собраниях. Была и известная часть честно заблудившихся рабочих, попавших на удочку «демократии» и «народовластия».

Подобная же картина была и на Московско-Казанской железной дороге, где оплотом эсеров и меньшевиков была квалифицированная верхушка рабочих, проникнутая мещанством.

Кроме того учредиловцы на всякий случай озаботились, чтобы на этих собраниях полностью участвовали служащие и инженерно-технический персонал.

Учредиловцам также удалось провести свои резолюции среди почтово-телеграфных служащих, учителей, сторожей, курьеров и банщиков.

Вслед за трескучими фразами о «борьбе за благо народа и за завоевание русской революции», в резолюциях, как правило, со-

<sup>1</sup> «Профдвижение в губернии за 7 лет».



держались призывы к «усиленному труду», требования, чтобы «рабочие работали с максимумом производительности».

Что касается политических прав рабочих, то в резолюциях говорилось, что «рабочие получают представительство как в мирных общественных организациях, так и в качестве представителей в комитет Учредительного собрания для того, чтобы рабочие массы могли быть ближе к власти народа и указать ей на свои нужды»<sup>1</sup>.

Итак, усиленный труд, участие только в «мирных» организациях (чтобы забыли и думать о вооружении рабочих), жалкое «представительство в жалком комитете Учредительного собрания, покорное сообщение через «представителей» о «рабочих нуждах», — словом, полное экономическое и политическое подчинение пролетариата буржуазии, — вот к чему вели учредилловские резолюции.

Если перед приходом чехов среди части рабочих настроения были неблагоприятны для большевиков, то владычество учредилловцев быстро очищало классовое сознание рабочих.

Характерный инцидент произошел на третий день после установления новой власти — на заседании совета профсоюзов.

«Ряд членов совета профсоюзов, — сообщал нам уже известный меньшевистский корреспондент, — поделились своими мыслями и впечатлениями, так как многие из них были арестованы в эти дни, а многие были свидетелями расстрелов. Собрание вынесло постановление о необходимости допущения в следственную комиссию двух представителей от совета профсоюзов и о необходимости немедленного осмотра тюрем.

Во время обсуждения текущего момента произошел очень неприятный, произведший тяжелое впечатление инцидент.

Кто-то из проходивших по улице чинов народной армии услышал через открытое окно речь одного из ораторов. Она показалась ему почему-то «большевистской», и вот отряд из нескольких человек грубо ворвался на собрание, прервал деловую работу и потребовал выдачи говорившего. Несмотря на заявление председателя собрания, что здесь деловое собрание совета профсоюзов, несмотря на требование вызвать представителей прокуратуры, чинов народной армии приступили к допросу.

Рабочие категорически отказались исполнять их требования и результатом переговоров была поездка двух представителей от совета профсоюзов в штаб народной армии и в прокуратуру. До возвращения поезжавших собрание принуждено было не расходиться.

Этот инцидент был обсужден тут же рабочими и вынесенную резолюцию протеста было решено довести до сведения Учредительного собрания»<sup>2</sup>.

Снова меньшевики, чтобы сохранить свое лицо «защитников» интересов рабочих, вынуждены были под давлением беспартийных

<sup>1</sup> Белогвардейская листовка «Две недели в освобожденном Симбирске».

<sup>2</sup> Вечерняя заря № 118, 9 августа 1918 года.



рабочих заявить подобие протеста. Но честным беспартийным членам профсовета и широким массам этот произвол показал, что за «демократией» стоит господство белогвардейской офицерщины.

Вскоре рабочие получили новые подтверждения этого. Трудовые нормы, трудовое законодательство, тарифы, коллективные договоры, о сохранении которых «впредь до особого распоряжения» возвещал Подвицкий, фактически перестали существовать. Снижалась зарплата. Почва под ногами социал-демократических интернационалистов в профсовете стала накаляться, и они вынуждены были верноподданнически просить учредителей:

«Есть случаи понижения заработной платы с 350 рублей до 75. Общее собрание совета профсоюзов находит такое положение ненормальным и просит комитет членов Учредительного собрания об оставлении в силе всех бывших расценок до переворота, а также не увольнять без причины при передаче социализированных предприятий».<sup>1</sup>

Большинство рабочей конференции, собравшейся в августе, тянулось еще за эсерами и меньшевиками, но на конференции уже выявилось существование левой оппозиции. Она составила из одиночек — большевиков, беспартийных профактивистов, близких к большевикам, но не вошедших еще в свое время в партию, и из честных рабочих, классовое чутье которых заставляло сопротивляться учредителям.

Однако отсутствие большевистского партийного руководства не позволило всем этим левым элементам объединиться и выступить достаточно организованно и цельно.

В то же время социал-демократические интернационалисты старались удержать рост оппозиционных настроений в русле своих половинчатых требований, а с другой стороны, к оппозиции стремились примазаться анархисты, которых, кстати, учредители не сочли нужным арестовать. Их роль была не менее предательской.

Все это мешало четкому выступлению левой части оппозиции. Однако все же под давлением ее в резолюции по текущему моменту был включен пункт, что «восстановление и сохранение совета рабочих депутатов как органа политического сплочения рабочего класса прямо необходимо».

По требованию левой части конференции было принято также постановление: «Предложить комитету членов Учредительного собрания принять самые решительные меры против ничем не обоснованных расстрелов и самосудов и в особенности самочинных расстрелов и расстрелов вообще».<sup>2</sup>

Кадетская буржуазная общественность встретила эти решения бурей негодования.

<sup>1</sup> «Профдвижение в губернии за 7 лет».

<sup>2</sup> Газета «Возрождение» № 8, 1918 года.



Но по сути эти пункты еще не представляли собой отчетливо сформулированного политического протеста против власти комитета Учредительного собрания. Перелом в настроениях рабочих и рост их готовности к борьбе с учредилловцами из-за отсутствия большевистского подполья оставался стихийным и неоформленным.

Рабочие явочным порядком осуществляли 8-часовой рабочий день, бойкотировали собрания, где должны были выступать учредилловцы. Эсерам так и не удалось заполучить себе резолюции от таких рабочих коллективов, как рабочие Волго-Бугульминской железной дороги, водники, грузчики, текстильщики и др.

Стихийным массовым бойкотом вербовки в симбирский добровольческий полк народной армии рабочие нанесли учредилловцам удар в самое чувствительное место.

После взятия Симбирска белыми, по настоянию группы капитана Степанова, убежденного, что большевики более не способны к обороне, было предпринято наступление на Казань. Но после падения Казани сопротивляемость Красной армии стала быстро возрастать, и белогвардейцы с трудом держали громадный фронт.

Они лихорадочно спешили с формированием Симбирской дивизии, так как лучшие их части были крепко завязаны под Казанью.

Но в Симбирске рабочие и городская беднота не обращали внимания на призывы Лебедева к «русским гражданам, пока не призванным в ряды регулярной народной армии, принять участие в великой борьбе за независимость и величие возрождающейся России».<sup>1</sup>

Отличительные знаки народной армии — георгиевские ленточки в кокардах — «символ особого мужества», как их называл Лебедев в своем приказе, и прочие побрякушки могли привлечь только офицерство и буржуазную учащуюся молодежь. Но и те шли в армию не во имя Учредительного собрания и «демократии», а в уверенности, что комуч будет скоро сменен настоящей «твердой властью».

Ставка на добровольческую народную армию проваливалась. Тогда главный штаб народной армии перешел в городах к мобилизации гражданского ополчения.

Трудящееся население стало скрывать призванных. В конце августа в Симбирске состоялось собрание беженцев в числе 1500 человек, на котором была принята резолюция, призывающая не вступать в ряды народной армии. За устройство собрания члены комитета беженцев, Моложавый и Возняк, были брошены в тюрьму.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Приказ Лебедева № 5 по Симбирску.

<sup>2</sup> ЦАОР, ф. 393, дело 214, лист 155.



Не лучше обстояли дела учредиловцев и в деревне, где правые эсеры особенно рассчитывали найти себе опору. В одном из первых приказов комуча было декларировано, что «земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков комитет не допустит».<sup>1</sup>

Но на практике учредиловцы капитулировали перед помещиками. В приказе комуча от 22 июля 1918 года о порядке снятия посевов в 1918 году признавался факт существования «нетрудовых хозяйств», «крупных посевщиков», «частных экономий», иначе говоря помещичьих хозяйств, и их право на уборку урожая посева 1917 года. Этот приказ послужил сигналом к массовому возврату помещиков в деревню, где с помощью белогвардейских отрядов началась реставрация помещичьего господства.

Запутавшиеся учредиловцы не в состоянии были помешать этому, лишь ограничивались статьями о «незыблемости» законов о земле и о «несознательности помещиков».

«Крестьяне прифронтовых мест не решаются мобилизоваться, — писала газета «Возрождение», — дело затрудняется также выступлением черносотенцев, бывших помещиков, например, Ревьевской и Поповской волостей (Сызранский и Сенгилеевский уезды), которые грозят возвратом к старому».<sup>2</sup>

Широкие слои крестьянства оказались перед фактом, что земля, ими завоеванная, вновь уходит от них, а с ней уходит и богатый урожай. Вместе с тем они видели, что кулачество, захватившее в свои руки земство, заменившее советы, все тяготы мобилизации лошадей и многочисленных повинностей перекладывает на середняков и бедняков.

Все это коренным образом меняло настроение крестьянства. «Там, где нет большевиков, — говорил 29 июля Ленин, — и господствуют чехословацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехо-словаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехо-словаков за советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов».<sup>3</sup>

Несмотря на старания кулацких земств, несмотря на карательные белогвардейские экспедиции, наводнившие волости, широкие слои крестьянства ответили упорным сопротивлением призыву в народную армию.

Местами даже и зажиточные крестьяне не являлись на призыв, а бедняцко-середняцкие слои лишь под вооруженной охраной и угрозой расстрелов приходили в город.

В Цимбаевской волости, Буинского уезда, мобилизация была сорвана, несмотря на аресты и расстрелы. «В селе Анненко-

<sup>1</sup> Казань. «Рабочее дело» № 157.

<sup>2</sup> Симбирск. «Возрождение» № 5.

<sup>3</sup> Т. XXIII. стр. 162.



во, Симбирского уезда, на сельском сходе постановили не давать в народную армию ни людей, ни лошадей. И как известно, из этих сел до сих пор не поставлено ни одного человека, ни одной лошади», — признавало симбирское «Возрождение».<sup>1</sup>

Росла активность бедноты, принимались за дело оставшиеся в деревнях большевики и члены советов. Они получали теперь полную поддержку бедняцких и середняцких масс.

Интересно, что наряду с официально существующими земствами во многих селах фактически продолжали существовать и работать советы.

«По поступающим сведениям, — сообщало «Возрождение», — в некоторых волостях Сызранского уезда наряду с волостным земством продолжают существовать советы, в других же «большевистские советы» переименовывались в волостные земства».<sup>2</sup>

В ответ на белый террор карательных экспедиций крестьянство переходило к партизанской войне. Мобилизованные волостей — Архангельской, Шамкинской, Помаевской — вместо явки в белую армию массами уходили в айбесинские леса, в расположение красных войск, а затем образовали краснопартизанский отряд под командованием члена симбирского губисполкома — большевика Космовского.

В этот период симбирский губисполком, проводивший формирование частей Красной армии в Алатыре, широко стал применять посылку своих работников на территорию белых в целях призыва крестьянства в Красную армию.

Большевику Кошеварову удалось проникнуть в глубокий тыл белых — в район сел Покровское и Шумовка, в 30 километрах от Симбирска. Кошеваров работал с подложными документами, полученными от сочувствующего большевикам работника симбирской белой милиции Николаева. Он успел направить в Алатырь несколько партий — до 200 человек добровольцев, когда был, наконец, захвачен во время выступления на митинге и отправлен в симбирскую тюрьму.

Чехословацкое контрреволюционное командование, наблюдая общий рост враждебного отношения рабочих и крестьян к власти комитета Учредительного собрания, в одном из воззваний к «гражданам братьям русским» вынуждено было констатировать, что «социалистическая русская власть, Совет народных комиссаров, к нашему сожалению, все-таки пользуется до сих пор у многих из вас для нас непонятными симпатиями».<sup>3</sup>

Рост стихийного сопротивления учредительцам со стороны трудящихся требовал организованного большевистского руководства. Отдельных разведчиков, агитаторов и организаторов, посылаемых симбирским комитетом для подпольной работы на территорию белых, было явно недостаточно.

<sup>1</sup> № 37.

<sup>2</sup> «Возрождение» № 17.

<sup>3</sup> «Вестник комитета Учредительного собрания» № 53.



К концу августа симбирский комитет получил сведения из Симбирска, что небольшая группа оставшихся большевиков и сочувствующих ведет некоторую работу, но за отсутствием директив, средств и связей не может развернуть ее в должной мере.

Комиссар 1-й армии В. Куйбышев и комитет партии решают послать в Симбирск группу партийцев с целью налаживания подпольной работы, а также с целью военной разведки.

Эта задача была поручена членам партии Д. Перкину и М. Муратову, которые должны были помочь рабочим завода.

Они перешли фронт и прибыли в Симбирск. За короткий срок Перкину удалось организовать получение сведений из штаба белогвардейских войск, а также установить связь с большевистской группой.

За Волгой на станции Часовня у одного из сочувствующих большевикам рабочего произошло первое совещание.

Совещание установило, что среди рабочих завода все чаще стихийно возникают разговоры о восстании. Совещание решило возглавить его подготовку (см. воспоминания Д. Перкина).

Но начавшееся победоносное наступление Симбирской Железной дивизии сняло необходимость в подпольной работе. Симбирск был вскоре взят красными войсками.

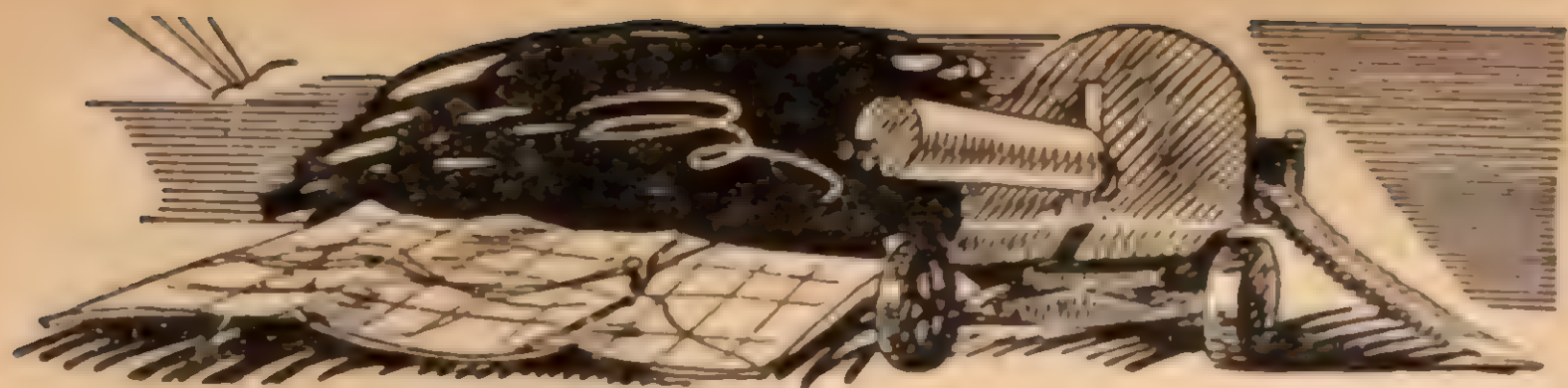






## **ВОЗВРАЩЕНИЕ СИМБИРСКА**





◆ ◆ ◆

## **В. В. КУЙБЫШЕВ И АЛАТЫРСКАЯ ГРУППА ВОЙСК**

---

ПО ПОВОДУ ОПЕРАТИВНОЙ  
КАРТЫ ШТАБА 1-й АРМИИ,  
ПОДПИСАННОЙ В. В. КУЙБЫШЕВЫМ

**О**перативная карта, подписанная начальником штаба 1-й армии Корицким и политкомармом В. Куйбышевым, дает картину расположения 1-й Революционной армии Восточного фронта к 20 августа 1918 года.

Карта указывает «расположение частей на симбирском, инзо-сызранском и кузнецко-сызранском направлениях», т. е. на всех решающих направлениях, на которых 1-я армия, руководимая Тухачевским и Куйбышевым, вела в это время борьбу с белогвардейцами.

В ней указаны те рубежи, на которых героически дрались в те дни братские Пензенская, Инзенская, Симбирская Железная дивизии и алатырская группа войск.

Карта запечатлела переломный момент на фронте, когда 1-й армией была парализована инициатива противника, и Красная



армия готовилась к решающим ударам. Меньше месяца назад пал Симбирск. Это был тяжелый момент, когда сказались последствия партизанщины, мятежа Муравьева, выросшего при пособничестве Троцкого. На основании директивы вождя партии Ленина было приступлено к строительству регулярных пролетарских армий...

И вот уже перед белогвардейским фронтом стоит юная 1-я революционная регулярная армия, наливается силой и уверенностью в победе. В части влились целые организации оставленных городов, фабрик и сел. Центр шлет крепкие, спаянные пролетарской классовой дисциплиной полки. Деревенская беднота поднимается на борьбу с кулаком, могучими потоками увлекает за собой крестьянство в Красную армию.

1-я Революционная армия пресекла дальнейшее продвижение белых на запад. Полки Симбирской Железной дивизии, создавшиеся из героических краснопартизанских отрядов сенгилевской группы, уже нацелились на Симбирск. 12—13 августа они уже были под стенами города — родины Ильича — и показали свое умение бить белогвардейцев. Но это наступление сорвалось из-за тактической неопытности молодых командиров необстрелянных частей... Однако возвращение на исходные позиции совершалось без тени паники, и в сознании, что, если на этот раз белогвардейцы Каппеля вывернулись, то на следующий раз это им не удастся. Армия учитывала урок и готовилась к новому решительному удару.

Карта на 20 августа и указывает то расположение частей, с которого началась активная подготовка второго и на этот раз победоносного наступления на Симбирск.

Нет нужды останавливаться на этой эпопее. Она рассказана в работах гг. Тухачевского и Устинова, хотя и не исчерпана. Здесь следует лишь осветить действия алатырской группы войск, командующему которой адресована карта, подписанная В. В. Куйбышевым.

Алатырская группа войск была создана усилиями симбирского губисполкома, развернувшего после падения Симбирска широкую деятельность в уездном городе Алатыре. Здесь за счет новых формирований из мобилизованных рабочих и крестьян губернии, из добровольцев и красногвардейских отрядов губисполкома и уездных исполкомов создавалась алатырская группа войск. Один из полков, созданных губисполкомом, был целиком передан в Железную дивизию и вошел в нее, как 3-й Симбирский полк.

Штаб алатырской группы почти целиком состоял из членов губисполкома. Командующим группой был Виктор Пеньевский, начальником штаба — Печерников, б. штабс-капитан; членами штаба — Певзнер, Савандеев, Райс и начальником политотдела — А. Швер.

Ревсовет 1-й армии в лице Куйбышева и Тухачевского



всемерно помогал симбирскому губисполкому и штабу алатырской группы. Эта группа хотя и действовала не на главных операционных направлениях, какими являлись казанское и симбирское, но Тухачевский и Куйбышев придавали ей «громадное значение»,<sup>1</sup> так как она прикрывала большой район мобилизации новых сил и снабжения, опираясь на который росла 1-я Революционная армия. Кроме того алатырская группа имела и существенное стратегическое значение.

В период собирания сил и реорганизации красных частей алатырская группа служила связующим звеном между 1-й и 5-й армиями Восточного фронта и обеспечивала на своем участке коммуникацию Рузаевка—Свияжск.

Во второй период наступления задача алатырской группы заключалась в обеспечении левого фланга 1-й армии, в овладении Буинском, с выходом затем в район Тетюшей с целью перехвата сообщений противника по Волге и содействия этим взятию Казани и Симбирска.

Карта штаба 1-й армии, присланная, как директива в ближайших операциях «командующему алатырской группой», уже содержит в себе первые указания, какие задачи «предполагается» возложить на алатырскую группу в связи с подготовляемым наступлением на Симбирск. Эта «предполагаемая» задача намечена как движение алатырских частей через айбесинские леса, где действовал краснопартизанский отряд Космовского, на Буинск.

Это движение предполагалось поддержать с правого фланга наступлением от Промзино и Карсуна отряда карсунского уисполкома. Эта задача позднее была сформулирована в историческом приказе Тухачевского от 8 сентября о взятии Симбирска. В одном из пунктов этого приказа говорилось:

«Д—Алатырская группа — начальник Пенъевский.

1) 1-й батальон Кромского полка — 117 стрелков, 4 пулемета

2) Алатырский батальон—240 стрелков.

3) Смоленская батарея—4 орудия.

4) Гаубичная батарея—2 орудия.

5) Конная сотня—70 сабель.

Всего 357 стрелков, 4 пулемета, 6 орудий и 70 сабель.

Занимает район от ст. Ибреси исключительно до д. Промзино включительно и охраняет пути, ведущие в ее расположение.

В связи с этим наступлением армии охраняет левый фланг Симбирской дивизии.

10 сентября берет г. Буинск и тем содействует общему успеху».<sup>2</sup>

Но, прежде чем осуществить этот план, алатырской группе пришлось отбить две наглых попытки белогвардейцев захватить в этом районе инициативу в свои руки и ударом на Алатырь прорвать фронт и сообщения между 1-й и 5-й Красными армиями.

Первая попытка была произведена ими в конце августа и была связана с известным рейдом Фортунатова—Савинкова в тыл 5-й армии на станции Тюрлема и Свияжск. За два дня до по-

<sup>1</sup> См. документы: «Разговор Варейкиса—Тухачевского по прямому поводу от 20 августа 1918 года».

<sup>2</sup> ЦАКА, д. № 21—166, лист 38.



явления у Тюрлема противник перешел в наступление на Алатырь. Колонна белогвардейцев в 200 человек на автомобилях была подана к селу Н. Айбеси, в 30 километрах от Алатыря, и через лесной массив стала продвигаться на Алатырь. Одновременно севернее вторая колонна противника силой в 400 штыков наступала через село Б. Батырево на Ибреси.<sup>1</sup>

Железнодорожный участок Алатырь—Шихраны оказался под угрозой. Командующий группой Пеньевский немедленно двинул свои части навстречу обеим колоннам противника.

24 августа, в день боев под Свияжском, противник был опрокинут алатырскими частями и стал отступать на Буинск.<sup>2</sup> В организации отпора белогвардейцам непосредственное участие принимал симбирский комитет партии большевиков. Группа партийных работников во главе с Варейкисом выезжала на станцию Киря, где стоял полк Кенига, отказавшийся под влиянием разложившихся элементов идти в бой. Целую ночь шла работа по очищению полка от деморализованных элементов. После ознакомления бойцов с тревожным положением на фронте полк единодушно решил идти в бой. На другой день двинулись навстречу белогвардейцам, идущим из села Батырево. В наступлении участвовали и члены комитета партии.

Следующей ночью занятое белогвардейцами село было взято неожиданным ударом полка Кенига. Белые отступали в беспорядке, оставляя военное имущество. Несколько лиц из белого командования были взяты в плен.

Ликвидация белогвардейского наступления, проведенная с самыми ничтожными силами, чрезвычайно подняла боевой дух красноармейцев.

Второй налет белых произошел в момент решающего наступления красных войск на Казань и Симбирск.

Перешли в наступление на Буинск шихранская и алатырская группы. В ночь с 7 на 8 сентября двинулись вперед части шихранской группы со стороны Ибреси и к утру достигли сел Турнинское и Большое Батырево, выбив находящегося здесь противника.<sup>3</sup>

8 сентября на Буинск по дороге, указанной на карте Куйбышева, двинулись части алатырской группы; с войсками пошел и буинский исполком. 9 сентября наступающие, рассеяв мелкие партии противника в трудно проходимых алатырских лесах, заняли село Н. Какерли в 40 километрах от Буинска. Отсюда алатырский отряд стал устанавливать связь на севере с ибресинским отрядом, а на юге с идущим на Алгаши карсунским отрядом исполкома. В этот момент, когда Казань уже пала, а Железная дивизия шла на Симбирск, белогвардейцы решили еще раз отчаянным рейдом посеять панику в тылу красных

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 53—21, лист 16.

<sup>2</sup> ЦАКА, дело № 53—26, лист 6.

<sup>3</sup> ЦАКА, дело № 53—26, лист 14.



войск и отвлечь их силы от главных направлений. Пользуясь редко населенными лесами, отряд белогвардейцев в 300 сабель незаметно приблизился к Алатырю.

Одна часть белогвардейцев произвела налет на переправы через реку Суру у сел Барышская Слобода и Сара, но была здесь отброшена продовольственными отрядами. А вторая часть белогвардейцев в ночь с 8 на 9 сентября произвела диверсионный налет на алатырский железнодорожный мост. Но попытка взрыва моста была разбита бдительностью охраны коммунистического отряда. Налет белогвардейцев был отражен. Получив отпор в обоих направлениях, белогвардейцы бежали в южную часть сурских лесов, в район Шумовского винокуренного завода и села Астрадамовки.<sup>1</sup>

На очищение леса двинулись молодые алатырские и ардамовские роты, а также продовольственные отряды.

Белогвардейцы оказались в кольце. Путь на север им преграждала алатырская группа. С юга подходил карсунский отряд. Лишь лесистая местность позволила белогвардейцам избежать полного уничтожения и они прорвались на Буинск.

Диверсионный рейд белых сорвался. Но он несколько задержал наступление на Буинск. 11 сентября алатырская и ибресинская группы общими силами в 1000 штыков, 100 сабель, 40 пулеметов и 2 батареи двинулись вперед и неудержимым порывом захватили Буинск. Противник бежал на Ундоры, спеша перебраться за Волгу.

Взятие Казани, Симбирска, Буинска было первым сокрушительным ударом по военным силам комуча. Железная дивизия шла уже на Самару. Тов. Куйбышев, организовавший возврат Симбирска, в это время перешел уже на работу в ревсовет 4-й армии и ковал победу на южных подступах к Самаре. Соединенными усилиями 1-й и 4-й армий, вынестованных большевиком-ленинцем Куйбышевым, Самара была взята, и комучу был нанесен смертельный удар.

---

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 53—26, лист 20.







**В. КАДЫШЕВ**

## **В ДНИ ОТСТУПЛЕНИЯ**

---

### **Отход на Буинск—Тетюши**

**П**осле падения Симбирска красные части отступили на север по двум направлениям: по Волге — на Тетюши и по Казанскому тракту — на Буинск. Губисполком и комитет партии приняли решение эвакуироваться на Буинск, чтобы, во-первых, не терять связь с территорией Симбирской губернии, а во-вторых, соединившись с частями Красной армии в Буинске, вновь организовать наступление на Симбирск. Значительная часть гарнизона, особенно отряды, державшие фронт до последнего момента, опоздали погрузиться на пароходы и должны были отступать по Буинскому тракту. Это было и к лучшему, так как многие из частей, отступавших на пароходах, были перехвачены и взяты в плен чехо-словаками, вышедшими к Волге на пристань Старая Майна.

Находясь под угрозой обхода вначале со стороны сел Мостовая и Сельдь, а затем со стороны Тетюшей, наши части



в течение суток отступали до Буинска. Помню, что в группе симбирских красногвардейцев, отступавших со мной, были Звирбуль и Кологреев, и мы, не отдыхая почти ни разу, измученные, к утру 23 июля добрались до Буинска.

Оказалось, что буинские красногвардейские силы, которыми командовали Скрипин и Кочетков, очень малочисленны и слабы. Буинск отдал уже основные силы на фронт — под Самару и в другие места.

Переходить в контрнаступление было не с чем. Единственно, что могли сделать буинские товарищи, — это прикрыть отступающие из Симбирска части. Буинцы выставили во все опасные районы боевые заставы. Это дало возможность симбирскому комитету партии и губисполкому заняться приведением в порядок частей, отступавших из Симбирска, и в первую очередь обеспечить им отдых.

Следует отметить, что неудачный бой под Симбирском, неорганизованное отступление внесли известную деморализацию в среду красноармейцев и даже членов партии. Особенно подверглась разложению одна часть отступавших, состоявшая главным образом из матросов, среди которых было много левых эсеров и максималистов. Они стали обнаруживать анархические и явно бандитские стремления. В первую очередь нужна была решительная борьба с этими явлениями разложения.

От главкома Вацетиса был получен приказ: нашим отрядам двигаться на Тетюши на соединение с другими красными частями, эвакуировавшимися по Волге.

По получении этого приказа среди отдельных групп красноармейцев и матросов началось форменное митингование на тему: «итти ли на Тетюши, т. е. выполнять боевой приказ главкома, или итти на Казань — вопреки этому приказу».

На митингование ушло довольно много времени. Отряд явно раскололся. Иногда спорящие доходили до угрозы оружием и ручными гранатами. Мне, Кологрееву, Борису и другим товарищам пришлось по поручению партийного комитета разъяснить необходимость беспрекословного выполнения приказа. Отдельные анархисты матросы в ответ посылали «ко всем чертям» и кричали, что Тетюши заняты белыми, что приказ итти туда — это измена, что надо итти на Казань.

Наконец, весь отряд был погружен на автомобили. Часть машины была бронирована, почти все имели площадки, приспособленные для пары пулеметов.

Но и после загрузки мы еще простояли несколько томительных часов без движения. Создавалась угроза, что мы действительно опоздаем на соединение с тетюшским отрядом, на который может быть белые уже ведут наступление.

Вновь начались увещания. Мы указывали упорствующим, что отказ итти на Тетюши — трусость, что мы предаем своих товарищей.



После горячих прений, уже около полудня, как будто добились перелома в настроении.

Колонна машин тронулась в путь на Тетюши. Однако часть машин повернула на Казань. На одной из таких машин очутился я и т. Звирбуль. Анархически настроенный шофер успел уже километра три проехать в казанском направлении. Многие из отряда явно одобряли предательскую инициативу шофера. Увидев, что наша машина оторвалась от главной колонны и идет в другом направлении, мы поняли, что только решительные действия могут исправить положение.

Прежде всего мы во всеуслышание резко заявили, что или шофер немедленно поворачивает обратно, ведет машину вслед за главной колонной, или мы его пристрелим. Наше решительное требование вызвало колебания в отряде. Часть стала нас поддерживать.

Увидев это, мы заставили шофера остановить машину, а перед отрядом еще раз в упор поставили вопрос: хотят ли они стать изменниками революции, хотят ли они, чтобы их как врагов и дезертиров Красная армия встретила пулеметным огнем под Казанью.

«Кто с нами, кто верен революции, слезайте и идемте пешком вслед за нашими товарищами».

Ребята трусили, к тому же Звирбуль пользовался уважением и был известен многим из отряда.

Наш ультиматум подействовал. Ряд бойцов направил штыки на шофера, и последний должен был повернуть на Тетюши.

Наш автомобиль был броневой, и, чтобы облегчить его и догнать колонну, ушедшую уже далеко вперед, мы принуждены были разобрать броню и бросить ее по пути в реку. Только на половине пути до Тетюшей мы догнали главные силы и наш штаб.

Следует отметить, что по пути мы встречали очень радужное отношение со стороны крестьян, особенно в нацменовских селах.

Крестьянки приносили молоко. Мы устраивали летучие митинги, беседы, разъясняя крестьянам, кто такие белые, что за ними идут помещики, что мы идем на борьбу с ними.

Если при отступлении мы не успели поднять широкие массы крестьянства на борьбу против контрреволюции, то мы сделали все возможное, чтобы подготовить для этого почву. И это дало свои результаты.

После отхода красных частей Буинск неоднократно переходил от красных к белым и обратно.

Белые, овладев городом, поспешили провести насильственную мобилизацию, прибегая к расстрелам (Цимбаевская волость).

Повсеместно реквизировались лошади и рогатый скот, принадлежавшие главным образом бедноте и середнякам, так как во



главе волостей и сельских обществ стояли кулаки, бывшие деятели волостных правлений, урядники и т. п.

Все это вызвало озлобление крестьян против белых. Власть белых по деревням была непрочна. Вскоре во многих волостях стали открыто работать коммунисты и политработники алатырской и правобережной групп войск. В итоге целые волости отказывались идти в белую армию и, наоборот, давали большой приток добровольцев в красные части.

## От Тетюшей до Казани

К Тетюшам наша автомобильная колонна подходила в сумерки. Разведка, высланная для связи с нашими частями, стоящими в Тетюшах, сообщила, что белые близко, что отступившие из Симбирска с нетерпением ожидают прихода буинской колонны. Вместе с тем сообщалось, что в самих Тетюшах весьма неблагоприятно. Находящиеся там передовые части Трофимовского (о котором речь впереди) бесчинствуют, восстанавливая население против Красной армии; деморализация коснулась и симбирских частей, отступивших по Волге. Говорили о каком-то провокационном нападении на Варейкиса... Все мы были встревожены...

В Тетюшах страшная грязь. Колеса наших машин буксуют.

На пристани нас ожидали с целой флотилией пассажирских, буксирных пароходов и барж Варейкис, Благоданов, Пугачевский, прибывшие по Волге.

Отдается распоряжение прибывшему отряду — грузить на пароходы свои машины, а также несколько трехдюймовых орудий, стоящих на берегу.

Глубокой ночью, по-колена в грязи, по гнущимся сходням тащим громоздкие орудия на корму буксирного парохода.

Руководящий партийный состав вместе со всеми тащит на пароходы коробки с пулеметными лентами, ящики с патронами, консервами и т. п.

Наконец, погрузка закончена.

Тут мы узнаем подробности событий, происшедших за несколько часов до нашего прибытия.

В трюме «Стрежня», на котором находились наши руководящие работники гг. Варейкис, Куйбышев, Галактионов, Благоданов, Пугачевский, были деньги, эвакуированные из Симбирска. Слухи об этих деньгах каким-то образом проникли в среду красноармейцев, озлобленных поражением и отступлением.

Рядом со «Стрежнем» стоял пароход бывшего пароходства «Купец». На нем находились особенно деморализованные отряды латышей и матросов. Среди них «работали» какие-то темные личности... Они стали распространять провокационные слухи, что



Варейкис, Благоданов и Пугачевский забрали из Симбирска большие деньги и теперь хотят с ними удрать... в Самару.

Провокаторы предлагали арестовать Варейкиса и др. и отнять деньги.

Положение спас своей смелостью и находчивостью т. Варейкис. Он вместе с Пугачевским и тремя красногвардейцами-грузинами преградил трап, по которому толпа разъяренных матросов стремилась на «Стрежень», чтобы покончить с Варейкисом и захватить деньги.

— Через наш труп пройдет, — решительно заявили грузины, направляя пулемет на толпу...

Толпа с криками: «у них пулеметы», — схлынула. Среди спровоцированных началось замешательство... Пошли какие-то споры.

Тов. Варейкис, пренебрегая опасностью, сам идет на пароход «Купец» и устраивает митинг. На митинге он разъясняет, что деньги — достояние советской власти, разоблачает ложь провокаторов и призывает бойцов к выявлению их.

Настроение среди матросов и латышей изменилось, а главный зачинщик был выявлен и понес заслуженную кару.

Нужна была подлинно большевистская твердость духа, чтобы не растеряться перед натиском разложившихся частей. Нужна была громадная работа, чтобы сохранить дисциплину среди уставших бойцов, и комитет партии вплотную взялся за это.

...Идем на Богородск, чтобы избежать столкновения с белыми теперь, когда наши силы еще не приведены в порядок.

Утром 23 июля мы были в Богородске. Яд разложения военной, а отчасти и партийной дисциплины продолжает сказываться. Комитет партии выделил группу товарищей для политической работы среди частей Трофимовского, штаб которого находился в Богородске. Некоторые члены партии пытались уклониться от этой задачи. Но твердая линия комитета партии, решительное пресечение всяких демагогических разговоров обеспечили выполнение намеченного плана. Прибыв в Казань, комитет партии и губисполком начали учет, с какими партийными, воинскими и материальными силами удалось нам отступить из Симбирска. Разрабатывается план дальнейшей борьбы. Принимается решение перенести свою деятельность в Алатырь, превратить его в базу для работы по укреплению красного фронта, по сплочению широких рабочих и крестьянских масс губернии на борьбу с самарской учредилкой. Распределяются роли между членами партии: часть товарищей оставляется в Казани на работе в органах ЧК и т. п., несколько товарищей командируются политработниками в части Красной армии, т. С. М. Измайлов получает от правительства задание — эвакуировать из Казани золотой фонд республики, мне и Борису дается поручение подобрать группу красноармейцев и начать сбор и эвакуацию военного имущества, часть которого была вывезена в Казань, а часть осталась на Волге в районе Богородска и даже ниже Тетюшей.



## В стане бандита Трофимовского

Спасение военного имущества имело огромное значение для обмундирования и боевого снаряжения развертывающейся Красной армии.

В первую очередь нам с Борисом было предложено отправиться вниз по Волге и при помощи отряда Трофимовского увести застрявшую в разных местах между расположением красных и белых частей флотилию с военным имуществом.

Выехать нам удалось на быстроходном пароходе «Стрежень» вместе с Варейкисом, Шеленшкевичем, Певзнером и Райсом. Они также ехали в штаб Трофимовского, но имели особые военно-политические задания реввоенсовета Восточного фронта.

Ехала с нами также группа молодых красных командиров, только что окончивших командные курсы в Москве и направлявшихся в распоряжение Трофимовского.

Дорогой разговор вертелся главным образом вокруг Трофимовского. Выяснилось, что Трофимовский — весьма подозрительная личность с авантюристскими наклонностями. Трофимовский в прошлом управлял имением какого-то бессарабского помещика. По каким-то уголовным делам был выслан в Сибирь, но выдавал себя за революционера. Ему приписывались какие-то сомнительные экспроприации в Тифлисе. Во время пребывания Муравьева в Казани Трофимовский со своим анархическим отрядом был там же и находился в тесной связи с Муравьевым. Отряд Трофимовского, размещенный на пароходе «Миссури», еще в Казани отличался различными бандитскими выходками, незаконными реквизициями, приводившими в ужас окрестное население. Себя Трофимовский называл левым эсером. Известно, что Муравьев свою авантюру пытался начать выступлением отряда Трофимовского в Казани. Авантюрист Трофимовский оказался предателем.

Ехавшие с нами красные командиры были предупреждены, что Трофимовский в высшей степени недоверчиво и враждебно относится к приезжающим в его распоряжение командирам и коммунистам. Молодых командиров он зачастую старается направить в такую разведку, откуда они не возвращаются.

Вместе с тем все это передавалось как не вполне достоверное и как-то не хотелось этому верить.

Варейкис подшучивал над Певзнером, что Трофимовский расстреляет его за «интеллигентный вид». Борису и мне говорил, что Трофимовский нас обязательно арестует. К сожалению, дальнейшее показало, что все эти сведения о Трофимовском — не вымысел, а печальный факт. С первой же встречи с Трофимовским стало ясно, что с его помощью предпринять что-либо для спасения судов с военным имуществом не удастся.

Прежде всего он несколько дней не отвечал на наши требования. Затем мы обнаружили, что Варейкис был пророком, так как



фактически мы оказались арестованными. Караулы Трофимовского не разрешали нам сходить с парохода на берег, не допускали к осмотру судов, на которых было симбирское военное имущество. Трофимовский, перехватив это имущество при нашем отступлении, считал его своей военной добычей.

Проведя бесплодно несколько дней в лагере Трофимовского, мы, наконец, поставили решительно вопрос: намерен ли он передать нам имущество симбирского губисполкома и будет ли оказывать содействие в организации экспедиции за баржами, оставшимися в зоне расположения белых.

Трофимовский вел себя надменно, заявив, что никаких мандатов, никаких губисполкомов он не признает, военное имущество — его трофей и отдать его он ни в коем случае не намерен. Точно также не считает нужным давать нам пароход и людей для подъема транспортов, застрявших на Волге внизу. В заключение, назвав нас шпионами, он предложил нам «катиться ко всем чертям, пока целы».

Мы остаемся на месте, продолжая требовать посылки военного судна за баржами. Но вместо поддержки в проведении этой ответственной и сложной операции Трофимовский начал по отношению к нам настоящую травлю. Его солдаты, особенно начальствующий состав, начинают вести себя все более вызывающе, недвусмысленно угрожая пустить нас «в расход». Создается убеждение, что наше дальнейшее пребывание здесь не только бесполезно, но и не безопасно, в то же время только оттягивает эвакуацию баржей, которые каждый час могут быть уведены белыми.

Вместе с тем мы видели, что Трофимовский по сути дела никаких военных операций против белых не ведет. Весь штаб во главе с Трофимовским проводит время в пьяных оргиях. Палуба парохода «Миссури», где помещался штаб этого бандита, постоянно была переполнена разряженными женщинами — сбродом тетюшской и богородской буржуазии. В то время как трудящиеся страны и Реввоенсовет полагают, что у Тетюшей — Богородска стоит верная застава, в действительности здесь — полный развал, пьянка, гарем, а Трофимовский разыгрывает из себя волжского атамана, ставя под удар судьбу фронта.

Наконец, мы решили ехать в Казань, чтобы доложить о положении дела и о необходимости организовать вывоз каравана баржей помимо Трофимовского — силами симбирского губисполкома.

## На пароходе „Славный“

После доклада мы получили в наше распоряжение мощный буксирный пароход «Славный» с громадным транспортом-баржей всевозможного военного снаряжения.

Одновременно нам дали отряд красноармейцев в несколько человек под командой бывшего офицера Макарова. Дали в наше



распоряжение также нескольких специалистов по интендантскому имуществу.

Среди них следует отметить преданного партии и советской власти беспартийного Любимова, который не щадил своего плохого здоровья, все время самоотверженно работал, проявляя большую стойкость духа в опасные минуты.

К сожалению, в среде красноармейцев было несколько человек из интеллигентско-мещанских семей Симбирска, мобилизованных в Красную армию. Они вместе с контрреволюционно настроенными элементами из среды специалистов-интендантов не раз пытались дезорганизовать нашу работу, вызвать панику, войти в контакт с контрреволюционной частью команды парохода «Славный».

Некоторые из них впоследствии бежали с парохода (Зыздик и др.) к белым.

Теперь наша задача состояла в том, чтобы помогать обслуживанию формирующихся красных частей, обеспечить сохранность военного имущества и в случае необходимости обеспечить любой ценой его эвакуацию. Имелась в виду и организация экспедиции вниз по Волге для розыска оставленных там баржей. Однако целый ряд других заданий, а затем резкий поворот в событиях помешали осуществлению этого намерения.

Губисполком и комитет партии, обосновавшись в Алатыре, развернули там большую организационно-политическую работу по формированию красных частей и вместе с тем старались подкрепить эту работу хозяйственно-политическими мероприятиями.

Наступил период хлебоуборки. Постоянная передвижка фронтов, при больших продовольственных затруднениях, требовала быстроты уборки, обмолота хлеба и т. п., требовала ряда мероприятий, которые бы укрепляли доверие крестьян к советской власти.

Поэтому губисполком озаботился снабжением надежных волостей, ряда сельскохозяйственных коммун и совхозов уборочными машинами и молотилками.

Эти хозяйственные мероприятия имели в конечном счете большое военно-политическое значение.

Пароходу «Славный» и его команде была поручена доставка большого транспорта молотилок от Казани до станции Зеленый Дол (возле свияжского железнодорожного моста через Волгу). Мощный транспорт с молотилками в течение полутора суток был погружен в Казани, доставлен к Зеленому Долу и здесь перегружен в поданный товарный поезд.

Большую помощь в перегрузке машин на станции Зеленый Дол оказала нам группа рабочих с близлежащего завода. Беседы с рабочими показали, что в них высок революционный дух и готовность бороться с наступающей контрреволюцией. Впоследствии эти рабочие подтвердили это на деле.



Когда после занятия Казани белыми один офицерский батальон пытался глубоким обходом через левобережные леса захватить железнодорожный мост или взорвать его, то рабочие, вооружившись, дали бой офицерам и, жестоко потрепав их, отбросили к Казани.

## Под огнем белых к Свияжску

5 августа, только что закончив операции по отгрузке сельскохозяйственных машин, пароход «Славный» стоял перед казанскими пристанями.

Побывав на берегу и в городе, мы убедились, что политическая атмосфера в Казани очень сгущена. На улицах, в трамваях открыто высказывались против советской власти, демагогически используя продовольственные и тому подобные затруднения.

Чувствовалось, что назревают события. Мы обходили транспорт с беженцами и военнопленными, прибывшими из расположения белых, разыскивали белогвардейские газеты, чтобы по ним судить о положении в тылу у белых.

Около 3 часов дня, когда мы на шлюпке приближались к пароходу «Славный», отчетливо слышалась орудийная пальба, которая раньше доносилась в виде смутного гула.

Ни у кого не возникло даже и тени тревоги.

«Пробная стрельба, — решили мы, — вероятно, пристреливаются батареи, которые позавчера и вчера устанавливали на В. Услоне, у Н. Услона и у устья Казанки».

Но раздался тревожный гудок с парохода «Ломоносов», — нашего главного штаба. Тотчас заревели гудки и других пароходов, заглушая орудийную стрельбу. С «Ломоносова» нам сигнализировали, но что, — понять было трудно. Мы видели, что кричат в рунор, но услышать что-либо за ревом гудков было невозможно.

В это время над Н. Услоном стали видны вспышки рвущихся шрапнелей. Это была не учебная стрельба.

Нам стало ясно, что, не теряя ни минуты, нужно уходить вверх по Волге и увозить порученное нам военное имущество.

Немедленно я и Макаров поднимаемся на пароход, чтобы поднять на ноги капитана, а Борис с красноармейцами — на транспорт, чтобы обеспечить быстрый и своевременный подъем якоря.

В этот-то момент и попытались показать свои зубы белогвардейски настроенные элементы нашего отряда и команды парохода.

Капитан, бывший хозяин «Славного», новодевиченский кулак, наотрез отказался выполнить приказ Макарова — немедленно забирать транспорт и двигаться вверх по Волге.

— Паров нет, надо их разводить, раньше как через полчаса не пойдем, — ответил он.



Возле капитана стоял механик, меньшевистски настроенный. У него радостно блестели глаза. Вся эта свора, повидимому, только и ждала минуты, когда бы переметнуться к белым.

Эта минута, как им казалось, настала, и они решили ее использовать.

Мы с Макаровым оказались на пароходе одинокими. Все надежные красноармейцы были на транспорте, на других людей из нашей команды положиться было нельзя. Однако находчивость и смелость Макарова спасают положение.

Отозвав меня вниз, он говорит:

— Бери винтовку.

Хватаем винтовки и вновь на капитанский мостик.

Макаров резким движением вскидывает винтовку и решительным тоном командует:

— Немедленно полный ход, или вы не сойдете отсюда живым.

Капитан сразу сдал и завертелся волчком, отдавая нужные распоряжения.

На транспорте положение тоже осложнялось. Хотя команда баржи, достаточно распропагандированная нами, была настроена благоприятно, но ее охватила паника. Вместо того чтобы поднимать якорь, матросы свертывали свои монатки и собирались на лодке перебраться на «Славный», чтобы на нем спастись от белых.

Макаров в рупор кричит Борису, чтобы тот применил оружие для водворения порядка и ускорил подъем якоря.

Но наши ребята на транспорте уже вертели вал. К валу стали подбегать и матросы.

Якорь поднимался ужасно медленно. Ясно, что раньше как через 15 минут его не поднять. Появившийся у нас на палубе Зыздик начинает вести разговоры:

— Надо рубить канаты и уходить. Из-за этой баржи мы все погибнем.

В это время мы видим: «Ломоносов» и ряд других пароходов отходят от пристаней и уже приближаются к нам.

Я решаю: быстро со всем отрядом красноармейцев перебраться на транспорт, чтобы ускорить подъем якоря. На пароходе остаются Макаров и Любимов, вооруженные винтовками.

Через 5 минут дружными усилиями якорь поднят. Еще 1-2 минуты и мы снова на пароходе.

Канат туго натягивается, и наш мощный «Славный» уверенно двигается вперед. Мы облегченно вздыхаем.

«Ломоносов» уже поравнялся с нами, обгоняет. Товарищ, одетый в форму морского офицера, кричит нам с палубы «Ломоносова»:

— «Славный», полным ходом вывозите транспорт на Свияжск. Белые подходят к Казани.

Это нам уже ясно и так, мелькает только мысль: «А что бы «Ломоносову» взять нас на буксир — дело-то вернее было бы».



Волга в этот момент представляла неопишемую картину. Огромный пароходный флот, стоявший до последних дней у Казани, тронулся полным ходом вверх, не соблюдая фарватера. Суда обгоняли друг друга, взаимно мешая быстрому движению вперед и создавая угрозу столкновений и катастроф.

От поворота Волги у Н. Услона мимо Казани неслись какие-то суда.

«Чехо-словаки преследуют нас», — решили мы. Но пароходы нагоняют и перегоняют нас без выстрела. Среди них знаменитый «Миссури» Трофимовского.

Догадываемся: «грозный вояка» Трофимовский удирает, значит сейчас и чехо-словаки появятся.

Снаряды стали ложиться на пристани и на песчаной косе, среди Волги, поблизости от нас, поднимая громадные водяные фонтаны... На пристани загораются какие-то строения.

Как после выяснилось, Трофимовский, прозевав момент наступления белых, не давая им боя, стал на всех парах отступать к Казани. Его по пятам преследовала белая флотилия мичмана Мейера.

Фактически Трофимовский открыл фронт противнику, и путь на Казань для чехо-словаков был свободен.

Ни на минуту не задерживаясь у Казани, Трофимовский, обгоняя беззащитную эвакуирующуюся флотилию, позорно удирал вверх по Волге.

Трофимовский с остатками своего отряда человек в 60 кавалеристов остановился в Чебоксарах, отказываясь выступить на фронт и принимая все меры, чтобы избежать ареста. Однако отряду нижегородской ЧК удалось выманить Трофимовского из его отряда под предлогом подавления восстания в мужском монастыре. Тем временем отряд Трофимовского был сагитирован. И когда «атаман» вернулся, он был арестован. На загаженных бандитами пароходах было найдено большое количество оружия, продовольствия, муки, сахара и тому подобных «трофеев», награбленных Трофимовским у симбирского губисполкома и у жителей...

Вскоре появилось сообщение в газетах, что предатель-бандит Трофимовский в Нижнем был предан суду и расстрелян.

... Во время отхода из-под Казани только вооруженные буксиры № 3 и 4 Волжской флотилии вступили в бой с появившимися вскоре чехословацкими судами. Они сдерживали противника в течение часа возле В. Услона, дав этим возможность отступившей флотилии избежать белогвардейского плена. Израсходовав все снаряды и пулеметные ленты, эти боевые суда взорвались, чтобы не быть захваченными белыми.

Примерно через полчаса после нашего отхода от Казани мы оказались в хвосте отступающих судов. Бой у В. Услона усиливался. Но вскоре стрельба прекратилась. Мы уже были далеко от Казани, когда возобновилась орудийная стрельба, перепле-



таясь с отчаянной пулеметной и ружейной трескотней. Как после рассказывали товарищи, через час после ухода судов Трофимовского и гибели боевых буксиров № 3 и 4, мимо казанских пристаней проследовали два чехословацких парохода с баржами, которые и высадили десант у Устья.

Чехословацкий десант был встречен там сильным огнем отряда латышей и матросов. Чехо-словаки, понеся большие потери, были вынуждены отступить на Н. Услон, откуда вновь повели наступление на Казань, подвергая ее жестокому артиллерийскому обстрелу.

...«Славный» набирает скорость. Создается уверенность, что мы вырвались, что пароход и транспорт военного имущества спасены.

В транспорте у нас было до 40 тысяч пар обуви, до 50 тысяч комплектов полного обмундирования, полное оборудование для нескольких телеграфных станций, большое количество продовольствия, а также ящиков с патронами и т. д.

Стемнело. Над Казанью полыхает зарево. Слышится орудейный гул. Тревогой сжимается сердце. Вот еще одно поражение. Когда мы научимся побеждать?



Перелом от поражений к победам был уже недалек. Под Свияжском, Зеленым Долом, Красной Горкой, руководимая большевистской партией, выковалась боеспособная армия, сумевшая вместе с 1-й армией блестящим наступлением отомстить белым за их дерзкие налеты на Симбирск и Казань.

Красногвардейцы отступали, чтобы развернуть мощную Красную армию. В поражениях Красная армия училась побеждать.







**Н. СКРИПИН**

## **ПАРТИЗАНЫ АЛАТЫРСКИХ ЛЕСОВ**

---

### **Кулацкие восстания**

**Б**уинский уезд до Октябрьской социалистической революции был по преимуществу земледельческим. Прослойка пролетариата (рабочие мелкой промышленности) была незначительна. Основную массу населения составляли крестьяне четырех национальностей: татары, чуваша, русские и мордва. Пользуясь особой темнотой и забитостью этих угнетенных национальностей, кулаки, попы, муллы и буинская буржуазия долго тормозили установление власти советов в уезде. На уездном съезде советов в феврале 1918 года фракция противников советской власти оказалась чрезвычайно сильной.

Немногочисленные большевики, опиравшиеся на профсоюзы Буинска и на фронтовиков из бедноты, принуждены были насильственным путем захватывать власть и для этого просили помощи у симбирского губсовнаркома. В Буинск прибыл отряд Красной гвардии в 40 человек при двух пулеметах, под командой губвоенкома Першина.



Обстановка в Буинске резко изменилась. Враги советов, сторонники Учредительного собрания, вынуждены были сдать власть без боя.

Был избран уездный исполнительный комитет, организованы отделы, проведен сбор контрибуции среди буржуазии и подавлен саботаж чиновников. Но красноармейский отряд Першина в середине февраля должен был возвратиться в Симбирск. После его ухода буржуазия, лавочники, работники бывшей городской управы и духовенство снова повели в городе бешеную агитацию против совета.

Однажды большая толпа спровоцированных мещан осадила здание уисполкома. Казалось, что все кончено, что уисполком и его работники будут растерзаны разъяренной толпой. Но выдержка и самообладание членов уисполкома спасли положение. Они вышли к толпе и в своих речах раскрыли всю преступность мятежа, его буржуазный, провокационный характер.

Враждебное настроение толпы удалось разрядить. Но стало ясно, что без организованного военного отряда Красной гвардии далее существовать невозможно.

Члену уисполкома И. С. Назарову, назначенному военным комиссаром, было поручено немедленно сформировать отряд Красной гвардии из бедняков-фронтовиков.

Быстро был организован отряд в 100 человек.

Но классовый враг тоже не дремал. Его агенты пробрались в состав красногвардейского отряда.

Используя наши трудности — задержку зарплаты, недостаток обмундирования, вооружения и снаряжения, — контрреволюционные темные элементы вызвали среди красногвардейцев ропот и брожение, вылившиеся потом в бунт.

Но уисполкому удалось образумить и успокоить красногвардейский отряд. Зачинщики и подстрекатели были удалены из отряда и отправлены в Симбирск для привлечения к ответственности. Вместо Назарова военным комиссаром назначили большевика Телегина, только что прибывшего с фронта и кооптированного в состав уисполкома. В городе были установлены порядок и спокойствие.

Купечество, земцы, эсеры, потерпев поражение в городе, перенесли свою деятельность в деревню, смыкаясь с кулаком в своей борьбе против советов и держа курс на организацию восстания.

В феврале—марте начались самочинные хищнические лесопорубки в волостях Батыревской, Тархановской, Мочеловской и др.

Необходимо было предотвратить массовое уничтожение лучших хвойных вековых лесов. Увещения, разъяснения и распоряжения уисполкома не достигали цели. Спровоцированное кулачеством крестьянство выступило против охраны лесов, а затем и против советов.



Начались беспорядки, вооруженные столкновения. В одном из таких столкновений буинский красногвардейский отряд под командой членов уика Прахина и Маркова потерял шесть человек убитыми. Только при помощи симбирского красногвардейского отряда под командой Жданкина удалось окончательно ликвидировать кулацкие выступления и лесопорубки. Однако в марте—апреле в ряде волостей вновь происходят враждебные выступления.

В татарской деревне Студенец кулаки при помощи муллы натравили крестьян на волсовет и разогнали его. Красногвардейский отряд под командой Космовского быстро подавил это восстание и захватил главарей, которые были направлены в Буинск для предания суду.

В районе Архангельской (русской) и Городищенской (чувашской) волостей, в связи с проведением декрета об отделении церкви от государства, руководимое кулаками и попами население также разогнало волостные советы. В Архангельском кулаки избивали членов волисполкома, обливали холодной водой, сажали в сырые подвалы. То же проделали и в чувашском селе Никольские Чепкасы.

В Архангельском был захвачен инструктор буинского совета Чурбашкин. Ему грозила расправа, если бы не подоспел красногвардейский отряд Космовского. Отряд выявил злостных зачинщиков, заядлых кулаков и отправил их в симбирскую губчека.

## Оставление Буинска

30 мая буинским уисполкомом была получена тревожная телеграмма от симбирского военно-революционного штаба, сообщавшая о контрреволюционном восстании чехо-словаков в Пензе. Телеграмма требовала высылки красногвардейского отряда в Симбирск. Настала наша очередь помогать Симбирску.

1 июня половина нашего отряда под командой Космовского и Герасимова выступила в Симбирск. Здесь наши красногвардейцы были включены в состав отряда Пеньевского, отправившегося на помощь Самаре для отражения чехо-словаков. Большая часть отряда Космовского погибла под Самарой, но Космовский и Герасимов уцелели и вернулись в Симбирск.

22 июля белогвардейские и чехословацкие войска заняли Симбирск.

Красная армия и губисполком отступили к Буинску.

По прибытии в Буинск было созвано экстренное заседание губисполкома совместно с уисполкомом, на котором на меня как председателя уисполкома и военного человека была возложена задача — организовать прикрытие тыла отступивших, оборону Буинска от наступающих белых банд, а также своевременную эвакуацию уездного казначейства и всех ценностей.



Были высланы сторожевые заставы по трем направлениям: по Симбирскому тракту — в деревню Студенец, откуда имелась телефонная связь с Буинском; по Тетюшинскому тракту — к Тетюшам на Волге, откуда можно было ожидать высадки белогвардейского десанта, и по Московскому тракту — в направлении Яклинского района, откуда белогвардейцы легко могли сделать обход и ударить нам во фланг и тыл.

Заставы выполняли свою задачу до последнего момента. Студенецкая застава сдерживала белые банды до тех пор, пока оставаться в деревне стало уже буквально невозможно.

Когда белогвардейцы вошли в Студенец, то кулаки немедленно мобилизовали большое количество подвод, чтобы ускорить их наступление на Буинск.

Возникла непосредственная угроза Буинску. Узнав от члена уика Хусаметдинова, находившегося в то время при студенецком воисполкоме, о грозящей опасности, уик решил эвакуироваться, забрав около полутора миллиона рублей, оружие, снаряжение и обмундирование. Воспрянувшая местная буржуазия, саботировавшее чиновничество и мещанство попытались воспрепятствовать эвакуации уездного казначейства, но решительный вооруженный отпор со стороны членов уисполкома спас положение. Однако тотчас после нашего ухода из города белогвардейский офицер Зиновьев передал по всем волостям злобно провокационную телефонограмму:

«Буинский уисполком и красногвардейский отряд сбежали, ограбив казначейство, все ценности и деньги, разграбив много снаряжения и имущества. Выходите на проселочные дороги, на околицы, обыскивайте беглецов, отбирайте все найденное, бейте и убивайте или доставляйте грабителей в Буинск на народную расправу».

Эта провокация была подхвачена в селах кулаками, муллами и попами. Они возбуждали крестьянство и выставляли заставы на дорогах, идущих из Буинска.

Приходится с горечью отметить, что некоторые члены уисполкома, не учтя всей опасности положения, не эвакуировались и поплатились за это жизнью.

Члены уисполкома Розов, Павлов, Бровкин и Долгов, оставшиеся в Буинске, были брошены в тюрьму.

Возбужденная и озверевшая толпа, науськанная белогвардейскими провокаторами, разгулиwała по городу, врываясь в квартиры членов уисполкома.

При обысках разбивали столы, шкафы, сундуки и забирали положительно все, до постельных принадлежностей включительно, нанося семьям оскорбления и побои.

Член уисполкома Карзанов, только что прибывший из Москвы со Съезда советов, и Хамзин, а также несколько красногвардейцев пошли в свои родные деревни. Все они были захвачены кулачем возле татарского села Новые Какерли. Карзанов,



комиссар социального обеспечения, на допросе уверял спровоцированную массу татар, что казначейство взято организованно и законно председателем уездного совета Скрипиным, комиссаром финансов Кирпичниковым и продовольствия — Салабаевым, взято по актам и под расписку в государственных казначейских книгах, что казначейство цело, не разграблено и находится в надежных руках советской власти.

Но выступил старый, пользующийся у мусульман большим доверием кулак Яшиб-мулла. Он с пеной у рта уверял толпу, что председатель уездного совета Скрипин пойман и повешен в Буинске на базарной площади, что комиссары Салабаев и Кирпичников сбежали, а деньги разграблены. Мулла настаивал на убийстве Карзанова.

Спровоцированная кулаками толпа набросилась на Карзанова и начала его избивать.

Натешившись и видя предсмертные судороги Карзанова, толпа прекратила избиение и отправила его в село Церковные Убен, где власть уже принадлежала белогвардейцам.

Доставлен был туда Карзанов в бессознательном состоянии, и белогвардейцы не могли от него ничего добиться. Они выкололи ему глаза, пристрелили в упор и выбросили в канаву.

Остальные пятеро товарищей также были зверски избиты и живыми закопаны в землю.

Уисполком, отъехав от Буинска 10—15 верст по Тетюшинскому тракту, выслал на разведку в Буинск одного из активных членов уисполкома Кочеткова и еще двух товарищей.

Кочетков, добравшись до деревни Васильевка, расположенной в 4 верстах от Буинска, узнал, что мост через Свиягу при деревне Васильевка охраняется служащими уисполкома.

Рассчитывая, что «свои» служащие не выдадут его белым, Кочетков попросил их помочь ему пробраться в Буинск.

На словах его заверили, что не выдадут, но в то же время по скрытому полемому телефону сообщили о нем в Буинск.

Не дойдя до города, Кочетков был схвачен белобандитами. Его вывели на городскую площадь, где белогвардейцы зверски над ним издевались: плевали в лицо, хлестали по щекам, пинали под бока. Избитый Кочетков под усиленной охраной в оковах был отправлен в симбирскую губернскую тюрьму, где впоследствии сошел с ума.

Таким образом уисполком за время эвакуации лишился почти половины своего состава.

3 августа Буинск был занят белогвардейцами...

Эвакуировавшийся из Буинска отряд имел в своем составе 20 красноармейцев и 15 вооруженных членов уисполкома. Имея при себе ценности, уисполком каждую минуту находился под угрозой нападения со стороны бродящих дезертиров. Он знал также, что его преследует капшелевский кавалерийский отряд, который находится на расстоянии 15—20 верст.



В селе Шаланга мы остановились на отдых и для смены подвод. Здесь нас встретили переодетые белогвардейцы и эсеры, которые начали агитировать и разлагать наш отряд. В расчете на то, что нас задержат и выдадут в руки преследователей, они еще раньше уговорили сельсовет и крестьян выгнать лошадей из села якобы на пастбище, чтобы не дать нам подвод.

Нужны были решительные меры. Мы арестовали провокаторов и весь сельсовет, взяли заложников и поставили ультиматум:

«Если сельсовет через час не доставит в распоряжение уисполкома десять подвод, то заложники, не исключая и членов сельсовета, будут расстреляны».

Подводы были предоставлены через 2—3 часа.

Мы выехали дальше, захватив с собой активных провокаторов, которых передали встретившемуся отряду Додонова. При выезде из села нами была выслана в сторону белых разведка, которая не вернулась, и дальнейшая судьба разведчиков не известна.

Двигаясь на Тетюши, мы получили от своих разведчиков сведения, что город уже взят белыми. Тогда мы решили двинуться по правому берегу Волги на Казань.

На наше обращение из села Теньки-пристань по прямому проводу в Свияжск и Казань за указаниями мы получили приказ от главкома Вацетиса — следовать на Урмалы, вербуя по пути добровольческие отряды, и дальше — на Алатырь для присоединения к симбирскому губисполкому.

Под Урмалами мы встретили нашу кавалерийскую разведку Додонова и, получив сведения, что Казань пала и красные части отступили на Свияжск, мы не без сопротивления железнодорожного начальства погрузились в вагоны и отбыли в Алатырь.

## Организация партизанских отрядов

Уже вечером, добравшись до Алатыря, я со своим заместителем Крыловым пошел в губисполком. В момент нашего прихода губисполком заседал. Председательствующий Гимов, увидя нас, прервал заседание. Губисполком более недели не имел никаких сведений о нас и предполагал, что нас уже нет в живых.

Варейкис, Певзнер, Швер и другие члены губисполкома обрадовались нам и начали расспрашивать о судьбе Буинска.

После моего краткого доклада буинскому уисполкому было поручено организовать бедняцкую часть нацменского населения алатырских и айбесинских песов на борьбу с белыми и проводить там систематическую агитацию, посылая агитаторов и распространяя листовки.

Мы выделили из своего состава девять членов уисполкома и энергично взялись за осуществление этого поручения. Члены уисполкома, выделенные в вербовочные группы, были проин-



структурированы, снабжены деньгами и всем необходимым и отправлены с небольшими отрядами в занятый белыми Буинский уезд для вербовки добровольцев в партизанские отряды.

Работа вербовочных групп дала положительные результаты. Население уезда узнало, что уисполком находится в Алатыре вместе с губисполкомом. Крестьяне, особенно молодежь, которой предстояла мобилизация в белую армию, в большом числе приходили к нам в Алатырь.

Значительное число крестьянской молодежи дали нам чувашская Бичурга-Байшевская, Шамкинская и Помаевская волости. Из этих трех волостей пришло до 200 добровольцев. Так был создан добровольческий буинский партизанский отряд. Из Шамкинской волости одна деревня Русские Чукалы дала до 40 человек, которые уклонялись от мобилизации в белую армию. Из Помаевской волости большое количество добровольцев дали села Большой Чилим, Помаево и Паркино.

Организованный краснопартизанский отряд был наскоро обмундирован, вооружен и спешно проверен в боевых познаниях. Те товарищи, которые оказались мало подготовленными к предстоящему походу, спешно обучались военному делу.

Белогвардейцы, направив свои главные силы под Казань, намерены были перехватить путь и мост через реку Суру у Алатыря, где находились симбирский губисполком и штаб алатырской группы войск.

Для этой операции белогвардейцы выделили часть кавалерийского каппелевского отряда, с которым буинскому добровольческому партизанскому отряду и пришлось вести борьбу.

Белогвардейцы вели свои боевые действия по двум направлениям. Один их отряд был направлен по Казанскому тракту, затем на село Церковные Убеи, деревни Какерли, Бичурга-Байшево и айбесинские леса. Другой отряд был двинут по Московскому тракту через села Анненково, Старые Маклауши, Большой Кувай в алатырские леса.

Наши передовые части нащупали противника, оперирующего в лесах и стремившегося к переправе через реку Суру у Промзина и около реки Бездны. Села Промзино, Барышская слобода и Засарье имели хорошие переправы через Суру. Здесь белогвардейские отряды, перейдя Суру, могли пройти в Алатырь и ударить на нас с фланга. Но эти переправы надежно охранялись красными войсками.

Тогда белогвардейцы взяли направление на поселок Шумы и чувашскую деревню Сойгино. Сосредоточив свои силы на опушке леса около села Большой Кувай и в середине леса, они начали разведывательные операции по всем направлениям.

Наша разведка обнаружила отряд белых в поселке Шумы, вступила с ним в бой и разбила его.

Одновременно нами была разбита белогвардейская разведка в лесу между чувашскими селами Айбеси и Сойгино.



Однажды разведка партизанского отряда, оперировавшего на лесной дороге, ведущей через Айбеси, Сойгино и Бичурга-Байшево, добралась до бичурго-байшевской больницы, которая была соединена телефоном с буинским белогвардейским штабом. Разведчики захватили в свои руки телефон и, поставив охрану, начали вести переговоры с соседним селом Мочелово, где находился белогвардейский отряд, производивший мобилизацию солдат и скота для белой армии.

Наши разведчики, спросив по телефону белого офицера, находящегося в Мочелово: «Как у вас дела идут, господин поручик», получили ответ, что он проводит мобилизацию, но работа среди татар мало успешна. Офицер спросил, с кем он разговаривает. Разведчики ответили, что это кавалерийский разъезд белых, который охраняет опушку леса возле бичурго-байшевской больницы. Офицер заинтересовался и спросил, какие сведения имеются о «красноголовых бандитах». Наша разведка ответила: «Дела, брат, плохи. Имеем сведения через местных жителей, что в лесах оперирует красных чертей и бандитов вместе с татарвой не менее тысячи штыков с десятками пулеметов и батареи в шесть орудий. Красные ведут наступление на Буинск и пробираются к Волге в Тетюши».

Белогвардеец поспешил дать знать об этом в Буинск и немедленно прервав свою мобилизацию, удрал туда же на автомобиле.

Ведя операции в алатырских и айбесинских лесах, охраняя подступы к переправам через Суру, мы упорно продолжали формирование отрядов и мобилизацию гражданского населения на пополнение первой революционной армии.

Мы энергично распространяли агитлистки в местностях, занятых белыми. Действие этих агитлисток было таково, что нередко жители из местности, занятой белыми бандами, приходили в Алатырь, в буинский исполком, за получением денег по сберкнижкам. Через них мы узнавали о месте нахождения белых отрядов и их активности.

Между тем на занятую белыми территорию потянулись помещики. Крестьянство насторожилось. Начались беспощадные реквизиции рогатого скота и лошадей, мобилизация людей для белой армии. Все это вместе с нашей агитацией скоро вызвало большой перелом в настроении широких масс трудящегося крестьянства. В ряде сел вспыхивали стихийные восстания русского и нацменского крестьянства против белых. Характерно восстание в селе Пролей-Каша.

По занятии белыми Тетюшей в Пролей-Каше скрылся ряд коммунистов, которые вместе с фронтовиками стали вести агитацию против явки на мобилизацию в белую армию, готовя вместе с тем оружие для восстания. Русское и чувашское крестьянство села, взбурдаженное появлением в Тетюшах местного помещика, поддержало фронтовиков. Попытка мобилизации была сорвана. На сборный пункт никто не явился.



В Пролей-Кашу вскоре прибыл из Тетюшей карательный отряд. Большинство крестьян было в поле. Воспользовавшись этим, белогвардейцы арестовали несколько человек и в поисках оружия стали производить обыски.

Вдруг раздался набат. Прибежавшие с поля крестьяне атаковали карателей и разоружили их.

Крестьяне, организовав краснопартизанский отряд, имевший 50 винтовок, решили защищать свое село.

Через день в селе появилась многочисленная белогвардейская часть. Ее вел знавший местность помещик Лепаев. Белогвардейцы ворвались в село. Человек 15 повстанцев были схвачены. Однако главной массе красных партизан села Пролей-Каша удалось уйти. Обосновавшись в глухих лесах, они производили набеги на тыл белой армии.

Широкие массы крестьянства на себе испытали, к чему ведет белая власть, и втягивались в активную борьбу с ней.

## Белогвардейская диверсия

Дремучие айбесинские и алатырские леса были удобны для партизанской деятельности, но они облегчали и операции белогвардейцев. Наши партизаны хорошо знали все тропинки и лесные пути, однако в силу малочисленности нашего отряда мы прозевали продвижение белых. Им удалось пройти по какой-то лесной дороге, совершить налет на Алатырь.

Предупреждение о готовящемся налете белых мы получили от старика Савельева — отца технического секретаря унсполкома. Он подслушал разговор белых офицеров в селе Убсах и под видом богомольца пробрался в Алатырь.

Железнодорожный мост у Алатыря охранялся коммунистическими и нашим буинским отрядами. Несмотря на бдительность охраны, усиленную после предупреждения Савельева, белогвардейский кавалерийский разъезд под прикрытием ночной темноты и дождливой погоды приблизился к железнодорожному мосту. Подойдя на лодках к правобережному концу моста, белые начали подкладывать подрывные шашки, но поджечь шнур не успели.

Красногвардеец, часовой Чураков, услышал плеск воды и окликнул: «Кто плывет?» Вместо ответа раздался выстрел. Чураков поднял тревогу. Сторожевая охрана открыла огонь из ружей и пулеметов. Белогвардейцы, видя провал своего предприятия, поспешили подплыть к берегу и скрылись в прибрежных кустарниках. На месте их высадки была обнаружена лодка на 10 человек и две подрывные шашки.

Вскоре мы получили сведения, что из Симбирска направлен на Алатырь кавалерийский полк и что авангардные части его находятся уже в подлесных деревнях Сойгино, Старо-Айбеси и Большой Кувай.





Степанов



Я. Звирбуль



В. Пен'епский



А. Измайлов



Л. Левин-Бельский



Военно-оперативный штаб под руководством Пеньевского, губисполком, симбирская и алатырская партийные организации мобилизовали все силы для отпора белым. Введена была усиленная охрана. В леса за Суру постоянно посылались разведки. Это напряженное положение продолжалось до тех пор, пока 5-я и 1-я Революционные красные армии не приготовились к решительному наступлению на Казань и Симбирск.

## В наступление на Буинск

Когда все уже было подготовлено к общему наступлению по всему фронту, наш партизанский отряд получил приказ наступать на Буинск.

Наш отряд, насчитывавший уже свыше 250 бойцов, под командой членов уисполкома, большевиков, Космовского, Телегина и Герасимова и под общим руководством Пеньевского, выступил по лесным дорогам на село Новые Айбеси, деревни Сойгино, Бичурга-Байшево, Новые Какерли и др., расположенные в окрестностях Буинска. При отряде было два пулемета и два трехдюймовых полевых орудия (последние под командою Хламина). Пройдя лесной массив, мы присоединились к отряду Курского стрелкового полка, совместно с которым и вели наступление на Буинск и Тетюши.

9 сентября наша разведка обнаружила белогвардейские заставы в районе села Большое Батырево. Белогвардейцы были оттеснены нами в район Ембулатово, а наши части заняли село Большое Батырево, расположившись в нем на отдых и ночлег и обеспечив себя сторожевой охраной.

День и ночь с 9 на 10 сентября противник был пассивен, разведки не вел и не показывался. Но 10-го белогвардейцы, видимо, получили из буинского гарнизона подкрепление и сосредоточили свои силы в районе сел Тимбаево и Ембулатово. В ночь с 10 на 11 сентября они повели наступление. Их передовые части, оттеснив нашу разведку, стали подходить к району Большого Батырева.

Наш отряд под сильным натиском белых сначала вынужден был отступить, потеряв в бою убитыми военного комиссара Крепкова, члена уисполкома Кузьмина и восемь красноармейцев Курского полка. Потери белых банд были значительно больше. Вскоре белогвардейцы, не имевшие артиллерии, понесли ощутительный урон, не выдержали натиска наших частей и начали отступать на Буинск. Наши отряды, идущие со станции Ибреси и Шихран и от Сойгино и Бичурга-Байшево, у сел Ембулатово и Тимбаево соединились и повели общее наступление на Буинск. Белогвардейцы, очевидно, были осведомлены, что Казань и Симбирск уже пали под ударами красных войск. Опасаясь быть окруженными, они спешно оставили Буинск. Причем пехота отсту-



шла в Тетюши, а кавалерия в Ундоры. Буинск был взят нашими отрядами без сопротивления.

Здесь мы прежде всего открыли уездную тюрьму и выпустили оттуда всех политзаключенных. Многие из заключенных тут же вступили в ряды Красной армии.

Противник в беспорядке отступал к Волге. В Тетюшах белые оставили богатые запасы снаряжения, обозы и имущество. В селе Ундоры белые кавалерийские отряды спешили, бросили два эскадрона лошадей, а сами переправились на другую сторону Волги на лодках. Оставшиеся кони достались нашим красным отрядам.

По взятии Казани, Симбирска, Буинска и Тетюшей наш добровольческий краснопартизанский отряд был оставлен при буинском исполкоме для охраны советской власти и водворения порядка.







**П. УСТИНОВ**

## **ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОЛК В БОЯХ ЗА СИМБИРСК**

---

### **Штурм и взятие Симбирска**

**8** сентября командарм Тухачевский и реввоенсовет дали приказ Железной дивизии в трехдневный срок энергичным ударом овладеть Симбирском и тем создать угрозу белогвардейцам под Казанью и Самарой.

Наш 1-й Симбирский полк получил задание наступать по главному направлению вдоль полотна Московско-Казанской железной дороги; исходный пункт — станция Майна; наступать через лесной массив.

О противнике точных сведений не было. Знали примерно, что по количеству бойцов и огневым средствам, в особенности по артиллерии, он был сильнее нас. Кроме того мы знали, что у белых помимо мобилизованных имеются части офицеров и георгиевских кавалеров.

9 сентября дивизия, опрокидывая белогвардейцев, двинулась вперед.



Лес, через который пришлось идти нашему полку, был занят противником, но наши разведывательные партии лихой атакой отбросили его, очистив путь для главных сил.

Правее железной дороги по опушке леса проходит глубокий овраг. Над его южным обрывом расположены деревни Кочетовка и Ляховка. Дальше — немецкие хутора, а там, до самого Симбирска — Ивановка, Анненково, Вырыпаевка, Киндяковка, Вининовская роща, пригородная слобода Туть.

По полотну железной дороги шел 1-й батальон.

Я со 2-м батальоном шел по правому берегу оврага.

Еще правее нас наступал Витебский полк.

По левой стороне железнодорожного пути двигался 2-й Симбирский полк и еще левее — Курская бригада.

Мы выходим из леса на деревню Ляховка. Деревня мертва — ни звука, ни движения.

Наша разведка уже приближалась к окраине. Вдруг неожиданно раздались ружейные выстрелы. За ними затрещали пулеметы.

Наша разведка залегла.

В это время стрельба передалась по направлению к станции Выры и дальше на север. Загремели белогвардейские орудия. Снаряды рвались над лесом, из которого мы выходили.

Я дал приказание батальону рассыпаться в цепь и наступать на Ляховку.

Бой начался по всему фронту.

Наши попытки захватить Ляховку в лоб не увенчались успехом. Мы потеряли восемь человек ранеными.

Слева у нас овраг, поросший мелким кустарником. Он врезался в позицию противника и дальше, за деревней, одним рукавом уходил к полотну железной дороги.

У меня явилась мысль воспользоваться этим оврагом как хорошим подступом в тыл противнику. Вправо было открытое поле. Оставив две роты и все пулеметы под командой Анфимова перед фронтом, я с двумя другими ротами незаметно спустился в овраг.

Соблюдая полную тишину, под прикрытием кустарника мы пошли по дну оврага.

Прошло около получаса. Позади нас вправо и влево продолжалась стрельба.

Дойдя до поворота оврага, я остановился у извилистой тропинки, ведущей вправо из оврага. Пора было действовать.

Я вполголоса подал команду:

— Товарищи, по тропинке поднимайтесь осторожно! Никакого шума!.. Сбор наверху оврага!.. Евстронов, ты с ротой будешь бить вдоль оврага!.. А ты, Жданкин, со своей ротой — прямо по улице!.. Пошли за мно-о-ой!

Мы скоро выбрались из оврага. Прямо перед нами огород, обнесенный плетнем, немного дальше — деревня. Жители попрятались.



Кое-где между домами и огородами видны фигуры белогвардейцев.

Мы приготовились к атаке и двинулись на деревню.

Мы уже подходили к середине деревни. До белых осталось шагов пятьсот. В это время, впереди нас, домов через пять, раздались взрывы ручных гранат, брошенных белогвардейцами, и вслед за этим белые открыли беспорядочный огонь в нашем направлении.

— Ура-а-а-а!!! — закричал во все горло Жданкин, и красноармейцы с винтовками «на руку» и с криком «ура» бросились вперед.

Белогвардейцы пачками перебегали через улицу и свалились в овраг.

Увлеченные атакой, мы не сообразили, что противник может ускользнуть от удара, пользуясь тем же оврагом, по которому только что прошли мы.

В свою очередь Анфимов, услышав крики «ура», прекратил стрельбу и, подняв цепи, тоже пошел в атаку на деревню.

Мы встретились на окраине деревни, захватив три пулемета и человек тридцать белогвардейцев, не успевших бежать. Пленные оказались мобилизованными чуваши. Они были страшно перепуганы, имели подавленный и жалкий вид.

Красноармейцы, окружив их, сначала были обозлены, а когда разглядели их, то стали спрашивать:

— Почему вы идете против советской власти?

— Кого вы защищаете? Помещиков, генералов?!

— Вот пустим в расход и будете знать!!!

Чуваши или от непонимания русского языка или от смертельного испуга молчали...

Между тем в разговоре с пленными прошло минут десять. Только тогда я спохватился и послал Жданкина с ротой преследовать противника. Но было уже поздно. Белые ушли, бросив в овраг два испорченных пулемета и десятка два винтовок.

Заняв Ляховку, я послал пленных с двумя красноармейцами через Кочетовку в штаб дивизии. Сам же с двумя ротами, перейдя овраг, повел наступление в направлении станции Выры.

Артиллерийская канонада со стороны белых усилилась по всему фронту.

Когда мы поднялись на возвышенность, нашим глазам представилась следующая картина: лес, из которого мы наступали на Ляховку, вплотную подходил к нашему левому флангу; впереди в версте, на горизонте — полотно железной дороги, оттуда неприятельский бронепоезд обстреливает пулеметным и орудийным огнем опушку леса; вправо от станции Охотничья движется товарный поезд с подкреплением к белым; за полотном железной дороги слышалась сильная ружейно-пулеметная и орудийная стрельба.

Я решил задержать роты здесь до выгрузки белых из поезда и после этого ударить им во фланг и тыл.



Двум ротам, занимающим Ляховку, я дал приказание наступать по оврагу и, обойдя фланг белых, ударить в направлении станции Выры.

В это время за полотном железной дороги слышались крики «ура». Это должно быть наш 2-й полк перешел в атаку! А может быть белогвардейцы, получив подкрепление, атакуют наших? «Пора начинать», — подумал я и тут же подал команду:

— Огонь!

Под частым огнем белогвардейцы залегли и стали окапываться.

Красноармейцы вскочили с мест и ускоренным шагом, стреляя навскидку, пошли на белогвардейцев. Последние тоже открыли огонь. Стреляли метко. Уже человек пять раненых пробежали мимо меня. По их словам, у нас были и убитые.

До противника оставалось двести—триста шагов. В это время на фланге противника из оврага появилась рота Евстропова и открыла огонь.

Белогвардейцы, очутившись в клещах, бросились бежать к полотну железной дороги, бросая винтовки и оставляя убитых. Красноармейцы погнались за ними.

Молодая рота игнатовцев (рабочих с Игнатовской суконной фабрики) шла впереди, как бы желая доказать, что ее красноармейцы уже настоящие бойцы.

Бронепоезд противника, продолжая огонь по лесу, стал отходить к станции Выры.

За полотном железной дороги крики «ура» и стрельба продолжались, то усиливаясь, то затихая.

Из леса, вслед за бронепоездом вышли цепи нашего 1-го батальона и, стреляя навскидку, быстро продвигались вперед.

Я сел на поданную пулеметную повозку и поскакал по полю вслед за ротами.

Вскоре из оврага вышла рота Жданкина, и мы всем батальоном обрушились на фланг белых. Вот перед нами шагах в пятидесяти уже Выры.

Бронепоезд, проскочив станцию, осыпал нас пулеметным огнем, выпустил несколько снарядов и вслед за этим от станции тучей поднялись белогвардейцы и перешли в контратаку.

Находясь на повозке позади рот и видя количественно большего противника, я остановил пробегающих пулеметчиков.

— Ставь пулеметы на повозку. Крой белогвардейцев!

Через полминуты застрочили два наших «Максима».

Белогвардейцы смешались и стали пригибаться к земле. Раздались крики «ура» и роты ринулись вперед.

Белогвардейцы, не приняв штыкового удара, сначала отпрянули назад, а потом побежали к ближайшей роще, в сторону станции Охотничья, бросая убитых, раненых и винтовки.

Вскоре наши роты настолько перемешались, что продолжать преследование было нельзя.



В результате этого крупного боя противник оставил нам большое количество пулеметов, винтовок и пленных.

С нашей стороны потери были незначительны.

Против нас дрался батальон георгиевских кавалеров и 1-й белогвардейский симбирский полк, состоявший почти исключительно из мобилизованных чуваш и татар.

На другой день около восьми часов утра дивизия возобновила наступление. Снова завязался ожесточенный бой. Загремела непрерывная артиллерийская и ружейно-пулеметная стрельба.

С Охотничьей показался бронепоезд противника. Он скоро подошел к нашим цепям, пытаясь огнем отогнать красноармейцев от железнодорожного полотна.

Но красноармейцы неудержимо рвались вперед.

У самой опушки леса белогвардейцы снова бросились бежать, не приняв штыкового удара.

Захватив лес, мы очутились перед возвышенностью — последней преградой перед станцией Охотничья и деревней Ивановка. Здесь весь наш полк попал под сильный пулеметный огонь. По совершенно открытой местности продолжать наступление было почти невозможно. Кроме того левый фланг дивизии отстал.

Наши цепи остановились и стали окопываться.

Вечером, около пяти часов, части Курской бригады бросились вперед и вскоре заняли деревню Отрада. Мы также подняли цепи и с криком «ура» пошли в атаку.

Благодаря успеху на участке Курской бригады и напористому стремлению вперед нашего полка, а также удачному маневру Витебского и 2-го Симбирского полков, во главе с Павловским, которые захватили село Бахметьево, угрожая тылу белых, — последние не выдержали и бросились в панике отступать через Охотничью на Анненково (Грязнушку), бросая на пути винтовки, пулеметы, сапоги, лапти, шинели и даже раненых.

Заняв Ивановку и Охотничью, мы от пятиверстного бега обессилели и дальше двигаться не могли.

Дивизия, окопавшись, остановилась на ночлег.

Наш полк потерял в этом бою тридцать шесть человек ранеными. У противника было взято больше ста пленных и много оружия.

11 сентября утром мы после короткого боя заняли Анненково. Здесь при выходе из деревни был убит в грудь навывлет красноармеец Ваня Лаврентьев.

Мы продолжали наступление на Вырыпаевку, левый фланг дивизии — на Баратаевку — Лаишевку; правый фланг — на Кременки и Белый Ключ. Таким образом мы охватывали Симбирск полукольцом.

Перед Вырыпаевкой белые при поддержке дальнобойных орудий со станции Киндяковка оказали нам упорное сопротивление, но благодаря успешному фланговому наступлению полков Павловского от Кременки на Винновекую рощу они оставили Вырыпаевку и отошли на Киндяковку.



В ночь на 12 сентября мы благополучно форсировали реку Свиягу и, не встретив серьезного сопротивления, заняли Винновскую рощу и Киндяковку. Винновку и берег Волги заняла группа Павловского. Остальные полки, заняв Баратаевку и Ланшевку, продолжали двигаться к Симбирску, опрокидывая прикрывающие части противника.

Противник непосредственно укрепился на окраине города в поселке Туть, у чугунолитейного завода и дальше до Волги. Он оказывал упорное сопротивление и, очевидно, решил защищать город до последней возможности.

Штаб дивизии находился в Вырыпаевке. Там находился командарм Тухачевский, который вместе с командованием дивизии разработал план занятия города и дальнейшего преследования белых.

По занятии города решили комендантом крепости назначить Воробьева. Ему тут же приказали передать полк мне, а самому приехать в Вырыпаевку за получением соответствующих указаний.

Назначенный командиром полка, я и в мыслях не имел какого-либо планового руководства.

По привычке я решил быть впереди полка и управлять им так же, как я управлял партизанским отрядом и батальоном. Мой тактический кругозор был узок, но «на грех и грабли стреляют» — говорит пословица. Так получилось и со мной...

12 сентября. Утро солнечное, теплое.

Мой полк занимал ипподром и северную окраину Киндяковки. Влево до Свияги одна — две роты Московского полка, главные силы которого во главе с комполка Седякиным находились под Конно-подгородной слободой. Еще левее — остальные части Курской бригады. Правее моего полка, на берегу Волги, Витебский и 2-й Симбирский полки.

Наши цепи находились под губительным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. При попытке перейти в атаку мы теряли десятки бойцов. Тогда мы решили атаковать белых через Конно-подгородную слободу.

Я с комиссаром полка Самсоновым находился в передней цепи у ипподрома. К нам подошел Воробьев, решивший вместе с полком войти в город.

Снаряды рвались на ипподроме и левее, позади наших цепей.

Красноармейцы спешно рыли окопы.

Десять часов утра... Я пополз на левый фланг в поисках наиболее уязвимого места у противника, чтобы еще раз попробовать перейти в атаку. Незаметно я вышел на берег Свияги и, не обнаружив перед собой противника, пошел берегом к поселку Туть.

На берегу, у самого поселка, стояла железнодорожная водочка. Осторожно пробравшись к последней, я влез на крышу



погреба и стал разглядывать из-за деревянной вытяжной трубы окраину Туты. Почти у себя в тылу я обнаружил цепи прогивника. Находясь в окопах, они обстреливали из винтовок и пулеметов нашу дивизию.

Правый фланг их не доходил до Свияги шагов на двести триста. Эта ошибка противника ускорила падение города.

Спустившись с крыши, я поспешил к своим. На левом фланге полка я снял роту Евстропова с двумя пулеметами и повел ее в колонне «по-одному» берегом к водокачке.

Нам незаметно удалось пройти во двор водокачки и расположить на крыше пулеметы и красноармейцев.

Теперь я уже почувствовал свое превосходство над правым флангом противника и стал действовать смелее.

Отобрав пятнадцать человек из старших партизан, я почти шопотом сказал Евстропову:

— Мы сейчас проберемся в выселок Туть, вон до той первой улицы, откуда бросим гранаты, а ты после этого глуши белых пулеметным и ружейным огнем.

С водокачки мы по-одному берегом проскользнули шагов сто и вошли в крайний двор. Потом, перелезая через соседние заборы, вышли на крайнюю улицу.

Из жителей никого не видно. Очевидно, попрятались или еще ночью сбежали в город.

Мы, прикрываясь забором, приготовили гранаты.

В это время белогвардейцы заметили роту, расположенную на водокачке, и стали загигать свой фланг.

Офицеры нервно жестикулировали, очевидно, торопили своих солдат. Но было уже поздно.

Я громко скомандовал с таким расчетом, чтобы слышали белые:

— Раз! Два! Три!

Пятнадцать гранат, а за ними следующие пятнадцать, брошенные нами в сторону белых, произвели оглушительный и притом неожиданный для них грохот.

В то же мгновение с водокачки затрещали наши пулеметы и винтовки.

Белые, не сделав ни одного выстрела, бросились в панике бежать через поселок к станции Симбирск, бросая снаряжение, патроны и винтовки. Некоторые прятались по дворам и чердакам.

Наши поняли, в чем дело, и с криком «ура» перешли в наступление.

К 12 часам мы уже пробежали Туть и входили в город.

Все же противник успел сообщить по телефону на другие позиции о своем поражении под Тутью и дал возможность с других окраин города бежать к железнодорожному мосту.

Через Конно-подгородную слободу по пятам отступающих вошел в город Московский полк, а за ним и другие части.



Мы в это время были уже на «Венце».

Через несколько минут мы уже освобождали политзаключенных из тюрьмы.

Среди освобожденных оказались бойцы бронепоезда Полупанова и наши лучшие пулеметчики: Литовский и Михайлов, взятые в плен в Симбирске.

Всем им грозил расстрел, и вполне естественно, что радости их сейчас не было предела. Многие из заключенных от радости плакали.

Как только полки Железной дивизии ворвались в город, последний сразу оживился и принял праздничный вид.

Рабочие и трудящиеся со своими семьями высыпали на улицы и радостно приветствовали красных бойцов восторженными криками «ура».

Как всегда, самыми активными оказались дети и подростки. Они буквально заполнили все улицы и сопровождали наших красных бойцов всюду, куда бы те ни пошли.

Эта встреча со стороны трудящихся города показала нам, насколько дороги им советская власть и Красная армия.

Белогвардейцы бежали через железнодорожный мост, но часть их, отрезанная Витебским полком, бросилась к пристани, где они садились в первые попавшиеся лодки и, оттолкнувшись от берега, удирали на другую сторону Волги.

У большинства лодок весел не оказалось, и видно было, как белогвардейцы, работая саперными лопатами и просто руками, старались скорее добраться до противоположного берега.

Около сотни лодок находились почти на середине Волги. По ним открыл огонь 2-й батальон нашего полка.

## Борьба за Волгу

Прошло несколько дней...

За Волгой слышалась орудийная стрельба. Около Красного Яра белогвардейцы, занимая командные высоты, обстреливали Орловский и Крестьянский полки из орудий и пулеметов. Было известно, что они сосредоточивают и живую силу для нанесения удара через Верхнюю Часовню.

Разгадав намерение противника, наша артиллерия, стоявшая на «Венце», открыла огонь по высотам у Верхней Часовни и Красного Яра. Кроме того мне поступило приказание направить в Канаву к заводу два батальона и повести решительное наступление на Верхнюю Часовню.

Перед самым мостом мы встретили толпы красноармейцев, бегущих с противоположного берега. Пулеметы противника изредка строчили по мосту. Пули, ударяясь о стальные части, со свистом пролетали над нами. Были убитые и раненые, но все же благодаря темноте больших жертв не было.



У моста я встретил Самсонова и Воробьева, до хрипоты кричавших, чтобы остановить бегущие толпы.

Быстро войдя походной колонной на мост, мы преградили путь бегущим и, угрожая расстрелом, постепенно повернули всех обратно. Красноармейцы, как только узнали о приходе новой части Железного полка, быстро побежали на брошенные ими позиции.

Уже светало.

Последняя шестая рота спустилась с насыпи в Канаву. Мост был свободен, и только отдельные люди пробегали, прижимаясь к перилам.

Стрельба со стороны белых прекратилась. Настала тишина, и только где-то далеко, на правом фланге, слышались редкие винтовочные выстрелы.

Спустившись с насыпи, я встретил Андропова, который доложил мне о положении на фронте:

«Противник сосредоточивает свои силы против завода. Наши разведки и дозоры, высылаемые в этом направлении, каждый раз отбивались ружейно-пулеметным огнем. Противник занимает все возвышенности и в ясную погоду хорошо проглядывает наше расположение. Фронт наш отсюда до завода больше двух верст».

Восемь часов утра. Небо серое, однообразное. Туман, слегка приподнявшись над землей, дал возможность видеть окружающие предметы, хотя высоты, занимаемые чехо-белогвардейцами, были еще не видны. Ветер утих.

Отдельные выстрелы слышались за насыпью.

Перед участком полка было тихо. Красноармейцы и командиры стояли вдоль заборов, плетней и построек. Ложиться на мокрую землю было неприятно. Правда, некоторые сидели на корточках. Большинство из них дымил махоркой.

Всю ночь бойцы провели в таком положении, зорко наблюдая за противником, и только уже утром, когда хорошо рассвело, они по очереди стали ходить в дома греться.

Жители Канавы и рабочие завода за время белогвардейской власти немало перенесли оскорблений и унижений. Поэтому подавляющее большинство относилось к нам сочувственно, а старые рабочие оказывали нам активную помощь.

Полк был расположен двумя эшелонами. В 1-м эшелоне (передовая позиция) находился справа от насыпи 3-й батальон Афимова, только что сформированный из трудящихся Симбирска; слева, у завода, стоял 1-й батальон Андропова, состоявший исключительно из коммунистов.

Во 2-м эшелоне (в резерве) за 3-м батальоном расположился второй. Красноармейцы его называли «интернациональным», так как он состоял из коммунистов, левых эсеров, матросов, персов, китайцев, мадьяр и пр. Он считался самым отчаянным по храбрости, хотя менее дисциплинированным, чем 1-й батальон. Командиром батальона был Жданкин. Всего в полку насчитывалось



1300 штыков, 23 станковых пулемета, до 20 ручных пулеметов и по одному бомбомету на роту. Кроме рот в полку имелись три команды конных и пеших разведчиков и команда связи.

Казанская батарея состояла из шести 76-мм орудий, но она находилась на симбирском берегу и была подчинена начарту Мираевскому. На восточном берегу не было ни одного орудия.

Огнеприпасы имелись только при людях. Запаса не было, так как мы считали, что по выходе на высоты подвоз их будет обеспечен по железной дороге.

В Канаве в большом пятистенном доме была расположена санлечучка. Она состояла из врача Калашникова, сестры Даниловой, трех лекарей и человек тридцати санитарных носильщиков, преимущественно местных рабочих, изъявивших желание помочь нам. Тут же была и команда связи, насчитывавшая семнадцать человек, во главе с боевым телефонистом товарищем Тряпкиным.

Хотя кабель был протянут к каждому батальону, но в виду изношенности его и аппаратов, а также в виду сырости телефон не работал. Все усилия телефонистов, переутомленных до крайности, помочь делу не могли, и Тряпкин использовал телефонистов как пеших посыльных.

Увидев меня, Тряпкин, весь до нитки мокрый и перепачканный грязью, с лихорадочно-блестевшими от бессонницы глазами, подбежал ко мне и передал пакет из штаба дивизии. Приказывалось во что бы то ни стало занять высоты Часовню и Красный Яр, чтобы обеспечить этим плацдарм для дальнейшей борьбы. «По занятии Часовни и Красного Яра,— говорил приказ,— вы получите подкрепление в лице артиллерии, которую сейчас переправлять за Волгу бесполезно. Ровно в 9 часов из города начнется артиллерийская подготовка, в 9 часов 30 минут все полки должны перейти в решительное наступление. По железнодорожке будет действовать бронепоезд».

На наш Железный симбирский полк падала задача своим примером и храбростью увлечь малоустойчивых соседей (Орловский и Крестьянский полки).

Прочитав записку, я взглянул на часы; было 8 часов 30 минут. Значит до начала наступления оставался один час.

Отдав распоряжение Тряпкину о сборе комбатов, я взобрался на крышу ближайшей избы и в бинокль стал обозревать местность. С крыши хорошо было видно полотно железной дороги до самой Часовни, которая чуть заметно вырисовывалась в тумане, высоты, покрытые густым лесом до самой подошвы, и равнину, подходящую к самой Канаве и местами покрытую мелким кустарником. Нигде не видно было противника.

Туман заметно рассеивался. Небо становилось светлее.

Обернувшись, я посмотрел на Волгу. Она сейчас, белая, с синим отливом, казалась гораздо шире, чем есть, и у меня впервые закралось опасение — а что если не выдержим?..



Потом, взглянув на грандиозный мост, я подумал: «Единственное спасение на случай отступления, и то если противник не обрушит на него всей своей артиллерии». У конца моста на нашем берегу, на высокой насыпи я заметил два наших пулемета, направленных вдоль полотна в сторону противника.

Железнодорожная насыпь от моста шла по прямой линии, а потом изгибалась влево, уходила желтой лентой в направлении Часовни и скрывалась в лесу.

Кругом была спокойная тишина и никак нельзя было подумать, что здесь через несколько десятков минут развернется кровопролитный бой тысяч людей... Одни будут драться за угнетение миллионов трудящихся, а другие за свободу от эксплуатации, за советскую власть.

Бойцы были настроены бодро. Вдруг из города загревели пушечные выстрелы. Они с каждой секундой учащались все больше и больше.

Снаряды с шипящим свистом пролетали высоко над нами и разрывались в разных местах на возвышенности.

Разрыв шрапнелей из-за тумана не был виден, но зато разрыв гранат поднимал черные фонтаны выброшенной земли и обломков деревьев, осыпая всю возвышенность.

Я взглянул на часы. Было ровно девять. Значит, начинается.

В это время прибежали командиры батальонов, и я позвал их всех на крышу, так как с крыши задачу можно было поставить яснее и проще, чем по десятиверстной карте.

Указывая комбатам рукой направления, я приказал Анфимову наступать левее железнодорожного полотна прямо на Часовню с задачей уничтожить противника и установить связь с Орловским полком; Андронову — наступать левее 3-го батальона и с северо-востока ударить на Часовню; Жданкину — наступать за 3-м батальоном и, развивая его успех, быть готовым к поддержке 1-го батальона; по занятии Часовни преследовать противника вдоль железнодорожного полотна.

Девять часов тридцать минут... Роты 3 и 1-го батальонов вышли на окраину Канавы и ждали сигнала наступать.

— Це-епь, впере-ед!

Батальоны наступали тремя эшелонами. Роты стройными цепями на дистанции двести шагов одна от другой выравнивались на ходу. Красноармейцы сами поторавливали отстающих.

Предварительную разведку подступов на высоты никто не произвел. Лично я до этого также не додумался. И это было нашей серьезной ошибкой.

За железнодорожной насыпью зататакали пулеметы. Сначала редко, короткими очередями, потом все чаще и чаще. Наша артиллерия продолжала бить по высотам. Против участка моего полка противник молчал.

Серым пологом туман лежал на высотах. Передние цепи находились уже в полуверсте от подошвы горы. У меня появилась



мысль, что перед фронтом нашего наступления противника нет, иначе безнаказанно он не дал бы нам наступать. «Вот сейчас мы займем высоты и ударим по белым во фланг и тыл, и поставленная задача будет выполнена».

Я был доволен, что обстановка так хорошо складывается. Вдруг совершенно неожиданно для нас белые с высот открыли по нашим цепям орудийный огонь. Стреляли близко. На наше счастье снаряды делали перелет (туман не давал возможности противнику правильно определить расстояние).

Вот уже перед нами желтый кустарник у самой подошвы горы. В самом кустарнике я заметил стальные блики и светлые полосы. Еще не успел сообразить, в чем дело, как наши лошади ворвались в кустарник и по самым седлам погрузились в воду. Мы попали в болото шириной в 30—40 метров. Это болото, закрытое с востока возвышенностью, а с юга густым кустарником, тянулось почти прямой лентой от железнодорожной насыпи.

И вот на это болото сейчас подойдут наши цепи...

Что делать?.. Башаев попробовал было продолжать движение, но лошадь его пошла вплавь.

Противник с высоты уже начал строчить из пулеметов.

Я послал Башаева к Андронову сообщить, что впереди непроходимое болото, чтобы он с батальоном остановился и открыл огонь по огневым точкам противника, давая возможность 3-му батальону отойти на окраину Канавы, после чего 1-й батальон займет оборону на северо-восточной окраине Канавы.

Сам я поскакал навстречу 3-му батальону. Обидно было, что операция сорвалась, хотя я о последствиях не имел еще почти никакого представления. Противник усиленно вел артиллерийский и пулеметный огонь. В цепях уже есть убитые и раненые.

Предупрежденные о том, что впереди непроходимое болото, бойцы бросились обратно. Стройность цепей уже и до этого была нарушена. Сейчас они бежали к селу небольшими отдельными группами.

Я поскакал влево к полотну железной дороги, чтобы дать Анфимову распоряжение об отходе, но не проехал и ста шагов, как впереди меня, не более как в 15—20 метрах разорвался снаряд. Лошадь метнулась в сторону и понесла к селу.

На окраине Канавы я встретил Жданкина. Коротко сообщив ему о причинах нашего отступления, я распорядился, чтобы он занял окраину села и перешел к обороне.

На северной окраине Канавы я встретил Антонова. Он доложил мне, что крайние корпуса завода заняты белыми и что он дал приказание батальону отходить к Канаве. Приказав ему обеспечить свой фланг на берегу Волги, я поехал к мосту выяснить обстановку.

В это время за полотном железной дороги усилилась артиллерийская и ружейно-пулеметная стрельба. По мосту на симбирскую сторону двигалась лента красноармейцев. За Корольчихой и на высотах стреляли из пулеметов и рвались снаряды.



У моста я узнал, что обстановка сложилась неблагоприятно. Мы нарвались на болото, а Орловский и Крестьянский полки — опять в панике. Поступил приказ об общем отходе на симбирский берег и временном переходе к обороне с тем, чтобы новое наступление повести в другом месте. Мне необходимо было один батальон бросить за насыпь к Корольчихе для прикрытия отхода, а остальным отступать и занять позиции у пристаней.

В это время Крестьянский полк отходил к мосту, а противник уже занял Корольчиху.

Узнав об обстановке, я понял всю опасность, в которой находился мой полк. Меня даже бросило в дрожь при мысли, что противник может отрезать полку путь отхода через мост.

Я вынул полевую книжку и написал короткое приказание: «Анфимову с батальоном немедленно выйти за насыпь и занять оборону в сторону Корольчихи и высот. Андронову начать отход через мост на симбирский берег. Жданзину отходить за 1-м батальоном, захватив с собой команду связи. Санлетучка отходит с 3-м батальоном».

Белогвардейцы обстреливали мост артиллерийским огнем, но благодаря все более сгущающемуся туману попаданий по мосту не было. Мост глухо гудел под бегущими красноармейцами.

С высот по Канаве и по Корольчихе строчили с подюжины белогвардейских пулеметов.

От Корольчихи к дороге бежали группы красноармейцев. Я вскочил на лошадь и карьером подъехал к ним. Красноармейцы остановились. Они дышали глубоко и часто. Глаза их лихорадочно блестели. Лица, шинели, ботинки были в грязи. По всему было видно, что они страшно переутомлены. От красноармейцев я узнал, что Корольчиха уже занята противником и наших там никого нет. Я указал им на появившуюся на дороге черную ленту батальона Анфимова, сказал, что этот батальон Железного полка будет прикрывать отступление всех частей, и предложил им спешить на мост, пока туман. Однако красноармейцы не побежали. Они спокойно повернулись и пошли к мосту, разговаривая о чем-то между собой.

Сделав распоряжения Анфимову, я подошел к маленькому железнодорожному мостику. Здесь шла подготовка к взрыву его.

Между тем бойцы, как муравьи, облепили крутую и мокрую насыпь и взбирались наверх, а взобравшись, скрывались в стальной пасти моста.

Некоторые, добравшись почти до вершины насыпи, срывались и сползали вниз до самой подошвы, сбивая на пути своей тяжестью других. Потом, выбирая более удобные пути, снова устремлялись наверх. Пулеметы втаскивались веревками. Андронов стоял на насыпи и командовал.

Уже последняя рота 2-го батальона вбежала на мост.

Для прикрытия отхода 3-го батальона я оставил у моста шесть пулеметов под командой Литовского. Начал отход 3-й батальон.



Внезапно подул сильный северо-восточный ветер, и мы услышали со стороны Часовни шипение паровоза. Я понял, что это готовился, а может быть уже шел, белогвардейский бронепоезд. Надо было торопиться.

В этот момент сразу с двух направлений белые открыли огонь.

От высоты вдоль насыпи стреляли два пулемета. От Корольчихи конец моста обстреливали из винтовок.

Литовский ответил шестеркой по одной ленте. Белогвардейцы замолчали. Я подбежал к маленькому мостику и, сделав из рук рупор, закричал подрывникам:

— Полк отошел. Не задерживайтесь! Бронепоезд белых иде-е-ет!

Подрывник поднялся, быстро перепрыгивая по шпалам, перебежал мостик и нагнулся к рельсам.

Бронепоезд вышел на прямую.

— Ну, все сделано. Спички сырые, с трудом зажег, — сказал подрывник, и мы почти бегом влетели на мост.

С высот раздавались редкие орудийные выстрелы. Снаряды с гудением и свистом пролетали через Волгу и глухо рвались на берегу и на склонах Симбирской горы.

С бронепоезда по мосту затрещали два пулемета. Пули дырявили гигантские ребра моста. Вдруг он глухо загудел. Мы взглянули на противоположный конец его и увидели, что на мост вошел наш бронепоезд, почему-то долго задержавшийся на станции Симбирск. Он сейчас тихо двигался вперед.

Перебегая от одного скоса моста к другому и укрываясь от пуль, я миновал одну ферму. Впереди меня через три фермы бежали пулеметчики, с грохотом таща пулеметы. В конце третьей фермы я встретился с бронепоездом.

В это время раздался оглушительный взрыв, треск и гул.

Я оглянулся. Красноватый дым окутал левый берег. По силе взрыва можно было догадаться, что мостик взорван.

У одного из крайних домов Канавы в саду лежал за пулеметом Михайлов и обстреливал подошву высот, у поворота железнодорожной линии. Он не заметил, как отошли все части, и по случайности ему об этом никто не сказал. Услышав сильный взрыв, он поднялся, взглянул по сторонам и, сообразив, что остался один, схватил пулемет и выбежал из сада.

Подбегая с пулеметом к мосту, Михайлов увидел взорванный мостик, один конец которого лежал на булыжной мостовой, а другой — острые рельсы — торчал кверху.

У самого моста он встретил еще одного незнакомого ему красноармейца, очевидно, заблудившегося. Он попросил его помочь втащить наверх пулемет, но тот испуганно отпрянул от него и стал взбираться на насыпь. Тогда Михайлов выхватил револьвер и вскричал красноармейцу:

— Стой!.. Убью, как собаку. Сейчас же сюда, помогай втащить пулемет.





На братской могиле красноармейцев и краснопартийцев-партизан,  
погибших в боях за Симбирск 22 июля и 12 сентября 1918 года



Памятник на братской могиле погибших за революцию в Симбирске



Красноармеец испуганно скатился обратно и, взглянув большими глазами на Михайлова, сказал:

— Ну, давай скорее. Все ушли, а ты тут с пулеметом.

Вытаскивая свой пулемет на насыпь, Михайлов заметил внизу у самой Волги в небольшой заросли еще брошенный пулемет. Он решил не оставлять и его. Красноармеец, очевидно, убедившись, что со стороны белых непосредственной опасности не угрожает, не стал возражать, а согласился втащить и второй пулемет.

Когда они вошли на насыпь, то около моста увидели свой бронепоезд.

— Молодец, Михайлов! Пулеметов не бросил. Сдайте их нам на бронепоезд, — вскричал знакомый боец с бронепоезда.

В течение нескольких следующих дней белогвардейцы, занимая противоположный берег и завод, через Волгу обстреливали город артиллерийским огнем. Особенную активность они проявили 25 сентября, когда к ним пришло подкрепление в составе двух эшелонов чехов.

Они несколько раз подходили к железнодорожному мосту.

Темп артиллерийской стрельбы был усилен. Снаряды рвались в разных частях города. Вспыхнули пожары. На Сызрано-Симбирском тракте в районе Тереньги бригада Павловского вела сильный бой. Среди жителей Симбирска ходили упорные слухи о том, что сегодня чехи займут город.

В ночь на 26 сентября Тухачевский перебросил через Волгу два полка — один в районе Нижняя Часовня, другой у Белого Яра — с тем, чтобы обходным движением отрезать и разбить белогвардейские и чехословацкие банды... Эта смелая операция удалась блестяще. Противник, понеся большие потери, бежал в Мелекес и уже не возвращался... Большую помощь этой операции оказала волжская флотилия, подоспевшая от Казани. Через сутки город снова ликовал, празднуя победу советской власти и Красной армии.







## НА ПОДСТУПАХ К СИМБИРСКУ

---

### Железная дивизия в освобожденном городе

**12** сентября 1918 года, после утомительных, ожесточенных боев, войска Железной дивизии вступили в Симбирск. В составе Симбирского полка вошел в город и я. Первой нашей заботой было освобождение наших товарищей из белогвардейских тюрем.

На Старом Венце — над Волгой, невзирая на обстрел, нас окружают тысячи освобожденных. Измученные, голодные, они рассказывают нам о зверствах белой армии. Но рассказы были не нужны.

Внешний вид освобожденных наглядно говорил об этом. Перед нами были истощенные, измученные люди, покрытые ссадинами от побоев, с запекшейся кровью на головах.

Среди освобожденных мы увидели наших товарищей: Мигина, Тройкина, Мечеониса, Б. Афанасьева. Как ни старались они приободриться, но их заметно покачивало от слабости.



Все освобожденные и толпа подошедших жителей с подъемом заявили:

—Товарищи большевики, возьмите нас в ряды Красной армии. Мы пойдем с винтовкой против белых.

Из них впоследствии и был сформирован 3-й батальон Симбирского железного полка.

Город носил следы поспешного отступления белых. Улицы, особенно волжские пристани, свидетельствовали о панике среди белогвардейцев.

У пристаней стоял обоз около 50 лошадей, впряженных в тачанки. Обоз, видимо, спешил попасть на перевоз, но не успел, и седоки бросили все на произвол судьбы.

Недалеко на дороге стояли брошенные в беспорядке более десятка трехдюймовых орудий, четыре упряжи по 8 лошадей с передками стояли скученно у мостков перевоза. Рабочие-водники рассказывали, что орудия брошены в Волгу близ моста против второго пролета.



В 12 часов ночи с 12 на 13 сентября части Железной дивизии получили приказ перебраться через Волгу и выбить укрепившегося в В. Часовне противника.

Ниже железнодорожного моста переправлялся через Волгу Крестьянский полк.

К вечеру на подмогу Крестьянскому полку переправилась часть Орловского полка под командой тт. Устинова и Андреева и батальон 1-го Симбирского полка под командой т. Дедаева.

Цепи белых раскинулись от В. Часовни до Пальцына.

На рассвете наши части сбили окопавшегося противника, который упорно сопротивлялся и, получив подкрепление, не раз переходил в контратаку.

Наш зоркий Федя Дедаев всю ночь выкрикивал:

—Товарищи, с левого фланга противник... Огонь... Товарищи, вперед... Ура...

И наши бойцы врезывались в ряды потупяных белобай-дитов, кричавших, что к утру они будут снова в Симбирске.

Развертыванию операций мешала погода. Ночь... Моросил мелкий дождь. Наша часть пошла в наступление с левого фланга от Волги на восток. К концу боя мы как-то очутились у полотна железной дороги. Тов. Дедаев приказал рассыпаться в цепь и залечь, а сам куда-то скрылся.

Ружейные залпы и трескотня пулеметов не прекращались, но становились все дальше и реже.

Оказалось, что всю ночь мы вели бой без всякой связи с другими нашими частями. В эту ночь части Орловского полка зашли в тыл неприятельскому бронепоезду. Бронепоезд был уже в кольце, но наши войска не успели разобрать рельсы и бронепоезд, воспользовавшись темнотой, ускользнул.



Мы утомились за боевую ночь, и отдых на влажном песке был приятен. Но некоторые товарищи начали беспокоиться и вполголоса переговаривались:

— Долго ли мы будем лежать тут... Уйдут черти.

Пришел Дедаев и сказал:

— Белые бежали.

Его забросали вопросами:

— Чего мы ждем?

Дедаев ответил:

— Приказа о преследовании белых нет и наша часть вернется в В. Часовню. Разберитесь повзводно, выявите павших... Окажите помощь раненым, подберите убитых товарищей.



По-разному встретили Красную армию различные слои населения.

Трудящиеся и часть трудовой интеллигенции уже поняли, что их судьба связана с судьбой Красной армии и советской властью. Своими зверствами, дебошами белые помогли убедить их в этом.

Рабочие активно содействовали выявлению рассеявшихся по городу, особенно по поселку Туть, белогвардейцев. Но значительная часть мелкобуржуазных слоев и интеллигенции была вначале запугана. Часть их поддавалась агитации белых, что красные, войдя в город, обязательно устроят Варфоломеевскую ночь. Вместе с тем они поверили, что белые уходят временно и лишь для того, чтобы заманить красных в город и, окружив их, уничтожить.

Сменой власти естественно попытались воспользоваться темные элементы не без организующей руки белых, которые хотели грабежами скомпрометировать Красную армию.

В ночь с 13 на 14 сентября в комендантскую привели семь человек, одетых в красноармейские шинели, не имевших ничего общего с Красной армией.

Они забрались в квартиру и объявили хозяину, что у него все реквизируется в пользу Красной армии. Хозяин квартиры боялся, кто его посетил, и, льстиво идя навстречу требованиям грабителей, вынул из буфета угощение и сам же стал выкидывать в зал постель и одежду; в то же время он шепнул своему мальчику, чтобы тот бежал в штаб Железной дивизии. Мальчик попал в комендантскую. Тов. Воробьев не замедлил послать отряд красноармейцев. После перестрелки преступники были захвачены.

В комендантской на допросе бандиты признались, что они профессиональные обиралы квартир и обмундирование получили от белых.

Если рабочие активно содействовали красным войскам, поступали в ряды красных бойцов, то буржуазия попыталась повести активную контрреволюционную работу.



А. А. Свиязов, бывший полковник царской армии, уже 14 сентября организовал контрреволюционное собрание. На этом собрании были представители кулачества из соседних сел.

С затаенной хитростью кулаки Чугуткин из Винновки и Ерофеев из села Белый Ключ весь день 14 сентября разъезжали по штабам, стараясь зарекомендовать свою «крестьянскую» преданность Красной армии.

Всюду предлагали они свои услуги по доставке продуктов и т. п. Чугуткин зашел в уисполком высказать свою необыкновенную радость по поводу победы красных, отрекомендовав своего сына, что он у него настолько храбрый коммунист, что при белых не раз прицеплял к фуражке звезду.

За Чугуткиным пришлось установить наблюдение.

Поздним вечером Чугуткин поехал на ночлег к полковнику Свиязову. Около часу ночи контрреволюционное собрание во главе с Свиязовым (22 человека) было арестовано.

Во время обыска в квартире, в надворных постройках и кладовой Свиязова обнаружено 9 ящиков патронов, 5 ящиков винтовок и 2 пулемета.

15 сентября прибыли из Алатыря губком и губисполком. Вся коммунистическая организация с винтовкой в руках встала на самые трудные и ответственные в этот момент посты, а некоторые товарищи с энтузиазмом пошли на передовые линии рядовыми стрелками.

## Контрнаступление белых

18 сентября в 3 часа дня разведка принесла сведения, что белые, получив подкрепление за счет отступавших из Казани войск под командой Каппеля, двинулись от станции Чердаклы на Симбирск.

Не так, как в июле, готовился Симбирск к этому второму наступлению белых на город.

Ни тени замешательства.

Сведения о движении белых были встречены рабочим и трудящимся населением решимостью всемерно помочь Красной армии. В это время на сборном пункте шла регистрация добровольцев. Было зарегистрировано уже более 2 тысяч человек.

Добровольцы сами прикреплялись к частям Красной армии.

Уездный военный комиссариат и комендантское управление, ведавшие мобилизацией и формированием частей, вынуждены были только констатировать, что добровольцы уже самоопределились и проявили себя подлинными добровольцами Красной армии.

На коротеньком заседании уисполкома председателем было внесено предложение: всем членам уисполкома взять винтовки и идти на передовые линии.



Предложение было принято единогласно...

Под командой увоенкома члены исполкома направились в батальон т. Дедаева.

\* \* \*

Холодно... Темно... Ветер прохватывает до костей. Дедаев, командир 1-го батальона 1-го Симбирского полка, расположил свой батальон цепью по опушке мелкого талового кустарника. Несколько командиров, окруживших его, внимательно вслушиваются в его устный приказ.

— Проверить винтовку у каждого красноармейца. Наказать, чтобы в затвор не попал песок. Без видимой цели и без приказа не стрелять. Кто выстрелит до приказа, будет считаться предателем...

Передать вновь влившимся добровольцам, что, если кто из них трусит, пусть лучше уходит сейчас же до боя. Тех, кто бросится в бегство, пристреливать, как изменников рабоче-крестьянскому делу. Передать испытанным бойцам — стрелять трусов без жалости...

Итак, к своим частям, командиры! Быть наготове и не курить! — закончил Дедаев. Повернувшись, он быстро зашагал вдоль цепи на правый фланг, где шагах в 60, в долине, заросшей хворостом, лежали цепи 2-го батальона.

Увоенком Симбирска и Дедаев с бугорка из-за кудрявого вяза смотрели в бинокль в сторону белых. Впереди, шагах в 300, качался от сильного ветра тальник.

— Ничего не видать, а скоро должны быть здесь, черти, — сказал вполголоса Дедаев...

Из-за завода ухнул орудийный выстрел и в Симбирск полетел с воем первый белогвардейский снаряд...

Из Симбирска с Нового Венца через минуту послышался орудийный ответ белым.

— Вот вам, черти! — взволнованно сказал увоенком...

— Молчи, дьявол! — злобно, полушопотом цыкнул Дедаев.

Точно из земли вырос перед Дедаевым красноармеец:

— Белые идут цепью по направлению к нам саженьях в 200, — сказал он и скрылся в темноте в долину — в чащу тальника

— Передай по цепи: «винтовки на изготовку», — сказал Дедаев увоенкому. — Допустить белых больше чем на половину поляны и открыть огонь по видимой цели. Приготовиться к дружной атаке!

Военком, полусогнувшись, побежал вдоль цепи по тальнику и передал приказ Дедаева.

Белых все еще нет...

Справа, в расположении Крестьянского полка, затрещал пулемет, раздались залпы из винтовок...

Орудийные выстрелы ухали чаще и чаще. Залпы винтовок, трескотня пулеметов — все слилось в сплошной гул...



Тишина превратилась в адский концерт, но белые на нас еще из тальника не выходят... Каждая минута кажется часом...

Вот трое, пятеро неровной цепью движутся на середину поляны, прямо на нас. Из командиров кто-то крикнул: «Огонь!..» Как ураган открыли стрельбу по всей цепи. Цепь белых пала наземь, некоторые ударились в бегство. Мы бросились в атаку и в погоню. Мигом пробежав мимо убитых белых и пробившись через чащу тальника, мы вышли на открытое место. Белые отступали.

Из Симбирска прожектор освещал бегущих. Снаряды симбирских батарей взрывались по левую сторону бегущих к заводу белых, откуда они сосредоточили на нас и на городе сильный огонь.

Мы не могли быстро развить успех нашей атаки. Мешала темнота, низкий кустарник, но все же мы подвигались.

Над нашими головами с визгом пролетали пули, с гулом летели снаряды в Симбирск... Казалось, вот-вот в одну секунду останутся от нас разбросанные по песку кусочки мяса. Но мы шли бодро. Выполняя приказы Дедаева, мы шли без выстрелов, так как противника в темноте не было видно.

Трудно теперь правильно сказать, какая часть Железной дивизии возле железнодорожного моста была ураганным огнем навстречу противнику.

Наш батальон подтянулся быстро к полотну железной дороги. Дедаев приказал залечь, выравнять цепь и немедленно повзводно наступать вперемежку, делая не более 10—15 шагов. Ни в коем случае не делать перебежку, не дождавшись соседнего взвода...

Пули визжали уже над нашими головами. Наш батальон быстро перебегал интервалы по направлению к заводу.

Команда по цепи: «Задержаться, приготовиться к атаке!»

Не прошло и минуты, как цепь была в порядке.

Послышался внушительный голос Дедаева:

— Товарищи, в атаку, смелей, вперед!

Полусогнувшись, бросились вперед, но тут произошло что-то неожиданное. Пронзительным голосом Дедаев почему-то кричал:

— Товарищи, назад к Волге, не теряясь, вперемежку. Отстреливаться по цепям противника!

Подбежав к увоенному, он закричал, что получил приказ прекратить наступление и отойти. В чем дело? — неизвестно.

Красноармейцы ползком, согнувшись, нехотя перебежали назад. Слышно было чуть ли не от каждого:

— Товарищи, не бойся, тише, не теряйтесь.

Так по склону песча наш батальон скатился цепью к Волге и залег.



Большая часть Крестьянского и Симбирского полков отходила через железнодорожный мост. Для нашего батальона были поданы из Симбирска дощаники, лодки и катер. Дедаев приказал батальону грузиться:



— По пути не курить! Лодок по переезде не задерживать, а отсылать обратно сюда.

Батареи из Симбирска били удачно, мешая белым приблизиться к берегу.

Белые стреляли плохо, их снаряды падали или далеко за Симбирском или в Волгу, не долетая до берега. Если бы все снаряды, выпущенные белыми, попали в город, то можно смело сказать, что от Симбирска ничего бы, кроме камней, не осталось.

Позже выяснилось, что наши батареи не давали белым возможности занять прочные позиции и пристреляться.

Переправа наших войск была прикрыта смелой диверсией Интернационального полка т. Варга. Вылазка интернационалистов дала возможность нашим войскам успешно форсировать Волгу.

Интернационалисты проползли через проволочные заграждения, вызвали у белых панику, отбили 3 пулемета и отступили.

Правда, при этой операции мы потеряли прекрасных бойцов. Смертельно был ранен неутомимый, всегда веселый т. Борейко.

Отступление наших войск было произведено по приказу командарма Тухачевского. Он учел, что наше наступление в неблагоприятной обстановке, при наличии Волги, в тылу грозит большими потерями, тем более, что противник занимал командующее положение и подступы к его позициям были прикрыты в ряде мест непроходимыми болотами.

Красноармейцы садились в лодки не торопясь. Было видно, что им непонятна необходимость отступления.

Желание расправиться с белыми мешало им понять возможную ошибку, которая могла бы отразиться неблагоприятно на последующем ходе операции.

Командиру Голубеву было приказано по выгрузке сейчас же идти в разведку по правому берегу вверх по направлению к Поливне, чтобы не допускать переправы белых с Пальцынского острова. Командиру Федорову был дан аналогичный приказ — отправиться с своим взводом на Попов остров.<sup>1</sup>

Белые сосредоточили огонь и свой натиск на железнодорожный мост.

Пулеметы 2-го батальона 1-го Симбирского полка и Интернационального полка под личным руководством командира интернационалистов т. Варга, находившегося на последнем проходе моста, отражали неприятеля.

Большая часть 1-го и 2-го батальонов ушла по мосту.

Вскоре вернулись дощаники и лодки. Дедаев приказал увоенному погрузить остальных красноармейцев.

---

<sup>1</sup> Тов. Федоров был сражен пулей во время переезда через Волгу. Вместо него взял на себя команду взводом т. Жуков, который выполнил приказ, сбросив в Волгу успешных уже переправившихся на Попов остров белых. Тов. Федоров похоронен вместе с 6 красноармейцами на «Новом Венце» в могиле с интернационалистами.



Саженьях в 50 от берега пуля пронзила переднего гребца т. Костина.<sup>2</sup> Перед самым носом дощаника упал и взорвался снаряд. Несколько товарищей прыгнули в воду, взялись за борта дощаника и довели его до берега.

Едва выгрузились, как красноармеец из взвода Голубева сообщил, что белые переправляются выше казарм.

— Товарищи, не теряй времени, дружно за мной! — крикнул Дедаев и быстро зашагал вдоль пристаней, красноармейцы последовали за ним.

В конце Пальцынского острова у пролива, на песке виднелись копошившиеся отряды белых. На середине Волги несколько лодок с белогвардейцами подвигались к симбирскому берегу... Пройдя поселок, раскинувшийся над Волгой, Дедаев приказал подняться от берега выше с тем, чтобы спрятаться за уступ кручи от глаз белых, но белые, видимо, заметили нас и открыли сильный огонь с противоположного берега. При подъеме пало три бойца.

Дедаев приказал рассыпаться над берегом между деревьями в цепь и, подпуская лодки к берегу, стрелять залпом и по хорошему взятой верной цели...

Взвод Голубева лежал уже в цепи. В промойке замаскировался пулеметчик с «максимом».

Природа содействовала нам. Волга разбушевалась вовсю, бросая из стороны в сторону белогвардейские дощаники.

Три лодки приблизились к берегу. Но пристать они не успели. Затрещал пулемет, взвод Голубева дал залп, второй...

Дощаники поплыли вдоль берега. Переправлявшиеся вслед за ними лодки повернули назад.

Стрельба прекратилась. Допустив лодки до середины Волги, Дедаев подал команду стрелять по уезжающим белым — их постигла та же участь, что и первых.

После этой неудачи белых было видно, как остальные, находившиеся на песках, бросились через кустарник в глубь острова. Дедаев приказал сосредоточить огонь по пескам и кустарникам.

Через несколько минут песок был белыми оставлен.

Дедаев послал разведку вверх по Волге к деревне Поливна.

Весь день два взвода 1-го батальона 1-го Симбирского полка были наготове в ожидании новых попыток переправ противника, но белые не рискнули больше на это.

Оборону позиций у железнодорожного моста и ниже взял на себя т. Варга со своим полком интернационалистов.

От моста по пристанской линии раскинулся цепью 2-й батальон Симбирского полка, отступивший по мосту с командиром Жданкиным.

Выше по Волге остался 1-й батальон.

Наши войска заняли прочно симбирский берег, а белые остались хозяевами за Волгой.

<sup>2</sup> Тело т. Костина погребено в братской могиле на «Новом Венце».



## Атаки белых отбиты

20 сентября город жестоко обстреливался белыми. Однако жители толпами собирались на улицах. Можно было услышать и слезное проклятие белым и насмешливый анекдот, окрашенный дерзкой бранью по адресу белых.

Трудящееся население было уверено, что красные не впустят в город белых.

Наши батареи стояли на городских бульварах: на Завьяловской площади, на Новом Венце, на Старом Венце и около Зака-тальских казарм.

Непрерывно ухали орудия то с той, то с нашей стороны. Взрывы снарядов сотрясали воздух.

Наши артиллеристы, не отдыхая ни на одну секунду, самоотверженно работали около своих орудий. Особенно выделялся командовавший батареей на Завьяловской площади член губисполкома т. Зиновьев.

Перед рассветом на Казанском тракте был убит часовой заставы 1-го батальона 1-го Симбирского полка, т. Крюков. Заставе удалось немедленно арестовать убийцу. В момент ареста со стороны мельниц-ветрянок раздался залп из револьверов. Застава бросилась к ветрянке и после непродолжительной перестрелки было захвачено еще семь человек.

В перестрелке четверо белогвардейцев было ранено, остальные бросили оружие и сдались.

Из наших был тяжело ранен в ногу выше колена т. Панюшкин.

После непродолжительного допроса один из раненых белогвардейцев Михаил Колчин, — так он себя назвал, — рассказал, что все они 8 человек — разведка белых. Переправившись через Волгу, они прошли лесом по берегу и оврагом поднялись на казанскую дорогу.

Все восемь разведчиков были одеты, кто в пиджак из сукна деревенской ручной выработки, кто в кафтан из такого же сукна и в крестьянских полуизношенных шапках, картузах. А под этим барахлом оказались хромовые сапоги и диагональные брюки.

Схватка с белогвардейской разведкой на Казанском тракте вызвала тревогу у командования. Дедаев немедленно послал вверх по Волге роту Губина, только что влившуюся в его батальон из отрядов т. Пенъевского.

Рота подоспела во-время: верстах в 10 выше города, возле Захарьевского хутора, рота и посланный туда раньше взвод приняли бой с белыми, успевшими переправиться из-за Волги.

Десант белых был уничтожен целиком.

С нашей стороны пало больше 50 человек. В бою был тяжело ранен т. Губин.

21 сентября было затишье.



К вечеру, часам к 4, улицы Симбирска представляли картину митингов. В каждой группе находились провокаторы. Так например, на Мартыновой улице («улица контрреволюции», как называли ее большевики) какой-то пожилой мужчина говорил собравшимся, что белые с какой-то стороны обошли Симбирск и в ночь готовятся занять его. Его поддерживала дамочка, ахавшая, что надо всем спасаться, а то иначе все погибнем в эту ночь...

При допросе в комендантской оказалось, что пропагандист — именитый купец города Симбирска, а «дамочка» — жена офицера.

Тем временем готовилась лошадь и провокатора увозили без большого волнения. В то же время наш агитатор отвлекал внимание массы от ареста.

Это дало возможность изъять без всякого шума ряд белогвардейских агентов.

22 сентября с рассветом белые попытались сделать натиск на мост втихомолку, но наш бдительный командир т. Варга не дремал и дал белым жестокий отпор с правой стороны моста, а с левой стороны его поддерживал Жданкин со 2-м батальоном 1-го Симбирского полка. Открылась пулеметная и ружейная стрельба, артиллерийский огонь.

Белые сосредоточили огонь по набережной, но наши полки, Интернациональный и Симбирский, не уступили ни одной пяди.

Наши батареи метко посылали снаряды по наступающим белым.

Белым операция не удалась. Оставив на мосту и у моста много жертв, они отступили. К 9 часам наступило опять затишье.

От снарядов белых, взорвавшихся над набережной, сгорело два дома. Из наших бойцов около 10 человек были смертельно ранены. Были убитые и раненые среди граждан Симбирска.

Ряд работников вопреки твердому решению губисполкома оставаться в городе начал самочинную эвакуацию. Заведующий хозяйством губисполкома Ефтов, казначей губисполкома Никитин, член губисполкома Спириин начали эвакуировать свои учреждения на станцию Киндяковка.

Потянувшиеся на вокзал грузовые машины и подводы с имуществом создавали впечатление эвакуации. Среди населения и красноармейцев распространились слухи об отступлении. Понадобилось вмешательство президиума губисполкома и т. Тухачевского, чтобы прекратить эту эвакуацию.

23 сентября в 2 часа ночи белые вновь бросились по железнодорожному мосту в наступление. И этот отчаянный натиск так же, как и все предыдущие, был отбит.

Наши командиры Варга и Жданкин каждую минуту были наготове и во время давали отпор напору белогвардейцев.

Открылась канонада с обеих сторон.

В городе на Конной и Лосевой улицах и по Сызранскому тракту от взрывов снарядов возникли пожары. Все силы коммунистической и комендантской рот пришлось бросить на



водворение порядка и ликвидацию пожаров.

Население было уверено, что большевики не сдадут города, и ходило спокойно по улицам. Толпились у штаба, восхищаясь стойкостью Красной армии, бесстрашием ее командования. Многие выходили на Новый Венец наблюдать за артиллерийской дуэлью красного Симбирска и белого Заволжья. В этой дуэли перевес был за нами.

Наша артиллерия с Венца так хорошо била куда следует, что белые то и дело замолкали.

Изредка раздавались винтовочные залпы.

Пожары возникали то там, то тут ежедневно.

Атаки белых были отбиты.

Симбирск — родина Ильича — приступил к мирной творческой работе.







**С. ИЗМАЙЛОВ**

## **ДЕСАНТЫ ПОД СИМБИРСКОМ**

---

### **Контрнаступление белых**

**12** сентября, блестящим ударом вырвав город Симбирск из рук белогвардейцев, 24-я Железная дивизия приступила к энергичному очищению от белых правого побережья Волги. Вместе с тем она повела преследование противника вдоль Волго-Бугульминской железной дороги на Мелекес.

Полковник Каппель, спешивший из Казани со своим отрядом на выручку Симбирска, опоздал. Сосредоточив отступающие из Казани белые войска у пристани Старая Майна, он обрушился превосходными силами на левый фланг красных частей. Соединившись затем с отошедшими из Симбирска белыми частями, он повел упорное контрнаступление с целью, во что бы то ни стало вернуть город Симбирск.

Командарм 1-й т. Тухачевский сознавал всю трудность удержания левого берега, имея в качестве сообщения с тылом



лишь узкую полосу железнодорожного моста через широкую многоводную Волгу.

Поэтому командование решило отвести войска на правый берег и здесь во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению белых.

К 18 сентября белые заняли левый, а наши части правый горный берег.

Ведя усиленный артиллерийский обстрел города, белые в течение 4—5 дней предпринимали неоднократные попытки форсировать железнодорожный мост. Каждый раз их отбивали Симбирский и Интернациональный полки, стойко оборонявшие переправы через Волгу.

Однако упорство противника росло. Возрастающую опасность необходимо было ликвидировать активными наступательными действиями со стороны красных частей.

Командарм 1-й т. Тухачевский принял решение использовать те удобства, какие дают извилины Волги.

Волга выше Симбирска делает большой, верст до 25, поворот под прямым углом на восток.

Высадка десанта в глубине этого поворота у пристани Старая Майна сразу создавала угрозу глубокому тылу белых, наступавших на Симбирск.

Именно этим поворотом Волги в свое время воспользовались белые при взятии Симбирска в июле, когда им удалось, перерезав Волгу у Старой Майны, захватить часть пароходов, отступавших из Симбирска.

Этими благоприятными условиями района Старой Майны воспользовался и полковник Каппель в начале контрнаступления его на Симбирск.

Теперь т. Тухачевский решил эти природные условия использовать для разгрома белых, развернув план десантных операций на Волге, которые и имели решающее значение для исхода жестокой борьбы за волжский рубеж. Решено было помимо десанта у Старой Майны произвести десант у села Красный Яр, в 10—12 верстах ниже Симбирского моста, с тем, чтобы обоими этими десантами зажать в тиски рвущегося на Симбирск противника.

Однако операция требовала дополнительных сил, а главное — наличия пароходов и транспорта для переброски войск. Пароходов не оказалось, большинство их было угнано белогвардейцами в Самару. План операции был сообщен в штаб Востфронта, и командарм 1-й Тухачевский потребовал срочной присылки волжской флотилии из Казани. Штабом Востфронта план был одобрен, и командование Железной дивизии с помощью прибывших уже в Симбирск губисполкома и комитета партии приступило к подготовке операции.

Но прошло четыре томительных дня, а флотилии из Казани все не было.



## Флотилию задержали в Казани

Исполняющий обязанности командарма 5-й армии Славин, получив указание Вацетиса о серьезном положении под Симбирском, отдал распоряжение правобережной группе войск Вахромеева немедленно идти на помощь 1-й армии, а волжской транспортной флотилии срочно доставить войска в Симбирск.

Вот этот приказ:

«По войскам 5-й армии Восточного фронта № 09  
г. Казань. 20 сентября 1918 года.

1. Сведений о противнике не поступало.

2. Командующему правобережной группы т. Вахромееву приказываю: все части правобережной группы с артиллерией и обозами собрать в село Богородское для посадки на пароходы с целью движения на присоединение с Шихранской группой для следования в г. Симбирск. Тов. Вахромееву принять под свое командование Шихранскую группу, которая должна быть собрана в г. Тетюши.

3. Командующему транспортной флотилией немедленно представить все свободные пароходы, которые надлежит подать на пристань в с. Богородское для погрузки частей правобережной группы с артиллерией и обозами и отправки в Симбирск.

4. Оставшиеся части правобережной группы, не погрузившиеся за неимением мест на пароходах, должны немедленно двигаться на пароходах на г. Симбирск в распоряжение Казанской группы т. Вахромеева.

5. Командующему Волжской флотилии (военной) т. Раскольникову выслать катера с траллами для обеспечения безопасного движения десанта от с. Богородское на г. Тетюши и далее на г. Симбирск.

О времени высылки катеров известить командующего правобережной группой Вахромеева.

6. Установить телеграфную связь через г. Тетюши.

7. Об исполнении донести.

Командарм С л а в и н.  
Наштарм А н д е р с о н.  
Политком М и х а й л о в<sup>1</sup>.

Но в это время под Казанью находился Троцкий. Прежде всего он по взятии Казани, в погоне за популярностью, объявил трехдневный «отдых» войскам, тогда как обстановка требовала быстрого развития достигнутых успехов. Этот «отдых», размагнитив отдельные части, уже замедлял исполнение приказа Славина. Затем Троцкий, получив от каких-то военных специалистов

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 49—014, лист 19.



весьма подозрительное заключение, что фарватер Волги минирован и движение флотилии вниз по Волге небезопасно, отдал приказ, который грозил спутать все карты и ставил под угрозу всю симбирскую операцию.

Он распорядился, чтобы до тех пор, пока боевая флотилия Раскольниковца не протралит всю Волгу до Симбирска и не освободит фарватер от заложенных мин, переброски группы Вахромеева не производить. Приказ запрещал движение флотилии, но в то же время ничего не делалось для ускорения траления фарватера. Флотилия же Раскольниковца уходила все дальше по Каме, ведя преследование отступающих белогвардейцев. Положение складывалось в высшей степени неопределенное, в то время как в Симбирске командование и губисполком с нетерпением ждали прибытия флотилии с подкреплениями для производства десантов.

Командарм 1-й Тухачевский 21 сентября телеграммой просит командарма 5-й ускорить отправку частей. «Настойчиво прошу Вас посадить правобережную Вашу группу на пароходы,—телеграфирует он,—и экстренно доставить ее в Симбирск...»

На другой день, 22 сентября, т. Тухачевский в телеграмме главному Вацетису в Арзамас пишет: «Прошу энергично воздействовать на пятую армию и перебросить их силы на пароходах в Симбирск...»<sup>1</sup>

Автор этих строк был тогда помощником командующего волжской транспортной флотилии. Вместе с Т. И. Поповым, начальником транспортной флотилии (погибшим впоследствии под Астраханью), мы были убеждены в возможности, а главное, необходимости быстрой переброски войск к Симбирску.

Мы быстро подали все свободные суда — пароходы и баржи — к пристаням, расположенным ниже Казани, у сел Красноводово и Богородское, куда должны были по диспозиции подойти части Вахромеева.

В группе Вахромеева было несколько тысяч бойцов, и своевременная переброска этого мощного кулака имела решающее значение для судьбы Симбирска. Вскоре Вахромеев начал посадку частей на суда. Грузилась пехота, в том числе 1-й и 6-й латышские полки, 2-й Московский полк, артиллерия, кавалерия, обозы. Посадка, начавшаяся ранним утром, шла целый день, и к ночи значительная часть группы была уже погружена. Однако, ссылаясь на категорический приказ Троцкого, отправлять войска в Симбирск Вахромеев наотрез отказался до тех пор, пока суда Раскольниковца не протралят Волгу и не обеспечат безопасного движения десанта до Симбирска.

— Я не желаю еще раз пойти под суд за неисполнение боевого приказа, — говорил Вахромеев, рассказывая, как вследствие неточного выполнения им одного приказа оказалось неудачным действие его артиллерии при взятии Казани.

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 53—26, лист 49.



К тому же поданных нами буксиров и 5—6 барж нехватало. Требовалось еще по крайней мере три баржи для перевозки артиллерии.

Я переживал часы исключительного волнения и раздражения. Сознавая прекрасно, в каком положении находятся части 1-й армии, взявшие Симбирск, но не имеющие достаточно сил, чтобы удержать родину Ильича и развивать дальнейшие успехи, я вместе с тем переживал особенно остро опасения за судьбу своих товарищей по 1-й армии и симбирской большевистской организации, с которыми плечо к плечу я боролся с начала организации советской власти в Поволжье.

Посоветовавшись с Поповым, мы решили действовать на свой страх и риск.

Я взял глубоко сидящий буксир и с отрядом в 15 человек при одном пулемете под вечер пошел вниз по Волге с расчетом разведать, каково положение под Симбирском, установить — действительно ли минирован фарватер и имеются ли на Волге боевые суда противника, как это сообщала разведка.

Ночью мы уже спускались от Богородска к Тетюшам.

Проходим пристани — одну, другую. Никаких пароходов елых не встречаем. Фарватер также, очевидно, свободен, и наш глубоко сидящий в воде буксир не взлетел на воздух от взрыва мин. Идем с потушенными огнями.

Глубокой ночью подходим к крутым черным берегам возле Тетюшей...

Осенний дождь. Темнота. Пришвартовываемся к пристани. Через несколько минут я и двое красноармейцев взбираемся по глинистому, необыкновенно скользкому подъему вверх в город.

В городе пустынно. Опросив одного гражданина, назвавшегося учителем, узнаем, что в Тетюшах нет ни белых, ни красных и что под Симбирском, очевидно, идет горячий бой. Уже несколько дней оттуда доносится сильная артиллерийская канонада. Шихранская группа, двинутая по приказу Славина к Тетюшам, еще не подошла.

Поспешили на пароход, быстро пошли дальше вниз к Старой Майне. Здесь артиллерийская стрельба была слышна уже отчетливо. Было ясно, что Симбирск стойко обороняется и что надо спешить на помощь.

Перед нами встал вопрос — что делать? Ехать ли дальше в Симбирск, что с обратной поездкой могло занять целый день, или вернуться в Богородское и доложить, что разведка добралась до Симбирска, никаких мин и пароходов противника нигде нет, что переброска войск вполне возможна и срочно необходима, так как под Симбирском идут упорные бои.

Катер пошел вверх. По дороге мы взяли на буксир пару барж, чтобы ими возместить нехватку транспорта. На рассвете подходим к Богородскому.

Группа Вахромеева все еще стояла на пристани. На штабном



пароходе было срочно организовано военное совещание. Я доложил, что считаю переброску войск на транспортах по Волге вполне возможной и что под Симбирском идет горячий бой. Но и на этот раз Вахромеев отказался нарушить приказ о тралении фарватера и плыть с войсками ниже устья Камы. И лишь после долгих настояний согласился на то, что он останется для завершения погрузки, а я под свою ответственность поведу погруженные уже части в Симбирск.

В этот момент вместо Вахромеева командующим правобережной группой был назначен Матиясевич, и командарм 5-й Блюмберг предложил ему действовать более энергично.

23 сентября был издан решающий приказ:

«Командующему правой группой М а т и я с е в и ч у  
23 IX—18 г. № Карта 10 верст в дюйме.

Части 1-й армии энергично развивают свой успех в южном направлении от Симбирска. Противник со стороны Мелекеса перешел в наступление. Частям пятой приказано перейти немедленно в наступление по железной дороге на Чердаклы—Бряндино.

Группу первого боевого участка, которая уже погружена на пароходы и находится в Богородском, немедленно двинуть по Волге, высадить в районе деревни Головкино и направить в направлении Чердаклы—Бряндино. По занятии указанных станций телеграфировать штабам 1-й и уведомить штаб 5-й, продолжая энергичное наступление на Бугульму.

Остальную часть первой группы по мере приближения к Симбирску направлять по железной дороге на присоединение к группе правого боевого участка.

Товарищ Вахромеев остается в вашем распоряжении сроком на одну неделю в качестве вашего помощника. Погруженные пароходы немедленно двинуть на Симбирск, не дожидаясь тралов с катерами, так как путь водный совершенно свободен.

Шихранская группа сосредоточена в Тетюши,—сделайте на месте распоряжение об отпавлении пароходами совместно с частями правой группы.

Командарм Б л ю м б е р г.

Политком К и з и л ь ш т е й н.

Наштарм 5 А н д е р с о н.<sup>1</sup>

Из приказа видно, что командование 5-й армии не совсем ясно представляло себе положение под Симбирском. Между тем у Симбирска лишь Волга разделяла противников и лишь железнодорожный мост оставался связующим звеном между

<sup>1</sup> ЦАКА, дело № 40—619, лист 21.



враждебными берегами. Борьба сосредоточилась вокруг обладания железнодорожным мостом. Симбирск в течение 4—5 дней находился под обстрелом белых. Белые усиливали свой натиск. Атаки их через железнодорожный мост следовали одна за другой, несмотря на то, что они оставляли массу трупов на мосту.

Город был объявлен на осадном положении. В городе возникли пожары, имели место провокационные грабежи, эсеро-меньшевики пытались вести агитацию на улицах. Создалось напряженное положение, которое могло деморализующе подействовать на бойцов, отбивающих атаки белых.

За водворение крепкого революционного порядка в городе взялись симбирский комитет партии и губисполком. Передав сформированный в Алатыре полк Пенъевского в состав Железной дивизии, комитет партии приступил к созданию коммунистического отряда, которому надлежало охранять порядок в тылу красных частей.

Была создана коммунистическая рота под командой Олейника. Рота быстро росла, так как в комитет партии ежедневно приходили десятки рабочих и учащейся молодежи, желавших вступить в отряд.

Вот Коля Узюков — ученик землемерного училища. Он вчера только пришел с группой своих товарищей в партийный комитет, а сегодня они уже у батарей. Пригодилось их умение измерять расстояния.

Коммунистическая рота несла патрульную службу в городе. Вместе с работниками ЧК она захватывает обнаруженных белогвардейцев, провокаторов, шентунов. Она ликвидирует пожары. Она же ведет разъяснительную работу среди трудящегося населения под лозунгом:

**«Город сдан не будет!»**

24 сентября. Противник с особенной яростью обстреливает город. Над городом вздымаются клубы дыма. Горят дома в Подгорье, на слободе Туть, на станции Симбирск I.

Наши батареи стойко отбиваются. Войска ждут решающей атаки белых.

## С флотилией к Симбирску

Перед рассветом 24 сентября транспортная флотилия двинулась, наконец, из Богородска на Симбирск. Впереди шел наш глубоко сидящий катер. Таково было требование и условие командиров частей, так как войска опасались попасть на мины. Митинговщина и недисциплинированность еще не были нажиты полностью и давали себя знать.

Возле пристани Старая Майна наша флотилия встретила идущий из Симбирска пароход. На сигнал остановиться с парохода в руно́р ответили, что положение под Симбирском очень тя-



желое и что «наши, наверное, отступят». Некоторые матросы кричали, что «отступление из Симбирска уже началось».

Это сообщение деморализующе подействовало на наши войска. Красноармейцы стали требовать остановки пароходов и отказались следовать дальше.

«Раз из Симбирска отступают и бегут даже боевые пароходы, то разве можно идти дальше. Мы попадем под обстрел белой артиллерии с берегов и нас всех перетопят», — пошли разговоры в войсках.

Пароходы и баржи остановились. На них шли митинги. Пришлось немедленно принять активное участие в открывшихся «дебатах».

После долгих уговоров мне и помощнику Вахромеева удалось все же уговорить красноармейцев двинуться дальше. Мы указывали, что до самого Симбирска нам ничто не угрожает. Двигаться мы будем осторожно, с разведкой, а если возникнет какая-либо опасность, то во-время остановимся, высадимся на берег и будем продвигаться дальше уже походным порядком.

Флотилия продолжала свой путь вплоть до того момента, когда отчетливо стала доноситься орудийная пальба.

Симбирск, очевидно, оборонялся и части 1-й армии вели бой.

А наши войска категорически отказались сделать хотя бы еще версту в сторону Симбирска. Командиры частей также говорили: «О положении в городе мы не имеем определенных сведений, а производить высадку, не связавшись с симбирским командованием, нецелесообразно». Решено было, что я как местный работник спущусь до Симбирска и установлю связь с командованием. Я согласился на это, взяв слово, что транспорты с войсками не уйдут обратно и останутся на месте ждать результатов моей поездки. Через две-три версты в бинокль стал отчетливо виден Симбирский железнодорожный мост. Ясно было видно, что шпансели рвутся как над городом, так и над Часовней на левом берегу. В этот момент мы увидели стоящую у нагорного берега, знакомую еще по Свияжску, большую баржу-нефтянку под названием «Сережа». На ней были установлены в свое время снятые в Кронштадте с разоруженного крейсера и доставленные на Волгу по Мариинской системе дальнобойные орудия. Но сейчас эта пловучая батарея почему-то не принимала участия в напряженном артиллерийском бою.

Подъехали к «Сереже».

— В чем дело у вас? Почему не стреляете? — кричу я, карабкаюсь по трапу на нефтянку.

Оказавшийся знакомым мне по свияжским операциям, командир отвечает, что «Сережа» стоял у симбирских пристаней и стрелял по Часовне, но позиция оказалась под сильным обстрелом и белые били по «Сереже» прямой наводкой. Поэтому баржу было приказано отвести несколько вверх, где она и ждала дальнейших распоряжений.



— Кроме того, — говорил командир, — у нас здесь нет наблюдательного пункта, связь же с городом не установлена.

Я доказывал ему, что прекращение стрельбы из тяжелых орудий может неблагоприятно действовать на настроение наших войск и что просто из психологических соображений нужно было бы открыть стрельбу, это ободрило бы части, обороняющие Симбирск.

Командир «Сережи» согласился со мной и через некоторое время возобновил стрельбу, хотя и без точного прицела. В это время подошел ко мне капитан нашего катера и заявил:

— Я и моя команда — люди не военные. Здесь уже падают снаряды и мы дальше ехать не можем. Освободите нас!

Матросы поддерживают капитана, — галдят. Выручили военные моряки с баржи «Сережа». Из них быстро вызвалось восемь человек доставить меня в Симбирск.

Мы разместились на маленьком бронированном посылочном пароходике «Олень» и пошли вперед к железнодорожному мосту, где рвались снаряды.

К пристаням пришвартоваться не удалось, мешали баржи, стоявшие у всех пристаней. Оказалось, что эти баржи еще до занятия нами Симбирска были подведены белогвардейцами для погрузки артиллерии и военного имущества в случае эвакуации. Но наступление частей Железной дивизии на Симбирск было настолько стремительным, что белые погрузку произвести не успели. Им пришлось утопить несколько орудий в Волге, а баржи так и остались у пристаней.

Пришвартовались к одной из баржей возле пристани «Самолет». Бинокль не обнаружил никого ни на пристанях, ни на набережной. Однако из садов и с горы летели снаряды и пули, где-то близко был слышен треск пулеметов. По набережной часто ложились снаряды.

Ищем кого-либо на пристани. Вдруг из трюма пристани появляется старик, которого я знал, как заведующего пристанью еще до эвакуации из Симбирска.

— Что творится в городе, я не знаю. Есть телефон. Звоните в штаб, в кадетский корпус, — предлагает он.

С недоверием беру телефонную трубку. Однако центральная отвечает.

— Соедините с кадетским корпусом, со штабом.

— Готово.

У телефона дежурный штаба Железной дивизии. Прошу к телефону Тухачевского, Варейкиса, так как не знаю, кто из них сейчас в корпусе.

Через некоторое время к телефону подходит Варейкис. Кричу ему в трубку:

— Войска из Казани прибыли.

Предполагая, что мое сообщение может быть подслушано белыми, а также чтобы ободрить товарищей, я немного преувеличи-



ваю, заявляя, что войска уже высаживаются на пристанях. Я решил, что, когда доберусь до штаба, то объясню точнее обстановку.

Машин в штабе нет. Через час за мной прибывает верховая лошадь с ординарцем. Верхом, с винтовкой за спиной, по извилистому шоссе я поднимаюсь на Симбирскую гору и думаю, что белые наблюдатели, наверняка, видят меня и с минуты на минуту начнут ловить на мушку.

Мелкий осенний дождь. Холодно. Снаряды рвутся над пристанями и берегом.

Но вот город. Замечаю передвижение мелких частей с пулеметами возле железнодорожного моста.

В штабе Варейкис, Тухачевский. Тут же происходит военное совещание, где детально и практически разрабатывается план десантных операций под Симбирском.

Надвинулся вечер. Шел проливной дождь.

## Десанты

Командованием было решено прибывшую правобережную группу Вахромеева вместе с некоторыми частями Железной дивизии (кажется, Витебский полк) посадить у села Красный Яр. Эта группа должна была нанести удар противнику во фланг с юга. Пятый отдельный Курский полк Железной дивизии вместе с частями 5-й армии должны были, высадившись у Старой Майны, обрушиться на противника с севера, нанося удар на Бряндино, т. е. выйти в глубокий тыл белогвардейцам.

Этим операциями предполагалось окружить и полностью уничтожить войска полковника Каппеля.

В организации и осуществлении десантных операций непосредственное участие принял симбирский комитет партии и губисполком. На военном совещании было решено, что губисполком выделит группу своих членов, которые отправятся с десантами в целях политической работы.

В ночь с 24 на 25 сентября развернулись решающие события.

После военного совещания я немедленно отправился обратно к пристаням. В абсолютной темноте, по колена в грязи долго разыскивал я свой пароходик «Олень», который должен был ждать моего возвращения. Наконец, разыскал его в узкой щели за двумя баржами, куда моряки спрятались от обстрела с того берега. Моряки сдержали свое слово и не покинули поста.

В эту же ночь все части, предназначенные для десантов, были размещены на судах и двинулись по указанным направлениям.

Тем временем красная артиллерия под командой Мираевского, разместившись на Старом и Новом Венце, повела усиленный обстрел белогвардейских позиций на левом берегу Волги перед Симбирском. 1-й и 2-й Симбирские полки приготовились к труднейшей операции — к штурму через железнодорожный мост.



С десантом, идущим на Красный Яр, отправились член симбирского губисполкома С. Саблин и член уисполкома И. Долников. Последний, прекрасно зная местность, должен был руководить высадкой.

Артиллерийский огонь достиг исключительной силы. Подавленные этим огнем белогвардейцы не заметили или не успели обстрелять десантную флотилию судов, прошедшую с погашенными огнями под железнодорожный мост.

Вот и Красный Яр.

Белые были почему-то беспечны и не послали даже разведки к Красному Яру. Пароход подошел к пристани. Немедленно была послана разведка в сторону Верхней Часовни и на юго-восток к селу Кайбелы.

Десант с парохода выгрузился быстро. Труднее было произвести высадку с баржей. Пристань была только одна. Решено было подвести баржи прямо к высокому берегу, устроить мостки и произвести высадку.

Тем временем вернувшаяся разведка и подошедшие крестьяне из Красного Яра сообщили, что со стороны Кайбел движется значительная колонна белых.

Надо было спешить с высадкой.

Наконец, весь десант был высажен и выстроен.

Светало. Грохот артиллерийского боя у железнодорожного моста достигал наивысшего напряжения. Белые, очевидно, оправились, так как видно было, что над Симбирском то и дело возникали и таяли облачка шрапнельных разрывов. Усилилась пулеметная стрельба.

— Наверное, 1-й и 2-й Симбирские полки пошли через мост, — говорили бойцы. — Скоро что ли мы пойдем?

Вскоре и десант напрямик по нескошенным лугам двинулся к Верхней Часовне.

Красноармейцы говорили:

— Ишь, беляки даже луга скосить не дали крестьянству, разоряют хозяйство...

Противник, державшийся у железнодорожного моста, не устоял и начал оставлять позиции, стягиваясь к Верхней Часовне, а затем к станции Чердаклы.

Красные Симбирские полки успешно форсировали Волгу. Курский полк, связь с которым штаб дивизии поддерживал при помощи аэроплана, высаживался у пристани Старая Майна. Противник был зажат в клещи.

«Победоносные войска» полковника Каннеля бежали в панике, оставляя много убитых, раненых, пленных, артиллерию и материальную часть.

Прославленный Каннель был разбит смелым маневром Красной армии.

Белогвардейское командование в своей сводке вынуждено было признать свое поражение...



Курский полк, высадившийся в Майне, успешно продвигался вперед, сбивая части и заставы противника и глубоко обходя белых. 28 сентября станция Бряндино была занята красными войсками. »

«Наши части с боем продолжали вчера отход в направлении к станции Мелекес», — глухо говорила белогвардейская сводка. Разбитая белогвардейщина откатывалась от берегов Волги.







## ПРИЛОЖЕНИЯ





## ХРОНИКА СОБЫТИЙ ПО СЕМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ<sup>1</sup>

---

1917 год

**28** с е н т я б р я. Офирмление фракции РСДРП (б-ков), при сембирском совете. Выборы временного комитета организации большевиков в составе М. А. Гимона, А. Швера, М. Д. Крымова, Маторина и Сухова.

б о к т я б р я. Открытие IV губернского съезда крестьянских депутатов, принявшего под влиянием левых резолюцию с приветствием Временному правительству и парламенту.

8 н о я б р я. Установление власти советов в уездном городе Сембране.

8—9 н о я б р я. Стихийная демонстрация революционных солдат против меньшевистского оборонческого большинства сембирского совета рабочих депутатов. Погромная провокация контрреволюционеров среди несолдатской части гарнизона и уголовных элементов в целях срыва и дискредитации революционного выступления.

Создание под руководством большевиков гг. Самарина и Дыханина первого красногвардейского отряда изюмских металлистов.

9 н о я б р я. Общее собрание рабочих Шатранской текстильной фабрики по докладом большевиков Ш. Даниеля, Ф. Панина принимает резолюцию

<sup>1</sup> Даты даны по новому стилю.



с призывом выступить против всех сил, «мешающих организовать новую власть».

15—25 н о я б р я. Выборы в Учредительное собрание. В Симбирске большевики получают 3815 голосов, эсеры — 5857, кадеты. — 4000, в Сызрани: большевики — 9000, эсеры — 3000, кадеты — 1800, в Сенгилеевском уезде: большевики получают 7245. Избрание от Симбирской губернии М. Н. Покровского.

23 н о я б р я. Образование в Симбирске контрреволюционного «комитета народной власти», так называемого «губернского предпарламента» из представителей всех антибольшевистских партий с целью предотвращения перехода власти к совету. Несмотря на запрещение большевистского комитета в предпарламент вошел примиренчески настроенный Ксандров.

25 н о я б р я. Постановление меньшевистского исполкома алатырского совета о поддержке контрреволюционного симбирского «комитета спасения родины и революции».

29 н о я б р я. Пленум меньшевистского в большинстве, совета рабочих депутатов отклоняет требование большевиков и представителей предпрятий о взятии власти советом и принимает решение о поддержке «комитета народной власти». Демонстративный уход большевиков и рабочих с заседания. Начало большевистской кампании на предприятиях и в гарнизоне за отзыв соглашательских депутатов из советов, которая привела к укреплению позиций большевиков в совете рабочих депутатов и в совете солдатских депутатов. Принятие собранием уполномоченных текстильных фабрик Симбирского района резолюции с приветствием «новой советской власти», установившейся в центре, и о готовности защищать ее от контрреволюционных поползновений.

4 д е к а б р я. Первое заседание симбирского «центрального совета» профсоюзов. Вследствие неучастия заводских металлистов и союза текстильщиков и слабости большевиков в других союзах руководство «центральным советом» попадает в руки с.-д.-интернационалистов.

5 д е к а б р я. Организация «комитетом народной власти» и симбирской думой белогвардейской «гражданской охраны».

10 д е к а б р я. Провозглашение власти советов в Симбирске объединенным собранием совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов, совместно с представителями профсоюзов, ротных и полковых комитетов, фабзавкомов.

11 д е к а б р я. Образование в Симбирске ревкома в составе большевиков: М. А. Гимова, А. Швера, М. Д. Крымова, л. эсера С. П. Петрова и с.-р.-максималиста Ямагина. Ревком приступает к осуществлению власти советов.

12 д е к а б р я. Манифестация мещанства и торговцев в защиту Учредительного собрания, устроенная контрреволюционным «комитетом народной власти». Обращение правозсеровского исполкома совета крестьянских депутатов о созыве V губернского «крестьянского съезда» с призывом к поддержке Учредительного собрания.

26 д е к а б р я. Provокационные нападения по Симбирску контрреволюционной толпы на красногвардейские патрули. Нападение на комиссара большевика Даниеля, явившегося для осуществления в нем контроля совета в государственный банк.

28 д е к а б р я. Сенгилеевский уездный съезд советов принимает резолюцию о признании власти советов, о переходе к осуществлению декретов народных комиссаров, о проведении контроля за представителями, избранными в Учредительное собрание, и аресте членов его, идущих против трудящихся.

## 1918 год

1 я н в а р я. Слияние исполкомов совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов.

8 я н в а р я. Прибытие в Симбирск 107-го Троицкого, революционно настроенного полка, укрепившего позиции совета в Симбирске.



9 января. Выход в свет первого номера «Известий» симбирского совдепа под редакцией А. Швера.

10 января. Ликвидация «крестьянского поземельного банка» и занятие Красной гвардией частных банков. Организация советской милиции.

14 января. Избрание губернского исполнительного совета рабочих и солдатских депутатов. Выбраны комиссарами банков — С. И. Измайлов, труда — И. Иванов, железных дорог — Яматин и Степанов, просвещения — А. Измайлов, внутренних дел — Крылов и др. Образование губернского совнаркома под председательством М. Гимова. Постановление губсовнаркомом о создании в Симбирске штаба Красной гвардии и о формировании красногвардейских отрядов.

21 января. V губернский съезд крестьянских депутатов.

Съезд принимает резолюцию под лозунгом: «Вся власть советам».

25 января. Присоединение совета крестьянских депутатов к совету рабочих и солдатских депутатов и организация советского аппарата. Подавление саботажа, проводимого с 8 января реакционным профсоюзным «бюро единения».

10 февраля. Подавление контрреволюционного выступления в Ардатово и восстановление власти совета.

17 февраля. Общее собрание революционных военнопленных в Симбирске и выборы комитета иностранных рабочих и солдат «интернационалистов» в составе И. Пильчака, Валхара, Л. Форста и др.

19 февраля. Посылка отряда Красной гвардии в Мелекес, Самарской губернии, в помощь совету, подвергнутому нападению контрреволюционной банды и восставшей продмилиции.

23 февраля. Роспуск отрядом Красной гвардии симбирской городской думы и ликвидация учреждений земства. Вооруженное столкновение красногвардейцев с контрреволюционной «городской охраной» при ликвидации «штаба охраны» на Мартыновской улице.

5 марта. Симбирский уездный съезд советов принимает резолюцию большевистской фракции за подписание мира с германским империализмом.

7 марта. Разоружение красногвардейцами кадетского корпуса, переход органов советской власти из Дома свободы в б. кадетский корпус.

Статья т. Измайлова в «Известиях» симбирского совдепа с разъяснением ленинской тактики принятия грабительских мирных условий германского империализма, статья выражает позицию большинства руководящей группы симбирских большевиков.

8 марта. Ликвидация красногвардейскими отрядами из Симбирска и рабочих Игнатовской фабрики кулацкого восстания в селах Сенилеевского уезда: Поповке, Сосновке, Березниках, Анкудиновке, Гордеевском, Скрепино, Загоскино, Александровском и др., спровоцированного эсерами на почве разгрома винных заводов. Борьба рабочих б. фабрики Акчурина с кулачеством. Ликвидация сызранским красногвардейским отрядом контрреволюционного выступления в районе фабрики о. Акчурина.

10 марта. Разгон красногвардейским отрядом гг. Першина и В. Поролова эсерово-меньшевистской белогвардейской демонстрации, направленной к тюрьме с намерением освободить буржуазных заключенных.

12 марта. Ардатовский уездный съезд советов высказывается за мир и принятие условий мира, требуемых германским империализмом, и принимает резолюцию с одобрением политики советского правительства.

13 марта. Разоружение в Ардатово белогвардейской городской дружины.

15 марта. Образование в Симбирске красногвардейского отряда текстильщиков в 300 человек.

17 марта. Доклад М. Гимова, члена IV чрезвычайного всероссийского съезда советов, общему собранию симбирской организации коммунистов (б-ков) о ратификации съездом мирного договора с Германией. Поражение «левых коммунистов» — членов губисполкома Кокрянцева и Маторина и др., выступивших против «мира». Избрание партийного комитета большевиков в составе: М. Гимова, Г. Каучуковского, А. Швера, С. Измайлова и др.



20 м а р т а. Борьба большевиков (С. Саблин и др.) на сенгилеевском уездном съезде советов против левых эсеров и меньшевиков. Съезд одобряет политику правительства в вопросе о мире с Германией и принимает решение о создании «летучего конного отряда» и «отряда пешей Красной армии».

29 м а р т а. Раскол симбирской организации мусульман. Выделение «левых мусульман», потребовавших роспуска буржуазной мусульманской организации «Шуро».

29 м а р т а. Начало формирования добровольческих отрядов Красной армии. Создание штаба Красной армии в б. доме Кузьмичева на «Новом Венце».

2 а п р е л я. Борьба большевиков с с.-д.-интернационалистами и меньшевиками на первой губернской рабочей конференции. Усиление позиций большевиков в профсовете нового состава.

7 а п р е л я. Митинги по Симбирску в гортатеатре, на предприятиях и в районах под лозунгом «Все трудящиеся в Красную армию».

10 а п р е л я. Ликвидация большевистскими частями гарнизона волнений среди красноармейцев, спровоцированных контрреволюционными элементами в связи с ошибками комиссара Солонко.

13 а п р е л я. Заседание симбирского комитета большевиков совместно с коммунистами — представителями рабочих организаций, положившее начало созданию партийных ячеек среди рабочих.

21 а п р е л я. Постановление губисполкома о создании губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем в составе тт. Грикмана, Левина-Бельского (б-к) и др.

25 а п р е л я. Подавление красногвардейским отрядом т. Корчагина кулацкого выступления в селе Тагае, Симбирского уезда.

27 а п р е л я. Организация тт. Д. Перкиным и А. Курушиным (б-ки) союза социалистической молодежи под девизом «II Интернационал».

29 а п р е л я. Контрреволюционные «крестные ходы» на улицах Симбирска, вызванные полами.

1 мая В Симбирск прибыл член ЦК большевиков Юга т И М Варейкис. Тов. Варейкис кооптируется в состав комитета партии и в президиум губисполкома.

12—22 мая. Борьба фракции большевиков на VI губернном съезде советов против правых партий и против левых эсеров в вопросах продовольственной политики и Брестского мира.

19 мая. Отправка симбирского красногвардейского отряда в Самару против Дутова.

23 мая. Провал меньшевистской вылазки на съезде союза текстильщиков Поволжского района.

20—23 мая. Прибытие в Симбирск 2000 рабочих эвакуированного из Петрограда металлического завода.

29 мая. Восстание чехо-словаков в Пензе и посылка Симбирского красногвардейского отряда тт. Зильвиндера и Мигина (б-к) на помощь Пензе.

30 мая. Образование в Симбирске чрезвычайного военно-революционного штаба в составе большевиков: Пеньевского, И. В. Варейкиса, Имамалова и эсеров Гольмана, Гладышева, Долникова. Проход чехо-словаков через Сызрань. Отправка симбирского красногвардейского отряда т. Олейника (б-к) под Сызрань.

1 июня. Чрезвычайный военно-революционный штаб объявляет Симбирск и Симбирскую губернию на военном положении. Постановление общего собрания коммунистов о создании боевого отряда при комитете партии. Избрание пятерки (Звигоуль, Олейник, Нейланд, Швер, Чистов) для военизации партийной организации.

2 июня. Отправка на помощь Самаре сводного симбирского красногвардейского отряда («текстильщиков», «фарсуниц», «интернационалистов», «путеметчиков») в 500 человек во главе с тт. Пеньевским (б-к) и Гладышевым (эсер.)

3 июня. Отправка в Самару красногвардейского отряда т. Ицковского.

4 июня. Гибель симбирского красногвардейского отряда Пеньевского — Гладышева в бою с чехо-словаками под станцией Дипяги перед Самарой.



5 и ю н я. Прибытие в Симбирск красногвардейского отряда с текстильной фабрики б. Шатрова (Карсунский уезд). Прибытие в Симбирск отряда деревенской бедноты из села Ташлы. Обращение к «товарищам-коммунистам» от комиссии (И. Варейкис, А. Швер, Г. Каучуковский) о созыве 1-й губернской партийной конференции.

7 и ю н я. Прибытие в Симбирск высшей военной инспекции.

8 и ю н я. Падение Самары.

9 и ю н я. Воззвание симбирского губисполкома о борьбе с вооруженной контрреволюцией.

11 и ю н я. Образование симбирской группы войск.

12 и ю н я. Прибытие в Симбирск самарского ревкома во главе с т. В. В. Куйбышевым.

13 и ю н я. Утверждение Совнаркомом военно-революционного совета по руководству операциями против чехо-словаков.

14 и ю н я. Приказ Народного комиссариата по военным делам о призыве на военную службу рабочих и крестьян 1893—1897 годов рождения, проживающих в Симбирском, Сенгилеевском и Сызранском уездах.

16 и ю н я. Эвакуация банковских ценностей из Симбирска в Нижний.

18 и ю н я. Объявление Симбирска на осадном положении и перевод всей городской организации коммунистов на казарменное положение.

19—20 и ю н я. Взятие чехо-словаками и белогвардейцами Ставрополя и Сызрани.

22 и ю н я. Губернская чрезвычайная комиссия ликвидирует контрреволюционную подпольную организацию «комитета защиты родины».

27 и ю н я. Воззвание организационного «фронта боевых дружин» Волго-Бугульминской железной дороги о борьбе с чехо-словаками.

28 и ю н я. Вступление т. М. Н. Тухачевского в командование 1-й Революционной армией Восточного фронта.

Воззвание самарского и симбирского совдепов к населению о борьбе против самарской учредилки.

29 и ю н я. Разоружение симбирским коммунистическим отрядом дружины матросов-анархистов, прибывшей в Симбирск с бугульминского фронта.

2 и ю л я. Отход сенгилеевской группы войск от Новодевичьего к Симбирскому железнодорожному мосту через Волгу и возвращение ее усилиями самарских и симбирских коммунистов обратно.

3 и ю л я. Приказ командующего 1-й армией М. Н. Тухачевского и товарища председателя симбирского губисполкома И. М. Варейкиса о мобилизации офицерства в Красную армию.

4 и ю л я. Взятие чехо-словаками Уфы. Переход красных частей и наступление на Ставрополь и Сызрань.

5 и ю л я. Отправка бронепоезда Поступанова и симбирского коммунистического отряда П. Смирнова на освобождение Бугульмы и Уфы.

9 и ю л я. Взятие Бугульмы и Сызрани красными войсками.

10 и ю л я. Мятеж главноком. Муравьева и летучих эсеров в Симбирске и ликвидация его губисполкомом под руководством И. М. Варейкиса. Взятие Сызрани чехо-словаками.

11 и ю л я. Телеграмма Совнаркома, объявляющая Муравьева изменником и врагом народа.

Телеграмма И. М. Варейкиса В. И. Ленину о ликвидации авантюры Муравьева в Симбирске.

Бои симбирского коммунистического отряда под станцией «Зай» Волго-Бугульминской железной дороги.

13 и ю л я. Взятие Бугульмы чехо-словаками.

15 и ю л я. Назначение главноком. Восточного фронта т. Вацетиса. Приказ военно-революционного совета Восточного фронта о назначении командующим симбирской группой войск Тухачевского.

Приказ военно-революционного совета Восточного фронта о создании в Симбирске штаба обороны.

16 и ю л я. Приказ командующего М. Н. Тухачевского штабу симбирской группы войск об обеспечении симбирско-сызранского направления.



17 июля. Назначение чрезвычайным комендантом города Симбирска Иосифа Варейкиса.

18 июля. Взятие чехо-словаками Мелекеса на Волго-Бугульминской железной дороге.

19 июля. Взятие белогвардейцами села Тереньги на Сызранском тракте и выход в тыл сенгилеевской группы. Взятие чехо-словаками станции Бряндино на Волго-Бугульминской железной дороге.

20 июля. Отход группы Павловского и симбирского коммунистического отряда со ставропольского направления к Сенгилею.

21 июля. Начало отхода от Волги сенгилеевско- ставропольских красногвардейских отрядов.

21—22 июля. Бой под Симбирском и взятие города белогвардейцами и чехами. Окружение сенгилеевско-ставропольской группы красных войск.

23 июля. Эвакуация симбирского губисполкома из Буинска и Тетюшей в Казань.

26 июля. Эвакуация карсунского уисполкома в Алатырь и образование в Карсуне военной коллегии, взявшей на себя организацию защиты города.

28 июля. Прибытие симбирского губисполкома в Алатырь. Выход сенгилеевско-ставропольской группы из белогвардейского кольца и образование Симбирской Железной дивизии.

31 июля. Возвращение карсунского уисполкома в Карсун.

3 августа. Взятие Буинска белогвардейцами.

4 августа. Приказ командующего М. Н. Тухачевского и обращение симбирского губисполкома к населению о мобилизации пяти годов в Красную армию.

11—13 августа. Первое наступление 1-й армии Тухачевского на Симбирск.

12 августа. Постановление объединенного заседания симбирского губисполкома, алатырского и буинского уисполкомов в Алатыре об организации комитетов бедноты и мобилизации в Красную армию.

23—30 августа. Роспуск комиссией губисполкома левозсеровского президиума ардатовского уисполкома, вставшего на путь местничества и сопротивления политике советской власти.

2 сентября. Заседание подпольной группы большевиков (Перкин и др.) в белогвардейском Симбирске на станции В. Часовня, обсудившей вопросы подготовки вооруженного восстания заволжских рабочих против белогвардейцев.

5 сентября. Восстание белогвардейцев в уездном городе Курмыше, использовавших волнения среди мобилизованных в Красную армию.

8 сентября. Приказ командующего М. Н. Тухачевского о взятии Симбирска.

Митинги в частях 1-й армии под лозунгом политического комиссара 1-й армии В. В. Куйбышева: «Освобождение Симбирска — родного города Ильича — будет ответом на ранение Ленина».

9 сентября. Начало второго наступления 1-й Революционной армии на Симбирск. К вечеру части Железной дивизии достигают рубежа: Юшанское, Опалиха, Софьино, Каменка-Ртищево, Крюковка.

10 сентября. Развивая наступление на Симбирск, Железная дивизия достигает линии Ключищи — Охотничья — Арская — Слобода — Нагаткино — Шумовка.

11 сентября. Попытка белогвардейского диверсионного отряда взорвать Алатырский железнодорожный мост через Суру.

12 сентября. Взятие Симбирска красными войсками. Телеграмма политического комиссара 1-й армии В. В. Куйбышева В. И. Ленину о взятии Симбирска красными войсками.

15 сентября. Возвращение губисполкома в Симбирск.

18—24 сентября. Контрнаступление белых на Симбирск и оборона города.

25 сентября. Разгром белых под Симбирском и их паническое бегство.

28 сентября. Вручение Железной дивизии почетного знамени ВЦИК.



29 с е н т я б р я. Обращение губисполкома о переизбрании сельских, волостных и уездных советов.

30 с е н т я б р я. Постановление губисполкома о развертывании работы по организации комитетов бедноты.

4 о к т я б р я. Городская рабочая конференция в Симбирске, закончившаяся победой большевиков и разгромом фракций с.-д.-интернационалистов и анархистов.

5 о к т я б р я. Взятие красными войсками Сызрани и Мелекесса.

8 о к т я б р я. Взятие красными войсками Самары.

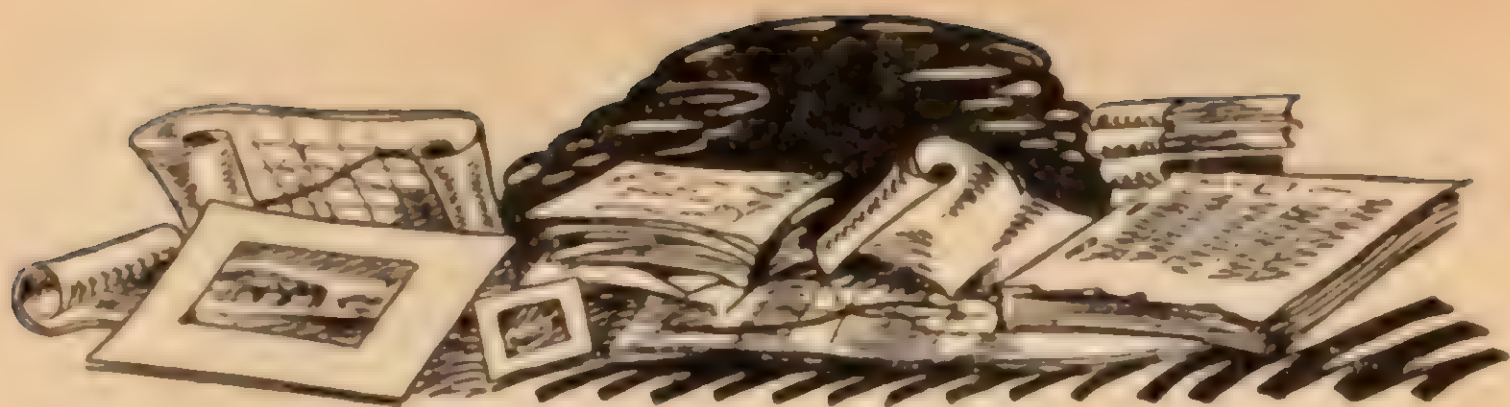
14 о к т я б р я. Взятие красными войсками Бугульмы.

6 д е к а б р я. Открытие симбирской 1-й губернской конференции коммунистов (б-ков), избравшей губком в составе: И. Варейкиса, А. Шера, Гурко, Звирбуля, Нейланда и др.

31 д е к а б р я. Самоликвидация симбирской организации союза эсеров-максималистов.







## **ДОКУМЕНТЫ**

---

### **Чехословацкий мятеж и оборона Симбирска**

#### **1. Деятельность симбирского губисполкома и военных организаций**

##### **Образование чрезвычайного военно-революционного штаба в Симбирске**

Приказание по симбирскому губернскому военному комиссариату,  
гор. Симбирск. 31 мая 1918 года № 7

##### **§ 1**

Губернский исполнительный комитет, ввиду контрреволюционных выступлений чехо-словаков в Пензенской губернии и возможности открытия военных действий на территории Симбирской губернии, выделяет чрезвычайный военно-революционный штаб, к которому перешла вся полнота власти по обороне Симбирской губернии.

Во главе штаба: военный комиссар Симбирской губернии Иванов, начальник штаба Пензенский, члены штаба: Фрейман, Гольман, Имайлов, Гладышев и Долников.

Всех жителей прошу спокойно отнестись к надвигающимся событиям, не поддаваясь панике, помня, что рабочие и крестьяне не отдадут ни за что завоеванной революции.

Военный комиссар Симбирской губернии Г л а д ы ш е в.

(Архив ульяновского истпарта.)



## Все к оружию!

От имени симбирского губернского исполнительного комитета совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов ко всем крестьянам и рабочим Симбирской губернии

**Товарищи крестьяне и рабочие!**

**Грозные тучи нависли над нами...**

Банкиры, фабриканты и помещики, городские и деревенские спекулянты-кулаки объявили поход против русской революции: с оружием в руках они наступают на городскую и деревенскую бедноту, стремятся отнять обратно у крестьян землю, у рабочих завоеванный в революции богатый рабочий день, рабочий контроль и прочее.

Товарищи, надвигается опасность. Враги советской власти рабочих и крестьян объединились с французскими и английскими капиталистами и помещиками, которые снабжают русских контрреволюционеров капиталами, поддерживают чехо-словаков, на которых в настоящее время опираются русские богатейшие капиталисты: им помогают отсоединять крестьянами захваченные земли, помогают банкирам, фабрикантам эксплуатировать рабочих, помогают кулакам-спекулянтам обирать дониточки городскую и деревенскую революционную бедноту.

Товарищи! Против власти крестьянина и рабочего ополчились враги, заносят топор над шеей. Чтобы ввести темные массы в заблуждение, они говорят о том, что борются за свободу, за власть народа.

**Товарищи! Они нас обманывают.**

Товарищи, их свобода, это свобода помещикам драться с крестьянами саблями и шкур, это свобода заводчику-фабриканту заставлять рабочих драться им столько часов в день, сколько им хочется.

Товарищи! Посмотрите на Украину, где Свирский, бывший генерал, управляет страной. Помещики отняли землю и требуют от крестьян возмездия за все убытки, какие им причинила революция. На Украине власть капиталистов и там снова помещики имеют тысячи десятин, а крестьяне должны к помещикам наниматься в батраки.

Товарищи! В Самаре буржуазией и помещиками захвачена власть. Они тысячами расстреливают наших братьев рабочих и крестьян. Над трупами убитых они издеваются. Палачам революции, солдатам чехословацких банд дочери помещиков и капиталистов бросают цветы, несут подарки, за что чехословаки отвоёвывают им прежние права.

Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты! Грозная опасность нависает над революцией. Самарская губерния — смежная Симбирской. Контрреволюционные банды могут проникнуть и в Симбирскую губернию. Помещики и фабриканты Симбирской губернии тоже захотят отобрать землю, двинуть в цепи рабочих и всю городскую бедноту. Они уже в некоторых местах действуют; они уже начали на тырнеть на крестьян и рабочих.

Товарищи! Нам грозит опасность. Необходимо встать всем на защиту земли, на защиту революции.

Товарищи! Нам много, а помещиков и капиталистов — кушка. Стоит только на несколько дней нам всем взяться за оружие, и мы разовьем врагов.

С оружием в руках каждый крестьянин Симбирской губернии, которому дорога земля, которому дорога революция, должен немедленно приступить к сельским работам и на время взяться за оружие.

Товарищи! Пусть эту неделю исполняют сельские работы наши жены, сестры, дети. В неделю они смогут без ущерба для хозяйства проработать, а мы все, кто в состоянии нести оружие, встанем на защиту революции, на защиту советской власти.

Каждый уездный, волостной и сельский совет должен немедленно приступить к записи, немедленно организовать отряды и направлять их для защиты революции.

Товарищи! Медлить нельзя ни минуты. Все к оружию! Бросим на время все работы, но не дадим помещикам и капиталистам заковать себя в цепи.

22 июня 1918 года.

Симбирский губернский исполнительный комитет.

(Архив ульяновского истпарта.)



## Призыв бывших офицеров в Красную армию

### Приказ по 1-й Восточной армии

Российская социалистическая федеративная советская республика переживает тяжелые дни, окруженная со всех сторон врагами, ищущими поживиться за счет русских граждан. Ими было подготовлено и поддержано разными продажными элементами контрреволюционное восстание чехо-словаков.

Долг каждого русского гражданина — взяться за оружие и отстоять государство от врагов, влекущих его к развалу.

Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно встать под красные знамена вверенной мне армии.

Сегодня, 4 сего июля, офицерам, проживающим в городе Симбирске прибыть к 12 часам в здание кадетского корпуса ко мне.

Неявившиеся будут предаваться военно-полевому суду.

Командующий 1-й Восточной армией Тухачевский.

Товарищ председателя симбирского губернского

исполнительного комитета Иосиф Варейкис.

4 июля 1918 года. Симбирск.

*(Газета «Известия» симбирского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов от 4 июля 1918 года за № 128.)*

## Да здравствует революционная дисциплина!

Товарищи красноармейцы 1-й Революционной армии!

Тяжелый момент приходится переживать нашей Советской социалистической республике. Враги рабоче-крестьянского правительства делают последнюю отчаянную попытку свергнуть советскую власть, возвратив себе земли и богатства и власть. Объединившись с капиталистами и помещиками наших бывших союзников, которые снабжают русских контрреволюционеров капиталами и содержат на свои средства чехо-словаков, этих наемников контрреволюции, враги рабочих и крестьян подняли мятеж провокационными способами среди чехо-словаков и опираются на них для свержения рабоче-крестьянского правительства. И на этот раз контрреволюционеры избрали оружие более сильное, чем просто активное выступление с оружием в руках против советских войск. На этот раз цель их — захватить же железнодорожную линию, соединяющую Сибирь и другие хлебные губернии нашей республики с Севером, Москвой и Петроградом, — центром и очагом нашей рабоче-крестьянской революции.

Частично цель контрреволюции осуществлена, им удалось занять Сибирскую дорогу и левый берег Волги. Движение этих контрреволюционных банд продолжается и далее. Временно мы можем предотвратить наступление голода, пользуясь теми хлебными запасами, которые имеются в Приволжском районе, но если в самом непродолжительном времени чехословацкая авантюра не будет ликвидирована, если мятеж не будет подавлен, рабоче-крестьянское правительство вследствие приостановления продовольственных грузов в Сибири будет задушено голодом. Итак, теперешняя цель контрреволюционеров и их прислужников чехо-словаков — взять измором, удушить голодом революцию после того, как ими занят путь в хлебные губернии нашей республики, а отсюда ясно, что теперь наша цель, цель социалистической армии пролетариата — не только оказывать сопротивление и вести оборонительную войну, — этим мы не спасем нашу советскую республику от голодной смерти; наша цель теперь — возможно скорее отнять у чехо-словаков и контрреволюционеров сообщение с Сибирью и другими хлебными областями, а для этого необходимо возможно скорее теперь же продвигаться вперед. Необходимо наступать, всякое промедление смерти подобно.

Но, товарищи, предпринимая наступление, необходимо учесть то обстоя-



тельство, что теперь враг сильнее, чем те мало организованные и слабо вооруженные белогвардейские банды, с которыми мы имеем дело раньше.

Наши теперешние враги, наемники контрреволюционеров, чехо-словаки и представляют хорошо дисциплинированные, вооруженные и испытанные в боях части.

Поэтому до тех пор, пока мы слабо организованы, мало дисциплинированы, мы не в силах не только подавить и ликвидировать мятеж и контрреволюционное движение, но даже оказать самое необходимое сопротивление. Мы должны в политической дисциплине контрреволюционеров и чехо-словаков мы должны брать пример и противопоставить железную революционную самодисциплину.

Самое строгое неукоснительное исполнение всех приказаний и распоряжений в боевой обстановке, без обсуждения того, нужен ли он или не нужен, является первым и необходимым условием нашей победы.

Не бойтесь, товарищи, при посредстве политических комиссаров и других представителей пролетариата при штабах командующих рабоче-крестьянская власть следит за всеми шагами ваших начальников и первый же их неслучайный приказ повлечет за собой суровое наказание.

Хотя на первый взгляд наша дисциплина быть может будет казаться царской дисциплиной, с внутренней стороны это будет самодисциплина, ибо органом, контролирующим деятельность командного состава, являются ваши представители, представители рабочих и крестьян.

Для поднятия нашей боеспособности и дисциплины в нашей социалистической Красной армии рабоче-крестьянское правительство... нашей важнейшей задачей для этих доблестных защитников и борцов за великое дело освобождения трудового народа ввести особые знаки отличия, формы которых на днях будут опубликованы, и кроме того для семейства тех товарищей, которые героически падут на своем революционном посту, а равно и для тех, которые потеряют трудоспособность, вводится особое материальное обеспечение.

Принимая меры к тому, чтобы выделить истинных борцов за революцию, чтобы поднять дисциплину и создать организованность армии, рабоче-крестьянское правительство принимает меры к тому, чтобы вырастить из среды борцов за лучшие идеалы человечества тот элемент, который, прикрываясь маской революционера, своим поведением и даже присутствием портит ту среду, в которой он находится. Для этого учреждаются революционные военные полевые суды, которые по всей строгости законов военного времени будут судить предателей рабоче-крестьянской революции, предателей, ибо малодушным и паразитам нет места в добровольческой рабоче-крестьянской Красной армии.

Итак, вперед, обновленная дисциплиной и уверенностью в победе, простаршаяся армия! Вперед для завоевания великого будущего трудовому народу, вперед для завоевания свободы, воли и хлеба трудящимся массам, да ни малодушных изменников революции.

Да здравствует революционная дисциплина!

Да здравствует боеспособная дисциплинированная рабоче-крестьянская армия!

Да здравствует власть рабочего класса и крестьянской бедноты!

Командующий 1-й Революционной Армией Т у х а ч е в с к и й.

## 2. Образование красногвардейских отрядов

### Железнодорожники, на борьбу с чехо-словаками!

#### Воззвание

Товарищи железнодорожники, все выше и выше поднимает голову гидра контрреволюции, враги народа. В связи с восстанием чехо-словаков, спонсированных капиталистами, подняли голову все черные силы с целью подавить нашу рабоче-пролетарско-крестьянскую власть. С помощью белогвардейцев,



меньшевиков и правых эсеров чехо-словаки захватили Самару, заняли Омск и Ставрополь и несколько других пунктов, где они расстреливают рабочих, и крестьян и представителей Советской власти. Они хотят отрезать доставку хлеба из Сибири, чтобы костлявой рукой голода задушить нашу революцию. В Омске эта банда образовала свое Сибирское правительство, во главе которого стоят правый эсер Дербер, банкир Путилов, корниловский адмирал Котляк и царские прихвостни Семенов и Дутов.

Это правительство царских палачей, созданное соглашателями-меньшевиками и правыми эсерами, кричит об Учредительном собрании, а на самом деле готовит восстановление царской монархии.

Если черной сотне при помощи чехов, меньшевиков и эсеров удастся осуществить их план, Россия будет разорена, новые миллионы людей будут убиты, голодовка станет в тысячу раз сильнее, земля будет возвращена помещикам, в стране воцарится шайка буржуазных бандабузов, которые будут расстреливать сотни тысяч наших братьев и уничтожат наши рабочие демократические организации и все завоевания рабочих и крестьян.

Товарищи железнодорожники! Мы должны в эту тяжелую минуту сказать свое решающее слово и дать сокрушительный отпор этой шпоре. Поэтому мы Вас призываем встать на защиту революции, на защиту своей дороги. Возьмите в свои руки охрану всей дороги, создайте боевые дружины, увеличивайте продуктивность вашей работы до максимума, поддержите разрушающийся транспорт, докажите же свою силу и творчество на деле и Вы спасете этим революцию.

Итак, товарищи железнодорожники, все к оружию, в бой за свободу, за социализм, за мировую революцию и III интернационал, вперед, вперед, наш долг — победить.

27 VI 1918 года.

Организационное бюро боевых дружин  
Волго-Бугульминской железной дороги

*(Дело симбирского горкома РКП, № 1, стр. 49.)*

## Деревенская беднота — за оружие!

Резолюция общего собрания крестьян села Старые Бурундуки в числе около 250 человек 16 июня 1918 года

Выслушав доклад представителей симбирского губернского комитета Российской коммунистической партии (большевиков) — т. Новикова и т. Остроглазова, одобряем все действия и распоряжения Советской республиканской власти и выносим полное желание подчиняться и проводить все издаваемые декреты и постановления, издаваемые нашей Советской властью, и выражаем полную поддержку и доверие партии коммунистов, как верных защитников прав рабочих и бедных крестьян. Высказываем протест против всех подрывающих советской власти, всех желающих на почве голода возвратиться старый режим и заявляем, что будем с ними бороться до последней капли крови. Только общими усилиями и неутомимым трудом рабочих и беднейших крестьян можно восстановить погубленное хозяйство страны и найти запасы хлеба, припрятанные у кулаков-мироедов. Пусть крестьяне устраивают у себя коммуны, чтобы общим трудом работать на общую пользу. Соединим свои клочки земли, сложим все свое хозяйство вместе и планомерным трудом членов коммуны повысим производительность полей и улучшим свой скот и инвентарь. Только артельным братским порывом можно создать могучую социалистическую республику, мы можем оладить восстановления нашего хозяйства и счастья на земле. Встанем на борьбу с саботажем, кулачеством и контрреволюцией. Все к оружию. Легче убить сотни врагов социализма, чем на десятки и сотни лет познать угнетение себя капиталу. Все в ряды Красной армии, кто может носить оружие. Все на поле в трудовые коммуны. Немедленно решаем составить отряд и поставить его в распоряжение симбирского губсовета.



Да здравствует победа труда над капиталом!  
Да здравствует власть рабочих и бедных крестьян!  
Да здравствует партия коммунистов!

Председатель собрания **Анашаев.**

Секретарь **Бахтин.**

(«Известия» сибирского совета от 6 июня 1918 года)

## Красногвардейский отряд деревенской бедноты

Протокол общего собрания воецкого волостного совета и представителей от обществ волости от 21 июня 1918 года

1. СЛУШАЛИ: Об организации Красной армии, о добровольцев для защиты революции от угрожающей со стороны буржуазии и ее приспешников опасности.

ПОСТАНОВИЛИ: Организовать армию из добровольцев. Собиравшихся добровольцев в числе 22 человек, изъявивших желание вступить в ряды армии, немедленно отправить в Сибирь, по дороге выдавая на каждого добровольца по 10 руб. в сутки из волостных сумм, по 3 суток. Семьи обеспечить продовольствием, выдать им с молочки бесплатно. Подвозы до Сибирей взять бесплатно у граждан Н. И. Мельникова, С. Е. Васнева, С. М. Локова, Ф. М. Шмидта, А. И. Семикова и у других Ачаньева. Должеть под ординарца взять у А. А. Арчакова с. Воецком. Ординарцем избрать гражданина с. Воецкого А. Н. Сивилова. В случае нашествия врагов волостной совет обязан немедленно мобилизовать все население волости, а также и повещать об этом с помощью сельских властей.

Председатель совдепа **Новиков.**

Секретарь **Антипов.**

(ЦАОР, ф. 393, д. № 216 л. 72.)

## Коммунары готовы к борьбе

### Резолюция

Собрание трудовой сельскохозяйственной коммуны села Турдома 15 июня 1918 года, заслушав доклад представителя сибирского государственного совета и партии коммунистов о текущем моменте, постановило: Всем коммунистам быть в полной боевой готовности и по первому сигналу выступить вперёд бой с предателями народа, оставив одних жён и детей, и биться до последней капли крови за советскую власть.

Объявить беспощадную борьбу всем прохваторам, контрреволюционным интриганам, мародерам, кулакам, спекулянтам, грабителям, срывающим трудовую советскую власть, власть рабочих и крестьянства и перелать трудовому народу на истязание буржуазии. Шлем привет тем товарищам рабочим и крестьянам, которые до сих пор верят таким предателям, старающимся прокутить обещаниями хлеба казённых товарищей, и платим вместо хлеба дуть пагайку. Призываем всех товарищей рабочих и крестьян, работающих собственным трудом, очнуться от пущенного на них угара буржуазии и снаться в одно стальное кольцо, отбросить лютые свои помещичьи и капиталистические цепи и не думать, что буржуазия нас спасет от козловой руи голода. Она нас не спасёт, мы спасем себя только сами, общими силами, единением, полнотой и взаимностью. Еще раз призываем стать на защиту революции и социализма. Смерть капиталу и угнетателям, да здравствует труд, да здравствует коммунизм!

Председатель трудовой коммуны **Н. Фрейлин.**

Секретарь **Смирнов.**

(«Известия» сибирского совета от 5 июня 1918 года.)



# Авантюра Муравьева и падение Симбирска

## Красная армия переходит в наступление

Бюджетень командующего симбирской группой войск

На сызранском направлении после полуторадневногo артиллерийского боя нашими доблестными войсками инзенской, пензенской и симбирской группы занят г. Сызрань. Противник, понеся большие потери, в беспорядке отступает к батракским высотам — к Самаре. По пятам отступающего противника удачно действует наша конница.

На селгилеевском направлении наши отряды заняли Новодевичье, пехотной разведкой занято село Новый Тукшум. Конная разведка преследует отступающего противника за Новым Тукшумом. Противник уклоняется вступить в бой и спешно отступает.

На бугульминском направлении вчера наш бронированный поезд при поддержке пехотных частей выбил противника из Бугульмы и занял город. Противник, оставив много убитых и раненых, отступает. Нами взято 2 пулемета и много оружия. Преследование противника продолжается.

На екатеринбургско-челябинском направлении противник большими силами повел наступление. Наши войска встретили и разбили его; оставив много убитых и раненых, он отступает. Нами взято несколько пулеметов, зарядных ушек и много другой военной добычи. После боя, преследуя противника, мы удачно обстреляли его тыловые подкрепления.

*(«Известия» симбирского совдепа от 10 июня 1918 года.)*

## Телеграмма военревсовета Восточного фронта

ИЗ КАЗАНИ. ПОДАНА 11/VII, 3 Ч. 50 М. ПРИНЯТА 11/VII. ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

Провокационные телеграммы за подписью Муравьева под страхом строжайшей ответственности не принимать и не распространять.

Член военно-революционного совета Б л а г о и р а в о в.

ЦАКА, д. 300—133, л. 158.)

## Телеграмма И. М. Варейкиса В. И. Ленину о ликвидации авантюры Муравьева

ИЗ СИМБИРСКА 2090, 276, 11, 5,40 ПРИНЯТА 11/VII-18 г. 18 Ч. 55 М.

СРОЧНО МОСКВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА ЛЕНИНУ. ЦИК ЦК РКП БОЛЬШЕВИКОВ.

Всем, всем. В девять часов вечера 10 июля главнокомандующий войсками против чехо-словаков Муравьев, приехав с уфимскими отрядами, оцепил броневиками совдеп, арестовал часть членов совдепа, мотивируя арест тем, что он заключает мир с чехо-словаками и объявляет войну с Германией. Он собрав находящиеся части в Симбирске и призвал последние идти с ним на Германию, а гражданскую войну прекратить. Усматривая явную контрреволюционную тактику, измену советской власти, несколько человек членов нашей партии приняли все меры, дабы арестовать Муравьева. Для этого были приглашены представители на конспиративное заседание из частей, подчиненных Муравьеву. После выяснения по существу они сказали, что все являются защитниками советской власти, и они присоединились к нам. После этого были



нами приняты все меры к аресту. В три часа 11-го Муравьев пришел на заседание губисполкома вместе с фракцией левых эсеров и предложил присоединиться к нему. Фракция левых эсеров сначала и присоединилась к нему, но после решительного протеста, вынесенного нами, и после ряда фактов, ясно показывающих, что Муравьев дал уже распоряжение, чтобы оголить фронт, эсеры потребовали перерыва для обсуждения во фракции. После этого Муравьев заявил, что его дело сделано, и он направился к двери. Стрелой объявил от имени нашего, что он арестован. Муравьев начал стрелять. В этот перестрелке Муравьев оказался убитым. Наша партия заявляет, что, как ни опасна была эта задача, она с честью ее выполнила перед пролетариатом и революцией. На фронте снова установился образцовый порядок, части возвращены на позиции обратно, временным главнокомандующим армии назначен Тухачевский, левые эсеры присоединились.

Член областного ЦК Юга РКП (большевиков)  
тов. председателя симбирского губисполкома В а р е й к и с.  
Симбирский комитет коммунистов-большевиков.

(ЦАОР, ф. 1935, оп. 52 д. 311, л. 15.)

## Авантюра изменника Муравьева ликвидирована

### Воззвание

Товарищи красноармейцы, рабочие и крестьяне.

Контрреволюционные элементы, возглавляемые изменившим революцию и преданным англо-французским империалистам полковником Муравьевым, решили поднять гражданскую войну, натравливая рабочих на рабочих и крестьян на крестьян у нас в Симбирске.

Во главе этого восстания встал изменник Муравьев, призывавшийся лозунгом «война против Германии», а на деле решивший с самарскими, симбирскими и другими белогвардейцами идти против власти совета, против трудового народа, обрекая его на новые ужасные испытания и муки. Путем обмана, лживых и гнусных обещаний, он повел верные революции войска к симбирскому совету, арестовал несколько членов из партии коммунистов, занял телеграф, рассылал провокационные телеграммы и т. п. Но преданные революции и народу товарищи пошли в отряды красноармейцев, затуманенные лживыми и гнусными обещаниями предателей.

Все товарищи красноармейцы заявили, что они за контрреволюционером Муравьевым не пойдут, а будут защищать советскую власть.

Возмущенная провокацией Красная армия решила арестовать изменника Муравьева, но тот, не желая дать живым в руки наших солдат, начал отстреливаться, ранил несколько наших товарищей, но ответным выстрелом был убит.

Таким образом не стало негодного провокатора, решившего отдать русский трудовой народ на растерзание империалистам, не стало Бонапарта, афериста, который предлагал предать советскую Россию.

**Революция одержала победу.**

**Революция торжествует.**

Все товарищи красноармейцы, рабочие и крестьяне, вставайте также бодро на свои места, идите вперед на революционный фронт против чехословацких банд, будьте спокойны, будьте также революционны, тогда нам не страшна никакая измена и контрреволюция.

Да здравствует революционный народ!

Да здравствует революционная армия!

Долой с пути всех изменников!

Бодро вперед за полное торжество революции!

Председатель симбирского губернского  
исполнительного комитета В а р е й к и с.

Командующий 1-й восточной армией Т у х а ч е в с к и й.

Симбирск, 11 июля 1918 года.

(«Известия» симбирского совета от 12 июля 1918 года.)



## Политкомиссар 1-й армии В. В. Куйбышев об аванюре Муравьева

### Телеграмма

МОСКВА. СОВНАРКОМ

КОПИЯ: ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА СВЕРДЛОВУ.

КАЗАНЬ. ПОЛИТОТДЕЛ ВОЕННОГО СОВЕТА

10 июля в 9 часов вечера Муравьев прибыл в Симбирск без политического комиссара с 600 солдатами. Заранее в Симбирске было сосредоточено около десятка броневиков. В 15 верстах от Симбирска Муравьев устроил на пароме митинг и сообщил солдатам о цели поездки в Симбирск, говорил туманно, солдаты ничего не поняли. По прибытии в Симбирск Муравьев расставил против почты-телеграфа пулеметы, окружил здание совета броневиками и пулеметами. Арестовал несколько коммунистов, командующего первой армией Тухачевского. У здания совета Муравьев устроил митинг, солдатам говорил об объявлении войны Германии, о заключении мира с чехо-словаками и образовании Польской республики, в правительство которой войдут левые эсеры, махемисты, анархисты. Они выкрикивали: «Да здравствует власть советов, дакой гражданскую войну с братьями чехо-словаками против Германии, да здравствует война с Германией». Последние лозунги, а также направленные на здание совета пулеметы вызвали недоумение среди солдат. Мысль об аванюре, измене быстро зародилась и крепла у всех. Симбирские коммунисты и латыши решили всеми мерами аванюру ликвидировать, с изменником Муравьевым расправиться. Коммунисты немедленно отправили во все части войск агитаторов, разоблачивших измену. Настроение революционных войск быстро определилось в пользу совета и против Муравьева. Латыши взяли охрану города, внесли картул внутрь здания совета. Ночью на экстренном заседании губисполкома Муравьев говорил об объявлении войны Германии, о заключении мира с чехо-словаками, объявил себя главноверхом всей армии, назвался Гарибальди. По выходе из комнаты губисполкома Муравьев был окружен коммунистической дружиной и после двух выстрелов с его стороны тут же расстрелян. Агитаторы были арестованы, охраняющий его отряд в 80 человек немедленно покорно сдал оружие. Вдох облегчения и радости вырвался из груди революционных солдат. Кошмар аванюры скоро рассеялся. Солдаты с криками «ура, да здравствует власть советов» разошлись по частям, в 5 часов утра восстание аванюристов было ликвидировано, город принял обычный вид. Все время в городе спокойно, порядок обретен. Последствия разостанной Муравьевым телеграммы на фронте превращения войны с чехо-словаками, об отступлении ликвидируются. Так усилится коммунистов, партии пролетариата, и классовое чутье революционной армии разови-затю негодая, продолжавшего неудачную аванюру левых эсеров. Каково участие в митинге Муравьева симбирских левых эсеров? Дважды в эту ночь левые эсеры совещались с Муравьевым. Единичны называли его выступление аванюрой, держались в стороне, дружелюбно принимали участие на ответственные посты. Активные участники восстания арестованы — левый эсер — командовавший симбирской группой войск Иванов. Следствие продолжается.

Политический комиссар первой Восточного фронта  
К у и б ы ш е в.

(ЦАОР, ф. 1235. д. 525, оп. — . 52.)

## Обстоятельства смерти Муравьева

### Телеграмма

МОСКВА. АРАЛОВУ

МОСКВА. ВОЕННЫЙ СОВЕТ.

На ваше обращение за № 144 по всем советам являем, в ваше уважение выразилась существенная ошибка. Муравьев не застрелен, а был застрелен во время ареста, и то оказал он вооруженное сопротивление, что может под-



твердить протокол вскрытия трупа и пять ран, а также и шпиковые раны, а также Муравьевым ранены три красноармейца из маувера из числа отряда, которому было поручено нашей фракцией арестовать Муравьева.

12008. Тов. председателя совета В а р е н к и н,

(Фонд РВСР. ЦАКА, д. 119—851, л. 14.)

## Тов. Тухачевский об авантюризме Муравьева

Наркомвоен Юреневу

С одобрения товарища председателя симбирского совета Варенкина и комиссара армии товарища Калинин я приехал в Симбирск в губернии мобилизацию всех бывших офицеров 4 июля с. г. Были отобраны наиболее подготовленные и опытные элементы и из них удалось сформировать штаб армии и штаб дивизии. После этих мероприятий работа армии стала планомерная и производительная. Возвращусь несколько назад.

Муравьев, как авантюрист, был чрезвычайно талантлив, но как руководитель был абсолютная бездарность. Ни к какой организационной и оперативной работе он не был способен. Его страстью было вмешиваться в дела подчиненных. На этой почве у меня с ним возникли серьезные недоразумения, так как его вмешательство носило истинно безграмотный характер, что и в конце концов начал подозревать его в тайных замыслах. Муравьев это заметил и начал мне угрожать расстрелом, а в равновесиие пошел против моей кампании.

По плану Муравьева, который он мне навязывал, все силы 1-й армии сосредоточено около 8000 человек, разбитые на 7 колонн для одновременного наступления на фронте около 300 верст, при этом в колоннах министерства, а одна — около 800 человек — призвала главный удар на Самару.

Я всеми силами противодействовал этому плану, так как он вел к полному и верному поражению. Я намеревался использовать Волгу как коммунизацию при движении от Симбирска к Самаре, так как об этом в войсках не было. Привлечительно до линии с Усолье, по моим расчетам, противник не мог оказать серьезного сопротивления. Поэтому до этой линии по обоим берегам Волги я намеревался пустить кавалерию и броневые автомобили и небольшие части пехоты на обходные линии подвозить. По реке впереди должен был идти разрозненный боевой флот, построенный мной в Симбирске. Главные силы до этой линии, приблизительно, должны были стоять сзади на судах. Такой порядок позволял делать около 50 верст в день. Ко времени операции я намеревался вытянуть к Симбирску большую часть всей армии. Все приготовления должны были быть закончены к 13—15 июля, после чего я рассчитывал взять Самару в несколько дней. До Усолья и Мушкетера главных сил был назначен, а отсюда Ставрополь бросался роковым ударом. После этого ополчением противника в три дня можно было прогнать из Самары.

Все мои расчеты разбил Муравьев. 10 июля он прибыл в Симбирск для личного руководства наступлением на Самару. Значит, все мои расчеты на сосредоточение сил рухнули. Это было тем более очевидно, что демонстрация, предпринятая мной против Самары, оказалась блестяще. Самару была взята.

Но, как оказывалось, приход Муравьева был связан не оперативными работами. Он приехал, чтобы поднять восстание против советской власти. Симбирский исполком, я и нации симбирской были введены им на вокзал для совещания о предстоящей операции в Самаре. Когда я приехал на пристань, то был неожиданно арестован. Исполком, к счастью, отпустил (уши, автомобиль был занят), и Муравьев, не дожидаясь его, уехал на вокзал Симбирск I, где стоял дивизион броневых автомобилей. Он произнес зажигательную речь, причем пустил провокационную ложь, будто бы я хотел расстрелять Варенкина — комиссара дивизиона. Вся команда перешла на его сторону и хотела меня тут же расстрелять, но не успела, так как Муравьев очень торопил дивизион к зданию совета. Я был посажен под арест, мной были заняты охранники.



Когда Муравьев с броневиками уехал к совету, где последний был окружен, я остался арестованный в одном из вагонов команды броневиков, окруженный часовыми и немногими красноармейцами. Когда среди них улеглось первое возбуждение, я начал агитацию против Муравьева. На вопрос одного из них, за что я арестован, — я ответил: «за то, что большевик». Это произвело сильное впечатление, так как почти все они были большевики. Я объяснил им, что происходило в это время в Москве. Тут они поняли, что пошли против себя, примкнув к Муравьеву. Они много совещались и тайно послали, наконец, делегатов к своим товарищам к совету. В то же время члены исполкома агитировали всех солдат.

Особенно энергично и смело действовал товарищ Варейкис. Через несколько часов пришло известие, что команда броневиков тайно решила арестовать Муравьева и своего командира. Я был освобожден товарищами часовыми, которые меня охраняли, и скоро после этого Муравьев или сам застрелился или был убит. Таким образом восстание было подавлено без пролития крови, силою одного убеждения.

Но на состоянии духа войск 1-й армии эта авантюра сказалась губительно. Узнав, что сам главнокомандующий оказался изменником, красноармейцы потеряли всякое доверие к своему командному составу. Нервы были извинены до крайности. Всюду солдаты видели измену, продажу, обходы и пр.

В то время войска 1-й армии, как и во всех остальных, были крайне недисциплинированы и небоеспособны. Постоянные отказы выступить, исполнять боевые задания до крайности затрудняли командование. В общем это была анархичная масса, которую нужно было сформировать, организовать и дисциплинировать, чтобы получить боеспособные войска.

В довершение всех зол муравьевская авантюра внесла панику и разложение в ряды войск. Начались бесконечные отступления и бегства перед самым ничтожным противником. Ни увещевания, ни личный пример, ничто не могло внести в массы успокоения. Белогвардейские элементы усиливали это разложение. В результате Симбирск пал.

Тухачевский Я.

(ЦАКА, д. 119—39, л. 194—203.)

## Падение Симбирска

### Телеграмма

Из Москвы. Принята 24/VII 1918 года.

ВСЕМ ВОЕНСОВЕТАМ, ВСЕМ ВОЕНКОМАМ

Симбирск взят чехо-словаками и белогвардейцами. Российская социалистическая революция в опасности. Необходимо во имя спасения всех завоеваний революции срочно организовать и двинуть навстречу чехословацким и белогвардейским бандам имеющиеся в распоряжении красные социалистические отряды. Предписывается всем срочно подготовить и организовать отряды для отправки против чехов и белогвардейцев. Снять все имеющиеся в распоряжении отряды (за исключением застав и охранных частей) на границе с немцами и по первому приказу опереда двинуть на чехословацкий фронт. Разъясняю, что со стороны немцев нам не грозит никакой опасности. Вся ответственность перед революцией и историей лежит на вас. № 2455.

Наркомвоен Ю р е в.

(Там. отд. един. партархива, ф. 48, д. 8а.)



# Борьба за возвращение Симбирска

## 1. Деятельность симбирского губисполкома в Алатыре

**Все силы пролетариата и деревенской бедноты  
на защиту социалистической революции**

Резолюция объединенного заседания симбирского губернского, алатырского и буинского уездных исполнительных комитетов совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов по вопросу о текущем моменте

Объединенное заседание симбирского губернского, алатырского и буинского уездных исполнительных комитетов при обсуждении вопроса о текущем моменте — постановило:

1) Принимая во внимание грозную опасность надвигающейся контрреволюции в лице чехословацких и белогвардейских банд, питаемых золотом англо-французских империалистов, когда на карту поставлено все завоеванное революцией и даже судьба самой социальной революции, собрание находит необходимым принять самые решительные и беспощадные меры пролетарской диктатуры ко всем врагам революции.

2) Заседание, находя необходимым бороться всеми решительными мерами с деревенской буржуазией, считает необходимым создание в деревне комитетов бедноты для концентрации классовых сил пролетариата в целях успешной борьбы за социалистическую революцию.

3) Заседание находит необходимым продолжать мобилизацию, так бы враги советской власти ни препятствовали таковой; заседание заявляет, что со всеми не явившимися мобилизованными будут расправляться как с контрреволюционерами. Заседание призывает все революционные силы встать с оружием на защиту советской власти, на защиту социальной революции.

Председатель объединенного заседания симбирского  
губисполкома, алатырского и буинского уездных

исполкомов **И о с и ф В а р е й к и с.**  
Секретарь **К а р п у х и н.**

## Не допускать возвращения помещика

### Воззвание

#### К о в с е м т р у д я щ и м с я

Граждане! Вы, кто собственным трудом добываете себе кусок хлеба, немедленно вставайте на защиту своих прав и свободы. В Симбирске, Самаре, Сызрани и других городах восстановлена старая власть помещиков и буржуа, которые с помощью штыков чехо-словаков мобилизуют наших детей, заставляют их с винтовками идти против своих братьев, отцов и матерей, заставляют под угрозой расстрела отбирать крестьянское имущество, чтобы вознаградить помещиков за отнятые у них богатства.

Крестьяне! Достоянием помещиков, когда делили их имущество, воспользовались не столько вы, сколько ваши однопольчане — кулаки, а расправлялись заставляют нас — самых бедных. Вы будете отработывать за ваших заводчиков барщину. Не верьте богатым, а спрашивайте бедняков, возвращающихся из занятых белогвардейцами городов и деревень, которые скажут вам всю правду, как очевидно, что рабочих и крестьян, возражающих против власти фабрикантов и дворян, они немедленно расстреливают. В каждой деревне ими отбираются все продукты, телеги и лошади.

Бедняки-крестьяне! Не спяйте времени, иначе будет поздно. Все, кто может освободиться от домашних работ, берите винтовки и идите защищать



свой хлеб. Опоздаете, — будете без хлеба и земли, так как все это будет отобра-  
но помещиками...

Организуйтесь сами, гоните палками от себя ваших богатых, лавочников,  
а если они все-таки будут вам противодействовать, немедленно арестуйте  
и конфискуйте их имущество. Всех врагов бедного люда расстреливайте без  
всякой жалости.

Карсунская военная коллегия Ревинский, Чемаев, Бутырев,  
Карсунцев, Сильной.

(АОР, фонд 393, д. 217, л. 136.)

## Разговор Тухачевского и Варейкиса по прямому проводу 20 августа 1918 года

У а п п а р а т а В а р е й к и с. Тов. Тухачевский! Вчера нами были  
получены сведения агентурой разведки о движении от Буинска неприятеля  
по направлению Ибреси-Алатырь. Нам нет возможности при отсутствии совер-  
шенно сил не только сопротивляться и охранять железную дорогу, но даже  
выставить сторожевые заслоны. Нет людей. Потому мы просим вас оставить  
у нас финнов, которые в настоящий момент успешно борются с появившимися  
кулацкими организациями Симбирской губернии. А также просим, если вы  
находите, чтобы наш штаб производит какие-либо операции, выслать хоть  
пятьсот человек пехоты. Артиллерия у нас найдется, легкой нет. А также  
просим дать распоряжение местному авиационному отряду делать под руко-  
водством штаба разведку на аэропланах по направлению Симбирск — Буинск.

Т у х а ч е в с к и й. Что касается финнов, то они мне необходимы. От-  
срочку можно дать. Вчера вечером от Вацетиса (подшли) значительные силы  
для Алатыря в виду его громадного значения в настоящее время. На счет аэро-  
планов уже отданы соответствующие распоряжения. Продолжайте разведку  
из Буинск и Симбирск, тайную и конную. Сейчас у меня резерва нет совер-  
шенно, но как только будет, обязательно подешью с вами. Прибыл Миронов.  
В настоящую минуту выдать может только 750 000. Посылаю к Вацетису.  
Пока досвидания; очень занят. Тов. Кузбашев просит вам передать привет.  
Всего лучшего.

В а р е й к и с. От нас Кузбашеву тоже привет, но скажите ему, чтобы  
он лучше прислал сил, ибо это важно в интересах нашей будущей борьбы на  
чехословацком фронте.

Т у х а ч е в с к и й. Надавно, как могу. Прекрасно понимаю значение  
Алатыря для 1-й армии.

(Ульяновский архив. Фонд Симбирского губисполкома, д. 6, л. 115—117.)

## 2. Взятие Симбирска

### Приказ командарма 1 о взятии Симбирска

1. При взятии г. Симбирска мы можем встретиться с уличным боем. Такой  
вид боя требует стойких и дисциплинированных войск, с твердым началь-  
ником во главе.

2. Поэтому командиры всех полков обязаны принять меры, чтобы их полки  
не ворвались в город в беспорядке.

3. Главные силы полков должны остаться за чертой города. В самый же  
город должны быть посланы команды из самых надежных красноармейцев,  
преимущественно коммунистов и обязательно с политическим комиссаром.  
Каждая команда должна иметь опознавательный красный флаг.

4. На главных улицах и площадях начальники команд ставят караулы.

5. При входе в город командир полка выставляет сильную заставу с пу-  
леметами, которые ни отдельным людям, ни командам не дают подходить ближе  
двухсот шагов, проверяя письменное разрешение командира полка на вход.



и город. Пытающихся проникнуть насильно жеставы. Безжалостно обстреливают пулеметным и ружейным огнем. Это единственный способ — не допустить в город мародеров и грабителей.

6. Город Симбирск будет занят, когда будет занята приставь. Поэтому направление движения команд от входа в город к пристави окончить и преследовать отступающего огнем через Волгу.

7. Красноармейцев, ходящих отдельно по улицам без письменного разрешения начальства, задерживать и расстреливать на месте без суда.

8. Все отдельные команды подчиняются команданту города, о назначении которого будет объявлено.

11 сентября 1918 года.

Командующий 1-й армией **Тухачевский**.

Политкомиссар армии **Калнин**.

(ЦАКА, д. 186, л. 48.)

## Симбирск освобожден

### Телеграмма т. Тухачевского

ИЗ ШТАБА СИМБИРСКОЙ ДИВИЗИИ. ПРИНЯТА 12 IX — 18. АТА-ТЫРЬ. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИМБИРСКОГО СОВДЕПА ВАРЕЙКИСУ, КОПИЯ — ПЕНЗА, СОВДЕП.

Двенадцатого сентября Симбирск взят. Пропу стов в город в кадетский корпус и принять управление городом № 0049.

Командарм **Тухачевский**.

Политком **Калнин**.

(Архив симбирского губисполкома. д. 25.)

## Восстановление советской власти в Симбирске

### Приказ № 1 губернского исполнительного комитета Симбирской губернии

После двухмесячного перерыва, в период которого господствовала контр-революция, благодаря ставным победим Красной революционной армии сорг-нуты наамиты англо-французских банкиров и гусисполком имеет возможность вновь развивать свою творческую революционную работу, обслуживать ин-тересы рабочих и крестьян Симбирской губернии.

1. С 15 сентября губисполком приступил к исполнению старых обяза-тельств, а также приказывает начать работу сего же числа всем комиссариатам и другим общественным учреждениям.

2. Завоывающие и служащие всех учреждений должны оставаться на своих местах до сдачи дел представителям советской власти. Уклоняющиеся будут преследоваться как соучастники контрреволюционной власти.

3. Все фабрично-заводские и частноторговые предприятия с сего числа должны функционировать. Владельцы, не исполняющие данные обязательства, лишаются своих предприятий, которые будут считаться собственностью Советской федеративной социалистической республики.

Председатель губисполкома **М. Гимов**.

Товарищ председателя **И. Варейкис**.

Секретари: **Н. Карпукин**, **П. Цыганков**.

(ЦАОР, ф. 303, д. 214, л. 402.)

## Всем рабочим и крестьянам Симбирской губернии

### Воззвание

Товарищи рабочие и крестьяне! Под натпором сил белой жанды контр-революции, под давлением племенных банд англо-французских империал, мы вынуждены были временно оставить гор. Симбирск, временно уступить свои позиции, перенести революционные баррикады!



Мы были сбиты с позиций, где с начала социальной революции, выражая вашу волю, творили общественную, революционную работу, где закрепляли свои революционные завоевания, добытые в кровавой борьбе с русской и международной буржуазией.

Два месяца назад нас постигла неудача, перепес сил оказался на стороне буржуазии, на стороне чехословацких банд, управляемых искусной рукой английских лордов и авантюристов, социалпредателей из числа членов Учредительного собрания.

Им тогда удалось свергнуть советскую власть, власть рабочих и крестьянской бедноты.

«Социалисты» из Учредительного собрания расстреляли сотни рабочих и крестьян Симбирской губернии, тысячи казанских рабочих в Казани.

Они упивались пролетарской кровью, метили расстрелами рабочим и крестьянам за то, что последние отняли землю, отняли фабрики и заводы, лишили их власти, которая давала им право безнаказанно, безудержно эксплуатировать массы бедноты.

Власть насильников вновь свергнута!

Наемные банды Дутовых, Лебедевых и других приказчиков буржуазии бегут в панике, охваченные ужасом перед могучими силами рабочих и крестьян!

Товарищи рабочие и крестьяне!

Час возмездия настал!

Час расплаты за пролитую священную кровь рабочих и крестьян, погибших славно на баррикадах революции, уже близок!!

Товарищи рабочие и крестьяне!

Встанем на защиту советской власти, на защиту социальной революции! Сплотимся вокруг революционного красного знамени!

Пусть кровь тысячи расстрелянных наших братьев и кровь наших великих вождей, на жизнь которых покушалась империалистическая клика, будет тем могучим цементом, который спаяет всех нас в одну могучую непобедимую армию.

Мы клянемся, что выполним с честью надежды погибших наших великих братьев и доведем революцию до победного конца над капитализмом.

Товарищи рабочие и крестьяне!

Враг разбит, он бежит в Сибирь под крыло англо-французских банкиров, но он не уничтожен окончательно.

Необходимо напрячь все силы и стереть врага с лица земли нашего социалистического отечества.

Товарищи! Мы победили, но опасность еще существует, она может разрастись, если мы не будем продолжать своей борьбы!

Товарищи! Все в ряды Красной армии, все к оружию!

Да здравствует беспощадная борьба с буржуазией!

Да здравствует советская власть!

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует коммунизм!

Сентябрь 1918 года.

Председатель губисполкома Г и м о в.  
Товарищ председателя И о с. В а р е й к и с.



### 3. Разгром белогвардейского контрнаступления

Боевая дружина симбирской организации большевиков — на фронт

Командир  
2-й отдельной  
сводной советской  
бригады.  
Сентября 17 дня  
1918 года.  
№ 107

#### УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие т. Лебедеву в том, что он с боевой дружиной симбирской партии коммунистов (большевики) в количестве 21 человека действительно направляется на левый фланг для совместных действий с одним из батальонов 1-го Орловского пехотного советского полка, что подписями и удостоверяется.

Командир бригады (подпись).  
Начальник штаба (подпись).  
Политический комиссар (подпись).  
Завед. опер. частью (подпись).

(ЦАКА, д. № 186, л. 68.)

Командир  
2-й отдельной  
сводной советской  
бригады.  
Сентября 17 дня  
1918 года.  
№

#### КОМАНДИРУ 1-ГО ОРЛОВСКОГО ПОЛКА

При сем посылаю вам 21 человек симбирской партии коммунистов (большевики) из боевой дружины для боевых действий при одном из батальонов вшего левого фланга.

Старший командир товарищ Лебедев.  
Командир бригады (подпись).  
Начальник штаба (подпись).  
Политический комиссар (подпись).  
Завед. опер. частью (подпись).

(ЦАКА, д. № 186, л. 69.)

Губисполком остается на своем посту

От президиума губисполкома

Распространяются слухи, будто исполнительный комитет совета оставил город. Подтверждаем, что таковой остается в Симбирске при исполнении своих обязанностей и лишь комиссары, ведающие отсутствием служащих, не функционируют. Президиум губисполкома помещается в доме Сахарова, Панская улица, при комитете коммунистов.

Гов. председателя губисполкома Иосиф Варейкис

(Газета «Известия симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов», от 24 сентября 1918 года, № 17, стр. 1.)

#### К оружию

Банды белогвардейцев, разбитые старшими революционными советскими войсками под Казанью и Симбирском, снова сосредотачивают свои силы, стекаются с расчетом восстановить свое положение на Волге и тем самым поднять свой престиж в глазах англо-французских банкиров.

Они мелкими, рассеянными по лесу, кучками поведут штурм на наши позиции, ограждающие подступы к Симбирску.

Повидимому, мечтают снова захватить Симбирск, снова повторить кровавые расправы с пролетариатом и деревенской беднотой.



**Но тщетны усилия.**

Упования паче пролетариата, несмотря на их страстные стремления, останутся лишь упованиями. Наши революционные войска знают, какое значение имеет для наших военных операций Симбирск, и потому взять его бело-гвардейцам возможно будет, перешагнув через наши трупы.

Поскольку в нас бьется сердце, поскольку мы в силах поднять винтовку, мы Симбирска не отдадим..

Каждому пролетарию, кому дорога революция, путь один:

**На баррикады.**

На грохот, вражеских пушек мы ответим мощным призывом:

**К оружию!**

**Трусам нет места в наших рядах.**

Трусы, сеющие панику, являются изменниками, сообщниками контр-революции, и мы с ними должны расправляться как с врагами.

Товарищи, грохот пушек нас не устрасит, а лишь пробуждает силу и энергию для новых славных побед.

**Иосиф Варейкис.**

**5-я армия идет на помощь красному Симбирску**

**Приказ по войскам 5-й армии Восточного фронта № 09**

**г. Казань, 20 сентября 1918 года**

1. Сведений о противнике не поступало.

2. Командующему правобережной группы Вахромееву приказываю: все части правобережной группы с артиллерией и обозами собрать в село Богородское для посадки на пароход с целью движения на присоединение с шихранской группой для следования в Симбирск.

Тов. Вахромееву принять под свое командование шихранскую группу, которая должна быть собрана в Тетюшах.

3. Командующему транспортной флотилией немедленно представить все свободные пароходы, которые надлежит подать на пристань Богородское для погрузки частей правобережной группы с артиллерией и обозами и отправки в Симбирск.

4. Оставшиеся части правобережной группы, не погрузившиеся за неимением мест на пароходах, должны немедленно двигаться на пароходах на Симбирск в распоряжение командующего названной группой Вахромеева.

5. Командующему волжской флотилией (военной) Раскольникову выслать катера с трапами для обеспечения безопасного движения десанта от села Богородское на Тетюши и далее на Симбирск.

О времени высылки катеров известить командующего правобережной группой Вахромеева.

6. Установить телеграфную связь через Тетюши.

7. Об исполнении довести.

**Командир Славин.  
Наштарм Андерсон.  
Политком (подпись).**

**(ЦАКА, 49/014, л. 19.)**

**Командарм 1 Тухачевский готовит окружение и разгром белых**

**Телеграмма командира 1 главковерху Вацетису**

**ИЗ СЫМБИРСКА. АРЗАМАС. 22 СЕНТЯБРЯ 8 Ч. 30 М.**

Части вверенной мне армии энергично развивают свои успехи. Занята с боями линия Тереньга—Сенгилей—Чердаклы—Тетюши—Буинск. Сегодня флот прибыл в мое распоряжение, но части пятой армии совершенно не



желают выполнять своей задачи. Их нигде не видно и связи с ними я никак не могу установить.

Тем временем я уже начал известную вам операцию и соответственно перебросил силы, надеюсь, что ваш приказ о занятии Бугульминской железной дороги будет своевременно выполнен. Однако сейчас противник, подтянув силы, энергично наступает на наши левобережные ослабленные части у Чердаклы и теснит их.

Такое отношение к вашим приказам может привести к катастрофе. Прошу энергично воздействовать на пятую армию и перебросить ее силы на пароходах в Симбирск, а также сильный отряд трех родов войск на Головинку для действия на Чердаклы с севера не позднее ночи с 22 на 23 сентября. Самая незначительная энергия пятой армии уже повлечет крах противника и отдаст нам Мелекес. Главное же — даст возможность в два-три дня выполнить мой план и ваш приказ.

Прошу также экстренно выслать из Нижнего в Казань в мое распоряжение 10 новых пассажирских пароходов и 20 буксирных самых новых, крепких и быстроходных. Это необходимо для операции. Вместе с судами необходимо выслать соответствующее количество нефти, которой здесь нет.

Командир первой Тухачевский.

(ЦАКА, д. 53.26, л. 47.)

### Телеграмма

ИЗ СИМБИРСКА. АРЗАМАС. ГЛАВКОВЕРХ ВАЦЕТИСУ 22 СЕНТЯБРЯ, 8 Ч. 30 М.

Части вверенной мне армии энергично развивают свои успехи. Занята с боями линия Тереньга—Сенгилей—Чердаклы—Тетюши—Буинск. Такая линия для незначительных сил, взявших Симбирск, непосильна. Сегодня флот прибыл мое распоряжение, но части пятой армии совершенно не желают выполнять своей задачи. Их нигде не видно и связи с ними я никак не могу установить. На моем участке Симбирск—Буинск телеграф исправлен, из Буинск—Казань не действует. Тем временем я уже начал известную вам операцию и соответственно перебросил силы, надеюсь, что ваш приказ о занятии бугульминской железной дороги будет своевременно выполнен. Однако сейчас противник, подтянув силы, энергично наступает на наши левобережные ослабленные части у Чердаклы и теснит их. А частей пятой армии не видно и не слышно. Такое отношение к вашим приказам может привести к катастрофе. Прошу энергично воздействовать на пятую армию и перебросить их силы на пароходах в Симбирск, а также сильный отряд трех родов войск на Головинку для действия на Чердаклы с севера не позднее ночи с 22 на 23 сентября. Самая незначительная энергия пятой армии уже повлечет крах противника и отдаст нам Мелекес. Главное же — это даст мне возможность в два-три дня выполнить мой план и ваш приказ. Прошу также экстренно выслать из Нижнего и Казани в мое распоряжение 10 новых пассажирских пароходов и 20 буксирных, самых новых, крепких и быстроходных. Это необходимо для операции. Вместе с судами необходимо выслать соответствующее количество нефти, которой здесь нет. Жду ответа. Исполнение просимого необходимо.

Командир первой Тухачевский.

(ЦАКА, д. 53.26, л. 47.)

### Перегруппировка правобережной группы 5-й армии

Командующему правой группой Матиясевичу

23/IX 1918 ГОДА № 16. КАРТА 10 ВЕРСТ В 1.

Части 1-й армии энергично развивают свой успех в каждом направлении от Симбирска. Противник со стороны Мелекеса перешел в наступление. Частям пятой армии приказано перейти немедленно в наступление по желез-



ной дороге на Чердаклы—Бряндино. Группу первого боевого участка, которая уже погружена на пароходы и находится в Богородском, немедленно двинуть по р. Волге, высадить в районе Головкина и направить в направлении на Чердаклы—Бряндино. По занятии указанных станций телеграфировать штаб 1-й армии и уведомить штаб 5, продолжая энергичное наступление на Бугульму. Остальную часть правой группы по мере приближения к Симбирску направлять по железной дороге на присоединение к группе первого боевого участка. Товарищ Вахромеев остается в вашем распоряжении сроком на одну неделю в качестве вашего помощника. Погруженные пароходы немедленно двинуть на Симбирск, не дожидаясь тралов с катерами, так как путь водный совершенно свободен. Шихранская группа сосредоточена в Тетюши,—сделайте на месте распоряжение об отправлении пароходами совместно с частями правой группы.

Командарм Блюмберг.  
Политком Кизильштейн.  
Наштаб 5 Андерсон.

(ЦАКА, д. 40/619, л. 21.)

## Правобережная группа 5-й армии под Симбирском

Разговор (без указания лиц, числа и времени)

Части правой группы кроме тех, которые наступают на Чердаклы, сосредоточены вместе с командующим группой Матиясевичем у села Ундоры, что севернее Симбирска на 25 верст. Вчера послано приказание войти в связь с частями 1-й армии. По донесению Матиясевича, полученному мною вчера, город Симбирск и берег реки Волги севернее Симбирска находились под обстрелом противника. Повидимому, это и мешало Матиясевичу выгрузить остальную группу в Симбирске для операций на железной дороге и сменить здесь части 1-й армии. Постарайтесь также войти в связь с Матиясевичем, штаб которого, возможно, перенес к пристани у Головкина на пароходе «Александр», если водный путь от Симбирска до штаба Матиясевича позволит движение катерами.

Сейчас сделаю распоряжение направить части в Симбирск, продолжая операции на Чердаклы с целью отрезать путь противнику. Вас попрошу послать на катере связь к Матиясевичу с результатами нашего разговора, что значительно ускорит дальнейшие его действия.

(ЦАКА, д. 1/736, л. 139.)

## Белогвардейцы окружены и разгромлены

Выписка из приказа по войскам 5-й армии Восточного фронта № 010

Казань. 25 сентября 1918 года

1. По сведениям главные силы противника отходят к Бугульме. В районе Симбирска противник потеснил части 1-й армии к Часовне.

В районе Чистополь—Спасек противник продолжает отход. Части 1-й армии ведут операцию против Сызрани. Части 2-й армии очистили от противника течение всей реки Вятки и, заняв у ее устья Соколы Горы, преследуют бегущего противника на Елабугу, которая, можно полагать, занята нами.

2. На пятую армию возложена задача — правой группой наступать от Симбирска по железной дороге на Бугульму и овладеть последней.

Левой группе — наступать от Чистополя также на Бугульму с целью облегчить операции правой группе.

3. Приказываю:

Правая группа тов. Матиясевича. Выделить отряд в триста штыков при одной легкой батарее и пятьдесят человек конных высадить в районе Головкина и энергично наступать на станцию Чердаклы —



Бряндино. Всей правой группе, сосредоточившись в районе Симбирска, немедленно перейти в самое энергичное наступление вдоль железной дороги на Бугульму с ближайшей задачей овладеть станцией Мелекес и далее г. Бугульмой.

Командарм 5-й Б л ю м б е р г.  
Наштарм А н д е р с о н.  
Политком М и х а й л о в.  
(ЦАКА, д. 44 010, д. 25.)

Командующему правой группой тов. Матиясевичу

26 IX, № 27 Казань. Карта 10 верст в 1 дюйме. 17 час.

Ваши донесения № 4 и 27 м, 1 н, 2 н и приказ 10 получены. Приваляю возможно энергичнее наступать от Головкина на Чердаклы. Прервать железнодорожный путь и действовать в тыл противнику, оперирующему у Часовни.

Для обеспечения своего тыла выставить заставу в сторону Бряндина. Принять все меры — не выпускать противника, оперирующего между Симбирском и Чердакly. Необходимо войти в связь с Вахромеевым, поручив ему содействовать вашей операции направлением на Чердаклы с юга. Войти в связь с частями первой армии в Симбирске. Завтра направлю в ваше распоряжение еще 5 маршевых рот. Мазут высылается.

Еще раз подтверждаю возможно энергично наступать.

Командарм Б л ю м б е р г.  
Политком М и х а й л о в.  
Наштарм А н д е р с о н.  
(ЦАКА, д. 40 619, л. 26.)

## Десантные операции под Симбирском

Выписка из оперативной сводки к 22 час. 27 сентября

Десант, высадившийся на правом фланге, занял с боем деревню Петровское Сучья, где было две сотни пехоты и 60 кавалеристов. На железнодорожном направлении 25 сентября в 2 часа противник взорвал часть моста, перекрывавшего прилегающую к левому берегу на протяжении 30 сажен. 26 сентября противник обойден с обоих флангов, разбит и панически бежит через Чердаклы. Наш левобережный десант занял деревню Малиновка—Новиковка № 1700.

Наштарм К о т и ц к и й.  
Политкомиссар М а з о.  
(ЦАКА, д. 53/26, л. 58.)

## Красная армия освобождает Поволжье

Политическая сводка по фронту 5-й армии к 20 час. 10 октября 1918 года

П р а в а я г р у п п а. Наши войска продолжают следовать за стремительно бегущим противником. Солдаты полны революционного духа. Настроение крестьян, в особенности бедноты окрестных местностей, отличное. Отношение к Красной армии хорошее. В селах и деревнях организуются комитеты бедноты и избираются совдены. Кулаки разбежались, оставив свое имущество, которое берется на учет. При вступлении в Мелекес наши войска были встречены местными рабочими с музыкой, но без красных флагов, так как обе тара все красное разорвали. На собрании крестьян деревень Среднее и Малое Уренбаши, Озеровской волости, Ставропольского уезда, 5 и 6-го избирательных комитеты бедноты, которые, получив инструкции от агитаторов и агитгруппа группы, немедленно приступили к работе. Вынесены резолюции с выражением



приветствия Красной армии, советской власти и вождю социалистической революции Ленину.

**Л е в а я г р у п п а.** Наши части продолжают вести успешное наступление на Бугульму. С боем занято Ольметьево, захвачены два пулемета. Противник, понеся потери, отступает. Нашими частями заняты Кузьминовка, Кувак, Подлесная и Сережкина. В Чистополе почти все советские учреждения восстановлены и начали правильно функционировать. Партийный комитет также организован и приступил к работе. 5 октября состоялся чрезвычайный крестьянский съезд. Крестьянство доставляет нам в большом количестве хлеб по твердым ценам. Приступлено также к организации комитетов деревенской бедноты. По селам командированы партийные товарищи для организации комитетов и для распространения декретов и литературы среди крестьян. Приступлено к предвыборной агитации по выборам в уездный совдеп. В Чистопольском уезде во всех волостях и деревнях наблюдалось раньше засилие кулаков, а также на крестьян имела сильное влияние агитация левых эсеров. Необходимо произвести чистку от негодных элементов, что в значительной степени облегчается тем, что, как и везде, большинство кулаков бежало вместе с белоэсерами. Со времени организации в конце сентября при политическом отделе армии чувашского подотдела последним выпущено 4 номера газеты «Тухансен Сасси», а также переведено несколько воззваний, которые распространяются среди чувашского населения от 5000 до 10 000 экземпляров. Газета пользуется успехом среди крестьян, которые приезжают за ней из деревень сами. Образован также чувашский коммунистический комитет, в котором уже насчитывается до 70 членов.

Заведующий политическим отделом **А б р а м о в.**  
Заведующий информационным отделом **К а с о в.**

## Рабочие и крестьяне приветствуют Красную армию

### Резолюция заводского рабочего комитета

Мы члены заводского комитета в г. Симбирске с замиранием сердца следим за вашими доблестными победами. Шлем горячий привет нашим доблестным товарищам, грудью защищающим завоевания и интересы рабочего класса России. Мы твердо верим в конечную победу над всемирным капиталом и контрреволюционной бандой, продавших себя во власть хищников и империалистов.

Да здравствует славная Красная армия!

Смерть всем контрреволюционерам всего мира!

28 сентября.

Председатель } (подписи).  
Секретарь }

(АОР, ф. 393, д. 214, л. 23.)

## О продовольствии и комитетах бедноты

Выписка из протокола № 99 симбирского губисполкома от 30 сентября 1918 года

Заслушав доклад заведующего отделом продовольствия Петрова, губисполком постановил: признать необходимым губпродкому совместно с отделом управления губернией приступить к организации деревенской бедноты. При содействии чрезвычайной следственной комиссии и коммунистической партии начать работу по монополизации хлеба, причем просить начдива Железной Гая об освобождении хотя бы части продовольственных отрядов. За получением разного рода директив предложить заведующему отделом продовольствия командировать члена коллегии в центр. Вместе с тем губисполком постановляет принять меры к запрещению частной торговли хлебом и другими предметами первой необходимости. Вопрос об утверждении членов коллегии губпродкома перенести на обсуждение фракции.

(АОР, ф. 393, д. 214, л. 44.)



## Резолюция, принятая на общем собрании села Тереньги

Заслушав доклад тов. Абросимова по текущему моменту, мы, граждане села Тереньги, постановили:

1) Признавая политику Совнаркома правильной, мы, граждане села Тереньги, все, как один человек, готовы встать с оружием в руках на защиту советской власти и социальной революции.

2) В то время, когда наша Тереньга была занята белогвардейскими и чехословацкими бандами, мы поняли, что эти англо-французские наемники снова хотели отнять у нас завоеванные права, землю и волю и закабалить нас в то вековое рабство, из которого мы только что сумели вырваться благодаря Октябрьской революции, а потому мы постановили: если потребуются для борьбы с этими бандами люди, мы отдадим все лучшие силы в ряды Красной армии.

3) На белый террор мы ответим буржуазии массовым красным террором и этим заставим замолчать наших вековых врагов перед беднейшим крестьянством и рабочими.

4) Мы, граждане села Тереньги, до тех пор не сложим оружия, пока не добьемся полной победы над буржуазией и торжества пролетариата всего мира.

Да здравствует социальная революция!

Да здравствуют великие вожди всемирной революции!

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует торжество трудящихся всего мира!

Да здравствует социалистическая Красная армия!

Председатель собрания С. А. Балабанов. Секретарь В. Ситков.

*(«Известия» симбирского совета от 6 октября 1918 года.)*

## Крестьяне о владычестве «учредилки»

Постановление общего собрания деревни Екатериновка, Подкуровской волости, Симбирского уезда, от 28 октября 1918 года

Мы, жители деревни Екатериновка, приветствуем политику Совета народных комиссаров. Мы, только что освободившиеся от гнета предательских чехословацких банд, заявляем всему миру и всем трудящимся: Товарищи, не проспите, как и мы в свое время проспали и допустили к власти эти грязные белогвардейские банды защитников буржуазной сволочи. Под предлогом защиты отжившей свой век учредилки они приносили нам рабство и угнетение трудящихся масс.

Мы, отведавшие власть учредилки, во всеуслышание заявляем, что белогвардейцы делили нас на классы бедняков и богатых. Богачей сажали к власти и по указке вернувшихся помещиков, по указке кулаков, мы, бедняки, расстреливались, хотя были ни в чем не повинны. Мы, беднота, при нашествии белых и чехов лишены были общественных собраний, они всячески издевались над нами.

Товарищи, нам не в силу было переносить все лишения, так как появились во всех своих правах все помещики! Товарищи солдаты, те, которые были в царской армии, знайте, что белогвардейцы и чехи допытывались о всех демобилизованных, кто в какой части находился, и тех солдат, которые находились в революционных частях, расстреливали на месте.

Товарищи, мы еще раз заявляем, что мы были залиты кровью. Смерть и проклятие грязным бандитам-золотопогонникам! Да будут они прокляты эти приспешники капитала!

Шлем сердечный привет нашим освободителям-красноармейцам. Мы, беднота деревни Екатериновка, все, как один человек, выражаем сочувствие и благодарность нашим истинным борцам и вождям — коммунистам-большевикам.

Да здравствует мировой вождь т. Ленин! Да здравствует власть советов!

Да здравствует Красная армия! Да здравствует организация бедноты!

Председатель совета Горячев. Секретарь М. Сафонов.

*(АОР, ф. 393, в. 216, л. 127.)*



## Тухачевский о военной работе симбирского комитета партии

### Письмо Варейкису

Приказом Революционного военного совета Республики я назначен помощником командующего Южным фронтом. Уезжая и покидая Симбирскую губернию, с таким напряжением обороняемую и наконец возвращенную советам, в вашем лице, товарищ Варейкис, искренно и горячо благодарю симбирский комитет нашей партии.

Я открыто говорю, что дело создания 1-й армии и изгнания контрреволюции никогда не могло бы осуществиться, если бы симбирский комитет партии и исполком не пришли на помощь.

Но в том единомыслии, какое у нас с вами было, мне легко было работать. Правда, нам не удалось отстоять в июле Симбирск, но за это короткое время вы дали возможность заложить фундамент 1-й армии, которая благодаря этому через полтора месяца выросла в стройное здание и отвоевала себе блестяще Симбирск.

То, на что мы решились в начале июля, то есть использование бывших офицеров, и общая мобилизация, то же самое было проведено центром лишь в ноябре.

Таким образом, товарищ Варейкис, я смотрю на вашу деятельность лично и деятельность партии при защите Симбирска, как на блестяще выполненную работу, послужившую общегосударственным опытом. Мне лучше всех известно, как работали симбирские парторганизация и исполком при защите Симбирска, и все клеветники будут осуждены историей.

Еще раз горячий привет всем дорогим товарищам коммунистам, с которыми пришлось так много трудиться и работать рука об руку в борьбе с контрреволюцией за идеи коммунизма.

Крепко жму вашу руку, с товарищеским приветом.

Командующий 1-й армией Тухачевский.

11 февраля 1919 года.

(Архив Ульяновского исторического революционного музея.)





## О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
82	34 сверху	Новодевичьи	Новодевичье
86—89	9, 24 сверху	Корицкого	Карибского
103	10 и 25 сверху	Назапкино	Назайкино
173	18 снизу	5—6 месяцев	3—4 месяца
207	10 снизу	выслать разведку на фронт	выслать разведку на фланг
221	9 сверху	город эвакуируется в Казань	городской совет эвакуируется в Казань
228	10 сверху	представляли особой	представляли собой
	14 снизу	Куртяновича	Куртяновича
334	8 сверху	Сильной	Сильнов
335	5 сверху	к пристани окопать и	к пристани, где окопаться и
341	16 снизу	Котицкий	Корицкий
344	11 снизу	партии	организации